

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 2

Екатеринбург
1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

**УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 2

Культура провинциальной
России

Екатеринбург
1995

Уральский исторический вестник. № 2

Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии. 1995.

ISBN 5-7691-0550-X, ISBN 5-85865-086-4

Предлагаемый читателю выпуск посвящен различным аспектам истории культуры: производственной культуре и быту, политико-правовой культуре, просвещению и грамотности.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и школ, а также всех, интересующихся историей.

Главный редактор:

член-корреспондент РАН В.В.Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е.Т.Артемов,
д.и.н. А.В.Бакунин,
к.и.н. А.Ф.Шорин,
д.и.н. К.И.Куликов,
д.и.н. Н.А.Миненко (зам. главного редактора),
к.и.н. А.Д.Напалков,
к.и.н. Б.Б.Овчинникова,
к.и.н. И.В.Побережников (ответственный секретарь),
д.и.н. В.В.Рабцевич,
к.и.н. И.Л.Маньнова,
к.и.н. Г.Н.Чагин.

У 10604-091-(95) ПВ-1995
8 П6 (03) 1993

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

В силу множества историко-генетических, природно-климатических, экономических, этносоциальных и других причин культура России никогда не была однообразной как по характеру ценностей, так и по организации культурной жизни, формам развития. Напротив, она всегда представляла собой богатейший спектр национальных и региональных культур. Культурное разнообразие являлось одной из предпосылок интеграционных процессов, ибо однородное пространство не создает условий для обмена информацией, продуктами и услугами. Культурная самобытность регионов не приводила к региональному, локальному замыканию, напротив, она способствовала преодолению отчуждения населения от достижений мировой и российской культуры, утверждению в сознании каждого чувства причастности к истории и традициям своего края, своей родины.

Как никогда актуально проблема национальных, региональных культур звучит сегодня, в условиях глобальных перемен, поиска новой самоидентификации россиян. Как мне представляется, развитие регионального самосознания будет содействовать созданию надежной базы для национальной самоидентификации и сплочения, поскольку территориальные образования в данном случае воспринимаются как неотъемлемые в социокультурном отношении части единого государства.

В свою очередь, развитие регионального самосознания невозможно без изучения исторического опыта, сохранения, реконструкции и актуализации историко-культурного наследия регионов, российской провинции. Данный выпуск "Уральского исторического вестника", посвященный культуре провинциальной России, призван в какой-то степени содействовать решению указанной задачи. Большинство статей номера с самых разных точек зрения рассматривает указанную проблему. Издание открывается теоретико-методологическими статьями Л.Н.Когана и К.И.Зубкова. Л.Н.Коган, исходя из понимания культуры как общественного самовоспроизводства человека, определяет особенности ее функционирования в советский период. Несомненную оперативную ценность для исследователей меняющегося общества имеет публикация К.И.Зубкова, в которой на методологическом уровне рассматривается соотношение модернизации и либерализма.

В статьях Н.А.Миненко, А.М.Сафроновой, И.В.Побережникова, Т.А.Тарабановой, Д.В.Гаврилова, А.В.Бакунина проанализированы различные аспекты культуры российской провинции (преимущественно Урала): этнокультурные взаимодействия, факторы культурного развития, политико-правовая культура, социальные надежды и чаяния традиционных сообществ, развитие просвещения и образовательный уровень населения, роль и место интеллигенции в политической системе.

В статьях А.С.Мыльникова и В.В.Алексеева на основе новых документов пересматриваются старые версии гибели двух российских императоров Петра III и Николая II.

В номере помещены также публикации источников по истории культуры, материалы в помощь преподавателям школы, рецензии и обзоры научных конференций.

Вениамин Алексеев.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Л.Н.Коран

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Наша эпоха – эпоха интеграции разных научных дисциплин. В естественных и общественных науках эта интеграция идет далеко не одинаковыми темпами: общественные науки значительно более разобщены, чем естественные или технические. Однако в современный период положение начало существенно изменяться к лучшему. В частности, все более крепкими и плодотворными становятся творческие связи между историками и теоретиками культуры. Более того, уже нередки случаи, когда историки пишут превосходные работы по теории культуры, а теоретики культуры – по ее истории. Достаточно назвать для подтверждения этой мысли имена С.Аверинцева, Л.Баткина, М.Бахтина, А.Гуревича, Д.Лихачева, В.Межуева и др. На Урале сложился значительный, хорошо известный в стране отряд историков культуры, определенный опыт имеют и уральские специалисты по теории культуры. Я рискнул выступить с этой статьей в историческом журнале для того, чтобы начать конструктивный товарищеский диалог с моими коллегами – историками. Ведь мы, в конце концов, служим одной науке – культурологии, которая включает в себя историю, социологию и теорию культуры. Разумеется, ряд положений этой статьи может стать предметом дискуссии, ибо автор и ставит их в порядке обсуждения. А обсуждение теоретических проблем культуры сегодня крайне необходимо. "Культуре свойственно, на известной стадии своего пути, как бы сомневаться в своих основах и разлагать эти основы", – писал Н.А.Бердяев¹. Такие "стадии" прежде всего – переломные эпохи истории, подобные той, которую мы переживаем сегодня. Не случайно поэтому и сомнения в некоторых считавшихся еще недавно незыблемыми "основах" культуры.

Разумеется, в рамках небольшой журнальной статьи невозможно обсудить все вопросы, которые могут стать предметом диалога теоретика и историка культуры. Поэтому я останавлиюсь на четырех из них, а именно на понятии культуры, вопросе о том, можно ли "строить" культуру, проблеме контркультуры в России советского периода, вопросе о возможности "управления" культурой.

I. КУЛЬТУРА КАК МИР ЧЕЛОВЕКА

В большинстве работ историков до сих пор еще господствует давно опровергнутое мировой культурологией понятие культуры как "совокупности духовных ценностей". При таком подходе культура превращается в своеобразный музей, сохраняющий ценности духовной культуры прошлого без учета реального состояния и уровня культуры современной эпохи. Из культуры выпадает при этом целый слой – материальной культуры. Сфера культуры до сих пор нередко ограничивается только гуманитарной культурой, а подчас – только литературой и искусством.

Этим самым культура, наряду с бытом, превращается в часть сферы услуг ("культурное обслуживание"). Такой подход к культуре противоречит не только мировой, но и отечественной традиции ее исследования. Говоря о "деятеле куль-

туры", обычно имеют в виду деятеля искусства, а отнюдь не ученого или журналиста. Такой установившийся в течение десятилетий советского режима подход к культуре рассматривал человека как пассивного "объекта" культуры, потребителя ее ценностей. Человек рассматривался как зритель, слушатель, посетитель, читатель, словом, как объект "культурного обслуживания", а отнюдь не как Человек культуры — ее реальный субъект и носитель. Да и "развитие культуры" интерпретировалось как постоянное увеличение мест в залах клубов, театров и кинотеатров, а, следовательно, и числа "обслуженных" сферой культуры людей.

Сейчас при всех разногласиях в частных вопросах и особенно — в дефинициях отечественные культурологи едины в понимании культуры как общественного самовоспроизводства человека². Она обеспечивает его вхождение в социум (социализацию) и обретение им своего неповторимого "я" (индивидуализацию). Человек как бы "удваивает" мир, в котором он живет, ибо он создает особый мир культуры, который и является, собственно говоря, специфическим миром Человека. В этом мире существуют особые пространственно-временные отношения: мы можем общаться с Гомером и Платоном, с Эсхилом и Бетховеном, сопереживать жизнь жителя Бразилии или Японии...

Культура регулирует всю жизнь человека с первых лет его жизни вплоть до последнего вздоха. Есть два противоположных взгляда на культуру: для одних (Ф.Ницше, З.Фрейд) культура — прежде всего система запретов, "табу", ограничивающих свободу человека. Для других же философов (а их подавляющее большинство) она, наоборот, является условием свободы человека, ибо без необходимых запретов (когда "все дозволено") ни о какой свободе говорить невозможно.

Русские философы "серебряного века" (Н.Бердяев, С.Булгаков, С.Франк и др.) полагали, что культуру следует рассматривать как синоним духовного мира человека, ибо при таком ее понимании из сферы культуры вообще выпадает вся материальная жизнь общества. С другой стороны, нельзя согласиться с распространенной интерпретацией культуры как "совокупности материальных и духовных ценностей", поскольку в этом случае культура окажется синонимом понятия "общество".

Материальные ценности можно представить как тексты, сообщающие о знаниях, эстетических взглядах, вкусах человека той или иной эпохи. Н.А.Бердяев писал: "Всякая культура (даже материальная) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями"³. Но, соглашаясь с этой мыслью, нельзя забывать, что вся культура опредмечена в той или иной знаковой системе. В культуре весьма относительно разделение ее материальной и духовной составляющих, между ними существует ряд интегрирующих их переходных форм (например, архитектура, дизайн). Сведение культуры к совокупности ценностей, накопленных человечеством, превращает ее в музей, в хранилище, между тем культура — живая человеческая деятельность и созданные ею результаты (ценности). Культура характеризует качество человеческой деятельности в разных сферах общественной жизни, степень соответствия этой деятельности общепринятым нормам и образцам. В этом смысле мы говорим о культуре труда рабочего, педагога, врача, продавца и т.д. Культура регулирует поведение человека, его отношение к другим людям, к обществу, государству, быту...

Таким образом, она существует и в живой, и в опредмеченной форме, характеризуя и саму деятельность людей, и ее результаты, т.е. созданные им материальные и духовные ценности. Создавая их, люди следуют определенным нормам, канонам, стандартам. Однако культура означает и преодоление этих традиций и стандартов, выход за их рамки в ходе творчества в материальной и духовной сфере.

Я полностью солидарен с подходом к средневековой культуре А.Я.Гуревича: в его книгах раскрываются как установки, так и способы поведения людей этого

времени⁴. К сожалению, такой анализ далеко не всегда можно встретить в работах историков культуры. Движение культуры – постоянный переход деятельности в определенные формы, дающие основание для новой деятельности.

Приобщение к культуре начинается с осознания связи человека с другими людьми, с обществом. Культура – личное достояние индивида, его духовный мир, но в то же время любая ценность культуры представляет собой общее достояние. Выдающийся русский писатель М. Пришвин в "Дневнике" 1939 г. очень тонко и верно заметил: "Культура – это сознание того, что жизнь не есть личная твоя собственность"⁵. Именно благодаря культуре индивидуальное возвышается до социального: человек становится членом социума – определенной социальной общности.

Человек – и субъект и объект культуры. Творя, создавая культурные ценности, он опредмечивает свое духовное богатство, свои мысли, идеалы, ценностные ориентации. Осваивая же культуру, он "распредмечивает" ее ценности и этим обретает свое духовное богатство. Культура и есть тот "мостик" от индивидуального к социальному и наоборот, который неразрывно связывает индивида с другими людьми, с обществом в целом.

Культура – обмен "сущностными силами" – способностями, знаниями, умениями, социальными чувствами – между людьми, она существует всегда в диалогической форме. Читая роман или научную статью, слушая музыку или политический доклад, я вступаю хотя бы в мысленный диалог с их создателями, соглашаюсь или спорю с ними. Этот диалог не знает ограничений ни во времени (читая Платона или Аристотеля, я веду диалог с ними), ни в пространстве. Этот обмен касается не только знаний – достоянием культуры каждого народа являются особенные, специфические черты образа его жизни, его обычаи, привычки, обряды, ритуалы, его одежда, убранство жилища, национальная кухня. Благодаря изучению культуры любого народа мы приобщаемся к его образу жизни.

Культура – социальная память народа и в то же время – механизм трансляции, передачи социального опыта от одного поколения – другому. В культуре проявляется связь поколений, а в особенностях вклада каждого из поколений в национальную культуру – различия между поколениями. Благодаря языкам культуры осуществляется передача любой информации – политической, научной, художественной, религиозной, технической и пр. Культура – та "призма", сквозь которую мы смотрим на те или иные явления мира или поступки людей, давая им определенную оценку.

Как видим, культура выступает весьма многоплановым, многофункциональным общественным явлением. Этой многогранностью во многом объясняется множественность определений культуры как общественного явления. Нередко авторы работ о культуре считают эту множественность определений показателем неразработанности проблем культуры. Я бы не согласился с таким выводом. Разные авторы кладут в основу культуры одну из ее функций, другие – другую, третьи – третью. Можно ли говорить о культуре как о символической знаковой системе, передающей информацию? Конечно, ибо такая функция действительно присуща культуре. Столь же неоспоримо понимание культуры как нормативной системы, регулирующей человеческую деятельность или же подход к ней как к системе коммуникаций между людьми... Я говорил выше о культуре как о чело-векотворчестве, самовоспроизводстве человека, отнюдь не отрицая других функций культуры.

Понимание культуры осложняет и многообразие видов культуры, которых существует столько же, сколько специфических видов человеческой деятельности. Каждому виду деятельности соответствует определенный вид культуры. Вместе с тем культуру можно рассматривать как инвариант всех видов человеческой деятельности.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что культура каждой эпохи включает в себя не только "ученую", создаваемую образованными людьми, интеллигенцией культуру, но и культуру народную, фольклорную⁶.

Но как создается новая культура? Возможно ли ее "строительство" по заранее разработанному плану?

II. МОЖНО ЛИ СТРОИТЬ НОВУЮ КУЛЬТУРУ?

Термин "культурное строительство" прочно вошел в отечественную обществоведческую литературу. Истоки этого термина восходят к "организационной теории" А.А.Богданова. Культура класса, по Богданову, — "это вся совокупность его организационных форм и методов"⁷. Пролетариат создает, "строит" свою собственную культуру, заменяя старые, буржуазные формы и методы организации опыта своими, пролетарскими. Это и есть, с его точки зрения, культурное строительство.

О "строительстве" и буржуазной, и пролетарской культуры писали и теоретики коммунистической партии, и видные деятели коммунистической партии Н.И.Бухарин, А.В.Луначарский, Л.Д.Троцкий⁸ и др. Термин "культурное строительство" обосновал возможность в результате активной "строительной" работы в кратчайший исторический срок ликвидировать старую культуру и заменить ее новой, социалистической. Луначарский в статье "Еще к вопросу о культуре" полностью отождествляет создание новой культуры с процессом строительства "нового здания". Он уверяет, что преодолевая сопротивление буржуазии, рабочий класс "... будет класть первые тяжелые камни фундамента..."⁹. Термин "культурное строительство" фигурирует во многих государственных и партийных документах советского периода.

Термин "культурное строительство" не просто неудачен, он принципиально ошибочен. Глубоко неверно представлять себе создание новой культуры как исполнение какого-либо заранее умозрительно разработанного чертежа или плана. Заметим, кстати, что никакого определенного "плана" создания новой культуры у партии после революции не было. Развитие культуры как часть мировой истории есть естественно-исторический процесс. Можно построить любое количество новых театров, клубов, библиотек и т.д., можно посадить за парты тысячи "ударников литературы" из среды рабочих и издать их творения (что, кстати, и делалось), но это никоим образом не будет созданием ("строительством") новой культуры.

Создание новой культуры — сложный и многоэтапный процесс, который означает не только коренное изменение духовного производства, содержания производимых культурных ценностей, но и духовного мира потребителя культуры, его потребностей, интересов, вкусов, симпатий и антипатий, ценностных ориентаций. Короче, необходимо коренное изменение мировоззрения и духовного мира миллионов людей. По указу или директиве "сверху" такие изменения произойти не могут.

Формирование новой культуры проходит несколько этапов. Выделим хотя бы главные из них.

1. РОЖДЕНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ. Первые элементы новой культуры в совокупности утверждают ее основные мировоззренческие, религиозные, философские, этические, художественные и т.д. принципы. Зарождается парадигма новой культуры, черты нового культурного универсума. Создателями новой культуры выступает передовая интеллигенция. Одновременно все более подрубается старая господствующая культура, над ней начинают смеяться, в нее уже не верят... Так, в Риме в эпоху императора Нерона (I в.н.э.) было модно издеваться над античной философией, театром, скульптурой — над всем, даже над религией.

2. СТАНОВЛЕНИЕ. Постепенно число приверженцев новой культуры растет. Она становится достоянием не только элиты, но и средних слоев населения. Новая культура все в большей мере становится достоянием молодежи. Приверженцами старой культуры остается лишь сравнительно небольшая часть населения – в основном люди старшего поколения.

3. ТОРЖЕСТВО НОВОЙ КУЛЬТУРЫ наступает тогда, когда она вытесняет старую народную культуру, утверждаясь в сознании наиболее отсталых и консервативных слоев сельского населения. Конечно, старая народная культура не исчезает, она остается в социальной памяти народа, но уже не она формирует духовный облик новых поколений. Такова, скажем, была судьба русской дореволюционной культуры в советской деревне.

Пропаганда новой культуры и активная борьба против старой, разумеется, могут ускорить ее торжество, но ничего общего не имеют с искусственным процессом ее "строительства".

При этом глубоко ошибочно представление, согласно которому одна, единая для всех граждан страны культура в короткий срок сменяется другой, столь же единой, подобно тому, как зима сменяется весной, а весна – летом... На смену старым культурам приходят несколько новых, конкурирующих между собой культур, одна из которых выступает основной, ведущей. В данном случае речь идет не только о различиях "ученой" и фольклорной (народной) культур, но и о различных "ученых", созданных интеллигенцией культурах внутри одной национальной.

В работах советского периода единодушно утверждалось, будто бы к концу 30-х годов все население Союза восприняло новую пролетарскую (социалистическую) культуру. Так ли это?

В нашей стране долгие годы насаждался миф о наличии в обществе единой, общенародной социалистической культуры, воспринятой всем народом и отражающей его "морально-политическое единство". Надо сказать, что такой культуры в России не было (как и нет ее ни в одной другой стране современного мира). У нас существовало несколько разных культур:

1) Советская официальная культура. Эта крайне политизированная и идеологизированная культура действительно была принята основной массой россиян. Она не ушла в прошлое и поныне. Особенность развития наших людей в советский период заключалась в том, что для части населения советская официальная культура сосуществовала с другими типами культуры.

2) Национальная традиция русского народа и других народов страны. Советская культура не смогла "поглотить" ее, не могла и слиться с нею в органический сплав. Так, 70 с лишним лет господства в официальной культуре "воинствующего" атеизма не смогло подавить религиозность части народа. Долговременные запреты произведений С.Есенина, Н.Клюева, И.Бунина др. не смогли убить интерес к ним и т.д.

3) Феодально-байская культура в некоторых национальных автономиях.

4) Люмпенизированная, "блатная" культура социальных низов общества.

5) "Контркультура", созданная в России и за рубежом и направленная прямо или косвенно против официальной культуры.

Следует отметить, что советская официальная культура сравнительно легко сочеталась с третьим и четвертым из этих типов культуры. Что же касается второго типа, то при всем стремлении советской культуры к слиянию с ней его не произошло. Советская культура включала в себя только часть национальной культуры народов страны (как "ученой", так особенно – народной), причем, включаясь в советскую культуру, национальная культура соответствующим образом препарировалась, извращалась и во многом фальсифицировалась.

Наконец, ни о каком "слиянии" контркультуры с официальной говорить, разумеется, невозможно.

III. "КОНТРАКУЛЬТУРА" В ТОТАЛИТАРНОЙ РОССИИ

"Контркультура" – не просто одна из субкультур в рамках национальной культуры. Она может возникнуть либо как антипод другой субкультуры (так молодежная контркультура на Западе 60-х годов возникла в борьбе с "культурой взрослых" – мещанско-буржуазной культурой), либо как противоположность господствующей, официально-государственной культуре. Такое положение возникает в авторитарных и тоталитарных государствах, где в качестве официальной принята определенная идеологизированная религиозная или светская культура.

Именно так обстояло дело в нашей стране. Контркультуре противостояло здесь государство и не только находящийся в его распоряжении пропагандистский аппарат, но и все его силовые структуры. Противостояние официальной культуры и контркультуры менее всего можно рассматривать как "диалог культур". Противостояние этих культур прежде всего приобрело политический и идеологический характер.

В условиях абсолютного отсутствия всех демократических свобод культура выступала единственным каналом, используя который можно было эзоповским языком выражать (пусть не прямо, не явно) свое мнение об официальной культуре.

Культура советского тоталитарного режима не терпела никакого другого к себе отношения, кроме безоговорочного восторженного славословия, а тем более любые критические замечания в адрес официально одобренных авторов, направлений, научных школ и даже – отдельных произведений воспринимались как крамола. Само молчание – отсутствие ожидаемых славословий в одних случаях или гневного осуждения инакомыслящих – в других – приравнивалось к бунту. Контркультура проявлялась в неприятии мичуринско-лысенковской биологии и в сочувствии генетике, в признании кибернетики, в недооценке системы К.С. Станиславского или теории И.П. Павлова, в признании заслуг тех или иных иностранных ученых ("низкопоклонство перед Западом"), в недостаточном количестве цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма...

М. Булгаков, О. Мандельштам и Б. Пастернак подвергались преследованиям не только за то, что они написали, но и за то, что они не написали произведений, которых ждал от них Вождь. Таким образом, российская контркультура советского периода – весьма своеобразное явление, коренным образом отличающееся от "молодежной контркультуры" на Западе 60-х годов.

Последняя охватила только определенные слои молодежи, в то время как наша контркультура охватила людей всех возрастов. "Молодежная культура" была короткой и быстро погасшей вспышкой, контркультура у нас существовала на протяжении всех лет советской власти начиная с 1918 года. Западная контркультура развивалась легально, а рассказы о преследованиях ее участников могли бы вызывать только улыбку у заключенного ГУЛАГа.

Контркультура, ее история в годы советского режима пока еще никем не исследовались, по крайней мере как целостное явление. Между тем ее история весьма сложна и драматична. Она являлась итогом деятельности трех различных социальных потоков.

1. Оппозиционные группы внутри правящей коммунистической партии. Расхождения оппозиции со сталинской "генеральной линией" лишь в сравнительно небольшой степени касались проблем культуры. Пожалуй, в наибольшей степени эти расхождения проявились у Н.И. Бухарина в 30-е годы (его доклад о поэзии на Первом Всесоюзном съезде писателей). У значительной части близких к оппозиционным группам идеологов – историков, философов, экономистов – отступление от ортодоксальной точки зрения более выискивалось, чем действительно имели место. Главным образом они касались "недооценки" роли Сталина как политика и теоретика.

2. Отступления от официальной культуры осуществлялись и вне рамок партийных дискуссий. Здесь необходимо выделить критику официальной советской культуры религиозными и светскими инакомыслящими (диссидентами) и людьми, в целом принимавшими официальную культуру, но отвергавшими те или иные ее положения. Нередко подобные отступления оказывались непреднамеренными, но тем не менее наказывались не менее жестоко. Подавляющее большинство среди представителей этой группы составляли деятели науки и искусства.

3. Третий и наиболее мощный поток контркультуры был связан с деятельностью российской зарубежной эмиграции, которая, естественно, не боялась высказывать вслух свои мысли¹⁰. Эмиграция, как известно, была весьма разнородной, но в ней преобладали люди, отрицавшие идеологические основы советской культуры – теорию марксизма вообще, ленинизма – в особенности.

Таким образом, общим понятием "контркультура" объединяют совершенно различных по своему мировоззрению людей. В какой-то мере можно говорить о критике официальной советской культуры "справа" и "слева".

Критика "справа" выражала позицию тех людей (в первую очередь части старых большевиков), которые резко критиковали Сталина и его "идеологическую команду" за извращения теории К.Маркса и Ф.Энгельса и отступления от ленинских идей. Подобные группы возникали и среди молодежи (например, группа К.Довлатова в Институте философии АН СССР).

Под "критикой слева" мы имеем в виду отрицание самих идеологических основ советской идеологии.

"Контркультура" внутри России с начала 30-х и до середины 60-х годов была еще слаба и по вполне понятным причинам не была сразу заметна на поверхности, но тем не менее она внушала страх сталинской диктатуре, ибо "портала" идилическую картину "морально-политического единства" советского народа, вызывала недоверие к официальной пропаганде у западных интеллектуалов, мнения которых Сталин опасался.

Большинство писавших о диссидентах упрекало их в том, что они боролись с официальной культурой только путем слова. "Солнце останавливали словом, словом разрушали города", – писал Н.С.Гумилев¹¹. Действительно, с течением времени контркультуре удалось существенно подорвать авторитет официальной культуры в массах и ускорить ее крах.

Развитие контркультуры в России с конца 20-х до середины 80-х годов прошло три больших этапа:

1) 1928–1956 гг. Это было самое тяжелое для контркультуры время. Наиболее сильное сопротивление в начале этого периода (до 1932 г.) шло со стороны старых кадров партии – реальных участников внутрипартийных оппозиций или людей искусственно причисленных к ним. Это была оппозиция "справа". Однако уже с первых месяцев революции возникла и постоянно расширялась оппозиция господствующему режиму со стороны беспартийной интеллигенции. Сравнительно небольшая кучка интеллигентов смело высказывала свои взгляды, стремилась пропагандировать их среди населения, создала немало замечательных произведений, большинство из которых писалось в "стол" без какой-либо надежды на их издание. Судьба этих людей в большинстве случаев трагична: часть из них погибла в лагерях ГУЛАГа, в ссылках, часть была депортирована за рубеж и оказалась навсегда лишенными Родины, а часть (подобно В.Асмусу, А.Ахматовой, М.Булгакову, М.Зощенко, А.Лосеву, Б.Пастернаку, С.Прокофьеву, Д.Шостаковичу и др.) была превращена во "внутренних изгнанников".

2) 1956 – конец 60-х годов. Начало "оттепели" датируется достаточно точно (XX съезд КПСС). Конец же ее с точностью до года датировать невозможно. "Оттепель" душилась постепенно, причем начало этому процессу было положено печально известными встречами Н.С.Хрущева с деятелями литературы и искусства. Но несмотря на краткость "оттепели", значение ее в развитии российской

культуры неизмеримо. В этот период был осуществлен первый "выход" контркультуры" в народ, произошла ее относительная легализация вопреки воле властных структур партии и государства.

После XX съезда партии в создании контркультуры участвует определенная часть интеллигенции, главным образом той, формирование которой шло уже в годы советской власти. В этот период можно выделить четыре слоя контркультуры:

– стихийный, неорганизованный протест, выражающийся преимущественно в экстравагантной одежде, обуви и поведении ("стиляжничество");

– самодеятельное неофициальное творчество – движение "бардов" и "менестрелей" – творцов т.н. авторской песни, получившей поистине гигантское распространение; повсеместное создание команд КВН. Завуалированной формой социального протеста стала пришедшая с Запада рок-музыка¹²;

– появление большой группы деятелей искусства (поэтов, театральных и кинорежиссеров, писателей, художников и др.), произведения которых содержали открытый или скрытый протест против существующего строя и его культуры;

– создание нелегальных издательств ("самиздат"), которые наряду с иностранными издательствами ("тамиздат") издавали запрещенные цензурой произведения.

Показательно, что в этот период фактически почти сходит на нет контркультура, основанная на "подлинном" марксизме-ленинизме.

3) 70-е годы до 1985-86 гг. Диссидентское движение становится все более сильным¹³. Официальная культура постепенно теряет престиж, что ярко проявляется в падении посещаемости учреждений культуры. Наблюдается тенденция сближения официальной культуры и "контркультуры". Впервые появляются произведения в рамках официальной культуры с критикой реальных недостатков системы: И. Дворецкий "Человек со стороны" (1972), А. Гельман "Протокол одного заседания" (1979) и др. Появляются центробежные тенденции в культуре ряда республик и особенно – государств Варшавского Договора.

Произведения контркультуры по-разному относились к культуре официальной. Одни авторы целиком и полностью отрицали ее, другие оказывались более справедливыми в своих оценках. Они отделяли официальную культуру сталинизма от подлинных достижений отечественной культуры, защищая их авторов.

Я не считаю, что годы советской власти были "провалом", перерывом поступательного развития русской культуры. И в эти тяжелые годы не только существовали, но и развивались национальные культуры народов СССР. Советская культура часто отвергала новые ее классические произведения. Я имею в виду Ахматову и Цветаеву, Мандельштама и Пастернака, Булгакова и Платонова, Прокофьева и Шостаковича, Бехтерева и Вавилова, Лосева и Бахтина, Шемякина и Неизвестного, Корина и Филонова и многих-многих других. Сравнительно редким исключением оказывались случаи, когда в эту классику входили и произведения ортодоксальной советской культуры (Маяковский, Шолохов, Твардовский и некоторые другие). Как правило, национальная культура русского народа развивалась не благодаря советской официальной культуре, а вопреки ей.

Разумеется, я пытался здесь наметить лишь самые общие абрисы этой большой и сложной темы. Хочется еще раз подчеркнуть, что без детального анализа контркультуры история советской культуры неизбежно предстанет в искаженном виде.

Подчас спрашивают, какая же культура в современной России является "официальной"? Такой культуры в демократическом государстве нет и не может быть, ибо существование "официальной" культуры характерно для авторитарного режима. Монархия в России, как известно, поддерживала в качестве официальной культуру "православия, самодержавия и народности", хотя непосредственно на этих позициях, как известно, стояла лишь небольшая часть деятелей культуры правоконсервативного направления. Даже в условиях абсолютной монархии в России был возможен определенной диалог культур, рамки которого в разные

периоды то расширялись, то сужались. Диалог культур нельзя относить к взаимоотношениям антагонистических культур, находящихся в состоянии непримиримой борьбы. Диалог может идти между различными культурами, желающими вести его, стремящимися к консенсусу.

Диалог культур нельзя отождествлять с влиянием одной культуры на другую. Диалог может происходить между противоположными, противостоящими друг другу культурами. Культура укрепляется, выдерживая сопротивление другой, или гибнет под ее натиском. Диалог может вестись между метакультурами, представляющими гигантские регионы Земли (Восток – Запад), между странами, национальными культурами, а также внутри каждой национальной культуры между ее субкультурами и внутри каждой субкультуры.

Возьму близкий читателям журнала пример. Специфическая культура Урала является неотъемлемой частью национальной русской культуры. Однако внутри субкультуры этого региона идет диалог между культурой Прикамья, культурой Среднего Урала, весьма своеобразной культурой Южного Урала, в особенности Оренбуржья и культурой Зауралья. Отметим, что эти региональные особенности культур различных частей Урала и их диалог внутри единой культуры Уральского региона очень слабо изучены в исторической литературе.

Культура (или субкультура), развивающаяся в изоляции от других культур, неизбежно обречена на застой. Это следует особо подчеркнуть, ибо ныне некоторые национальные республики внутри России пытаются искусственно изолировать свои национальные культуры от диалога с другими национальными культурами, прежде всего – от диалога с русской культурой. К сожалению, в трудах историков культура той или иной страны (или ее региона) часто рассматривается вне диалога с другими культурами, в лучшем случае речь идет только о "влияниях".

Наконец, диалог касается и профессиональных культур, обмена профессиональными знаниями, новациями, выводами между людьми разных профессий. Если еще полстолетия назад такой диалог шел обычно между близкими науками (физика – химия, химия – геология, философия – история, литературоведение – искусствоведение, политология – юридические науки и т.д.), то сейчас этот диалог идет и между весьма отдаленными науками, в том числе – между науками гуманитарными и естественными.

IV. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Термин "управление культурой" широко вошел и в наш обиход, и, увы, в научную литературу. И сегодня сохранились в составе местной администрации "управления культурой". Но можно ли управлять культурой – этим миром человека, его потребностями, вкусами, установками, социальными чувствами?! Для такого "управления" надо превратить человека в безгласного и безропотного раба. Понятие "управление культурой" досталось нам в наследство от тоталитарного режима, стремившегося манипулировать людьми как дрессированными животными. Именно "управляющие культурой" знали, что должен читать народ, какие фильмы и спектакли можно ему показывать, а какие – нет, судили о том, что народ "поймет" и "примет". Они рассматривали себя как проводников культурной политики партии. Существование и развитие контркультуры, о которой говорилось выше, – убедительное доказательство того, что и в годы тоталитарного режима "управлять" культурой не удавалось, тем более это нереально в современной России.

Культура относится к числу тех сфер, где управление принципиально невозможно, здесь можно только в определенных границах регулировать ее развитие. Под "регулированием" я понимаю создание условий, способствующих (или, на-

оборот, препятствующих) развитию той или иной культуры, ускоряющих темпы этого развития. Именно это и определяет задачи культурной политики государства.

Выше уже перечислялись существующие у нас сегодня культуры. Может ли Российское государство безучастно созерцать интенсивную экспансию американской "массовой" культуры или люмпенизированной "блатной" культуры? Отрицательный ответ на этот вопрос однозначен. Разумеется, это не может означать возвращения к системе запретов и "табу", тем более, что такие запреты, как показывает практика, способны только повысить интерес к запрещаемым произведениям.

Обеспечить приоритет той или иной культуры можно только путем постепенного вытеснения одних культур другими в процессе их свободного соревнования и диалога в обществе. Регулирование может в определенной степени помочь этому процессу, ускорить его. Культурная политика государства имеет одну цель – ограничить стихию рыночных отношений, обеспечить протекционистскую политику в отношении высокой национальной культуры народов России, классической и современной. Этот протекционизм необходим потому, что "высокая" культура не может быть коммерческой, она нигде и никогда не приносила прибыли. Высокая культура в любой стране мира нуждается в дотациях. Если же превратить ее в коммерческую (а такие попытки и предпринимаются у нас в настоящее время), то, во-первых, она становится вследствие высоких цен практически недоступной для широких слоев населения, а, во-вторых, она не сможет выдержать конкуренции со стороны "массовой культуры".

Затраты на высокую национальную культуру – самые необходимые, ибо по существу представляют собой вложение средств в развитие человека. Именно это не понимают многие деятели властных структур России, отводя культуре второстепенную роль и осуществляя "остаточный принцип" ее финансирования.

В условиях рыночной экономики финансирование культуры имеет четыре источника: государственный бюджет; средства населения (плата за билеты и пр.); необлагаемые налогом отчисления от прибылей предприятий, фирм, объединений; пожертвования меценатов (спонсоров). Ныне в России превалирует второй из этих источников. Создается парадоксальное положение: население платит за свое развитие, а государство милостиво разрешает ему развиваться!

Мизерные вложения государства в культуру тратятся весьма неrationально: часть их идет на содержание огромного, чаще всего некомпетентного аппарата чиновников, "управляющих" культурой, а частью – распределяются этими чиновниками в соответствии с их вкусами и пристрастиями. Такое положение наносит невосполнимый урон высокой национальной культуре. Неслучайно ряд выдающихся ее деятелей вынужден был покинуть страну. Как же можно обеспечить преимущество для развития этой "высокой" культуры?

Во-первых, регулирование культурной деятельности и осуществление культурной политики на местах надо передать компетентным общественным попечительским советам при муниципальных органах власти. Это позволит значительно сократить число чиновников, а районные (в городах) управления культуры следует, по моему мнению, вообще упразднить.

Во-вторых, я полагаю, что льготы по налогообложению должны получать не все предприятия и фирмы, вкладывающие средства в "культуру" вообще (они могут вкладываться и в конкурсы женской красоты), а лишь те, которые поддерживают высокую национальную культуру.

В-третьих, необходимо дифференцировать налоги за прокат серьезных отечественных и иностранных, детских и юношеских фильмов, с одной стороны, и западной "массовой" кинопродукции, триллеров и боевиков – с другой. Создать этим самым материальную заинтересованность в прокате "серьезных" фильмов.

В-четвертых, нужно обеспечить бесплатное (или за очень низкую плату) обучение детей из семей низкого и среднего достатка в детских внешкольных учреждениях – музыкальных, художественных, спортивных и др. школах и в кружках клубных учреждений.

Мы в качестве примера взяли некоторые (разумеется, далеко не все) пути обеспечения условий для привилегированного положения высокой национальной культуры в современной России. Защитить ее в условиях рыночной экономики, дать ей широкие возможности для беспрепятственного развития – такова главная цель современной культурной политики государства, если оно хочет стать цивилизованным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 166.
2. Автор этих строк в своих работах выражал эту же мысль в иных словах: "Культура – общественная система, предназначенная для формирования и реализации социальных (сущностных) сил человека".
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 166.
4. См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 11; Его же. Категории средневековой культуры. Изд-е 2-е. М., 1984.
5. Пришвин М. Леса к "Осударевой дороге" 1931–1939 гг. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 26. С. 70.
6. В нашем журнале (№ 1, 1994) опубликована статья И.В.Побережникова "Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.)"
7. См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 328–334. О влиянии Богданова на последующее развитие советской теории культуры и эстетики см.: Луначарский А.В. Избранные статьи по эстетике. М., 1978. С. 74.
8. Бухарин Н.И. Избранные труды. М., 1988. С. 257; Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 153.
9. Из истории советской эстетической мысли 1917–1932. М., 1980. С. 68.
10. См.: Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // Новый мир. 1993. № 7. С. 206.
11. Гумилев Н.С. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988. С. 327
12. См.: Леонтьева Э. Рок-культура – феномен музыкальной жизни XX века // Горизонты культуры. Вып. I. СПб., 1992; Огаркова Н. Авторская песня: история, современность, будущее // Там же.
13. См.: Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Юность. 1989. № 5

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Proceeding from the concept of culture as a social selfreproduction of a man, the author defines peculiarities of culture functioning in the soviet period and marks out the trends of the culture under discussion: official soviet culture; national tradition of the Russians and other peoples of the USSR; feudal-bai culture in some national autonomies; lumpen-origin culture of the social bottom; contra-culture directly or indirectly orientated against the official culture.

L.N.Kogan

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ЛИБЕРАЛИЗМ И РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ

На протяжении XVII–XX вв. Россия пережила несколько более или менее масштабных попыток модернизации – ускоренного и в значительной степени целенаправленного формирования современных структур жизнедеятельности общества. Заведомая тавтологичность определения является в каком-то смысле неизбежной, поскольку эмпирически, в реальном пространстве истории, определить, что такое для каждой данной эпохи “современное” общество, – почти невыполнимая задача. В самом общем виде содержание понятия “современность” сформировано происходившей в течение XVI–XX вв. беспрецедентной по масштабам и динамике экспансией европейского капитализма и связанных с ним культурных форм на все остальные части света, вследствие чего оно приобрело почти исключительно европейское цивилизационное измерение с характерным устоявшимся набором критериев (индустриальный, а в нашу эпоху – постиндустриальный тип производства, научный и технологический рационализм, рыночная экономика, развитое гражданское общество, политическая культура либерализма). Большинство концепций модернизации, в особенности европейско-либеральных, исходит из того, что именно эта социокультурная система, впервые возникшая в Европе и с тех пор нигде больше не сформировавшаяся на собственной, эндогенной основе, обладает притягательной силой и значением эталона для всех других обществ – либо еще не вышедших из-под власти патриархальных традиций, либо зафиксировавших свое место в качестве отсталой периферии европейского мира.

Проблема нормативно-универсального значения европейских ценностей долгое время была значимой и для самой мыслящей Европы. Задаваясь вопросом о том, “где отечество истинно просвещенного христианина-европейца”, И.Г.Фихте, без сомнений помещая его в Европе, прибегал вместе с тем к важному уточняющему критерию “высоты культуры”¹ – критерию весьма релятивному, если учесть не только руссоистскую идеализацию “счастливого дикаря”, но и последующую гегелевскую “географию” странствий самопознающего “мирового духа”. По мере дальнейшего осмысления феномена западного капитализма и источников его революционного воздействия на мир либеральная историческая мысль закономерно выдвигала на первый план две основные идеи, призванные с обеих сторон, но в рамках единой философии объяснить уникальность европейского опыта: идею свободной личности и идею мирового хозяйства. Возникшая в рамках рационалистической, лично-ориентированной социокультуры Запада либеральная идея, отстаивающая примат самоценной, свободной и ответственной личности, явилась своеобразным контрапунктом в развитии всей западной цивилизации: из достаточно позднего, высокоразвитого продукта истории она – по мере институционально-правового и социокультурного закрепления – превращалась в мощный источник экономико-технологических и культурных новаций – и логически – в ценностное “ядро” всей европейской философии. В теоретической плоскости “современность” во всех ее материально-вещественных, технологических, политических и духовных воплощениях рассматривалась теперь как преобразующая окружающий мир иррадиация западноевропейской культуры. В этом концептуальном преломлении либерализм становится критерием определения глубины модернизационного эффекта в обществах-реципиентах. Отныне имело принципиальное значение, копирует ли модернизация внешние – материальные, технологические, институциональные – проявления передовой цивилизации, или она нацелена на освоение ее глубинных социокультурных механизмов.

Между тем социокультурный источник европейского прогресса (как его предельное основание) во все времена оставался самой непостижимой и невозпроизводимой в процессе модернизации субстанцией. Напротив, все попытки осуществления модернизации в политически самостоятельных, но отставших в развитии странах, как правило, инициировались чисто прагматическими интересами правящих элит, а поэтому копировали лишь внешние – ресурсно-силовые и технические – параметры европейской "современности". Такие преобразования могли достигаться только жесткой мобилизацией ресурсов, монопольным распорядителем которых становилось государство. Это, естественно, не только не приближало модернизируемое общество к возникновению в нем зачатков общества гражданского, но и, напротив, существенно отдаляло. Европейский рационализм, соединяясь с непоколебленными традиционными структурами господства, оборачивался разрастанием тотальной опеки государства над обществом. (Видя в этом определенную тенденцию, Н.А.Бердяев, явно модернизируя историю, пишет о "тоталитарном режиме Московского царства" и о Петре I как "большевике на троне"²). Характерно, что первые импульсы "догоняющей" модели развития в странах европейской "полупериферии" (Османская империя, Россия, Пруссия) были связаны в XVI–XVIII вв. в исходных посылах с созданием крупных модернизированных армий, и процессы эти шли рука об руку с расцветом и длительной консервацией абсолютизма, имеющего ярко выраженные военно-бюрократические черты³. И позднее, как подчеркивает американский историк Дж. Биллингтон в своей известной работе о русской культуре, даже многообещающие технико-технологические и экономические новации (например, проведение первых железных дорог), способные, по логике вещей, вызвать в обществе крупные социокультурные сдвиги, в России продолжали чаще всего осмысливаться в структуре традиционных сверхличностных символов державного могущества⁴. XX век выдвигает уже совершенно новые подходы к осуществлению задач модернизации – целиком основанные на отрицании принципов гражданского общества и насаждении новой тоталитарной "идейности" как программы прорыва в "великое будущее" (большевистская Россия, нацистская Германия).

Историческую закономерность, определяющую взаимоисключающий характер "догоняющей" модернизации и либеральных реформ, возможно, наиболее ярко выражает развитие современной, посткоммунистической России. Перестройка, начатая в СССР в 1985 г. под флагом научно-технологической и структурно-экономической "модернизации", поэтапно выявляла свою несостоятельность при всех попытках совмещения ее даже со значительно ограниченными в своем действии либеральными принципами организации жизни. В свою очередь, первые опыты целенаправленного либерального реформирования постсоветского общества, начатые в 1992 г., полностью исключили из повестки дня задачи сколько-нибудь реальной модернизации, сменив их императивом спасения разваливающейся экономики. Роковая же слабость политики либерального реформизма проявилась в том, что все проводимые преобразования не могли не быть чисто институциональными⁵. Они могли бы иметь более глубокие последствия, если бы социокультурный субстрат посттоталитарного общества сводился лишь к механической сумме простейших социальных рефлексов. Однако культура общества – это нечто гораздо более сложное и всеобъемлющее. По определению французского социолога Р.Робин, это вся сумма "смысловых отношений, отношений значимых, которые формируют структуру общества, мир его символик"⁶. Преуспевающая в разрушении институциональных опор прежнего тоталитарного порядка, либеральная демократия, как справедливо отмечает Г.Павловский, терпит поражение именно как культура, как стиль – даже будучи насаждаемой "как бы в некоей пустоте, вне организованной и благодатной сопротивляемости давно утвержденных структур"⁷. В результате культурный традиционализм, являющийся главным оплотом и символом сопротивления либеральным преобразованиям, и

еще неокрепшие, достаточно формальные институты либеральной демократии дадут при своем наложении аномическое общество-гибрид неопределенно-переходного типа, которое отличают перманентный кризис легитимности власти и разлад всех социорегулятивных подсистем. В этих условиях целенаправленная модернизация общества, требующая концентрации национальных ресурсов и наличия единого субъекта управления ими, превращается в химеру или, по крайней мере, на длительную перспективу исключается из области актуальных задач.

Не менее проблематичным является и тот экзогенный, принудительный сподоб модернизации, который диктовала отсталым странам "полупериферии" и "периферии" их интеграция в мировое капиталистическое хозяйство. Сколь бы высоко мы ни оценивали внутренние факторы динамики европейских обществ, бесспорно то, что европейский капитализм — и в особенности, важнейшие революционные сдвиги в его экономической структуре (колониальный торговый капитализм XV—XVIII вв., промышленная революция XVIII—XIX вв., империализм XIX—XX вв.) — могли состояться только с выходом в пространство мировых хозяйственных связей. В своей структурной целостности и функциональной взаимозависимости частей мировая экономика может рассматриваться как самоорганизующаяся система, развитие которой поддерживается естественно-географическим разнообразием хозяйственных ресурсов — международным разделением труда — и обусловленными им всеобщими связями экономического обмена. С этой точки зрения заинтересованность правящих элит различных государств и других национально-ориентированных агентов рыночного обмена в поддержании и развитии мировой торговли является столь же всеобщей; а в свете моралистической гипотезы об эквивалентности этого обмена и неизменно сопутствующей ему доброй воле эта система отношений представляется еще и последовательно демократичной.

Однако в действительности уже в прообразе — с исторической стадии формирования национальных рынков, а затем и тех экономически самодостаточных пространственных систем обмена, которые получили в концепции И.Валлерстайна — Ф.Броделя название "миров-экономика", — мировая экономика отличалась поляризованностью развития и соответственно этому функциональной иерархией составляющих ее подсистем — от первичных хозяйственных форм до интегрирующих "надстроек" различной степени сложности. Эта иерархия экономических порядков может и не отменять самодовлеющих оснований и произвольного течения "приземленной", "натуральной" хозяйственной жизни, но неизменно воспроизводит сложный баланс двух ракурсов экономической реальности, который Ф.Бродель эскизно наметил при рассмотрении структуры венецианской торговой "империи", — баланс, покоящийся "на колеблющемся диалектическом соотношении между рыночной экономикой, развивавшейся спонтанно, почти что сама собой, и экономикой, возвышавшейся над нею, которая перекрывала эти малые формы деятельности, ориентировала их, держала в своей власти"⁸. Даже при исключении из анализа "мировых" внеэкономических форм первоначального накопления капитала (морской разбой, колониальные захваты, рабство и др.) позиция экономического "центра", обладающего монополией контроля за общими условиями производства и движения товаров в рамках торговой системы, в конечном счете навязывала остальным частям этой системы далеко не эквивалентные формы обмена, сообщая им таким образом подчиненную роль "периферии". В результате вся полнота хозяйственного и социального эффекта, извлекаемого из существования мировой экономической системы, локализовалась в немногих ведущих "центрах", в то время как образующаяся за их пределами "периферия" экономически фрагментировалась, превращаясь в сырьевые, монокультурно-ориентированные хинтерланды.

Интенсификация участия стран "периферии" в мировой торговле, безусловно, могла вести к расцвету отдельных секторов их экономик, однако эти измене-

ния, как правило, происходили за счет деградации целостной хозяйственной структуры этих стран, переключения их наиболее ценных ресурсов с удовлетворения местных нужд на обслуживание зарубежных рынков. Кроме того, как специально подчеркивает И.Валлерстайн, место страны в системе мирового хозяйства и характер производимой для него продукции непосредственно влияли на методы регулирования труда⁹, в странах "периферии" почти повсеместно вызывая тенденцию социального регресса, роста или консервации социальной несвободы. Пример позднесредневековой Польши, вовлеченной в транснациональную балтийскую торговлю, является в этом отношении хрестоматийным. Активный экспорт хлеба в обмен на предметы роскоши из-за границы создал в этой стране специфический "компрадорский" социальный альянс организаторов этой торговли – гданьского купеческого патрициата – и крупных поставщиков зерна – магнатов и шляхты. Результатом стал упадок промышленно-ремесленного производства в польском городе, вытеснение с хлебного рынка крестьян и "рефеодализация" аграрной экономики страны¹⁰. Рассматривая последствия ранней "открытости" Польши мировой экономике, Ф.Бродель резюмирует: "Мы слишком хорошо видим, как Гданьск, погруженный в собственный эгоизм и поглощенный своим благосостоянием, эксплуатировал и предавал огромную Польшу и как ему удавалось придавать ей [нужную ему] форму"¹¹.

Проекцией этого экономического порядка на область политических отношений становится особый тип сословно-представительной монархии, при котором дворянство, как неоспоримый монополист и единственный полноценный агент аграрного рынка, необычайно расширяет свои права и привилегии. Магнаты и шляхта узурпируют не только функции сословного представительства ("парламент"-сейм), но и практически – через своих выборных представителей – все уровни и звенья непосредственного управления государством. Этим фактически блокировалась возможность становления в Речи Посполитой сколько-нибудь сильного абсолютистского государства, в первую очередь институтов, составляющих его опору, – профессиональной бюрократии и постоянной армии¹². По существу, на заре Нового времени Польша, представляя собой обширную зону крепостнической эксплуатации крестьянства, одновременно переживала метаморфозу превращения неизжитого феодального партикуляризма в некое подобие гражданского и политического "либерализма", достаточно широкого и "современного" в объеме субъективных прав, но как раз в силу этого вполне реакционного, не выходящего за рамки узкосословной шляхетской привилегии. Эта агрессивная, безграничная в своих вызовах центральной власти (достаточно вспомнить пресловутое "либерум вето" или рокоши шляхты) "вольность дворянская" укрепилась в Польше раньше, чем здесь смогли оформиться структуры зрелой государственности, и в дальнейшем это закономерно привело страну к политическому разложению и утрате независимости.

Эта резкая поляризация гражданских состояний – от высших степеней "свободы" до крайних форм "рабства" – в рамках единого социального агрегата не представляется однако чем-то исключительным. Как доказывает В.В.Леонтович, в России после издания Екатериной II Жалованной грамоты дворянству 1785 г. наблюдался подобный же парадокс: "усиление зависимости крестьян было прямым и неизбежным последствием предоставления дворянам свободы"¹³. (Принципиальное различие ситуации заключалось, однако, в том, что в России первые импульсы гражданского либерализма распространялись "сверху", в порядке дарования дворянству привилегий со стороны всеильного автократического государства, а не путем стихийной фрагментации экономического и политического пространства страны, как это было в Речи Посполитой). Эта инверсия либерализма заставляет если и не отрицать всеобщий смысл гражданской и политической эмансипации как универсальной тенденции общественного прогресса, то и по крайней мере, полагать для каждой крупной эпохи вполне определенное "коли-

чество", или меру, свободы – своего рода социальный "закон сохранения энергии". (Мы сознательно должны отвлечься здесь от метафизического понимания свободы, имеющего абсолютный, вневременной смысл). Как всякий общественный продукт, это скупое отмеренное эпохой (и всегда имеющееся в дефиците) "количество" свободы может распределяться в обществе в совершенно различных пропорциях, отчего, в сущности, и зависит социально-политическая конструкция общества. Но распределение это в конечном счете всегда происходит в соответствии с общей структурой присвоения совокупного материального продукта общества или возможностей его извлечения, то есть прав собственности.

При всей близости этого понимания свободы к марксистскому¹⁴ первое скорее консервативно по происхождению, чем революционно, ибо исходит из представления о принципиально неизменной сущности социального бытия. Там, где марксизм видит историческую ограниченность конкретных, предшествующих ему форм социальной свободы и претендует на окончательное революционное разрешение вопроса, консерватизм находит извечное несовершенство природы человека и полнейшую тщетность попыток достичь заметного приращения совокупной общественной свободы простыми социальными реконструкциями и политическими переворотами. В устах наиболее последовательного и философски пронизательного русского консерватора К.Н.Леонтьева эта позиция доводится до уровня универсального социологического закона: "Реальные силы обществ все до одной неизбежны, неотвратимы, реально-бессмертны, так сказать. ... Какие бы революции ни происходили в обществе, какие бы реформы ни делали правительства – все остается; но является только в иных сочетаниях сил и перевеса; больше ничего. ... Я сказал – все остается; но иначе сочетается. Я привел примеры и сказал, между прочим, что даже и рабство никогда не уничтожалось вполне и не только не уничтожится, но, вероятно, вскоре возвратится к новым и, вероятно, более прочным формам своим"¹⁵. В этой подчеркнута пессимистической оценке перспектив эмансипации К.Н.Леонтьев намеренно, понимая всю условность приема, придает строго историчным категориям, таким как рабство, более широкое, общесоциологическое значение (рабство как "порабощение голодающего труда многовластному капиталу"), поскольку, по его же словам, именно "при таких мысленных растяжениях открываются нередко для ума вовсе неожиданные перспективы"¹⁶. В данном случае интуиция мыслителя извлекает из-под оболочки преходящих исторических форм представления об устойчивой, инвариантно присущей разным типам обществ мере социальной свободы – как своего рода квинтэссенции исторической судьбы.

Современниками эта идея К.Н.Леонтьева не могла быть оценена во всей ее профетической глубине. Например, П.Н.Миллюков, как и многие другие провозвестники наступающего либерального века, находил у К.Н.Леонтьева лишь тягу вырождающегося славянофильства "к неподвижности и изуверству"¹⁷. Однако как раз в этой части своих воззрений К.Н.Леонтьев не отрицает прогресса как такового; тревожась о "разрушительном смещении и о слишком ускоренном движении жизни, собственности и т.д."¹⁸, он заостряет внимание на проблеме соразмерности социального прогресса и эмансипации как важнейшей его составляющей тем пределам, которые задаются самыми устойчивыми, инертными основаниями жизни общества – его естественным богатством и нравственной зрелостью. Содержание леонтьевской идеи гораздо ближе тому рациональному осмыслению феномена политического консерватизма, которое в 1915 г., в предчувствии ожидающих Россию катаклизмов, дал В.В.Розанов: "Консерватизм, истинный, а не поддельный, кричащий, уличный, хулиганский, не есть отрицание будущего, динамики жизни, возможности изменений, а признание необходимости, а потому и разумности, момента. ... Не консервированье, сохранение, удержание является основой, отправной идеей консерватизма, а признание прав каждого исторического момента на существование. Между консервативным и революционным

мышлением стоит преграда: отношение к принципу воли. ...Разница между консерваторами и революционерами состоит в том, что первые ставят необходимость над волей, другие – не признают необходимости”¹⁹.

Для понимания сущности модернизации как процесса, обусловленного соотносительной “энергетикой” развития различных социально-политических систем, пессимистически-консервативный детерминизм К.Н.Леонтьева имеет принципиальное значение. Внутренний, самодовлеющий смысл леонтьевской формулы прогресса достаточно ясен: прогресс поспешный и поверхностный, искусственно форсируемый, не только не искореняет отсталости и варварства (как исторически необходимой, естественно изживаемой ступени развития общества), но, напротив, через ряд трансформаций вызывает неизбежную инволюцию к варварству, обретающему новые, институционально и технологически совершенные, но, возможно, еще более деспотичные, чем прежде, формы. В поразительно точной, провидческой характеристике К.Н.Леонтьевым будущего коммунистического деспотизма (“Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу *неподвижного равенства* должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, к *меньшей подвижности капитала и собственности*, с другой – к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснению личной свободы и *принудительным корпоративным группам...*”²⁰) в принципе нет никакого особенного мистического ощущения истории. В леонтьевской социальной “психомеханике” интегральный вектор исторического прогресса предопределен чисто логически – диалектическим взаимоотрицанием либерализма и эгалитаризма, иначе говоря, позитивной, самоценной и потенциально неограниченной, свободы индивида и свободы “отрицательной”, связанной с общественно-необходимыми ограничениями индивидуализма и принципом равенства как наиболее последовательным выражением этого диктата необходимости. При этом в общем потоке социальной эволюции до уровня частных и второстепенных низводятся самые глубокие исторически обусловленные различия в гражданской и политической организации обществ – смысл сохраняет лишь тенденция всеобщего движения от либерализма к уравнительству, побеждающему в одних случаях, как в России, в форме нефеодалного “государственного социализма”, в других, как на более развитом и культурном Западе, – нелиберального “социального государства”. Как это ни парадоксально, но описанные К.Н.Леонтьевым ступени грехопадения либерализма – его инволюции к коммунистическому “новому феодализму” – поразительно точно воспроизводят те дилеммы и опасения, которые, согласно Р.Дарендорфу, вытекают для того же классического либерализма из практики функционирования “социального государства”²¹. Единственное, что при этом действительно отличает разные общества в аспекте их социально-политической организации и перспектив гражданского прогресса, – это только внутренне присущая каждому из них и для каждого своя, определенная, мера свободы, в силу чего проблема свободных и несвободных обществ сводится к проблеме обществ “богатых” и “бедных”.

Но не только к ней. В каждом обществе внутреннее социальное пространство свободы организуется в различных сочетаниях “сил и перевеса” не только соотносительно богатству или бедности своих предпосылок, но и относительно той интегральной сверхличностной цели, которую воплощает собой государственная организация этого общества. По К.Н.Леонтьеву, “иные сочетания (реальных сил, или факторов, общественного бытия – К.З.) благоприятны для государственной прочности; другие – для культурной производительности, третьи – для того и другого вместе; иные же ни для того, ни для другого неблагоприятны”²².

Нетрудно догадаться, что в последнем случае подразумевается все тот же “либеральный эгалитаризм”, логически завершенная будущая проекция которого – достижение “полного равенства и совершенной неподвижности”. Для К.Н.Леонтьева венец буржуазно-либерального прогресса – “демократическая конститу-

ция" — означает недопустимое "ослабление *центральной власти*", или, на языке его "социальной механики", критический перевес свободы индивида над "свободой" государства. Поэтому и подменяющая собой высшие государственные цели несосредоточенная, хаотичная "подвижность" жизни видится мыслителю прологом окончательного нисхождения всех устойчивых государственных форм и культурных типов в "шумный и страшный поток всемирного смешения"²³.

Самое поразительное в этом угнетающем, пессимистическом прогнозе заключается в том, что, будучи беспощадным оппонентом либерализма, К.Н.Леонтьев сам эмоционально — и причем безраздельно — подпадает под власть чисто либеральной утопии. Общество свободных и равных в своих естественных правах индивидов, не подверженное изнутри никаким принудительным, государственным формам социализации, есть такая же классическая либеральная утопия, как и общество, полностью открытое вовне — в мир как объект неограниченной, деятельной экспансии свободного индивида. Между тем К.Н.Леонтьев, несмотря на некоторые прежние оценки его творчества как крайне бессистемного²⁴, удивительно целен и логически последователен как раз в самых широких социологических проекциях своего метода. Если попытаться в полном объеме реконструировать этот аналитический метод, заложенный в его "социальной механике", то станет понятно, что его замечание о принципиальной невозможности достижения "форм крайнего равенства"²⁵ отнюдь не случайно. Можно добавить, что это равенство невозможно ни в смысле "всеобщего, однообразного и равномерного уменьшения прав", ни в обратной перспективе — в смысле равномерного возрастания и распространения личной свободы.

Из леонтьевского представления об известной, присущей каждому обществу постоянной субстанции, или мере, свободы естественным образом следует, что общество может увеличивать ее лишь двумя возможными способами — во-первых, расширяя свое господство над природой, или совершенствуя, по удачному выражению И.Г.Фихте, так называемое "механическое искусство"²⁶, и, во-вторых, осуществляя внешнюю экспансию и эксплуатацию других обществ. Несомненно, что исторически последний путь всегда более определен по целям и результатам, чем первый, связанный со сложными общественными трансформациями и крайне медленным процессом аккумуляции ресурсов и факторов развития. (На эту, по-видимому, универсальную закономерность указывает широкий круг социально-исторических явлений — от обычаев эпохи "военной демократии" до практики первоначального накопления капитала). Более того, путь внешней экспансии чаще всего и является предпосылкой и решающим стимулом прогрессивных внутрисоциальных сдвигов — как посредством аккумуляции сверхприбылей, так и за счет периодически разряжаемого социально-демографического напряжения. Как справедливо отмечает Х.-Х.Нольте, раньше, чем могла определиться с социальной точки зрения внутренняя структура Европы Нового времени, последняя должна была получить возможность выхода вовне, главным образом, по линии предпринимательской и переселенческо-колонизальной активности европейца²⁷.

Характерно, что и сама европейская гуманитарная традиция в значительной своей части представляет собой отражение и осмысление этого универсального алгоритма истории, связанного с взаимодействием разноуровневых социокультурных сред. Например, для И.Г.Фихте "единственно способный к развитию человеческий род" возникает "в смешении первоначальной культуры и первоначальной дикости", в процессе насаждения "культуры среди дикарей"²⁸. В социологической теории государства Л.Гумпловича первая жизненная государственная форма возникает лишь в процессе "завоевания", когда в ней отчетливо воссоздается единство противоположных элементов: властвующих и подвластных, господ и рабов²⁹.

Эта примечательная динамическая неравновесность внутренних и внешних источников зарождения цивилизации во многом определяет и ключ к пониманию

генезиса и структуры либерально-буржуазного миропорядка. Вместе с тем это и важнейший пункт консервативной критики либерализма – на этот раз критики внешней, высвечивающей не столько внутренние противоречия эволюционной логики либерализма, сколько контекст его взаимоотношений со всем тем, что составляет еще неосвоенную его цивилизацией периферию. Либеральное общество мыслится как основанное на всеобщих началах разума и потому обладающее значением универсальной модели социальной организации. С этой точки зрения, ему как будто предназначен весь мир, и страхи К.Н.Леонтьева относительно всемирного либерально-эгалитарного "смесительного упрощения" есть невольная капитуляция перед этой философией буржуазного оптимизма. С другой же стороны, К.Н.Леонтьев верит в неуничтожимость и вечность социального и политического неравенства, иерархии статусов, которые, в его понимании, не только целесообразны в высшем культурном смысле ("Милосердие, доброта, справедливость, самоотвержение, все это только тогда и может проявляться, когда есть горе, неравенство положений, обиды, жестокость и т.д."³⁰), но и неизбежны в силу все тех же неистребимых законов "социальной механики".

Именно на пересечении этих двух взаимоисключающих социальных гипотез формулируется "основной вопрос" либеральной философии истории: как может быть сочетаема всеобщность либеральной концепции естественных прав и неизбежная внутрисоциальная дифференциация цивилизационных систем? Вопрос логичен именно в такой предельной постановке, поскольку, как уже доказывалось, либерализм как система формального – юридического и политического – равенства в своей теоретической потенции закономерно приходит – в виде концепции "социального государства" – к идеалу "социальных гражданских прав", "полноты гражданских прав"³¹. И как символ подобного разрешения "последних" вопросов человечества либерализм принципиально постисторичен, независимо от того, выступает он в виде известной современной концепции Ф.Фукуямы о "конце истории" как следствии безраздельной всемирной победы идей либеральной демократии³² или как осмеянный К.Н.Леонтьевым идеал "безвластного, сплошного и однородного общества, долженствующего своим земным блаженством закончить" историю или воспитание рода человеческого³³.

Ответ на поставленный вопрос дает сама история. Либеральное общество как система, предполагающая достаточно широкие пределы свободы автономных групп и индивидов, в процессе отрицания сословно-феодалных порядков формировалось как общество возрастающего равенства возможностей и, следовательно, прогрессирующей нивелировки самых жестких, институционально закрепленных статусно-иерархических различий между своими гражданами. На известной стадии, когда социальные завоевания трудящихся классов и общая гуманизация социальных отношений достигают внушительной, "критической" величины, даже сохраняющиеся в этом обществе неравенство имуществ и доходов – в силу неизменности совокупной меры свободы – должно заметно сокращаться, прежде всего, за счет умаления привилегий высших классов. В таком случае в свои права вступают пресловутые законы "эгалитарного прогресса".

Если же этого не происходит, то это означает лишь одно: социальная система "восстанавливает" иерархию неравенства либо на путях внешней экспансии, то есть формирования вокруг себя более широкой цивилизационной системы (например, отношений "метрополия – колония", "центр – периферия"), либо путем возведения внутри себя институциональных и юридических барьеров, препятствующих определенным группам населения, как правило, выделяемым по оппозиции "свои – чужие" (то есть на основе расовых, религиозных, этнокультурных признаков), в доступе к общепризнанным, "естественным" для этой системы социальным правам. Первый случай, на примере завоевания Англией колоний в Северной Америке, отметил в свое время К.Н.Леонтьев, облекший частное наблюдение в универсальную историософскую формулу: "завоевания оригиналь-

ных стран", стран "своеобразных и неравноправных с собою", есть способ повышения внутреннего "разнообразия" системы³⁴. На путях колониальной экспансии Англия спасла одновременно свой аристократический строй и свое демократическое будущее. Второй случай, характерный уже для Соединенных Штатов Америки XIX – начала XX вв., рассматривают И.Валлерстайн и А.Кихано, связывая утверждение в либеральной американском обществе официального расизма с повышенной вертикальной социальной мобильностью – исключительно быстрым, обгоняющим рост населения, расширением верхней социальной страты. Таким способом расцвет американской "аграрной демократии" сочетался с необходимостью восстановления "трудовой и социальной иерархии"³⁵.

Вышеописанная двуединая проблема "полноты" гражданства в отдельно взятых странах, исповедующих политическую доктрину либерализма, и "границ" распространения либерализма в мировом масштабе структурно воспроизводится и в современных условиях. Последний ее аспект непосредственно связан с вопросом об осуществимости "открытой", либеральной модели модернизации, хотя, как справедливо отмечает Э.Балибар, в современном едином коммуникационном пространстве, особенно в условиях Западной Европы – как "внешне открытой совокупности", места пересечения ряда мировых пространств – он может возвращать себе чисто внутриевропейское значение. На фоне традиционной уже политики стран мирового Севера, "экспортирующих" свои внутренние кризисы в "третий мир", последний в свою очередь через экономическую эмиграцию "ре-экспортирует" их обратно в границы Европы, порождая здесь своеобразный "неорасизм" – систему институциональной дискриминации, основанную на механизме "дифференцированного воспроизводства рабочей силы"³⁶.

Однако принципиально и наиболее резко это противоречие воспроизводится по-прежнему в рамках мировой системы экономических отношений. Характерно, что во второй половине XIX в., когда европейский капитализм еще не приобрел вполне цивилизованного облика, К.Н.Леонтьев в нерешительности останавливался перед вопросом: можно ли этот капитализм всецело определять как "феодализм капитала"³⁷. Век спустя социальная мысль уже без особых сомнений признает – правда, в более широких пределах мировых отношений – возможность феномена "нового средневековья" в обществах, поспешно включающихся в процесс капиталистической либерализации экономики³⁸.

С данной схемой выводов, в частности, полностью согласуется логика положения в мировой системе современной, посткоммунистической России. Можно уверенно предполагать, что в таком, как Россия, бедном обществе с деградирующей экономикой, а, следовательно, с объективно сокращающимся общим ресурсом социальной свободы, чем более значительный слой высшей бюрократии и "новых богатых" будет иметь шансы вхождения в мировое либеральное "сообщество", тем более вероятно будет (и уже есть) "неофеодалная" институционализация социального неравенства. Реально этот процесс уже вполне проявился, правда, в несколько иных формах. Унаследованная от социализма традиция патерналистской социальной опеки, претенциозно выдаваемая сегодня за принцип "социального государства", пока что сдерживает, хотя и не очень эффективно, "вертикальную" социальную поляризацию, зато "разломы" институционального неравенства резко обозначились по "горизонтали" – в сфере национальных отношений.

Фактически весь относящийся к этой сфере ряд явлений – от распада СССР до внутрисистемных межэтнических конфликтов и вспышек регионального сепаратизма – есть внутрисистемная, осуществляемая на корпоративной основе борьба за дефицитный ресурс социальной свободы, обостренное ощущение значимости которого сообщено главным образом инициированной извне либеральной "революцией ожиданий". В данной парадигме, но опять же масштабированной до глобальных рамок, может быть осмыслена несколько по-иному, чем

прежде, и известная концепция С.Хантингтона, трактующая современную эпоху как всемирную эпоху "конфликта цивилизаций". В системе факторов, которые, по мнению американского политолога, придают культурно-цивилизационным различиям фундаментальное конфликтогенное значение, убедительно раскрываются механизмы актуализации мировых противоречий как противоречий межцивилизационной природы, однако практически не содержится указаний на универсально постигаемый предмет и смысл зарождающихся конфликтов. Если ставкой в мировой борьбе, действительно, является соперничество "из-за влияния в военной и экономической сфере", "за контроль над международными организациями и третьими странами"³⁹, то не совсем понятно, почему такого рода конфликты не могут разрываться, как и прежде, в плоскости взаимоотношений "наций-государств". Думается, что рамки цивилизаций как раз и являются исторической нишей "нового корпоративизма", который закономерно рождается вместе с победным шествием универсалистских принципов либеральной демократии, резко обостряющим борьбу за ограниченный пока что ресурс полноценного гражданского и социального бытия.

Отсюда с необходимостью должен следовать вывод об ограниченности и противоречивости либерализации как способа осуществления модернизационных задач. Либерализация нигде и никогда не могла представлять простого, механического распространения принципов гражданской и политической свободы. Такая перспектива, если бы и была возможна, должна была автоматически исчерпаться установлением повсюду некоей "средней нормы" либерального прогресса, ибо, как верно и не без иронии замечал К.Н.Леонтьев, "ни новых диких племен, ни старых уснувших культурных миров тогда уже на земле не будет"⁴⁰. В результате теряющий иерархическую соподчиненность и управляемость мир был бы низведен к чему-то напоминающему гоббсовскую "войну всех против всех". (Несомненно, либерализм как политическая философия несет в себе это предназначение к всемирной миссии идеальное гуманистическое начало, но, вероятно, именно поэтому современный мир, сегодня – как никогда прежде – чувствительный к вопросам правовой и социальной дискриминации, становится одновременно все более многополярным, конкурентным и конфликтным).

В основе же либерализация во всех своих внешних, культуртрегерских проявлениях являлась и до сих пор является только инструментом преобразования всемирных отношений на основе новых структур социальной иерархии, соответствующих стадии расцвета единого мирового капиталистического хозяйства. Для того, чтобы состояться в качестве эффективного организующего принципа хотя бы в ограниченных национально-страновых или цивилизационных сегментах мирового "центра", либерализм вынужден противопоставлять себя более отсталой "периферии" геополитически и корпоративно, причем достаточно консервативными – имперскими – средствами. (Консерватизм в данном случае должен пониматься в расширительном смысле – как способ удержания целостного образа национальной политики и интегральных интересов либерального сообщества как корпорации). Именно так В.В.Розанов в свое время объяснял смысл консервативной "революции", совершенной в Англии в 70-х гг. XIX в. Б.Дизраэли. Вождь британских тори впервые понял, что "над партиями дня, или даже веков, есть нечто высшее, постоянное – жизнь самой нации", что "судьба и будущность Англии требуют воссоединение либерализма с консерватизмом, перевоплощение их в новой творческой политике, не разрушающей, а создающей, строящейся, расширяющей пределы"⁴¹. "Расширяя пределы" империи, транслируя внутрисистемные напряжения во внешние иерархические структуры имперского господства, Англия настолько расширила пределы внутренней свободы, что они смогли непротиворечиво вписаться в себя и принципы либерального "эгалитаризма", и незыблемость старых олигархо-аристократических устоев.

Едва ли не большее значение консервативный императив приобретает для модернизирующихся обществ. Для них он становится главной возможностью постоянного культурного сопротивления стихийной периферизации, воспроизводства своей системной целостности и удержания в перспективе своего развития единого проекта преобразований. В этом случае либеральный реформизм лишь сообщает модернизирующемуся обществу определенный набор позитивных идей и примеров, которые, однако, осмысливаются и усваиваются последним через "фильтры" собственной культуры и – самое главное – как возможности, выводимые из собственных исторических оснований. С этой точки зрения для перспективы либеральной эволюции модернизирующихся обществ определенные компоненты консервативной политики могут быть гораздо результативнее, чем попытки освоения принципов развитого либерализма в готовом, "снятом" виде. Как справедливо замечает в своей статье Г.Нодия, тот же национализм – например, в посткоммунистических обществах – не только может представлять угрозу для либеральной демократии, но и составляет практически "основной источник надежды для нее"⁴². Можно констатировать, что в модернизирующихся обществах либерализм должен органически вырастать из той же меры национального эгоизма и корпоративизма, какая присуща развитым либеральным сообществам в отстаивании своих жизненных интересов.

Еще более значимо для либеральной перспективы модернизации то обстоятельство, что в модернизирующихся обществах, переживающих опасные разломы внутреннего культурного единства, консерватизм является не столько искусственным, "идейным" торможением прогресса, сколько единственно возможным модусом политики, способом совмещения в действительно необходимом, соразмерном состоянии общества шаге реформ разнородных, разностадиальных, "проживающих" в различных исторических временах элементов общественной структуры. (Нам уже приходилось писать об этом в связи с оценкой политики российского императора Александра III, ошибочно трактуемой как реакционная и антиреформистская⁴³). Й.Шумпетер, анализируя опыт экономической модернизации России начала XX в. и полемируя с чисто негативными оценками русского самодержавия, подчеркивал: "...За частоколом расхожих штампов совершенно потерялась та простая истина, что эта форма правления не менее точно соответствовала породившей ее социальной структуре, чем парламентская монархия в Англии или демократическая республика в Соединенных Штатах. ... Духу нации противоречил вовсе не царизм, который как раз имел широкую опору среди огромного большинства всех классов, а привнесенный извне радикализм и групповой интерес интеллектуалов"⁴⁴. И 1917 год наглядно показал, что конечные цели общественного проекта, отстаиваемого радикальными либералами, могли быть спасены лишь на путях умеренно консервативной линии политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. II. СПб., 1993. С. 574.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. Т. II. М., 1994. С. 207, 216.
3. Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1993. С. 15, 19.
4. Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. – N. Y., 1970. – P. 382–383.
5. Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. Москва. 4–6 октября 1994 г. М., 1994. С. 12–13.
6. 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 232.
7. Панловский Г. Пределы русской демократии. Стилистические примечания // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 3–4.

8. Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. III. М., 1992. С. 29.
9. Wallerstein I. *The Modern World System. – Vol.I. – N.-Y., 1974. – P. 38.*
10. Нольте Х.-Х. *Указ. соч.* С. 18.
11. Бродель Ф. *Указ. соч.* С. 257.
12. Флоря Б.Н. *Центральная Европа в Европе средневековья / Неопубликованный доклад, прочитанный на семинаре "Центральная Европа. Специфика исторического и современного политического развития" (Москва, 12–14 апреля 1995 г.).*
13. Леонтович В.В. *История либерализма в России. 1762–1914 гг.* М., 1995. С. 36.
14. См. весьма примечательную с этой точки зрения статью Э.А.Араб-Оглы "Свобода" // *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 595–597.
15. Леонтьев К.Н. *Избранное.* М., 1993. С. 148.
16. Там же.
17. Миллюков П.Н. *Воспоминания.* Т. I. 1859–1917. М., 1990. С. 171.
18. Леонтьев К.Н. *Избранные письма 1854–1891 гг.* СПб., 1993. С. 336.
19. Розанов В.В. *Собрание сочинений.* Мимолетное. М., 1994. С. 258.
20. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С. 155.
21. См.: Дарендорф Р. *От социального государства к цивилизованному сообществу* // *Полис.* 1993. № 5. С. 31–35.
22. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С. 148.
23. Там же. С. 147, 149–150, 155.
24. Памяти Константина Николаевича Леонтьева: *Литературный сборник.* СПб., 1911. С. 369.
25. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С. 156.
26. Фихте И.Г. *Указ. соч.* С. 525.
27. Нольте Х.-Х. *Указ. соч.* С. 23.
28. Фихте И.Г. *Указ. соч.* С. 522.
29. *История политических и правовых учений. XIX в.* М., 1993. С. 29.
30. К.Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 271.
31. Дарендорф Р. *Указ. соч.* С. 31.
32. См.: Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest* – 1989. – No. 16, Summer. – P. 3–18.
33. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С. 153.
34. Там же. С. 100–101.
35. Кихано А., Валлерстайн И. *Роль Американского континента в современной мировой системе, или концепция Америки* // *Международный журнал социальных наук.* 1993. № 1. С. 135.
36. Balibar E. *Es gibt keinen Staat in Europe: Racism and politics in Europes today* // *New Left Review.* – 1991. – No. 186. – P. 9, 11–13.
37. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С. 148.
38. Неклесса А.И. "Третий Рим" или "третий мир": глобальные сдвиги и национальная стратегия России // *Восток.* 1995. № 1. С. 15.
39. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций?* // *Полис.* 1994. № 1. С. 37.
40. Леонтьев К.Н. *Избранное.* С.147.
41. Розанов В.В. *Указ. соч.* С. 259.
42. Нодия Г. *Демократия и национализм* // *Век XX и мир.* 1994. № 7–8. С. 103.
43. См.: Зубков К.И. *Россия в царствование Александра III: геополитика национальных целей* // *Россия в царствование императора Александра III.* Екатеринбург, 1995. С. 27–28.
44. Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия.* М., 1995. С. 423.

MODERNIZATION, LIBERALISM AND THE RUSSIAN CONSERVATIVE THOUGHT

The article deals with the actual methodological problem, centered on the interplay of modernization as the mainstream of the Russian development during the last three centuries, and liberalization seen as the attempt to overcome contradictions and reversible trends in the course of the forced – "overtaking" – modernization. Meanwhile, a more detailed analysis of liberalism – as a political philosophy and the principle of social organization – being implemented according to the Constantine Leontiev's conservative method of "social mechanics", also reveals the contradictory nature of liberalization as the ideology of modernization. So, the most productive outcome has to be a synthesis of conservative "modernism" and liberalism.

K.I.Zubkov

Н.А.Миненко

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА XVIII—XIX вв.*

В процессе расселения русского народа на огромных пространствах Евразийского материка его традиционная культура под воздействием целого ряда факторов приобретала локальные областные особенности, без изучения которых невозможно охарактеризовать эту культуру во всем ее многообразии. Урал относится к числу регионов, заселение которых русскими началось в давние времена. Уральские горы — «камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных» — поразили воображение новгородцев, первыми из русских людей проникших в этот сказочный край. Новгородские купцы и вольные люди-ушкунники пробирались на восток по рекам на лодках-ушкуях небольшими дружинами. Они не только прибыльно меняли у иноземной «югры» свои товары на пушнину, но и взимали с нее дань теми же мехами. С XII в. походы данщиков в югорские земли (территория между Печорой и Уральским хребтом) становятся регулярными, а с 1264 г. новгородцы включают эти земли в число своих «волостей». Ушкунники во второй половине XII в. проникли также в Вятско-Камское междуречье, которое заселяли удмурты («Повесть земли Вятской» относит это событие к 1174 г.), и основали в устье р. Хлыновицы город Хлынов (Вятку). Хлынов стал центром самостоятельного политического образования, перенявшего традиции Господина Великого Новгорода (отсутствие князей, большая роль веча и пр.). По словам летописца, новгородцы-вятичи «начаша общежителствовати самовластвующе... и нравы своя отеческие и обычаи новгородские имяху на лета многа...»¹.

У Д.Н.Мамина-Сибиряка новгородский период уральской истории вызывал «особенный интерес». «Насколько сильна была новгородская закваска, — отмечал он, — достаточно указать горластое новгородское «о», которое из Новгорода перешло по Заволочью в Старую Пермь...»². Побывавший во втором десятилетии XIX в. на Северном Урале В.Н. Берх констатировал, что жители г. Чердыни, «по преданию», считали себя потомками выходцев из Новгорода³.

Однако уже в первоначальном формировании русского населения Приуралья участвовали не только новгородцы. С конца XII в. свои опорные пункты на северных подступах к Уралу начало создавать Владимиро-Суздальское княжество. В 1178 г. в устье р. Юга появляется городок Гляден, а в 1212 г. рядом с ним строится г. Великий Устюг. От Устюга шел «путь удобоездн» на Вычегду в Пермскую землю, и город этот стал исходным пунктом торговых сношений с вычегодскими, северодвинскими, сухонскими коми-зырянами промысловых и военных экспедиций. Новгородцы, ходившие «в Югру», то и дело подвергались нападениям со сторон устюжан. «Владими́ро-Сузда́льское кня́жество, — пишут авторы академи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17225)

ческой "Истории Урала", — завладело речными путями и волоками на северных подступах к Прикамью, создав условия для развития народной колонизации этого района"⁴. Таким образом, через Устюг Великий, который П.Н.Милуков называл "ключом к Двинской земле"⁵, осуществлялось проникновение на Урал ростово-суздальцев. Некоторые исследователи пришли даже к выводу, что именно последние составляли основное древнее русское население Вятской земли⁶.

С середины XIV в. наблюдается продвижение на Вятку нижегородцев. Д.К.Зеленин указывал, что первоначальная колонизация вятских Уржумского и Яранского уездов осуществлялась "с Волги"⁷. Утверждение к концу XV в. в Приуралье власти московского великого князя, а затем разгром в 1552 г. Казанского ханства привели к резкому увеличению притока на Урал русских переселенцев из центральных европейских районов Среднего Поволжья⁸. Правда, и в XV, и в XVI столетиях преобладали среди колонистов выходцы с русского Севера. Они осваивали верховья Камы и ее притоков; с конца XVI в. часть их северным путем направлялась на Урал. Переселенцы из центра страны (Москва, Калуга, Углич и др.) и Поволжья оседали не только на юге Вятской земли, но и (со второй половины XVI в.) в Южном Прикамье; с Камы проникали на Белую и Уфу, с верховьев последней на Исеть и Миасс. В XVII в. отмеченные миграционные процессы получают дальнейшее развитие; массовый характер приобретают перемещения населения внутри Уральского региона — с севера на юг и с запада на восток. Так, за 1646—1685 гг. в Яранском уезде оброчное население увеличилось с 539 до 1607 чел. — прежде всего за счет переселенцев с вятского Севера, из Казанского, Царевококшайского, Царевосанчурского, Галицкого, Устюжского уездов; в 1697—1717 гг. здесь появилось 76 новых крестьянских дворов, хозяева которых прежде жили в Казанском и Устюжском уездах и лежащих севернее Яранска вятских деревнях⁹. Среди жителей образованного в 1648 г. Кунгурского уезда (Сылвенско-Иренское поречье) основную массу составляли выходцы из Кайгородского, Сольвычегодского, Чердынского, Соликамского уездов; были, однако, среди кунгурцев и уроженцы Нижнего Новгорода, Ярославля, Романова¹⁰. Заселение в XVII в. зауральского Верхотурского края осуществлялось преимущественно "сходцами" из Приуралья и Приморья. Вместе с тем в 1621 г. здесь поселилось 41 семейство казанских дворцовых крестьян (они основали шесть селений, в том числе Невьянскую слободу). Выходцы из Казанского уезда составили и первоначальное население с. Мурзинского. Дер. Горскину на притоке Тагила р. Истоке основали москвичи¹¹. Г.Н.Чагин заключает: "Основу переселенцев в Зауралье составляли севернорусские черносошные крестьяне и жители посадов, пришедшие как из ранее освоенных верхнекамских земель, так и из центральных уездов европейского Севера. Приходили в Зауралье и выходцы из севернорусских земель... Массовая миграция севернорусского и среднерусского населения на Урал в конце XVI — начале XVIII в. была вызвана разными социальными и экономическими факторами"¹².

Таким образом, традиционная культура, принесенная на Урал переселенцами, к началу XVIII в. была представлена северно-русскими и среднерусскими ее вариантами. В местах совместного проживания выходцев из северной и средней Руси в результате интегративно-консолидационных процессов (причем в последних принимали участие и представители нерусских народов)¹³ шло формирование новой этнокультурной общности, черты которой имели аналоги как в севернорусской, так и в среднерусской зоне. Численное преобладание переселенцев из Приморья обусловило ведущую роль северно-русской культурной традиции. Зарождение и развитие на Урале горнозаводской промышленности сопровождалось существенными изменениями в структуре местного русского населения. Среди тех, кто прибывал на Урал из Европейской России, резко возросла доля выходцев из центральных уездов, Среднего Поволжья. По данным Б.Б.Кафенгауза, в строительстве первых уральских заводов приняли участие мастера и ремес-

ленники, переведенные из Тулы, Москвы, подмосковных и других заводов Центральной России: они составили свыше 1/5 всего числа рабочих. В дальнейшем заводовладельцы активно переселяли на Урал крестьян из своих европейских поместий. Так, Никита Демидов в 1723 г. доносил в Берг-коллегию, что три года назад купил он в Нижегородском уезде треть с. Фокина и фокинских крестьян "дворов с 300" перевел на Урал "для размножения заводов". На демидовском Суксунском заводе в 1745 г. из общего числа 408 рабочих 342 являлись крепостными крестьянами, переведенными из Центральной России. В 1760 г. по предписанию Н.А. Демидова на Урал из его нижегородской вотчины переселили 259 крестьян, из арзамасской — 100, из ветлужской — 1254¹⁴. В середине 60-х гг. XVIII в. на частных заводах Южного Урала в основном трудились крепостные, купленные заводладельцами у родовитых дворян Среднего Поволжья; их переводили на заводы семьями, иногда целыми деревнями¹⁵. Значительную долю заводского населения Урала в этот период составляли беглые помещичьи, дворцовые, монастырские и государственные крестьяне, а также легальные переселенцы — преимущественно из Казанской, Нижегородской, Московской, Архангельской губерний. Так, из 5182 душ муж. пола, зарегистрированных второй ревизией при уральских казенных заводах, 2357 (45,5%) оказались пришлыми, в том числе 614 — из Казанской, 510 — из Архангельской, 380 — из Нижегородской, 245 — из Московской, 104 — из Сибирской, 97 — из С.-Петербургской, 92 — из Новгородской, 11 — из Оренбургской губерний, 47 — из вотчин Строгановых; у 257 "сходцев" места выхода не указывались. Гораздо больше пришлых трудилось на частных мануфактурах¹⁶. Б.Б. Кафенгауз выявил участие разных регионов страны в формировании этой категории населения на основе данных по Нижне-Тагильскому заводу за 1759 г. Преобладали выходцы из Среднего Поволжья (62%); на долю северных уездов приходилось всего 9,2%¹⁷.

Со временем на Урал все более активно проникает южно-русский "элемент"; в первой половине XIX в. вообще районы выхода переселенцев перемещаются на юг — в Воронежскую, Курскую, Рязанскую, Тамбовскую губернии. Вольные переселенцы из этих губерний на Урале оседали преимущественно в Оренбуржье¹⁸. В более северные районы попадали, главным образом, южноруссы-переведенцы. Продолжались переводы крепостных крестьян и из центра страны, из Поволжья. По данным восьмой ревизии, на Нижне-Тагильском заводе, например, проживало 410 семей тульских крестьян, купленных в 1828 г., 217 семей вятских крестьян, приобретенных заводладельцем в 1827—1828 гг., 141 семья переведенных в 1828 г. крестьян из Рязанской губернии, 119 крестьянских семей, купленных в 1829 г. в Симбирской губернии, 22 семьи из Калужской губернии, 8 семей из Тверской губернии и, кроме того, 653 семьи крестьян, переведенных в 1827 г. из Украины (Черниговская губерния). К середине XIX в. в Нижнем Тагиле осталось лишь 225 семей украинцев; остальных перевели на другие заводы. К этому времени уже переведенцы-украинцы сильно обрусели¹⁹. В начале 1880-х гг. Д.Н. Мамин-Сибиряк писал, что "в Тагильских заводах можно насчитать больше трех тысяч хохлов, как здесь называем малороссов; есть заводы и деревни, которые населены одними хохлами, например, Верхне-Салдинский завод, деревни Салка и Бобровка...". "По внешнему виду", по утверждению писателя, трудно было "отличить хохла от туляка": "те же кафтаны из толстого сукна, те же шубы и полушубки, шапки зимой и шляпы летом, даже женщины, за самыми редкими исключениями, почти бесследно утратили свой живописный костюм" к описываемому времени и щеголяли в русских сарафанах. "Только самые "древние" старухи ходят иногда в белых рубахах с широкими рукавами, — продолжал Мамин-Сибиряк, — но таких нам случалось видеть всего раза два... Немногие старики, которые еще помнят Украину, говорят испорченным полурусским языком, а молодое поколение сохранило только несколько слов из малорусского языка да

мягкое произношение букв "г" и "л". Широкое распространение получили смешанные браки: "хохлы брали за себя тулянок, а туляки – хохлушек"²⁰.

Таким образом, на горнозаводском Урале сошлись южная, средняя, северная и даже малая Русь. Д.К.Зеленин, собиравший в начале XX в. фольклорный материал в Екатеринбургском уезде, подчеркивал "пестрое разнообразие" местного русского сельского населения, его говоров: "Южновеликоруссы здесь перемешались с северновеликоруссами... акальщики настойчиво перемешаны с окальщиками". В некоторых селениях выходцы из разных губерний жили на "своих" улицах: на одной – симбирцы, на другой – нижегородцы и т.д.²¹.

На неоднородность говоров русского Урала по фонетическим и другим признакам, являющуюся отражением неоднородности состава населения, указывали разные авторы. О Пермской губернии, например, В.И.Даль писал, что она "по наречию" "западную частью своею вполне принадлежит Вятке, северную сближается с Архангельском (по р. Колве, Вишере)", в южной же и зауральской ее частях господствует "смесь" новгородского и владимирского "наречий". "Чусовляне, хотя и окают, – заключал он, – однако не столько чуждаются буквы а... несколько цокают, но не чвакают, иногда ставят с вм. ц: сарь, отес, сапля. Около Оханска, напротив, услышите: отечь, братеч; также: ште, ще, вместо что; бачка, мачка, шти. В Кунгуре: ишшо, висть (весть), хоцю, нецево, оногдась, хресьенин, братеч. В Красноуфимске: цярь, овця, оконница, кольце, полотенце; мидь, мед-видь, съисть, сиегь (сеять), стрилеть (стрелять); ц вм. ч, двойное ш вместо щ, иногда с вместо ц: колецько, крешшенье, улиса; хозеин, боерин, навеста (невеста), студеный, вострый... здесь говорят: рублев, конев, свадьбей, судьбей... Иногда слышно: отдай рукам, пить чаша, надеть шуба, рубить капуста – это старина, и притом... новгородская. В Соликамске почти все то же, но окают поглубже: торелка, торокан, корован, и это походит на примесь суздальскую...". В Чердынском и Верхотурском уездах в языке и в середине XIX в. жила еще, по утверждению Даля, "старина русская", причем верхотурцы обычно заменяли "х" буквой "ф" ("до сиф пор", "теф", "этеф", "многиф", "добрыф"); говорили также: "восударь", "восподин", "восударство", "носят вода", "косят трава", "возят хлеб коньям" (на конях), "чего" вместо "что". "В Осе и Кунгуре, – продолжал Даль, – ставят ш вместо ч, щ: свешя, шши; делать рукам, отдать детьми; емя вм. им; слышно также: свича, сидить, но на заводах говорят: свеча, сидеть. В Екатеринбурге наречие то же, с примесью еще более сибирского, и при всем том с признаками новгородского: вмисте, витер, звирь; чей (чай), озебнуть (озябнуть), потереть (потерять); гледи, систриса, какой молодец на улице; лисо твое цево-то не ладно; а на цево это (на что)? Тветы, бачка, обвет (обет), обязан (обязан), богатество; смысл, фалить, фаствовать, ходить босым ногам по улисами, продать мука, богачев, людев, куплять, звонять (некак звоняют? т.е. звонят), высокоянной, долганной; охотно вставляют: ну, то, ко, ся, бы; примесь суздальского (владимирского или ярославского) оказывается, например, в частичке т'воно-ди, т'воно-дки и пр"²².

Нивелировке местных говоров мешали отношения взаимного неприятия, которые складывались между крестьянским, деревенским населением, более приверженным традициям, и заводским. Д.Н.Мамин-Сибиряк вспоминал о поездке в с. Горный Щит (1860-е гг.), находившееся в 15 верстах от Екатеринбурга, к своему деду дьякону. Уклад жизни в Горном Щите был вполне деревенским, и дед в беседах с внуком, который родился и провел раннее детство в Висимо-Шайтанском заводе, постоянно превозносил этот уклад, заявляя, что "на заводах живут одни разбойники" и вообще там ничего хорошего нет, только "копоть и дым". С другой стороны, живший в Екатеринбурге на одной квартире с Мамин-Сибиряком (тогда учеником уездного духовного училища) "цивилизованный заводской попovich Александр Иванович", по свидетельству мемуариста, "относился ко всякой деревенщине с величайшим презрением, как к низшим существам"²³.

Вас. И.Немирович-Данченко утверждал, что в 70-х гг. XIX в. часть жителей Нижнего Тагила (семьи квалифицированных рабочих) уже не знала такой формы проведения досуга, как хороводы. "Помилюйте, мужицкое дело!" — восклицали они²⁴. Стоит привести также свидетельство крестьянина из с. Торговижского Красноуфимского уезда А.Н.Гладких (начало XX в.), который писал об "обособленности" местных "коренных хресьян", хлеборобов, и окрестных заводских крестьян. "Браки между нами очень редки, — писал Гладких, — несмотря на то, что те и другие живут бок о бок "в сусидях" и постоянно как ранее "из покоя-век", так и "осюпору" имели и имеют делово-хозяйственные сношения между собой — заводские как потребители, а простые крестьяне как производители и поставщики продуктов обработки земледелия". "Заводщина" обзывала крестьян "мешками"; крестьяне, в свою очередь, аттестовали заводских работников "отчаенными людьми, хамовым коленом". Предметом насмешек служили и особенности говора. Заводчане дразнили крестьян за их цоканье: "Цярь, цяриця, дьякониця, куриця, ейця, молоцьке, вымицьке, це, цево, цю-цево, церна немощ, цюця мокрая". Хлеборобы же, зная о приверженности заводских жителей буквам "с" и "ш", переназначивали "дразнялку", адресуя ее уже заводчанам: "Сарь, сариса, дьякониса, куриса, яяса, молошько, вымишько, ше, шово, шю-шево, шерна немощь, шюшя мокрая". По замечанию Гладких, заменяли "ц" и "ч" буквами "с" и "ш" "только в заводах бывших Демидова; в заводах же бывших Осокина у жителей совершенно другое произношение" (пример: "Ды я ему гыварил, ды он ни пынимаит"). И в том и другом случае речь шла о заводах, расположенных в относительной близости от с. Торговижского, на пространстве, не превышающем тридцати квадратных верст.

Различия у хлеборобов и заводских крестьян имелись не только в языке, но и в обрядах, обычаях. А.Н.Гладких приводит подробное описание свадьбы у крестьян с. Торговижского, замечая, что "нижепомешаемые обряды" исполняются, конечно, не одними только жителями данного селения, но и всеми другими, прочими крестьянами других окрестных селений здешнего района и почти так же точно, "на один лад", по местному выражению, без особенной, резкой "разноты" в плачах, песнях и т.п., кроме соседнего горнозаводского населения. Обычай, обряды, песни и обыкновенные разговоры у этих крестьян имеют другое, особое произношение"²⁵. Можно, таким образом, заключить, что в условиях горнозаводского Урала складываются две этнокультурные общности, базирующиеся на русских народных традициях. Одну из них составляли крестьяне, для которых главным источником существования оставалось сельское хозяйство. Формирование русской крестьянской этнокультурной общности на Урале в основном завершилось к началу XVIII в.; ведущее значение при этом имели традиции севернорусского происхождения. Вторая общность объединяла горнозаводское население Урала. Р.Г.Кузеев справедливо выделяет горнозаводское русское население Среднего и Южного Урала в особую этнографическую группу, полагая, что сложилась "она в основном в XVIII в. в ходе строительства горных заводов"²⁶. Однако автор ошибочно включает в эту группу и приписных крестьян. Несостоятельно также утверждение, что горнозаводские работники были по происхождению преимущественно "выходцами из северных губерний России" (обстоятельство, которое, по мнению Р.Г.Кузеева, "во многом определило быт, культуру, особенности разговорного языка" горнозаводского люда)²⁷. Главное участие в формировании рабочих кадров уральских мануфактур приняли, как отмечалось, выходцы из центральных районов страны, Среднего Поволжья. Поэтому основу этнокультурной общности горнозаводского населения составили среднерусские традиции.

Работа на заводах, рудниках играла определяющую роль в жизни горнозаводского люда. "Завод, — пишет Р.Г.Пихоя, — навязывал иные масштаб, время, образ жизни и культуры" — по сравнению с крестьянской пашней²⁸. Заводские мастера люди осознавали общественное значение своего труда, гордились им. "От

нас... по ремеслам своим при заводах от трудов знатная... прибыль приносится", — заявляли они²⁹. Д.Н.Мамин-Сибиряк вспоминал, как дружелюбно встретили его, только что поступившего в духовное училище в Екатеринбурге, "товарищи по квартире" — сыновья демидовских работников. "Наш брат мастерко, — одобрительно говорил один из них, 15-летний подросток, "с какими-то сорочьими глазами, со стоящими дыбом волосами". — Калены носки, жжены пятки, без подошв сапоги..."³⁰. Гордость рабочих своим "мастерством" нашла отражение и в записях уральского фольклора XIX в.³¹. Крестьянский труд отвыкающим от него профессиональным рабочим начинал казаться менее важным, более легким. "Ловко хресьянину-ту и богатеть-ту: посее мешок (зерна), а намолотит два", — рассуждали, например, горнозаводские жители Красноуфимского уезда³². В преданиях уральских рабочих о Петре I рассказывалось, в частности, как он пробовал "лапти плести". "Ну, лапти это уж последнее дело, муторное дело — сколько времени потерять надо..."³³, — в словах рассказчика проскальзывает явное презрение к ничемному мужицкому занятию — плетению лаптей.

Однако вместе с тем нельзя говорить о полном разрыве уральских горнорабочих с хозяйственными традициями предков-крестьян, с психологией сельского хозяина. Особенностью местного заводского поселка было то, что население его продолжало работать на земле. Заводчане имели участки под огороды, наделались покосами, содержали скот. По Горному уставу мастерам предоставлялось ежегодно по 25 дней на "страду". Часть их занималась хлебопашеством. На конец 1850-х гг., например, в Пермской губернии 3,1% всей пашни (без учета помещичьей запашки) принадлежало мастерам и вспомогательным работникам горных заводов. Связь с земледелием заводских жителей сохранялась и к началу XX в. После реформы 1861 г. наблюдалось даже усиление интереса рабочих к земледельческому труду (Богословский, Кушвинский, Кыновский и др. заводы). В Нижнем Тагиле в начале XX в. средние размеры приусадебного участка у рабочих составляли 18 сажень в поперечнике и 30 сажень в длину; были участки до 50-80 сажень в длину. На участках возделывались картофель, овощи. Очень ценилась тагильская капуста, которую крестьяне закупали у рабочих иногда еще в грядках. На пашнях, имевшихся у некоторых тагильчан, выращивались овес, пшеница, ячмень, рожь. Овес шел на корм скоту. Держали тагильские рабочие в рассматриваемое время коров, лошадей, овец, домашнюю птицу. Семья, имевшая корову, оказывалась полностью обеспеченной молочными продуктами. Более зажиточные хозяева предпочитали коров "тагилок" (помесь местной породы с архангельской "холмогоркой"), каждая из которых давала до 20 л. молока в сутки. Во время страды работы на заводах и рудниках почти полностью приостанавливались. Так, кстати, было не только на Тагильских заводах — практически на всех в летние месяцы производство (кроме доменных цехов) почти останавливалось, так как рабочие увольнялись для сельскохозяйственных работ. Некоторые из заводчан "страдавали" не только на своих участках, но нанимались к другим, в том числе крестьянам; случалось, уходили на заработки за 100 верст, чаще всей семьей, прихватывая даже с собой домашний скот³⁴.

Конечно, подсобное хозяйство оказывалось существенным подспорьем для рабочей семьи. Однако определяющее значение, как представляется, имела в данном случае сила традиции. Показательно, что после реформы 1861 г. часть уральских рабочих по своей воле возвратилась "в крестьянство", переселилась в земледельческие районы. Д.Н.Мамин-Сибиряк рассказывает, что после "воли" на Тагильских заводах "прошли темные слухи о каких-то свободных землях в Челябине, т.е. на реке Миасе, в Оренбургской губернии". С Висимо-Шайтанского завода несколько сот семей, распродав свои дома и "разный домашний скот", отправились "в Челябину". Правда, многие затем, не выдержав тяжелой крестьянской работы, возвратились обратно. "Вернувшись обратно на свое пепелище, — пишет Мамин-Сибиряк, — они должны были поднимать хозяйство сызнова, и хорошо

еще, что на заводах всегда есть работа и, таким образом, явилась некоторая возможность не умереть с голоду на первых порах и поправиться впоследствии³⁵.

Все же большинство покинувших заводы успешно "вписались" в крестьянство. Для немалого числа рабочих возврат к чисто земледельческому труду был вынужденным: часть горнозаводчики уволили с заводов в связи с избытком рабочей силы; многие заводы прекращали свою деятельность. Житель с. Торговижского (Красноуфимский уезд) А.Н.Гладких сообщал, например, что окрестные заводы "прекратили кричные работы, и население их, хотя и не все поголовно, взялось "за рогаль", т.е. соху". Это, кстати, содействовало сближению крестьян и "заводщины"; заводчане стали "учениками коренных хлеборобов", восстанавливая утраченные навыки полевого хозяйствования³⁶. Часть бывших заводских рабочих обратилась к кустарным промыслам, в том числе производству усовершенствованных сельскохозяйственных орудий³⁷. Беспорен факт высокого уровня механизации сельского хозяйства Урала к концу XIX в.

Вообще влияние горнозаводской промышленности и на хозяйственные традиции уральцев, составлявших русскую крестьянскую этнокультурную общность, оказывалось достаточно сильным. Следует отметить, что уже в XVII в. железодельное производство, добыча руды стали составной частью хозяйственного уклада уральской деревни. Широкое распространение получают предприятия типа кузниц, домниц и плавильных горнов. Значительного развития достигает мелкая крестьянская железодельная промышленность в Кунгурском уезде. На восточном склоне Урала, по рекам Нейве и Нице, крестьяне тоже издавна копали руду и варили в небольших домницах железо. Немало крестьян-металлургов имелось в вотчинах Невьянского, Богоявленского и Далматовского монастырей. "Крестьянская металлопромышленность на Урале, — заключал Б.Б.Кафенгауз, — сыграла свою роль в отношении разведки руд и отчасти передала будущим заводам кадры кузнецов"³⁸.

Когда на Урале появляются металлургические мануфактуры, их владельцы прибегают к покупке полуфабрикатов у местных крестьян-рудоплавильщиков; поставка полуфабрикатов на местные казенные заводы вменяется последним в обязанность. Например, к Каменскому заводу из Багарятской и Арамильской слобод и Колчеданского острога было привлечено около 40 кузнецов; от них требовалось сдавать в пользу завода по 5 пудов железа в год³⁹. Крестьяне поставляли также на заводы руду, дрова и древесный уголь, смолу, деготь, канаты, веревки, рогожи, угольные короба и другие продукты крестьянской домашней промышленности, что стимулировало развитие последней. Как констатировала палата государственных имуществ Пермской губернии, в середине XIX в. "многие из крестьян занимались в домах своих приготовлением домашних сукон, обуви, кошмы и прочего примерно на сумму до 35 тыс. руб."⁴⁰. В 50–60-е гг. в Пермской губернии насчитывалось до 28 видов крестьянских промыслов, причем весьма широко они были развиты в таких промышленных округах, как Екатеринбургский, Верхотурский, Пермский, Кунгурский. В число крестьянских промыслов входила и сельская "металлургия", обслуживавшая горнозаводскую промышленность и население деревни. Правда, к рассматриваемому времени крестьяне в основном занимались не производством металла, а его обработкой (сказалась и запретительная политика властей, и передача наиболее богатых рудоносных участков заводам; с развитием заводского производства расширились возможности приобретения крестьянами его продукции)⁴¹.

На уральскую деревню ложилась также задача обеспечения горнозаводской промышленности продуктами сельского хозяйства — подсобное земледелие и животноводство заводчан не могло справиться с ее решением. В середине XVIII в., например, только для Нижне-Тагильского завода требовалось в год около 100 тыс. пудов хлеба. Кушвинскому заводу для пропитания заводского населения в это время необходимо было 18 тыс. пудов хлеба, Туринскому — 12,5 тыс. пудов,

Полевскому – 15880 пудов, Баранчинскому – 8904 пудов, Верх-Исетскому – 10 тыс. пудов, Каменскому – 2322 пуда, заводу императрицы Анны – 13061 пуд⁴². Основная масса хлеба на заводы шла из земледельческих уездов. В описании Шадринского уезда середины XIX в. сообщается: "Здесь – главная житница края; земледелие в цветущем состоянии; отसेле большею частью продовольствуются хлебом заводы хребта Уральского"⁴³. Большими партиями в Шадринском уезде закупалась для уральских заводов говядина, что нашло отражение даже в фольклоре⁴⁴. Заводы нередко брали на себя доставку продовольствия из тех мест, где оно приобреталось. О Туринском уезде местный священник М. Попов, например, писал: "Еще не наступила зима, и хлеб немолочен, как уже ездят по деревням с заводов и задают вперед деньги по цене, вообще выгодной для производителей и редко с доставкой; хлеб большею частью на месте продается, без доставки; только для Ирбити покупают с доставкой"⁴⁵.

Наличие постоянного спроса на зерно, муку, мясо со стороны заводских жителей стимулировало сельскохозяйственные занятия крестьян. Вместе с тем в условиях узости рынка вольной рабочей силы правительство с начала XVIII в. проводит массовую приписку сельского населения к заводам; приписные крестьяне в обязательном порядке привлекались к заводским работам (отработки шли в счет подушной подати). К концу XVIII столетия, по данным В.И. Семеvского, за уральскими казенными и частными заводами их числилось 312218 душ⁴⁶. Накануне реформы 1807–1815 гг., ликвидировавшей систему приписки на Урале, около четверти миллиона казенных крестьян Пермской, Вятской, Оренбургской, Казанской и Тобольской губерний выполняли отработки на местных горных заводах. В Пермской губернии более 80% населения казенной деревни относилось к разряду приписных⁴⁷. Заводские отработки отнимали у приписных крестьян много времени, в том числе в период страды. Сохранилась масса жалоб, в которых крестьяне сообщали, что из-за работ на заводах они не успевают своевременно засеять поля, убрать хлеб. Часть их полностью порывала с сельским хозяйством, нанимаясь отрабатывать заводские повинности за других крестьян; многие сокращали посевы, а чтобы прокормить семьи, регулярно подрабатывали на заводах. С.С. Смирнов показал, что к 1803 г. в приписных селениях Екатеринбургского, Красноуфимского, Кунгурского, Ирбитского и Верхотурского уездов земледелие в хозяйственной деятельности крестьян перестает играть ведущую роль. Основой сельского хозяйства здесь становится животноводство, которое оставляло достаточно времени и для заводских отработок, и для дополнительной работы на заводах уже на началах вольного найма⁴⁸. Одной из причин переориентации крестьянских хозяйств являлось наступление уральской металлургии на местный земельный фонд. Сокращались в районе заводов крестьянские наделы. В Екатеринбургском уезде, например, в начале XIX в. эти наделы были столь малыми, что около 3/4 взрослого мужского населения оказывалось вытесненным из земледельческой сферы⁴⁹. Здесь крестьяне всех без исключения волостей не просто подрабатывали на заводах (рубали дрова, выжигали уголь, перевозили грузы, добывали руду и флюсы), а зарабатывали таким способом на жизнь и на уплату податей. Вообще со временем все большая часть крестьянского населения Урала оказывалась связанной с горными заводами работой по найму. По сведениям Пермской казенной палаты, в начале XIX в. "казенные крестьяне, живущие между заводами", получали не менее 1,5 миллиона руб. в год "за разные заводские работы и перевозку изделий"⁵⁰. Отмена приписки и обязательных заводских отработок лишь стимулировала отход крестьян на заработки на горные заводы. С 1801 по 1850 г. количество отходников из пермской казенной деревни увеличилось с 12453 до 77322, в 6 с лишним раз⁵¹.

Влияние заводов сказывалось и на материальной культуре русской уральской деревни. До конца XVII в. в крестьянском жилищном строительстве преобладали

традиции русского Севера; правда, в более южных районах уже в это время получило широкое распространение жилище среднерусского типа из центральных районов страны и Поволжья. В дальнейшем наблюдается упрочение позиций среднерусского комплекса крестьянского жилища; на основе привнесенных типов формируются новые локальные варианты построек, в том числе сочетавшие особенности среднерусского и северного комплексов (покоеобразная застройка, типичная для среднерусского жилища и двухэтажность надворных построек). Южный Урал испытывал влияние и южно-русских традиций домостроительства. Общая эволюция русского крестьянского жилища на Урале шла в двух направлениях: путем усложнения планировки и путем увеличения размеров. При этом в селениях, приближенных к заводам, наблюдались свои особенности: подклеты в домах, обычно используемые в хозяйственных целях, преобразовывались в дополнительное жилое помещение; чаще (вторая половина XIX в.) встречались дома-пятстенки (сруб разделялся пятой стеной на две половины) и крестовики (сруб внутри разделялся крестообразно двумя стенами на четыре части); жилища украшались просечным железом и пр.⁵² Вообще же у крестьян Среднего Урала, по заключению Г.Н. Чагина, устройство жилища наиболее отвечало севернорусским традициям⁵³.

Местные же заводчане более были привержены среднерусскому домостроительству. Так, в Нижнем Тагиле, как показали В.Ю. Крупянская и Н.С. Полишук, и в технике сооружения домов (установка сруба "на стульях", двускатная крыша на "самцах", наличие повалов, использование "куриц" для удержания досок на скатах, кровельное покрытие драньем и пр.), и в их внутренней планировке (двухкамерная связь расположена перпендикулярно к улице, сени пристроены сзади) явственно проступали среднерусские черты. При обтеске стен изнутри внутренние углы сруба закруглялись. Е.Э. Бломквист связывает это также с жилищным строительством средней полосы России, поскольку на русском Севере предпочитали не стесывать углы, чтобы они не промерзали. Переселенцы из внутренних губерний в XIX в. обычно поселялись в домах казенной застройки, которые рубились по образцу домов коренных заводчан⁵⁴. Впрочем, и в Нижнем Тагиле, и в других заводских поселках Урала встречались высокие дома с чертами северно-русского жилища⁵⁵.

Заводской поселок — специфическая форма поселения, вызванная к жизни развитием крупной горно-металлургической промышленности, выделялся своим архитектурным "разнообразием": односрубные избы соседствовали с трехраздельными домами, пятстенками, домами "с заделом" (шестистенки) и пр.; одноэтажные строения — с двухэтажными. Здесь шире в домостроительстве использовалось железо: им покрывали крыши, из него делали водосточные трубы, его применяли в декоре. "Пластичный декор из металла, — пишет Е.Н. Бубнов, — вливаясь в единый архитектурный замысел, придавал постройке выразительность, нарядный и жизнерадостный вид"⁵⁶. Однако важно подчеркнуть прямую связь народной архитектуры заводского Урала с домостроительными традициями коренной Руси. По этому поводу Н.С. Алферов писал: "Простой люд и в горных заводах строил свои избы так, как привык это делать в деревне, повторяя исконную планировку и внешнюю отделку русской крестьянской избы в ее уральском варианте — с основательными воротами, крытым и вымощенным бревнами, иногда камнем двором, традиционными надворными постройками, замыкающими периметр двора"⁵⁷. Е.Н. Бубнов также говорит о "ярко выраженной преемственной связи" уральских, в том числе заводских, изб и усадеб XIX — начала XX в. "с древнерусским жилищем XVI—XVII вв."⁵⁸. Становление горнозаводской промышленности на Урале, таким образом, не убило многовековые традиции русского народного зодчества, а лишь способствовало их развитию, обогащению.

На традиционной русской одежде заметно сказалося воздействие коренных народов Урала. В русскую среду проникают элементы костюма этих народов:

шапка-зырянка, лузан (охотничья одежда, заимствованная от коми), вязаный девичий колпак, марийские лапти и пр.⁵⁹. Вместе с тем вплоть до последних десятилетий XIX в. и крестьянское, и заводское население Урала придерживалось в одежде преимущественно традиционных форм. В "Хозяйственном описании Пермской губернии" Н.С.Попова (1804 г.) говорится, в частности, об одежде зажиточных слоев заводского населения: "Женский пол носит кокошники, покрывала коновойные или кисейные, душегрейки, сарафаны шелковые и даже парчовые, также китайные и кумачные, рубашки холщовые, но больше цветные, бумажные или шелковые; особенно же ныне в великом употреблении запоны (фартуки) ситцевые, кисейные или тафтяные, обложенные лентами, и вообще заводской наряд обоих полов сходен с русским нарядом, в г. Екатеринбурге употребляемом, да и вся его перемена и моды заимствуют прочих заводов жители либо из Екатеринбурга, либо с Невьянского и Нижне-Тагильского заводов, где шить умеют лучшее сего роду, платья также вышивать шелком и золотом, готовить кокошники и прочее..."⁶⁰. Крестьяне по преимуществу носили одежду из тканей домашнего производства, хотя и они здесь достаточно рано широко использовали привозные ткани: китайку, кумач, шелк и др.

Крестьянский костюм включал как северно-русские, так и среднерусские элементы. Из первых отмечаются белый балахон, девичий венец-головодец, мягкие сапоги-бродни, термин "шушун" для сарафана и пр. Из центра страны и Поволжья на Урал пришли однорогий кокошник, московский лапоть, девичья головная повязка из твердого картона, обтянутого парчой или бархатом, женская "руйская" рубаша. В одежде заводских жителей опять-таки преобладали среднерусские традиции. В.Ю.Крупянская и Н.С.Полищук вообще полагают, что женский костюм рабочих Нижнего Тагила вполне вписывался в "средне-великорусский комплекс", объясняя это тем, что местное "крепкое старожильческое ядро" было представлено в основном выходцами из средней полосы России⁶¹. Стоит привести список предметов одежды, похищенных в 1850 г. у крестьянской вдовы из Нижнего Тагила В.Д.Коровиной: казакин суконный, кафтан суконный женский; тулуп "мерлушчатой", крытый сукном; шуба женская, крытая шелком; опояска шерстяная гарусная; сарафан "силтентюревой"; сарафан из китайского ситца; сарафан ситцевый; платок атласный; подшальник атласный; косынка "гарнитуровая"; рубашка кисейная женская; две ситцевых рубашки; рубашка "александрейская"; фартук кисейный; два фартука ситцевых; платок гарусный; платок кашемировый; два платка китайских; два платка бумажных; косынка шелковая "алого цвета"; подшальник фшеловый, рубашка китайская мужская; рубашка "пестрядная"; рубашка кожаная; шуба плисовая женская; сарафан полукитайский; две пары ситцевых женских рукавов; "плат, вышитый шелком, черного цвета"; две пары чарков; "рукавиц лосинных с варегами на 60 коп."⁶². В перечне отсутствуют изделия из домотканины. Хотя полностью она вышла из употребления заводчан только в 80-90-е гг. XIX в.

Переселенцы из южных губерний, Украины довольно быстро усваивали костюм заводских старожил. По утверждению Д.Н.Мамина-Сибирика, уже в 60-е гг. XIX в. элементы, специфичные для украинского и южно-русского комплексов (плахта, понева и пр.), обнаруживались лишь в одежде старух, еще помнивших родину⁶³.

На одежду заводского населения сильное влияние оказывала городская культура. Во второй половине XIX в. на смену традиционному женскому костюму приходит комплекс из юбки и кофты или цельные платья городского фасона. В Нижнем Тагиле в 1890-х гг. в гардеробе даже очень пожилых женщин наряду с традиционной одеждой имелось и платье нового фасона. Наиболее распространенным типом выходной мужской одежды становится "пара" — пиджак, длинные брюки и косоворотка. Костюм шили из недорогого сукна или бумажного трико.

Будничный костюм изготовляли из "чертовой" кожи. Распространяется ношение нижнего белья. Активно проникает в рабочую среду и верхняя одежда городского покроя⁶⁴.

Заметные изменения под воздействием города и заводских центров во второй половине XIX в., особенно с конца его, происходят и в крестьянской одежде Урала. Появляются рубахи на кокетках из ситца и кумача с прямым разрезом на груди, нанковые, плисовые, суконные штаны, сходные покроем с брюками, юбка и кофта (парочка), вытесняющие кое-где сарафанный комплекс и пр.⁶⁵. Однако даже на рубеже XIX–XX вв. в одежде уральских крестьян преобладали традиционные черты. Важно, что и в заводской среде до последней четверти XIX в. сохранялась подобная ситуация.

Материальная культура теснейшим образом была связана с духовной жизнью людей, их взглядами, менталитетом. Сохранение традиций в занятиях, домостроительстве, одежде свидетельствовало, что и духовный мир русских уральцев, и крестьян, и заводчан, находился в преемственной связи с духовным миром их предков – выходцев из коренных областей России. Действительно, А.А.Дмитриев, прекрасный знаток быта, обычаев, традиций, фольклора русского населения Пермской губернии, писал о засилии "старинны" в духовной культуре последнего. Оценивая фольклор жителей Билимбаевского завода (Екатеринбургский уезд), он в 1890 г. писал: "Тут выражается весь духовный склад билимбаевцев, все мировоззрение их, заключенное в тесные рамки, и та патриархальность быта, от которой так и веет глубокой, седой стариной... Не следует забывать, что заводские жители вообще считаются более развитыми, нежели жители деревни. Что же в таком случае представляет собою внутренняя жизнь какой-нибудь захолустной деревни?"⁶⁶ К выводу о сохранении до конца XIX в. традиционных черт в свадебном обряде, традиционных народных праздниках и гуляньях, устно-поэтическом репертуаре нижнетагильских рабочих пришли В.Ю.Крупянская и Н.С.Полишук⁶⁷.

Причины приверженности старине крестьян понятны. Что же касается горнозаводского населения, то традиционный характер его культуры надо объяснять многими факторами. Имели значение происхождение рабочих, их постоянные контакты с крестьянами (в том числе в процессе производства), словесный статус значительной части рабочих до 1861 г. (они числились, а потому и осознавали себя крестьянами) и пр. Наконец, выдающуюся роль сыграло то обстоятельство, что мировоззрение горнозаводского населения на Урале формировалось под сильным влиянием старообрядчества, на что указывают многие исследователи⁶⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Низов В.В. К вопросу о социальной организации "земли Вятской" в XIV–XV веках // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1989. С. 19; Макарова Л.Н. О древнем славяно-русском населении Вятской земли по данным языка // Там же. С. 118–119; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 139–142.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь // Собр. соч. в 12-ти т. Свердловск, 1951. Т. XII. С. 319.
3. Предания и легенды Урала. Свердловск, 1991. С. 29.
4. История Урала... С. 141.
5. См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. С. 482.
6. Макарова Л.Н. О древнем славяно-русском населении... С. 118–119.
7. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 67.
8. Дмитриев А.А. Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Труды Пермской губ. ученой арх. комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 76; Оборин В.А. К истории крестьянской колонизации Урала в XVI–XVII вв. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 8; Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1991. С. 15.

9. Андреев А.А. Хозяйственное освоение южных районов Вятской земли во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Вятская земля... С. 32–33.
10. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII в. и первой половине XVIII в. М., 1956. С. 69.
11. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 38; Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 378, 560.
12. Чагин Г.Н. Культура и быт... С. 17.
13. См., например: Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X – начало XX в.). М., 1982; На путях из Земли Пермской в Сибирь. М., 1898.
14. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949. Т. I. С. 339, 340, 344, 345, 356.
15. Черкасова А.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 100.
16. Там же. С. 92–95.
17. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства... С. 361.
18. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 91–927
19. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971. 17–19.
20. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // Собр. соч. в 12-ти т. Т. XII. С. 167, 171.
21. Зеленин Д.К. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда // Великоурские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. М., 1991. С. 12–14.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. I. С. VIII–IX.
23. Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого // Собр. соч. в 12-ти т. Т. XII. С. 42, 51.
24. Немирович-Данченко Вас. И. Кама и Урал. Спб., 1904. С. 408.
25. Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской губ. ученой арх. комиссии. Пермь, 1913. Вып. 10. С. 6–7, 24.
26. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992. С. 274.
27. Там же. С. 275.
28. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 208.
29. Сб. РИО, СПб., 1903. Т. 115. С. 285.
30. Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого. С. 48.
31. См., например: Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 79.
32. Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды... С. 6.
33. Исторические сказы и песни (дооктябрьский период). Фольклор Урала. Челябинск, 1949. Вып. 1. С. 21.
34. ГАСО. Ф. 105. Оп.2. Д.122. Л.1–51; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 51–54; Алеврас Н.Н. "Пермские губернские ведомости" о положении уральских рабочих (1861–1881) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII – начала XX в. Свердловск, 1987. С. 30–31.
35. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. С. 172.
36. Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды... С. 6.
37. См.: Краткий очерк кустарных промыслов Пермской губернии. Пермь, 1909. С. 23–58; Красноперов Е.И. Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Пермь, 1881; Он же. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге // Сб. Пермского земства. 1888. № 1; Он же. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Александром II. Пермь, 1888 и др.
38. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства... С. 20, 35, 49–51.
39. Там же. С. 35; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 281.
40. РГИА. Ф. 383. Оп. 27. Д. 50, Л. 137.
41. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 272–273; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 1. С. 259–285; Ч. 2. С. 351–398; ГАСО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 9. Л. 2–25; Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 30, 36, 37; Свод материалов по кустарной промышленности в России. Спб., 1874. С. 617.
42. Черкасова А.С. Социально-экономические связи... С. 32–33.
43. Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Журнал мин-ва гос. имуществ. 1852. Ч. 45. С. 183.
44. См.: Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 120.
45. Попов М. Наставление к тому, как извлекать хорошие выгоды от сельского хозяйства, или описание Туринского округа Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении. М., 1876. С. 3–137.

46. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 305.
47. Смирнов С.С. Сельское хозяйство приписных крестьян горнозаводского Урала на рубеже XVIII-XIX вв. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 145.
48. Там же. С. 147-159.
49. Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. С. 106-107.
50. Там же. С. 110.
51. Яровой Г.В. К вопросу о многоукладности уральской государственной деревни накануне реформы 1861 года // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 300-312.
52. См.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 131-165; Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988. С. 43-187; Чагин Г.Н. Культура и быт... С. 51-65.
53. Чагин Г.Н. Культура и быт... С. 64-65.
54. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 80; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 103-108, 111, 148.
55. Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество... С. 46; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. С. 53.
56. Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество... С. 181; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 20, 111-117.
57. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960. С. 198.
58. Бубнов Н.Е. Русское деревянное зодчество... С. 187.
59. Русские... С. 259.
60. Попов Н.С. Хозяйственное описание... Ч. 1. С. 225.
61. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 126-129; Чагин Г.Н. Культура и быт... С. 65-75.
62. ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 105. Л. 2-2 об.
63. Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца // Собр. соч. М., 1954. Т. V. С. 39.
64. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 133-139.
65. Чагин Г.Н. Культура и быт... С. 69-74; Русские... С. 195, 259.
66. Дмитриев А.А. Народное творчество в Билимбаевском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1890-1891. Т. XII. Вып. 2. С. 2-3.
67. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт... С. 239-242.
68. См., например: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев. Новосибирск, 1974; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль...; Он же. Книга в культуре Урала XVIII в. (Круг чтения уральского населения) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 160-170.

TRADITIONAL RUSSIAN CULTURE IN THE MINING URALS (18-19th CENTURIES).

The article defines peculiarities of russian traditional culture in the Urals conditioned by the character of colonization and development of the region, its geographical features, ethnic and confessional structure of Urals population, its economic activity, interaction and cultural adoptions of mining workers, townfolk, peasants, native peoples of the Urals.

N.A. Minenko

В.Н.ТАТИЩЕВ И ГОРНОЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА (1730-е гг.)

Имя В.Н.Татищева занимает видное место в истории школы и педагогики дореволюционной России. Наиболее ярко его талант как педагога и организатора школьного дела раскрылся на Урале в период руководства горнозаводской промышленностью края (1720–1722 гг.), пребывания в качестве рядового члена заводского управления (1723 г.), вторичного назначения начальником заводов Урала и Сибири (1734–1739 гг.).

Если в начале 20-х гг. по его инициативе и при его непосредственном участии были открыты 3 школы при заводах, 1 – в г. Кунгуре, 2 в слободах, подготовлены к открытию еще 3 учебных заведения, то во второй половине 30-х гг. XVIII в. дополнительно к двум действовавшим в 1725–1734 гг. школам было организовано 20 новых учебных заведений и намечено открыть еще ряд школ при 8 заводах¹. Для этих учебных заведений В.Н.Татищев разработал несколько программных документов, выдвинувших его в ряды первых теоретиков русской народной школы – наказ комиссару Уктусского и Алапаевского заводов Т.Бурцеву (1721 г.), инструкция учителю Кунгурской арифметической школы Д.Одинцову (1721 г.), "Заводской устав" (1735 г.), "Наказ шихтмейстеру" (1735 г.), "Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать" (1736 г.)².

Особое место среди них занимают "Заводской устав" и "Наказ шихтмейстеру", явившиеся не просто новыми нормативными документами, определявшими основы совершенствования школьного дела на Урале, но и законопроектами, переданными Татищевым на высочайшее рассмотрение и утверждение.

"Заводской устав" был опубликован в 1831 г. "Наказ шихтмейстеру" опубликован в 1951 г. Н.И.Павленко с приложением трех документов, отражавших мнение о нем промышленников, Уральского горного управления, Коммерц-коллегии. В 1953 г. Н.И.Павленко и М.А.Горловский ввели в научный оборот материалы совещания уральских промышленников 1734–1736 гг., в том числе – "Мнение участников совещания о заводском уставе"³.

К сожалению, в историко-педагогической литературе "Наказ шихтмейстеру" остается, по сути, неизвестным, использование "Заводского устава" ограничивается упоминанием о нем как о важнейшем произведении Татищева или цитированием отдельных его положений с указанием на передовые методы обучения, введшиеся им⁴.

Поэтому возникает необходимость специального изучения этих документов с целью раскрытия причин и условий их составления, особенностей формы и содержания, выявления новшеств, вводимых ими в жизнь уральских школ и в общероссийское школьное законодательство, раскрытия отношения к ним со стороны государственных органов, выяснения дальнейшей судьбы этих проектов, что и является предметом данной статьи.

Правильное понимание этих документов невозможно без хотя бы краткой характеристики обстановки, в которой они создавались. При вторичном назначении В.Н.Татищева на Урал Анна Иоанновна повелела Шарифову – президенту Коммерц-коллегии, в ведении которой находились заводы России, определить круг обязанностей нового начальника заводов в специальной инструкции. Инст-

рукция, состоявшая из 7 кратких пунктов и предписывавшая "прилежно" исправлять заводские дела и о всех предложениях к их "исправлению" докладывать Коммерц-коллегии, не удовлетворила Татищева⁵. Пользуясь благоприятной ситуацией, он добился составления нового программного документа, включавшего его собственные предложения, и утверждения его императрицей⁶.

Новый вариант инструкции, состоявший из 22 пунктов, предоставлял Татищеву большие права по расширению сети казенных заводов, контролю за частными предприятиями. Для надзора за качеством продукции частных заводов, составом их рабочей силы, правильным взиманием налогов с промышленников в пользу государства предписывалось назначить специальных чиновников — шихтмейстеров и составить для них инструкцию, а для регулирования спорных вопросов во взаимоотношениях промышленников разработать устав.

В пункте 17 именной инструкции появилось предписание и об организации на Урале "хорошей" школы для обучения дворянских, подьяческих и неслужащих церковников детей с целью подготовки из их среды собственных командных кадров для управления промышленностью взамен посылаемых ранее выпускников столичных школ, которые "проискивают, как бы отлучиться", неохотно обучаются горным делам⁷.

Характерно, что уже в первом доношении в Кабинет министров, отправленном через несколько дней по прибытии в Екатеринбург (9 окт. 1734 г.), Татищев сообщил о своем решении "при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить и сверх того у Соли-Камской такую ж учредить", начать обучение группы детей немецкому языку⁸. 21 октября Канцелярия главного правления сибирских и казанских заводов во главе с Татищевым вынесла определение о проведении переписи "годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах", всех "сиротских детей ... скитающихся меж дворов"; Сибирскую губернскую канцелярию решено просить о переписи "детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, подьяческих" на территории Тобольска и прилегающих слобод, а также в Тюмени, Верхотурье, Туринске, Исетском и Шадринском дистриктах⁹. 2 января 1735 г. было принято решение об открытии словесных и арифметических школ по всем казенным заводам, а в Екатеринбурге немецкой и латинской¹⁰.

В спешном порядке шла разработка и новых законодательных актов — "Горного устава", "Наказа шихтмейстеру", посвященных проблемам регулирования частной промышленности, и еще одного обширного документа — "Заводского устава", о котором в именной инструкции речи не велось. Все три документа должны были явиться новым шагом в развитии горного законодательства страны — в них впервые обосновывались направления активного вмешательства государства в деятельность частных заводов, во взаимоотношения промышленников, а "Заводской устав" представлял собой первый сводный документ, определявший права и обязанности всех основных представителей "коронной администрации" по управлению заводами.

Задумав организовать широкую сеть горнозаводских школ, Татищев не мог не отразить эти замыслы и в проекте законодательства, определивших основы управления промышленностью на многие годы вперед. Таким образом, можно считать, что законодательная инициатива в этом вопросе целиком принадлежала Татищеву — если в отношении составления законодательства о частной промышленности она была санкционирована верховной властью, то составление "Заводского устава", введение в законодательство норм, касающихся школ, — результат самостоятельной деятельности Татищева.

"Попутный" характер регламентации деятельности школ не удивителен, это характерная черта школьного законодательства того времени. По нашим подсчетам, основанным на ПСЗ, почти четверть постановлений о школах России XVIII в.

была издана следующим образом – в виде отдельных глав, пунктов законодательных актов, определивших функции государственных учреждений, должностных лиц и т.д.

"Наказ шихтмейстеру," датируется Н.И.Павленко 1735 г., между тем окончание работы над ним может быть установлено более точно – 27 января 1735 г. В дневальной книге канцелярии Татищева под этой датой записано: "Было собрание в доме ... Татищева по полуночи в 11-м часу, г-н советник Хрущев, главный казначей Гордеев слушали шихтмейстерскую инструкцию и по оному розсуждали и по розсуждении приказали протоколисту в некоторых пунктах пополнить"¹¹. В тот же день Татищев написал в доношении в Кабинет министров: "Наказ я сочинил сам, при сем посылаю"¹².

Наказ состоит из 10 глав, определяющих круг обязанностей шихтмейстеров по контролю за частными предприятиями. Нас интересует IX глава, носящая название "О содержании церквей и школ". Она включает в себя введение и три развернутых пункта¹³.

Во введении Татищев обосновывает необходимость знания и соблюдения "законов божественного и гражданского" как основы всякого благополучия человека и подвергает резкой критике промышленников, которые "великия заводы построя и множеством людей населя, от избытков дома каменные построили и протчее, а церкви ни в десяти верстах и далее, ниже священников и учителей содержать не хотят и тем неповинно множество людей губят".

В первом пункте главы Татищев излагает программу религиозно-нравственного воспитания взрослого населения и учащихся школ, за претворением в жизнь которой должен следить шихтмейстер. При заводах предписывалось иметь церкви не далее, чем в 5 верстах, содержать при них церковные книги, "а для знания воли монаршей и закона гражданского уложение и все уставы и указы печатные... и из оных нужные всенародному знанию читать в год не меньше трех раз при собрании народном в церквах и младенцам в школах".

Далее расписывались размеры штрафов за работу в праздничные и воскресные дни, за нехождение в церковь, отказ от исповеди и причащения, 2/3 которых должно было отдаваться на содержание церквей и школ.

Пункт 3-й главы XI целиком посвящался вопросам организации учебных заведений: обосновывались причины их открытия, место расположения – "при каждом заводе", состав учащихся – дети "всех обывателей...какова б звания ни были", возраст принимаемых – от 6 до 12 лет, программа обучения – чтение, письмо, арифметика, геометрия. Вопрос с учителями решался лишь в общих чертах – учить "церковному дьячку или, сыскав особно способного человека", а если его не окажется, то самому шихтмейстеру, "колико возможно". Шихтмейстер обязывался иметь "при себе для обучения содержанию книг и сочинения щетов двух человек". "Пока же школы в хорошее состояние придут и на все заводы для определения в шихтмейстеры найдутся способные люди", предписывалось направить с каждого частновладельческого предприятия по 2 человека, умеющих грамоте, из приказчиковых или подьяческих детей, для обучения в школах при казенных заводах с выдачей им средств на питание и одежды за счет промышленников.

Прежде всего хотелось бы отметить общее значение этих кратких, лаконичных норм. По сути, они знаменовали собой начало новой государственной политики, обязывающей промышленников Урала создавать при своих заводах школы и обучать в них детей горнозаводских жителей.

Лишь единственный раз до этого правительство предприняло подобную попытку – в 1702 г. Н.Демидову была вручена "память", составленная думным дьяком А.Виниусом на основе "указанных статей" Петра I, один из пунктов которой предписывал построить при заводе церковь, "а у церкви...деткам школы и больным – больницы"¹⁴. Речь шла об открытии одной школы при Невьянском

заводе – единственном тогда частном предприятии Урала, переданном Демидову казной. Было ли это указание претворено в жизнь, достоверно неизвестно, во всяком случае в середине 30-х гг. XVIII в. ни на одном частном предприятии Урала школ не было, а потребность в грамотных удовлетворялась благодаря обучению некоторых детей на дому, у мастеров грамоты.

В Наказе же шихтмейстеру Татищев вел речь об организации школ при всех частновладельческих предприятиях. Новизна и прогрессивность этой меры станет более понятной, если учесть, что в середине 30-х гг. XVIII в. Урал являлся главным металлургическим центром страны, понятие уральская промышленность, по существу, совпадало с понятием промышленность России. К 1735 г. здесь действовало 16 казенных заводов и 25 частных, среди них 14 принадлежало А. Демидову, 2 – Строгановым. Распространение на эти заводы обязательного школьного обучения детей способствовало бы росту грамотности, подъему культурного уровня горнозаводского населения, в конечном счете положительно сказалось бы на развитии самой промышленности. Поскольку в XVIII в. овладение квалифицированными заводскими специальностями требовало знания основ грамоты, счета, иногда умения делать простые геометрические построения, школьное обучение открыло бы доступ к овладению этими специальностями более широкому кругу детей, лишенных возможности получить основы грамоты на дому. Следует подчеркнуть, что благодаря открытию школ в каждом горнозаводском поселке обучение приблизилось бы к месту жительства детей, в то время как подавляющее большинство учащихся в первой половине XVIII в. из-за редкой сети школ отрывалось от дома на десятки и сотни верст, на долгое время теряло с ним связь.

Прогрессивный характер имело и положение об обязательности школьного обучения детей всех жителей заводов, "какова б звания ни были". Возникает вопрос – относил ли Татищев к горнозаводскому населению детей крестьян, проживавших в приписных к заводам слободах? Ответ на него мы находим в резолюции канцелярии от 30 мая 1735 г., вынесенной по поводу прошения промышленников: "В школы велено писать детей прикащиков, подъячих, надзирателей, мастеров, подмастерьев и тому подобных (т.е. заводских работников – А.С.), якоже и посадских, а крестьян и бобылей, кои пашнею питаются, тех не брать, разве кто сам учить сына похочет"¹⁵. Таким образом, на детей крестьян принцип обязательности обучения не распространялся, но в школы могли приниматься все желающие, что, безусловно, являлось выражением передовых взглядов Татищева, который в "Разговоре двух приятелей о пользе науки и училища", доказывая "вред от неучения народа", писал: "Я же рад и крестьян иметь умных и ученых"¹⁶. О возложении на детей крестьян школьной повинности в условиях их фактически крепостной зависимости от заводоладельцев не могло, конечно, идти и речи.

Рассмотрение "Наказа шихтмейстеру" в ряду других законодательных актов первой трети XVIII в. позволяет выделить такую его особенность, как наличие глубокой мотивации открытия учебных заведений – до этого развернутое обоснование имело место лишь в "Духовном регламенте" 1721 г. и "Уставе Кадетского корпуса" 1731 г., краткие – в "Регламенте Главного магистрата" 1721 г., Манифесте 1730 г. об учреждении Кадетского корпуса и законодательном акте 1732 г. о гарнизонных школах¹⁷. Если во введении к главе необходимости открытия школ обосновывались требованиями активного воздействия на формирование мировоззрения, то в самой главе развивалась мысль об определяющем значении школ для успешного развития промышленности, только намеченная Татищевым в наказах заводским комиссарам 1721, 1723 гг.: "При заводах умеющих читать и писать не только в правлении и надзирании, но и во всех ремеслах весьма нужны, наипаче же арифметика и геометрии лучшие к разсуждению способы подают и как в счислении приходов и расходов, так и в сочинении чертежей весьма полезны". Такая мотивировка являлась совершенно новой для законодательства России того времени.

Обращает на себя внимание установление точной и сравнительно широкой возрастной границы приема детей в школы, от 6 до 12 лет, что преследовало, видимо, определенную цель — устранить лазейки для промышленников и охватить обучением как можно более широкий круг детей. В предшествующих нормативных документах Татищева 1721–1723 гг. речи о возрасте принимаемых вообще не велось, как, впрочем, и во многих законодательных актах начала XVIII в., что объяснялось заинтересованностью государства в широком притоке обучающихся в только что начинавшуюся тогда складываться сеть государственных школ.

Новшеством для законодательства являлся шестилетний возраст определяемых к обучению — в цифирные школы по указу 1714 г. и в семинарии, согласно "Духовному регламенту", принимались дети с 10 лет, в архиерейские школы по указу Синода 1722 г. — с 7 лет, в Кадетский корпус — с 13 лет (указ 1731 г.); в законе 1732 г. о гарнизонных школах прямо указывалось, что дети "меньше семи лет к наукам не способны...напрасно будет им в таком сущем малолетстве труд и на них излишний расход"¹⁸. Татищев же в данном случае выступает как сторонник раннего обучения детей. Свою точку зрения на это он обосновал в "Разговоре": ребенок "любопытен, ибо о всем спрашивает и знать хочет, и для того к научению легких наук, о котором немного думать надобно, он лучшее время имеет...его ум власно как мягкий воск, к которому все легче прилепится, но когда застарееет, не скоро изкоренится уж может"¹⁹. В "Наказе шихтмейстеру" он проводит свою точку зрения в жизнь.

Показательно введение в программу обучения на частных заводах наряду с арифметикой и геометрии, которая по Наказу 1723 г. должна была преподаваться лишь в одной из школ при Екатеринбургском заводе.

Налицо определенный прогресс в распространении математических знаний на горнозаводском Урале, который основывался на наличии в крае в середине 30-х гг. XVIII в. большого количества обученных математике людей.

Осознавая трудности с подбором учителей, Татищев оговаривает возможность замещения их самими шихтмейстерами, что, кстати, практиковалось в первых арифметических школах при казенных заводах в 20-е гг. XVIII в. и получило широкое распространение в 30–40-е гг.

В "Наказе шихтмейстеру" отсутствовали нормы об организации самого обучения, которым немалое место уделялось в документах 1721, 1723 гг. Судя по фразе: "Каким образом оную школу содержать, тому правила, предписанные тебе, сообщаются", нормы наказа дополняла специальная инструкция, регламентирующая непосредственно школьный процесс. Логично предположить, что она была составлена самим Татищевым, в таком случае мы можем поставить вопрос о вероятности существования еще одного, неизвестного до сих пор его произведения, посвященного собственно школьному обучению.

Придавая большое значение инструкции шихтмейстеру, Татищев просил Кабинет министров ее опубликовать, на что именным указом от 25 апреля 1735 г. ему объявлялось, что она будет рассмотрена в Коммерц-коллегии, потом для апробации подана в Кабинет, после чего "публикована быть может"²⁰.

14 апреля 1735 г. инструкция была прислана в Коммерц-коллегию, в мае коллегия подала о ней "рассуждение" в Кабинет. По большинству положений члены коллегии выразили несогласие с Татищевым, заявив о слишком ущемлении прав заводчиков. Одобрив заведение церквей и школ как "весьма полезное дело", коллегия эти положения предложила изменить: "Хотя не на всяком заводе, однако ж на главных...церкви построить и школы содержать надлежит по возможности промышленников, а не в неволю и не в таком малом расстоянии верст, как в той инструкции писано"²¹. По сути обязательный характер предписания предлагалось отменить и решение вопроса передать на усмотрение самих промышленников.

Члены Кабинета не спешили с решением судьбы шихтмейстерского наказа, в указе Татищеву от 29 октября 1735 г. они констатировали, что ни Устав, ни Наказ "здесь еще не рассматриваны". В черновом отпуске указа следом шло предписание: "а недождався на оные апробации и никакова по ним исполнения не чинить...", но оно было зачеркнуто и в подлинный указ не попало²².

Между тем шихтмейстеры на частные заводы в конце января 1735 г. Татищевым были назначены и вскоре приступили к своим обязанностям, вызвав недовольство промышленников²³. В марте 1735 г. в Канцелярию главного правления заводов было подано коллективное прошение за подписью 3 владельцев частных заводов и 8 приказчиков, составители которого побоялись отрицать наказ в целом и выступили лишь против большой отчетности, требовавшей увеличения канцелярского аппарата, против выплаты половинного жалования работным за дни болезни и вынужденного простоя и против обязательного обучения в школах детей от 6 до 12 лет. Недовольство школьным обучением они объясняли тем, что дети "при партикулярных заводах по оном возрасте многия заводские работы справляют, носят руду для обжигания на пожеги и в протчих поденных легких работах и на лошадях возят всякие припасы и в других разных услугах и у мастерств в науках бьвають, а платы получают по две и по три копейки на день. И ежели их от тех работ отлучить, то принуждены будем от этого ж дела давать по шести копеек на день, отчего и на зделанный припасы цены возвышатца. А паче же за оскудением в совершенном возрасте работных людей многия заводския работы останоятца и в интерес и всенародная польза умалитца..." Таким образом, недовольство вызывалось чисто экономическими причинами – нежеланием заводчиков уменьшать размеры получаемой прибыли. Они просили позволения "в школах обучать тех, кои кроме мастерских наук и заводских работ имеютца свободны"²⁴.

Только 30 мая 1735 г. это прошение было рассмотрено на расширенном заседании Канцелярии, по всем его пунктам была дана резкая отповедь, в том числе и в отношении устройства школ – вновь обосновывалась польза их для заводов, отрицалась выгода детского труда²⁵. Прощение с резолюцией Канцелярии было отправлено в Кабинет, между тем началось активное претворение наказа в жизнь – были проведены переписи детей на Нижне-Тагильском, Шайтанском, Уткинском заводах Демидова. В сентябре 1735 г. Татищев, прибыв на Невьянский демидовский завод, спрашивал шихтмейстера, школа "по силе данного ему наказа построена ль, и на оное он сказал, что школа готова, токмо учебных книг нет, о которых писано от приказчиков в Москву в июне месяце, токмо еще не получено". В декабре прибыли дети церковнослужителей из Невьянска для определения в школу на Екатеринбургский казенный завод²⁶.

В разгар этих приготовлений самый могущественный заводовладелец Урала А. Демидов подал прошение в Кабинет, решившее окончательную судьбу законопроекта. В нем повторялись те же просьбы, что и в коллективной челобитной, те же доводы, только суть просьбы о школах формулировалась несколько иначе – "обучать охотников, а неволю не принуждать"²⁷.

Если на мнение Коммерц-коллегии, коллективное прошение промышленников Кабинет прямо не отреагировал, то в резолюции на прошение А. Демидова от 12 декабря 1735 г. верховный орган не только удовлетворил желание Демидова и стоявших за ним промышленников в отношении отчетности, выплаты жалования, школ, но и пошел дальше – отменил вообще институт шихтмейстеров²⁸, что, по сути, влекло за собой и отмену наказа, составленного для деятельности – он терял всякую силу, так и не стал законом.

В отношении школ в резолюции повторялась формулировка прошения А. Демидова: "На партикулярных заводах обывательских детей учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать..." При этом от себя Кабинет министров добавил: "а кто из них пожелают вступать в прочия науки, таких учить при

казенных заводах". Несмотря, казалось бы, на четко выраженный характер предписания, ясно, что в действительности желание подростков никакой роли играть не могло – как устройство школ, так и отправка детей в школы при казенных заводах могли иметь место лишь при желании самих промышленников.

Лишь одно положение наказа в измененном виде было включено в резолюцию Кабинета и получило законодательную силу: предписывалось "впредь для обучения содержания книг бухгалтерским манером для лучшего порядка и пресечения излишнего письма обучать в школе, которая учреждена будет при казенных главных заводах, а промышленникам объявить, чтоб они своих людей, сколько похотят, в оную школу отдавали, в которую их принимать и обучать". Хотя содержание этого предписания и близко к соответствующему положению наказа Татищева, но акценты смещены – обязательный характер предписания адресуется Татищеву как начальнику заводов – ему брать детей с частных заводов, промышленники же получают право направлять их в школы "сколько похотят".

Характерно, что промышленники Урала трактовали эти нормы как дарованное им право учреждать школы по своему собственному желанию и на протяжении первой половины XVIII в. не открыли ни одного учебного заведения – обучение детей при их заводах продолжало осуществляться за счет средств самого населения, на дому, и охватывало лишь небольшую часть подростков; судя по ведомостям, всего несколько человек было послано промышленниками для обучения в казенные школы. Таким образом, можно сказать, что постановление Кабинета министров от 12 декабря 1735 г. не повлекло за собой никаких положительных действий, способствующих развитию народного образования при частных заводах Урала.

А теперь обратимся к нормам "Заводского устава". 30 мая 1735 г. Татищев сообщает кабинет-министрам: "Устава часть некоторую я сочинил, а другое сочинять оставляю советнику Хрущеву, чтоб без меня потрудились, иное возьму с собою и по досугу буду в езде делать...оное, что сделано, пришлю немедленно"²⁹. 26 июня 8 глав устава были отправлены на высочайшее рассмотрение и утверждение³⁰.

Источниками для его составления послужили наказания должностным лицам предшествующих лет, отдельные нормативные "определения", горное законодательство Богемии и Саксонии. Положения о школах были введены Татищевым в 4 главы из 8, содержались в 14 пунктах из 157, причем, как показывает их сравнение с нормативными положениями о школах, имевшимися в инструкциях 1721, 1723 гг. в большинстве своем они отличались новизной.

В I главу устава, определявшую круг обязанностей главного правителя заводов, Татищев ввел пункт 29-й под названием "О школах и учении", где изложил обязанности начальника по их устройству³¹. В нем кратко формулировались причины организации школ – "для всеяния слова божия и умножения к пользе заводов принадлежащих наук", декларировалась сама обязанность начальника "устроить школы, принять искусных и способных учителей, купить полезные книги и инструменты", определялся социальный состав учащихся – дети управителей, церковнослужителей, приказных, мастеров и "всякого звания заводских жителей, кроме крестьянских", начальный возраст обучения – "от 6 лет", программа обучения – "читанию и писанию русскому, так и арифметике и геометрии, а способнейших...немецкому и латинскому языкам, также математике и другим высшим наукам, наипаче закону божью и гражданскому", содержалось общее указание на определение казенного жалованья "неимущим" и преимущественное распределение обучавшихся к делам, представления в чины, "дабы на то взирая, другие охотнее о науках прилежали".

Сам факт включения этих положений в главу о должностях начальника заводов свидетельствует о том, что устройство школ при заводах Татищев стремился закрепить в законодательстве как одну из основных обязанностей главы уральской промышленности.

Социальный состав учащихся, по сути, аналогичен составу частновладельческих школ. Учитывая обязательный характер предписания о сборе детей в школы, оговорку в отношении детей крестьян следует понимать не как запрещение их приема, а как нераспространение на них обязательности обучения, что подтверждается практикой приема крестьянских детей в школы по желанию их родителей на протяжении всей первой половины XVIII в.

Явным противоречием российскому законодательству являлось включение в число учеников детей церковнослужителей, подлежащих обучению в школах духовного ведомства. Лишь дети неслужащих церковников, исключавшиеся из духовного сословия, могли приниматься в школы других ведомств, именно они упоминались в качестве потенциальных учеников "хорошей" школы именной инструкцией 1734 г. В данном случае Татищев явно преувеличил свои полномочия исходя из того, что все население края должно подчиняться власти горного ведомства, а значит, и церковнослужители.

Программа обучения в школах обрисовывается в общих чертах, ясно, что она усложняется по сравнению с предшествующим периодом – вводятся иностранные языки, до этого ни в одной из светских и духовных школ Урала не преподававшиеся, и другие "высшие науки".

Наибольшее число положений о школах было включено Татищевым в 6-ю главу "О должности главного горного межевщика или обермаркшейдера", поскольку именно этому должностному лицу вверялся постоянный контроль над ними.

Характерно, что этот контроль главный межевщик должен был осуществлять наряду с другими обязанностями – надзором за межеванием лесов, прокладкой дорог, креплением горных копей, составлением геодезистами ландкарт всех узлов горного ведомства для отсылки в Академию наук. Подобная практика поручения школ лицам, уже имевшим определенные обязанности, являлась характерной для XVIII в. Следует лишь подчеркнуть удачный выбор Татищевым такого лица, выполнявшего работы квалифицированного, творческого характера, являвшегося одновременно и членом Канцелярии, принимавшим непосредственное участие в решении дел, касавшихся школ.

Именно главный межевщик должен был проводить сбор детей от 6 лет, "а по состоянию младенцев и ранее" (!), их распределение по школам, которые ближе к месту жительства, контролировать ход обучения. Последняя мысль была развита Татищевым: "чтоб такие младенцы напрасно времени не теряли и надмерным долговременно в школе держанием отягчены и науки им в омерзение приведены не были, того ради по временам росписать, когда и гулять имеют, однако ж и оное по разности возраста, ибо младенец 10 лет в день осми часов, а 6-летней и 6 часов летом без труда не сможет снести"³².

В этом предписании мы видим в зародыше важнейшие теоретические положения педагогики – о необходимости разумного чередования учебы и отдыха, о влиянии правильной организации обучения на его результаты, на отношение детей к обучению; об учете возрастных особенностей детского организма при определении часов обучения в день – и впервые сталкиваемся с введением их в школьное законодательство. Возможно, Татищев был первым, кто затронул эти проблемы в нашей стране.

В п.10 "О порядке учения" Татищев сформулировал мысль о введении параллельного обучения предметам в горнозаводских школах – "как скоро который (ученик – А.С.) порядочно складывать научится, то есть когда первое младенцам учение или букварь внятно хотя и складом читать будет, то немедленно ему начать писать..., а при том обучать в особый час арифметике". Татищев обосновывает пользу параллельного обучения: оно способствует лучшему усвоению предметов (письмо "складыванию немалая помощь"), повышает заинтересованность учащихся в обучении, ускоряет сам процесс его – "так по малу с большею охотою в кратчайшее время учиться может" и "к прилежности лучшая охота явится"³³.

Наказом 1723 г. Татищев пытался ввести одновременное обучение письму и арифметике, геометрии и ремеслам в школе при Екатеринбургском заводе³⁴. На законодательном уровне такая методика обучения предлагалась "Духовным регламентом", "Регламентом морским", "Уставом Кадетского корпуса"³⁵, но в них речь шла о "высших науках" — истории, географии, артиллерии, навигации и т.п., которые повсеместно так и преподавались. В "Инструкции определенным к гарнизонной школе офицерам" 1732 г. обосновывалась необходимость одновременного обучения чтению и письму³⁶. Татищев же впервые пытается закрепить на законодательном уровне параллельное обучение всем трем основным предметам начальной школы, которые в подавляющем большинстве учебных заведений первой половины XVIII в. изучались только последовательно.

В п. 11 "О содержании учеников" формулировались обязанности межевщика по контролю за учителями. Фактически здесь излагались программные требования к учителям, к их методам обучения и воспитания детей — "чтоб с младенцами не слабо и не жестко поступали, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но страху божию и благочестному житию поучали, с ними ласково поступали и более любовно, нежели страхом обходились, и для того не токмо в школах, но и в гуляньи за ними надзирать и им игор вредительных и досадительных не допускать"³⁷, т.е. в целом предписывалось использовать гуманные методы обучения и воспитания. По сути, это сокращенное изложение соответствующих положений Наказа 1723 г. Примечательна оговорка: "О чем наша Академия наук обстоятельнее правила и рассуждения в наказе профессору предписать повинна".

Введение ее в законопроект можно рассматривать, на наш взгляд, как попытку Татищева повлиять от имени государства на разработку новых программных документов в Академии наук, с которой он осуществлял постоянные контакты и был, видимо, в курсе поднятых в 1733 г. профессорами Академии проблем³⁸. Замечательна сама мысль о привлечении именно Академии — главного научного центра страны к разработке правил обучения и воспитания, которые могли, по мысли Татищева, послужить образцом для других учебных заведений.

В пункте "О училищах и припасах" содержались общие положения об обеспечении училищ помещениями (чтоб "покоями были довольны и способны, а наипаче, чтоб не близко кабаков, но при церкви и к полю стояли"), книгами, инструментами (чтоб "оскудения не было").

В обязанность межевщику вменялось свидетельствовать учащихся, закончивших обучение, поощрять способных, "дабы чрез то к наукам всяк лучшую охоту имел", "а ленивых, непокорных и распутных принуждать, смирять и наказывать, колико возможно бесполезно, дабы злости из младенчества вкорениться не допустить", т.е. формулировалась мысль об умелом воздействии на учащихся, более подробно развитая в инструкции 1721 г., и особенно в Наказе 1723 г.

Особый интерес представляет пункт 14-й "О поступках с детьми иноверцев"³⁹, которым приказывалось принимать таких детей в школы наравне с русскими, отданных по воле родителей, знакомить с законом христианским, "однако ж их ни к чему против воли родителей их не принуждать, закон их не поносить", "ибо чрез то более отгоняют, нежели привлекают...хотя того закона неправности и обличать", купленных, сирот обучать исповеданию восточной церкви. При этом предлагалось языка "всякого учиться не воспрещать, но паче к тому поохотчивать и стараться сочинять лексиконы этих языков для отсылки в Академию наук". Включение этого развернутого положения в Заводской устав при явной недоработке других пунктов далеко не случайно. Подробно обосновав в "Разговоре" выгоды обучения нерусских народностей для государства, развития науки и культуры⁴⁰, Татищев воспользовался возможностью закрепить на государственном уровне принцип привлечения отдельных представителей башкир, татар, мари и других народностей, проживавших на обширной территории ведомств Канцеля-

рии главного правления сибирских и казанских заводов, в школы при казенных заводах, что, безусловно, положительно сказалось на распространении грамотности среди них, способствовало бы приобщению их к русской культуре.

В главе 4 "О земском суде", пункте 25 "О сиротах шатающихся"⁴¹ излагались положения, касающиеся судьбы осиротевших крестьянских детей, приписных к заводам. Старосты и сотские обязывались определить надзирателя над домом или отдать детей "на воспитание людям", "чтоб предь крестьянами быть могли". В случае, если старосты "презрят" передачу их на воспитание, предписывалось сирот "взять на заводы и определить в школу и воспитать на коште той слободы, а за тот двор всякия подати до возраста их повинны платить слободою". В данном случае Татищев действует в интересах государства – сборщика податей и уральской промышленности, продолжавшей остро нуждаться в рабочих руках. Безусловно, эти меры, направленные на сохранение будущих работников, облегчили бы судьбу и самих сирот. Опять-таки Татищев использует возможность обучения таких детей через горнозаводские школы, но не за счет казенных средств, путем возложения дополнительных тягот на самих приписных крестьян. Так причудливо переплетаются здесь интересы Татищева – поборника просвещения и еще более активного защитника интересов феодально-абсолютистского государства.

Большое значение имеет глава 5 устава "О должности главного казначея и его способности". В пунктах 7-13 Татищевым обосновывался новый порядок взимания налогов с промышленников в пользу государства.

По примеру других европейских стран вместо 1 коп. с пуда выплавленного металла владельцы "железных и медных" заводов обязывались отчислять в казну 5 пудов с каждой сотни изготовленной продукции, платить за отведенные им леса по 2 пуда, владельцу земли, на которой добывалась руда, – 1 пуд, на которой стоял завод, – 1 пуд, на содержание школы и богадельни – 1 пуд. Владельцы золотых и серебряных заводов обязывались платить десятину с прибыли по той же пропорции, владельцы "минеральных" заводов, выпускавших серу, селитру и т.п., фабрик проволочных, якорных, котельных и др. – пошлину общим размером не в 10, а в 5 пудов⁴².

Татищев не указывает прямо, на содержание каких школ должен был идти налог – государственных или открывавшихся при частных заводах. Учитывая, что в формулировке норм не раз повторяется фраза о налоге "с заводов" (во множественном числе) – "на школу, богадельню", эти положения, на наш взгляд, следует понимать как попытку ввести государственное регулирование отчислений на школы при частных предприятиях – о государственных вряд ли говорилось бы в единственном числе.

Обращает на себя внимание тот факт, что в законодательстве Саксонии и Богемии, на которое ссылается Татищев, налог с промышленников использовался на церкви и богадельни. Татищев же церкви заменил школами. Эта замена, видимо, не случайна и отражает стремления Татищева при всем почитании им церкви как идеологического оплота государства в первую очередь гарантировать источник средств на содержание школ. Характерна в этой связи и такая деталь – от налога с готовой продукции владельцы заводов могли освободиться в первые три года, налог же на школы и богадельни должен был платиться с момента пуска предприятия.

В целом можно сказать, что в "Заводском уставе" попутно с разработкой должностных обязанностей заводской администрации Татищев определил и основные направления развития школ при казенных заводах, решил вопрос о материальном обеспечении учебных заведений при частных предприятиях, при этом внес много нового не только в жизнь уральских школ, но и в развитие педагогики своего времени.

В декабре-марте 1734–1735 гг., ноябре-январе 1735–1736 гг. в Екатеринбурге проводилось обсуждение подготовленных частей "Горного" и "Заводского" уста-

вов на объединенных совещаниях представителей Канцелярии главного правления заводов и промышленников (Демидовы, Строгановы направили вместо себя приказчиков). "Заводской устав" обсуждался в ходе второго созыва совещания. По 8 его пунктам из 14, касавшихся школ, промышленники выразили свое несогласие.

В своем общем мнении на 29-й пункт I главы и 9-й пункт VI главы, в которых содержались общие положения об устройстве школ при заводах, адресованные начальнику заводов и главному межевщику, заводчики и их приказчики заявили: "В школы на партикулярных заводах, чтоб брать не всех мастерских и других званнев людей детей, но и по пропорции, по величине завода, дабы излишним расходом к тому учению маломочных заводчиков не отягатить, и оттого б у них в ремеслах и государственной прибыли уменьшения не воспоследовало"⁴³. Учитывая, что в марте 1735 г. в челобитной по поводу "Наказа шихтмейстеру" они просили разрешения обучать лишь детей, свободных от работ, А. Демидов в прошении Кабинету ходатайствовал об обучении лишь желающих, в этом мнении содержался третий вариант предложений заводчиков, по-прежнему стремившихся избежать обязанность обучения всех детей.

По поводу положений о взимании налога на содержание богаделен и школ мнение было также единое – группа заводчиков-приказчиков в 6 человек (куда входили 4 приказчика Демидовых) высказалась решительно: "на школу и богадельни чтоб платеж отменить, для того, что у промышленников по новосочиненному уставу будут иметься свои школы". Приказчики Строгановых расценили такой платеж "в немалую тягость, понеже имеет быть против горной привилегии", еще трое участников совещания – как "вящее заводчикам отягощение". Двое заводчиков и приказчик заводчицы Турчаниновой усмотрели лазейку в недоработанности норм о налогах в пользу школ: "где оные состоять будут, того в том уставе не изъяснено" – если при казенных заводах, то должны содержаться на казенные средства, а по "Наказу шихтмейстеру" "на каждом заводе школы и богадельни промышленникам содержать велено самим..."⁴⁴.

Такое отрицательное отношение заводовладельцев к отдельным нормам "Заводского устава", затрагивающим их интересы, не могло не сказаться на судьбе этого проекта. "Заводской устав" законодательного утверждения так и не получил, хотя его нормы, касавшиеся казенных школ, были претворены в жизнь на распорядительном уровне властью Татищева как начальника заводов. 19 мая 1735 г. он распорядился дать главному межевщику "с должности ево написанной" копию и "по оной... в надзирании школ и протчем поступать"⁴⁵. Эта инструкция оставалась действующей на протяжении всей первой половины XVIII в., как и положения, определявшие обязанности начальника заводов в отношении школ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Количество созданных и намеченных к открытию школ подсчитано впервые на основе документов ГАСО.
2. Из истории Урала: Сб. док. и материалов. Свердловск, 1971. С. 146–148; Сафронова А.М. Инструкция В.Н.Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Урал. археограф. ежегодник за 1973 г. Свердловск, 1975. С. 97–98; ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 57. Л. 28–30 об.; Горный журнал, 1831, кн. 1–3, 5, 6–10; Павленко Н.И. "Наказ шихтмейстеру" В.Н.Татищева // Ист. архив. М.; Л., 1951. Т. VI. С. 210–228; Демидова Н.Ф. Инструкция В.Н.Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // Там же, 1950. Т. V. С. 167–177.
3. Горловский М.А., Павленко Н.И. Материалы совещания уральских промышленников 1734–1736 гг. // Ист. архив. М., 1953. Т. IX. С. 3–155.

4. Нечаев В.Н. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 32, 55-56, 73, 77-78. (в приложении воспроизведен текст части положений устава о школах. С. 107-112); 100 лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 20; Буров А.А. Петербургские "русские" школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII века. Л., 1957. С. 64; Он же. Первый устав русской народной школы // Сов. педагогика. 1960. № 6. С. 120.
5. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 104. Л. 73-74.
6. ПСЗ. Т. IX. № 6 559. С. 290-296.
7. Там же. С. 294.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 27.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112-113.
10. Там же. Д. 216. Л. 2.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1 527. Л. 35.
12. Там же. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 63 об.
13. Ист. архив, 1951. Т. IV. С. 223-225.
14. Шишонко В. Пермская летопись. Пермь, 1889. Ч. 3. С. 35.
15. Ист. архив, 1951. Т. IV. С. 234.
16. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979., С. 86.
17. ПСЗ. Т. VI. № 3 718. С. 330-331; Т. VIII. № 5 881. С. 557; Т. VI. № 3 708. С. 302; Т. VIII. № 5 518. С. 257; № 5 811. С. 519; Т. VIII. № 6 188. С. 928.
18. Там же. Т. V. № 2 778. С. 86; Т. VI. № 3 718. С. 337; № 4 021; Т. VIII. № 5 811. С. 519; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 325. Л. 4 об.
19. Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 67.
20. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 281 об.
21. Ист. архив, 1951. Т. IV. С. 235.
22. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 167.
23. Ист. архив, 1951. Т. IV. С. 205-208.
24. Там же. С. 229-230.
25. Там же. С. 233-234.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 81; Д. 228. Л. 167; РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1 528. Л. 191 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 98.
27. ПСЗ. Т. IX. № 6 840. С. 608.
28. Там же.
29. РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 99.
30. Там же. Оп. 22. Д. 1 528. Л. 130 об.
31. Горный журнал, 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 190-191.
32. Там же. Ч. 3. Кн. 8. С. 316.
33. Там же. С. 316-317.
34. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 57. Л. 28 об., 30.
35. ПСЗ. Т. VI. № 3 718. С. 333-334; № 3 937. С. 535; Т. VIII. № 5 881. С. 557-558.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 26.
37. Горный журнал, 1831. Ч. 3. Кн. 8. С. 317.
38. См.: Уставы Академии наук СССР. 1724-1974. М., 1974. С. 9.
39. Горный журнал, 1831. Ч. 3. Кн. 8. С. 318-319.
40. Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 103-104.
41. Горный журнал, 1831. Ч. 2. Кн. 5. С. 175-176.
42. Там же. Ч. 3. Кн. 7. С. 1-6.
43. Ист. архив, 1953. Т. IX. С. 132.
44. Там же. С. 137, 139, 145.
45. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 220. Л. 142.

V.N.TATISHCEV AND MINING SCHOOLS IN THE URALS IN 1730s

V.N.Tatishchev's projects aiming at school system development in the Urals, including training programs and educational institutions foundation are treated in the article. Although these were merely partly realized, the author appraised them as a progressive novelty of great value for the educational system development in the Urals.

A.M.Safronova

ПЕТР III: РОПШИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

После выхода в свет книг и ряда статей, посвященных определенной коррективке, а в некоторых случаях и пересмотру традиционных оценок жизни и государственной деятельности внука Петра Великого, российского императора и правящего герцога Гольштейн-Готторпского, Петра III Федоровича, автор полагал для себя эту тему завершённой¹. Но неожиданные находки в шведских хранилищах, сделанные им в 1992 г., позволившие по-иному взглянуть на некоторые, ранее известные документы из отечественных архивов, побудили его вновь вернуться, по крайней мере, к некоторым аспектам названной темы². В предлагаемой статье пойдет речь об обстоятельствах последних дней жизни и о смерти "несчастливого Петра III" (А.С.Пушкин)³, существенно отличавшихся от представлений, признанных до сих пор и отразившихся в справочной литературе.

7 июля 1762 г. от имени императрицы Екатерины II были опубликованы два очередных манифеста – в одном из них верноподданные извещались о предстоящей коронации новой самодержицы, а в другом сообщалось о кончине ее супруга, последовавшей от того, что свергнутый император "обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком гемороидическим впал в престожую колику". Повелевая похоронить Петра Федоровича в Александро-Невской лавре (а не в Петропавловском соборе, как это полагалось бы), Екатерина заключала свой манифест удивительными по цинизму и кощунству словами: "Сие же бы нечаянное в смерти его божие определение принимали за промысел его божественный, который он судьбами своими неисповедимыми нам, престолу нашему и всему Отечеству строит путем, его только святой воле известным"⁴.

Официальным вестям верили мало, и толки о подлинных причинах смерти содержавшегося в Ропше под усиленной охраной пленника охватили разные слои русского общества. "Удивительно, – писал по этому поводу 23 июля (3 августа) 1762 г. прусский посланник Б.В.Гольц, – что многие лица теперешнего двора, вместо того, чтобы устранять всякое подозрение...напротив того, забавляются тем, что делают двусмысленные намеки на род смерти государя... Никогда в этой стране не говорили так свободно, как теперь"⁵. А говорили о насильственной смерти, связывая ее с Алексеем Орловым, тем более, что последний в покаянной записке Екатерине II извещал, что Петра III он со товарищи случайно задушил в пьяной драке. Слухи об этом не без участия самой императрицы проникали в придворную среду, а из нее – дальше. Такая утечка информации была для Екатерины не просто выгодна – как мы вскоре поймем, она была жизненно необходима.

Если бы все было так, как официально о том сообщалось! Или хотя бы так, как шептались об этом по углам! Но правда оказывалась более страшной, более коварной.

В рукописном отделе Королевской библиотеки в Стокгольме хранится рукопись на немецком языке под названием "История свержения и смерти императора Петра Третьего"⁶. Ее изучение показало, что она содержит текст воспоминаний датского дипломата Андреаса Шумахера (1726–1790), который с небольшими перерывами жил в Санкт-Петербурге в 1757–1764 годах и, следовательно, являлся свидетелем бурных событий тех лет. Поскольку записки Шумахера были изданы

в Гамбурге фирмой П. Саломон и Компания (1858)⁷, обнаруженная нами стокгольмская рукопись и не заслуживала бы особого внимания, если бы не запись на ее форзаце библиотечного шифра: Drottningsholms Bibl. Kat. № 117 20.08.1954. Поясним ее смысл. Первое слово означает название королевского дворца под Стокгольмом и поныне являющегося собственностью королевской семьи. Далее указан порядковый номер рукописи по каталогу, после чего названа дата ее поступления в королевскую личную библиотеку. Но это означает, что список воспоминаний Шумахера поступил сюда за четыре года до издания в Гамбурге! А это существенно меняет отношение к списку, делая целесообразным его сопоставительный анализ с печатным текстом.

Хотя в своих записках Шумахер характеризовал общую картину жизни Петра Федоровича, сперва как великого князя и наследника престола, а затем как императора, основное внимание он уделял его свержению, аресту и смерти в Ропше. Далеко не все, о чем сообщал датский дипломат, изложено точно — это и не удивительно, поскольку очевидцем ропшинских событий он не был. Зато ему удалось собрать и систематизировать по дням время от ареста Петра до его убийства, причем относился он к арестанту не только с сочувствием, но и с пониманием. И это несмотря на то, что взаимоотношения между Петром III и датским двором складывались не просто, а после восшествия Петра Федоровича на российский престол — и враждебно: между Россией и Данией назревала война из-за Шлезвига. Поэтому участливое отношение датского дипломата к судьбе императора заставляет отнести к его запискам с доверием, которое, естественно, не исключает перекрестной проверки (там, где это позволяют источники) приводимой им информации.

Для нашей темы наибольший интерес представляют те страницы записок, которые посвящены периоду после 28 июня, когда Петра Федоровича принудили отречься от российского престола. Бесконечные унижения, грубые издевательства со стороны Алексея Орлова и других высокопоставленных и рядовых тюремщиков — вот та моральная обстановка последних дней свергнутого императора, которую воссоздавал Шумахер.

Ограничимся только одним фрагментом, сыгравшим в развязке ропшинской трагедии ключевую роль. Поскольку между гамбургским изданием и стокгольмским списком имеются некоторые разночтения, обратимся к последним. Здесь сообщалось, что 1 июля в Петербург прибыл курьер с известием о том, что бывший император нездоров. Поскольку устное приказание лейб-медику хирургу Лудерсу выслать лекарства им выполнено не было, Екатерина, по словам Шумахера, приказала врачу лично отправиться в Ропшу "как только возможно скорее". Лудерс же медлил, опасаясь быть заточенным на неопределенный срок вместе с пленником. И только 3 июля он отправился "в скверном русском экипаже" вместе с любимым молсом и не менее любимой скрипкой Петра Федоровича. На пути в Ропшу врач случайно повстречался с преданным императору камер-лакеем Масловым. По словам Шумахера, Маслова, постоянно находившегося в комнате Петра, хитростью выманили в сад, арестовали и тотчас же направили в Петербург.

Даже признавая добросовестность мемуариста, в том, что им сообщается, немало любопытного: Екатерина узнает, что ее супруг занят, но врача к нему не посылает; узнав, что лекарства, которые она вместо этого распорядилась выслать, не доставлены, она повелевает бывшему лейб-медику (причем хирургу) бывшего императора выехать самому; но не немедленно, как следовало бы ожидать, а по возможности скорее. И эта странная встреча Лудерса с Масловым, которого именно в тот же день, когда Лудерс выехал из Петербурга в Ропшу, арестовывают и оттуда препровождают в столицу. Впрочем, некоторый свет на подоплеку назревавших событий проливает первая из сохранившихся полуграмотных записок Алексея Орлова к Екатерине, датированная кануном

этого дня – 2 июля. В ней сообщалось, что Петр Федорович так сильно занемог коликами (какими именно, не указано), что вероятнее всего умрет ближайшей ночью. Одновременно Орлов описывал трогательную сцену, как со слезами на глазах караульные солдаты и унтер-офицеры просили передать благодарность императрице за то, что она выплатила им денежное содержание за целое полугодие! Записка эта сообщает больше, нежели краткий доклад о положении дел. Это очевидный знак, что к желаемой развязке все подготовлено. Не зря, маскируя задуманное, Екатерина как раз в эти дни усиленно распространяла версию о подготовке корабля для отправки своего супруга в Киль, в его немецкое герцогство⁸.

Итак, вернемся к запискам Шумахера. Камер-лакей удален, а его господин полностью в руках своих злейших врагов. И сразу же происходит неизбежное: и в печатном издании, и в списке сочинения Шумахера сказано, что Петра задушили ружейным ремнем, а главным убийцей назван почему-то Шванович, хотя, судя по описанию ("высокий и сильный мужчина"), это был, как известно и по другим источникам, Алексей Орлов. Другие участники убийства поименно не названы. При этом между обоими текстами возникли некоторые разночтения: в стокгольмской рукописи "Шванович" (т.е. А.Орлов) назван иностранцем, перешедшим в православие, а в печатном тексте – при сохранении той же характеристики – шведом⁹.

По убеждению Шумахера, движущей пружиной ропшинской трагедии был Г.Н.Теплов, действительный, а затем почетный член Санкт-Петербургской Академии наук, ботаник и литератор. Ревностный сторонник Екатерины в бытность ее великой княжной и противник Петра Федоровича за "непочтительные речи" о нем был в марте 1762 г. на короткое время взят под стражу. Примкнув к заговору, Теплов стал составителем первых манифестов Екатерины II, пожаловавшей ему за это крупную сумму в 20 тысяч рублей. Она знала, кого послать в Ропшу, чтобы наверняка обеспечить ею задуманное. По словам Шумахера, Теплов "отправился 3 июля в Ропшу и сразу же принял меры к убийству императора. Ранним утром 4 июля лейтенант князь Бяратинский прибыл и передал сообщение обер-гофмейстеру Панину, что император мертв"¹⁰. Если верить официальным документам, это произошло 6 июля. Но это очередная екатерининская ложь – внук Великого Петра был убит тремя днями ранее, 3 июля.

И, конечно, не по причине "прежестокости колики" и "припадка геморроидического" расстался он с жизнью, а через удушение. "То, – отмечал Шумахер, – что он умер такой смертью, показывает состояние его трупа, на котором лицо его почернело так, как должно быть при повешении или удушении. То, что удушение произошло сразу же после отлучения от него Маслова, вытекает из того, что не только придворный хирург Лудерс, но и посланный как раз в тот день придворный хирург Паульзен со своими инструментами и вещами был готов к вскрытию и балзамированию тела императора"¹¹.

Срочное командирование Теплова для обеспечения задуманной цели было, надо полагать, крайней мерой, поскольку, оказывается, первоначально для этого пытались применить другое, менее заметное и шокирующее средство – отраву. "Уверяют, – читаем мы в стокгольмском списке воспоминаний Шумахера, – государственным советником доктором Крузе был приготовлен смертельный напиток, который он (т.е. Петр III–А.М.) не хотел употреблять". В гамбургском издании та же мысль изложена более пространно и в смягченном варианте: "Уверяют правдоподобно, что было испробовано также другое средство, дабы сжечь его со света, чего однако сделать не удалось, и что еще, в числе прочего, государственный советник и доктор Крузе изготовил отравленное питье, которое император пить не хотел"¹². Версия об отравлении Петра Федоровича встречалась и в других современных источниках. Так, в хранящемся в Королевском архиве Швеции сочинении "Секретные известия о ха-

рактере, жизни и смерти Петра III" прямо утверждалось: "Петр был либо задушен, либо изведен ядом"¹³. Как мы знаем, первое наиболее вероятно.

То, что вариант с ядовитым питьем не удался, заслуживает размышлений: причина состояла в отказе экс-императора употреблять предлагавшиеся ему напитки. Нелепо, конечно, допускать, что врач или кто-либо из тюремщиков предлагали выпить напиток с надписью "яд"! Отраву легко было подсыпать и в пиво, и в водку, тем более, что по уверениям официозных мемуаристов, пленник все дни в Ропше только то и делал, что предавался пьянству. Да и Алексей Орлов якобы задушил Петра случайно, во время пьяной драки с ним. А на деле: душили, т.к. пить предлагавшееся ему пленник стойко отказывался. Значит, снова ложь, в данном случае о патологическом алкоголизме императора? Выходит, не напивался он в Ропше, не в пьяном виде затеял драку с великаном Орловым, что вообще нелепо допустить? Да и был ли Петр III зачинщиком драки? И была ли такая драка вообще? Вернее предположить, что Орлов, отчаявшись опохмелить низложенного императора отравой, стал душить его, а пленник попросту отчаянно защищался. Так из-за завесы лжи постепенно проступают контуры картины последних мгновений жизни несчастного императора; нет, теперь уже просто человека, отчаянно и безнадежно борющегося за спасение собственной жизни.

Слухи о более ранней, по сравнению с объявленной, дате по-видимому сразу же проникли в общество, хотя точностью и не отличались. Так, в дневниковых записях близкого к Петру III академика Я.Я.Штелина имеется лаконичная запись: "5 июля кончина императора"¹⁴. Штелин ошибался, поскольку пользовался не вполне ясными слухами. Зато в свете информации Шумахера по-новому зазвучали до того не вполне ясные документы. Любопытно, что датированы они тем же числом, что и запись Штелина: 5 июля.

В первом из них генерал-поручику В.И.Суворову и майору Воронежского пехотного полка Пеутлингу предписывалось прибыть в Санкт-Петербург. Ни о целях вызова, ни о причинах спешки при этом не говорилось. Зато имелась ссылка на то, что приказ ехать в столицу исходил непосредственно от Екатерины II, а сообщен письмом графа Кирилла Разумовского от 4 июля. Судя по всему, дело рассматривалось как спешное и секретное¹⁵. В чем оно заключалось, можно понять из второго документа, направленного Суворовым из Петербурга в Ораниенбаум: "Секретно. Ордер господину майору Пеутлингу, обретающемуся при карауле в Ораниенбауме. По получении сего немедленно извольте вынуть из коммат обще с господином советником Бекельманом бывшего государя мундир – голштинский кирасирский, или пехотный, или драгунской, который только скорее сыскать можете, и запечатать комнаты опять вашею и советника печатями, и прислать оный мундир немедленно с сим посланным. Как тот мундир будете вынимать, постаратца, чтобы оный кроме вас двух, видеть, ниже приметить хто мог, и сюда послать, положить в мешок и запечатать. И везен бы был оный сокровенно, а ежели господин Бекельман не знает, в которых бы покоях тот мундир сыскать это можно, о том спросить тех, которые были при гардеробе. Генерал-поручик В.Суворов"¹⁶.

Но с какой целью и немедленно требовалось отвезить одежду Петра Федоровича в столицу? И почему все это было окружено таинственностью, которая подчеркивалась не только грифом "Секретно", но и припиской на документе: "Весь ордер целиком написан рукой генерала В.И.Суворова". Дать на переписку писарю явно опасались из-за возможности утечки информации. Отчего такие предосторожности?

Оставаясь в рамках официальных сообщений, ответить на подобные вопросы затруднительно. В самом деле, низложенный император пребывает в Ропше и предается беспробудному пьянству; императрица хлопочет о скорейшей подготовке корабля для отправки супруга в Киль... Это – если верить манифестам и

государственной переписке Екатерины. А если исходить из информации, содержащейся в воспоминаниях Шумахера?

Обратим еще раз внимание на дату первого из двух названных повелений, исходивших от императрицы: устное распоряжение Разумовскому было дано не позже 4 июля, поскольку именно этим числом датирован первый документ. Напомним, что, по Шумахеру, как раз в этот день поутру Барятинский прибыл из Ропши в Петербург для доклада Н.И.Панину (а фактически – императрице) о кончине Петра III. Иначе говоря, хронология русских документов и информации Шумахера полностью совпадает, что делает общую картину изложенных в ней событий достоверной.

С поступления в столицу известия об убийстве императора течение событий раздваивается. Совершившееся в Ропше держится в строгой тайне, императрица о нем ничего "не знает". И в России, и за рубежом уверены, что Петр III жив и при участливой заботе Екатерины вот-вот отплывет из Петербурга в Киль. Это, так сказать, "снаружи". А как на самом деле? Захватившая власть группировка спешит: нужно придумать какое-то объяснение (в сущности, контуры его мы уже находим в первой записочке А.Орлова – "колики"), нужно написать манифест, нужно придать нормальный вид обезображенному телу покойного (а об этом у Шумахера красноречиво сказано), облачив его в военный мундир. Причем обязательно не русский, а гольштейнский – любой, но только гольштейнский, дабы лишний раз зримо подчеркнуть пропагандистское клише об отчужденности Петра Федоровича от России. Требовалось, одним словом, срочно изготовить легенду!

И вот как она творилась на глазах окружающих придворных. Пользуясь изустными дворцовыми преданиями, фрейлина В.Н.Головина, племянница И.И.Шувалова (она родилась в 1766 г., а фрейлиной стала в 1782 г.), позднее так передавала рассказанное ей Н.И.Паниным: "Я находился в кабинете ее величества, когда князь Орлов явился доложить ей, что все кончено. Она стояла в середине комнаты, слово "кончено" поразило ее. "Он уехал?" – спросила она сначала, но услышав печальную новость, упала в обморок. Охватившее ее затем волнение было так сильно, что одно время мы опасались за ее жизнь"¹⁷. Сцена, талантливо разыгранная на публику!

Впрочем, Екатерина не менее талантливо играла не только на настоящее, но и на будущее. Она не случайно всю жизнь хранила записочки А.Г.Орлова, распорядившись вручить их после ее смерти вместе с рукописями своих мемуаров Павлу Петровичу. По сути дела, записочки Орлова компрометировали не ее, а автора этих записочек, а заодно и тех, кого он в них упоминал или на кого намекал как на свидетелей "пьяной драки". И записочки эти, с одной стороны, как бы реабилитировали самое Екатерину, а с другой – становились средством шантажа не только А.Г.Орлова, но и его брата и любовника императрицы – Григория. На всякий случай, чтобы не заходили далеко в претензиях на власть! В этом проявилась одна из характернейших черт Екатерины и как политика и как человека: умение замечать следы собственных преступлений, возлагая ответственность за них и даже инициативу на других. Отмечая эту ее черту, видный историк Я.Л.Барсков в свое время писал, что "ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков"¹⁸.

И теперь, когда удалось приоткрыть плотные завесы, скрывавшие происходившее в Ропшинском дворце, дата гибели внука Петра Великого может быть уточнена: не 6 июля, как принято считать, а 3 июля 1762 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мыльников А.С. Легенда о русском принце: Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры. Л., 1987. 175 с.; Он же. Искушение чудом: "Русский принц", его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. 268 с.; Он же. Петр III // Вопросы истории, 1991. № 4-5. С. 43-58; Он же. Чужой среди своих // Родина, 1993. № 3. С. 36-42; Myl'nikov A.S. Die falschen Zaren; Peter III. und seine Doppelgänger in Rusland und Osteuropa. Eutin, 1994. 275 s.; Ibid. Die Kieler Weissagung über Peter III.: Eine unbekannte Episode aus den deutsch-russischen Kontakten im Baltischen Bereich // Colloquium balticum ethnographicum : Wede und Teilnehmer ethnisch-kultureller Kontakte in der Ostseeregion. Riga, 1993. S. 109-118.
2. Myl'nicjv A.S. Die falsche Zaren. S. 89-99, 112-120.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 17 тт. М., 1949. Т. XI. С. 289.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Первая серия. СПб., 1830. Т. XV-XVI. № 11599.
5. Мыльников А.С. Искушение чудом. С. 109.
6. Stockholm. Kungl. biblioteket. Handskriftor D 1419.
7. Schumacher A. Geschichte der Tronentsetzung und des Todes Peter der Dritten. Hamburg, 1858.
8. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982. С. 28.
9. Schumacher A. Op. cit. S. 56.
10. Stockholm. Kungl. biblioteket. D 1419, s.f.
11. Op. cit.
12. Schumacher A. Op. cit. S. 57.
13. Stockholm. Riksarkivet. Manuscriptsamlingen. Miscellanea № 80. Bl. 7 vers.
14. Штелин Я.Я. Записки // Русский архив, 1909. № 7. С. 532.
15. ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. № 178. Л. 17.
16. Там же. Л. 19.
17. Головина В.Н. Записки. СПб., 1900. С. 29.
18. Цит. по кн.: Эйдельман Н.Я. Ук. соч. С. 23.

PETER III: THE TRAGEDY IN ROPSHA IN THE LIGHT OF NEW DATA

Basing on new documents extracted from Swedish archives the author revises old conceptions of dethronement and death of the Russian emperor Peter III in 1762. The new date of Peter III's death is substantiated: July 3, not July 6 as it was believed earlier. According to the author's version the murder of the emperor was not a chance but a premeditated action with the central role in it played by Catherine II.

A.S.Myl'nikov

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ XVIII–XIX ВВ.: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СЛУХОВ*

Слухи являются неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации любого общества, дополняя формальные (официальные) коммуникации неформальной сетью "доверительных сообщений". Существенно важная характеристика слухов – неофициальный источник их распространения (слухи – информация, еще не подтвержденная официальным источником либо уже опровергнутая им). По мнению известного американского социального психолога Т.Шибутани, в основе слухов лежит событие, характеризующееся важностью и неопределенностью (слух = важность \times неопределенность). Согласно так называемому закону Олпорта, который является по существу модификацией приведенной выше формулы, слух есть функция важности события, умноженной на его двусмысленность (слух = функция / важность \times двусмысленность /). Слухи выполняют функции адаптации, осмысления обществом инноваций; установления контроля над угрожающими изменениями реальности; ориентации и стандартизации коллективного поведения. В какой-то степени указанные свойства слухов обобщены в определении А.С.Ахиезера: "Слухи – постоянно действующая система интерпретации событий массовым сознанием в соответствии с исторически сложившимся менталитетом. Слухи – неофициальная форма связи в большом обществе, постоянный процесс освоения событий в дуальной оппозиции: комфортное-дискомфортное состояние, тайный шепот широких масс, формирующий общую духовную атмосферу в обществе, против которой бессильны как система массовой информации, так и самые крайние методы массового террора. Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дискомфортное состояние, могут превратиться в массовые действия, в неповиновение власти, в погромы и т.д., массовые движения, например, бегство в "обетованные земли", паническая скупка товаров и т.д."¹.

Слухи уже давно стали объектом изучения американской и западноевропейской социологии, социальной психологии². Отечественная социология, политология, социальная психология, пожалуй, лишь начинает осмысление данного интереснейшего феномена³. Несколько больше повезло слухам как объектам исследования в отечественной историографии и фольклористике. Еще в 1925 г. известный советский историк С.Н.Чернов поставил вопрос о важности слухов как источника для изучения народной публицистики декабристской эпохи: "Изучение слуха как исторического источника, можно сказать, едва только ставится. Меж тем для историка-исследователя он представляет огромный интерес ... Дело в том, что при достаточно умелой постановке исследования и уточнения методов подхода и изучения, слух может быть использован для труднейшей и ответственной области научного восстановления отдельных отрезков социально-политической борьбы: здесь слухи дают материал не только для изучения настроений и

* Статья выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда (№ Z16000/564).

взглядов сложивших и передавших их лиц и кругов, но и для выяснения их конкретных планов, тактики и социально-политических программ"⁴. В дальнейшем слухи исследовались преимущественно в связи с крестьянским движением, как форма выражения народных общественных представлений, социально-утопических легенд⁵.

Огромная значимость слухов в условиях традиционного общества, когда они являлись едва ли не ведущим видом коммуникации, делает актуальным изучение их содержания, функций, механизмов генезиса и трансляции в исторической ретроспективе. Необходимым аналитическим инструментом при этом выступает классификация, которая может проводиться по различным основаниям: по содержанию (слухи политические, экономические, экологические, о событиях в мире искусства, неразгаданных и таинственных явлениях, о событиях местного масштаба); по типу происхождения (спонтанные, сознательно индуцированные); по временной направленности (обращенные в прошлое, предсказательные); по отношению к реальности (рациональные, фантастические); по эмоциональной тональности, в зависимости от того, каким человеческим потребностям слухи удовлетворяют (слух-мечта, слух-пугало, слух-разделитель) и т.д. В данной статье, не претендующей на всеобъемлющую классификацию, делается попытка определения лишь некоторых типологических групп слухов, характерных для уральской деревни XVIII–XIX вв.

Оптимистические слухи. В XVIII–XIX вв. были широко распространены слухи, несшие благоприятную (оптимистическую) информацию для социальных низов. Большой социальной резонанс вызывали слухи о "милостивых" царских указах, "благой вести", ликвидировавшей нежелательные социальные препоны, предлагавшей оптимальный вариант социального устройства, повышение сословного статуса и т.п.

Подобные слухи (об уменьшении или вообще о ликвидации заводской повинности) активно циркулировали среди приписных крестьян Урала в середине XVIII в. Так, крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, приписанные к демидовским заводам, начали в 1760 г. утверждать, что они были "приписаны к заводам только на три года, и те урочные годы уже вышли"⁶. Летом 1762 г. дьячок А.Ключарев распространял среди крестьян Кушвинского завода слухи, "якобы есть указ, что казенные заводы будут постановлены на пять лет, а на партикулярных заводах крестьяном работать не велено, а канпанейщикам на заводах работ производит велено волными людьми". Кушвинская заводская контора сообщала в канцелярию Главного заводов правления о последствиях данного разглашения – "и услыша крестьяне такое разглашение, из работ разбежались"⁷. Крестьяне Невьянской слободы, отказываясь выполнять заводские отработки, заявляли: "А есть де у нас указ свой, присланной из земской конторы, которым де повелено им только подушные денги платить, а не работою работать, по одному рублю по две копейки"⁸. Основой для формирования слуха послужила копия с указа из Екатеринбургской конторы судных и земских дел о сборе на прибавочные к подушному окладу 60 коп. накладных по две копейки с рубля.

Крестьяне Ачитской крепости, приписанные к Уткинскому заводу, были уверены в существовании указов, согласно которым "нам на заводе работать не велено, токмо де того указу не объявляют"⁹. Среди крестьян Пышминской и Тамакульской слобод, приписанных к Верх-Исетскому заводу, циркулировали слухи о ликвидации заводских отработок вследствие сенатского указа 12 октября 1760 г. – "а мы де имеем указ, состоявшейся в 1760-м году, по которому велено забирать подушных денег во всем государстве только по одному рублю и сверх того никаких накладок не накладывать"¹⁰. В действительности данный указ не отменял приписки; напротив, он увеличивал объем заводских повинностей. Кроме того, приписанные к Верх-Исетскому заводу крестьяне Белоярской, Калиновской, Пышминской, Тамакульской слобод говорили, "будто подлинно состоялся указ, и в

народ публикован, о всех приписных к казенным и партикулярным заводам крестьян, чтоб им всем за подушной оклад не работать, а исправлять те работы с воли и непринуждено, а за ожиданием того указа никуда в работы они не пойдут"¹¹. Крестьяне с. Кубас Казанского уезда, приписанные к Вознесенскому заводу графа К.Е.Сиверса, утверждали, "якобы об отрешении всех таковых, яко и они приписных к заводам крестьян, воспоследовал Его императорского величества указ"¹².

Среди приписных крестьян Авзяно-Петровских заводов в середине 1760-х гг. циркулировали слухи, что в силу учреждения генерал-квартирмейстера князя А.А.Вяземского "положено для зарабатывания при тех заводах подушных денег быть по тридцети по шести дней", хотя ничего подобного в действительности указанное учреждение не предусматривало¹³.

Слухи о "милостивых" указах распространялись в середине XVIII в. и среди крестьян духовных вотчин. При этом порой, как и в приписной деревне, поводом к их возникновению служил указ 12 октября 1760 г., истолкованный крестьянами в духе ликвидации зависимости от монастырей или тобольского архиерейского дома. Так, 10 февраля 1762 г. в слободе Воскресенской (вотчине сибирского митрополита — И.П.) был устроен крестьянский сход; в течение четырех дней крестьяне — "от 50-ти до ста человек и более" — "продолжали в том зборище шуметь", "крычали и проговаривали" об утаенном от них, крестьян, архиерейскими властями указе, "чтоб за архиереями и монастырями крестьяном не быть, а велено де положить на всех крестьян прибавочные подушные деньги, а сверх де того никаких платежей денежных и хлебных не давать и работ без платежа плакатных денег не работать". При этом архиерейские крестьяне ссылались на копию сенатского указа об увеличении подушного оклада на 60 коп.¹⁴. В начале декабря 1762 г. крестьяне Воскресенской слободы толковали именной указ 8 октября того же 1762 г. о послушании помещикам и властям в том смысле, "якобы в монастырях и архиерейских вотчинах как отставным архиереям, так и духовным властям быть не велено"¹⁵. В ноябре 1763 — апреле 1764 гг. крестьян Далматовского Успенского монастыря укрепляли в их нежелании повиноваться духовным властям слухи о существовании указа "о бытии крестьяном и вотчинам во отрешении от монастыря", а также о том, что "есть де уже в Оренбурхе член, которой якобы и отправлен сюда в Далматов монастырь членом" (т.е. представитель гражданской власти, направленный для осуществления секуляризации духовной вотчины — И.П.)¹⁶.

В 1782 г. в Малмыжском уезде среди крестьян распространился слух о милостивом указе об "облегчении народа". Данный указ якобы повелевал собирать "с поселян в подать государственную с каждой души по рублю пятидесяти только в год, да 15 лет рекрутских наборов не будет"¹⁷.

Широкое распространение оптимистические слухи имели и в XIX в. В 1812 г., торопя переход от ненавистной крестьянам приписной системы к использованию труда непременных работников, взбунтовались крестьяне Камышловского, Екатеринбургского, Шадринского, Ирбитского уездов, приписанные к Верх-Исетскому заводу Яковлева, Нижне-Тагильскому заводу Демидова и Гороблагодатским казенным заводам. Серьезным фактором в данном социальном конфликте выступали слухи о "милостивом" указе, избавлявшем якобы крестьян от заводской повинности. Говорили, что "прислан в Шадринске высочайший указ с золотою строкой, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, те вечно останутся при заводах". Крестьяне Тамакульской волости заявляли, "что никогда вечно компанейщику работать не будут, да и они о сем имеют якоб именованное повеление и указ, что работать более в Верх-Исетском заводе не следует, и горное правление принуждает к работе несправедливо"; что якобы заседатель "с судом компанейщиком куплен, и все дела куплены". Те же самые крестьяне требовали, чтобы заседатель Иконников

выехал из их селений, "пока жив, укоряя его, будто б взял с управляющего 2000 руб., то-есть с Верх-Исетского, и земский суд обще горного правления с первым департаментом куплены, и они никогда сии места слушать не будут до тех пор, чтоб им привести указ за подписом его императорского величества, а то живые в руки никому не дадутся"¹⁸. Слухи о "милостивом" указе, имевшие хождение среди крестьян Тамакульской и Новодеревенской волостей Камышловского уезда, проникли в Покровскую волость Ирбитского уезда. Крестьяне последней, ссылаясь на соседей, утверждали, "что де будто бы все они от заводских работ с начала нынешнего 1812 года избавлены, а вместо того прибавка положена на них государственных податей, и что в обществе их есть о том списанные копии с указанных предписаний"¹⁹.

В качестве официальных прототипов крестьянских милостивых указов выступили высочайше подтвержденные доклады министров финансов и внутренних дел 23 июня 1803 г. и 15 марта 1807 г., а также указ Пермского горного правления заводскому исправнику Дрееру от 25 января 1811 г. о нехватке до полного комплекта на Верх-Исетском заводе 160 непременимых работников. Если официальными документами предусматривалась замена приписных крестьян непременимыми работниками с 1 мая 1813 г. — на всех частных заводах, а с 1 мая 1814 г. — на всех казенных заводах, то крестьяне спешили ускорить этот процесс, завершить его уже в 1812 г.

В 1820 — 1830-е годы брожение среди крепостных Южного Урала вызывали слухи об их освобождении. В 1822—1825 гг. волновались крестьяне помещика Кроткого в дер. Никольской Бугурусланского уезда Оренбургской губернии в связи с распространением в их среде слухов о "вольности"²⁰. В 1830 г. в Оренбургской губернии распускались слухи о том, что при проведении очередной, 8-й ревизии все родившиеся в помещичьих имениях после предшествовавшей ревизии будут отчислены в казну²¹. В 1836 г. торгующие крестьяне родные братья Степановы (крепостные госпожи Кашинцева из Шуйского уезда Владимирской губернии) внушали крестьянам помещика Мордвинова, проживавшим в дер. Подколошной Бугульминского уезда, "что скоро они будут все вольные, с уверением тем, что с открытием весны для объясненнаго предмета начнется уже и война". Иван Степанов при этом пояснил, "что во время следования его, не сказав каким трактом, попались ему навстречу неизвестные люди на семидесяти подводах, кои на вопрос ему ответствовали, что везут на оных лыжи в Белебеевский уезд, и оне бы молились Богу, что с открытием весны начнется какая-то война, и через оную они все будут вольны, и тогда он не станит ни за что служить своему господину; причем ругал его разною бранию". На счастье братьев Степановых толки, ими произведенные, не имели серьезных последствий. Оренбургская палата уголовного суда объяснила "нелепые" разглашения братьев одной "невежественной необдуманностью, нежели намерением к нарушению общей тишины и порядка" и приговорила одного из Степановых, Ивана, лишь к наказанию 25 ударами розги²².

В 1831 г. в удельной деревне Вятской губернии циркулировали оптимистические слухи о переводе крестьян в разряд государственных. Основанием для их распространения послужил специфически интерпретированный крестьянами указ 16 января 1830 г. (указ предполагал сосредоточить удельные имения в 11 губерниях вместо 36 путем обмена удельных селений на казенные). Крестьяне были уверены, что уделы уничтожаются, а власти уже два года скрывают от них высочайший указ о передаче их в казенное ведомство. Во время диалога чиновника департамента уделов А.П.Найденова с крестьянами Нечкинского общества со стороны последних раздавались требования: "покажи нам руку государя; все идем за него головами, выпиши нас в государственные", "в яшашные"; "быть по-старому, не хотим участков, тягол, барщины, ничему не верим, никого не слушаем"²³.

Серьезные волнения произошли в 1841 г. на Ревдинском заводе. Заводская администрация получила указ Уральского горного правления о введении на всех частных заводах единой меры угольного короба, но не торопилась вводить этот норматив на своем заводе. Между тем заводское население узнало о существовании какого-то указа, скрываемого администрацией. Среди углежогов распространились слухи о сокрытии исправником и заводской конторой нового "штата", подобного штатам на казенных заводах. В последовавших острых событиях требование углежогов выдать им новый "штат" было главным²⁴. В 1849 г. на Верхне-Авзяно-Петровском заводе циркулировали слухи, что "все частные заводы отойдут в казенное ведомство", не имевшие, правда, большого социального резонанса²⁵.

В 1855 г., во время Крымской войны, воззвание синода по случаю образования государственного ополчения, содержавшее призыв ко всему населению России подняться против "нечестивых полчищ ... за землю Русскую", послужило поводом для формирования слухов о том, что крепостные могут поступать на военную службу без разрешения помещиков, а также о том, что по окончании военной службы крепостные со своими семьями получают "вольность". Слухи вызвали крестьянские волнения в Воронежской, Саратовской, Самарской, Казанской, Симбирской, Рязанской, Черниговской губерниях, проявились они и в Пермской губернии. В селении Куяш Екатеринбургского уезда крепостные помещика Зубова, выслушав в церкви синодальное воззвание, разгласили, что "по этому указу крепостные крестьяне могут поступить в военную службу без воли помещика". Следствием подобного разглашения явилось бегство крестьян с целью вступления в ополчение²⁶.

В конце 50-х – начале 60-х годов слухи о скором освобождении крестьян, о справедливом освобождении получили широкое распространение по всей России. Данная тенденция имела место и на Урале. В 1857 г. произошли волнения крестьян помещиков Голубцовых в Красноуфимском уезде Пермской губернии по поводу распространения среди них бессрочноотпускным унтер-офицером слухов о существовании высочайшего указа об увольнении всех крестьян в свободное состояние²⁷. В 1859 г. крестьянин Преображенского завода генерал-майора Пашкова в Оренбургском заводе Д.Филатов оказал сопротивление заводской администрации, заперся в своем доме, отстреливался от вооруженных стражников, убил заводского служителя. Схваченный, он объяснил свои действия притеснениями заводской конторы, а также распространившимся среди крестьян слухом, " что скоро все будут свободными, и что упорство его будет прощено по манифесту"²⁸.

В 1858 г. слухи о свободе или о передаче помещичьих крестьян в казенное ведомство вызвали волнения в Оренбургской (крестьяне помещиков Шкапского, Дурасова, Анненкова в Белебеевском, Стерлитамакском, Бирском уездах; крепостные в имении Топорнина в Бирском уезде; крестьяне помещицы Кочергиной в сельце Андреевке Уфимского уезда; крестьяне помещицы Песляк в сельце Алексеевке Бирского уезда; крепостные И.Г.Шестакова в Мензелинском уезде; крестьяне Шамонина в сельце Холмском Уфимского уезда; крестьяне помещика Пальчикова в Мензелинском уезде; крестьяне в имении Стрелковых в Стерлитамакском уезде), Вятской (крепостные помещика Имшенецкого в сельце Тимеевке Сарапульского уезда), Пермской (крестьяне помещиков Всеволожских в селах Усть-Бубинском и Кызвенском Оханского уезда; крестьяне помещиков Голицыных в Пермском и Оханском уездах, Строгановых в Соликамском и Кунгурском уездах) губерниях. Государственные крестьяне Соковинского сельского общества Слободского уезда Вятской губернии потребовали вернуть уже внесенные ими подати за 1856 и половину податей за 1857 г. в связи со слухами о манифесте, освобождавшем якобы крестьян от казенных повинностей на полтора года, начиная с 1856²⁹.

Находившийся на Урале штаб-офицер корпуса жандармов фон-Вендрих доносил в мае 1859 г., что "толки о свободе" повсеместно распространились на Урале, и крепостные "с нетерпением ожидают этого ... события". Майор корпуса жандармов Комаров в сентябре 1860 г. рапортовал из Пермской губернии шефу жандармов князю Долгорукову: "В отношении низшего сословия слухи о скором освобождении из крепостного состояния весьма их занимают... Некоторые крестьяне прямо обращались ко мне с вопросом, не знаю ли я, когда объявлена будет свобода". Тот же Комаров сообщал 28 февраля 1861 г., что слухи довольно точно определили время издания законоположения об отмене крепостного права: "В начале сего месяца повсеместно распространилась молва о предстоящем освобождении крестьян, долженствовавшем последовать в день восшествия на престол — 19 февраля. Уверенность эта возбуждала в народе радостные надежды и ожидания, а также породила множество различных толков... Масса народа пламенно желает своего освобождения". Слухи о том, что уже получен "указ о свободе", сыграли роль стимулятора протеста в одном из наиболее крупных волнений на горнозаводском Урале в предреформенные годы — в имении Бутеро-Родали³⁰.

Как известно, условия освобождения от крепостничества не оправдали народных надежд. В этой атмосфере стали возникать слухи о фальсификации помещиками и местной администрацией царского манифеста и о существовании подлинной законоположения. Весной 1861 г. вспыхнули волнения в имении Строгановой — в с. Егве. Крестьяне отказались платить владельческие повинности, требовали "быть перечисленными в ведомство государственных имуществ", не признавали Положения 19 февраля, утверждая, "что есть еще другое, которое от них скрыто начальством"³¹. Временнообязанные крестьяне в дер. Сукулак Оренбургской губернии (1862 г.) отказались принять уставную грамоту, выполнять работы и выплачивать оброк владельцам и под влиянием распространившихся среди них слухов потребовали выделить им "какой-то особенный царский надел"³². Весной 1863 г. временнообязанные крестьяне Покровской, Григорьевской, Мысовской, Ситниковской и Кулямской волостей Оханского уезда отказались платить владельческие оброки и засеять свои поля, требовали переселить их на казенные земли под воздействием ложных слухов о том, что по прошествии двух лет после издания манифеста 19 февраля они полностью освобождены от всех обязательных отношений к помещикам. Более того, циркулировали слухи, что те, "кои будут обрабатывать данные им в надел земли, останутся по-прежнему в крепости у помещиков". Пермскому губернатору А.Г.Лашкареву, прибывшему с воинской командой для подавления протеста, крестьяне кричали: "Отбери нас от помещиков, не уйдем, пока не объявишь нас вольными, есть указ, бей нас всех ...". Позицию крестьян, по их собственным отзывам, укрепляли два обстоятельства: 1) предоставленное указом 24 января 1863 г. "О переходе крестьян, вышедших из крепостной зависимости, в общества государственных" право выдавать последним приемные приговоры временнообязанным крестьянам без предъявления увольнительных свидетельств со стороны их обществ; 2) слух, "что будто бы вышел новый указ по тайной полиции о совершенном их освобождении, но не объявляется, чтобы не все крестьяне вдруг оставили своих помещиков"³³. Подобные же слухи об окончательном освобождении крестьян в связи с наступлением 19 февраля 1863 г. имели место в имениях Чайковского и Величко в Сарапульском уезде Вятской губернии. В 1862 г. временнообязанные крестьяне Великореченской, Притыкинской, Успенской, Николаевской волостей в имении П.Д.Дурново и Сметанинской волости в имениях Свешникова и Лермонтова в Яранском уезде (Вятская губерния), а также крестьяне Спешковской, Путинской, Морозовской, Сосновской, Очерской, Вознесенской и Павловской волостей в имениях Строганова (Пермской губернии) отказались принять уставные грамоты и выплачивать владельческий оброк — основной для подобных действий также служили надежды на скорое освобождение, которые связывались с наступлением 19 февраля 1863 г.³⁴

Оптимистические слухи продолжали активно циркулировать в пореформенный период. Так, некоторое распространение они получили во время волнения бывших удельных крестьян деревень Верхнего и Нижнего Армязей и Гоголей Ершовской волости Осинского уезда в 1866 г. Крестьяне отказались вносить выкупные платежи под влиянием агитации соседей – бывших удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Последние приезжали в Ершовскую волость и, ссылаясь на "Вятские губернские ведомости", уверяли, что выкупные платежи за землю вносить не следует³⁵. В 1880–1881 гг. бывшие государственные крестьяне Орловского уезда Вятской губернии саботировали организацию работ по отмежеванию в казну части лесной дачи, находившейся в пользовании крестьян. При этом между крестьянами распространялись слухи "о царской воле: не допускать более работ по размежеванию". Отказываясь избрать уполномоченных для определения достоинства отводимых земель, составлять приговоры и подписывать протоколы, крестьяне ссылались на слух "об издании государем императором нового закона об отмене рукоприкладства"³⁶.

В 1881 г. среди крестьян Татариновского и Кичановского сельских обществ Слободского уезда Вятской губернии циркулировали слухи об отмене податей по царскому манифесту – в итоге крестьяне отказались от уплаты податей и оказали сопротивление местной администрации. "Не будем платить, все царь подати с нас простил, а прежнюю недоимку накопили наши деды и отцы, то ее и не платим", – заявляли крестьяне на сельских сходах. В деревне Татариновой крестьяне просили пристава показать "царскую грамоту", "манифест", "царскую бумагу", даровавшую всем крестьянам "величайшее избавление". Среди крестьян было распространено убеждение, что чиновники собирают подати вопреки царской воле, на собственную потребу – "Для чего вы собираете подати, в кабак или на табак, на пуговицы и на тулупы"; "на медные пуговицы, на табак, в кабак и медвежьи шубы". Поводом для возникновения слухов послужило действительное высочайшее повеление (лето 1881 г.) о сложении более 400 тыс. руб. недоимок по Слободскому уезду, понятое, однако, в смысле общего прощения податей и облегчения повинностей³⁷.

В 1884 г. в Вятской губернии, в Верховской, Верходворской, Пинюжанской волостях Орловского уезда, получили распространение слухи о сложении с крестьян недоимок. Крестьяне ссылались на манифест 15 мая 1883 г., приуроченный к дню коронации Александра III, которым действительно разрешалось оставить без взыскания недоимки по окладным сборам (подушные подати, выкупные платежи, оброчные подати, лесной налог), накопившиеся к 1 января 1883 г. и превышавшие годовой оклад, исчисленный за 1882 г. Таким образом, манифест освобождал крестьян от необходимости уплаты лишь части недоимок; уплата той части недоимок, которая не подлежала сложению, должна была производиться ежегодно в размере не менее 1/5 части годового оклада. Представления крестьян и местной администрации по поводу реализации царского манифеста разошлись. Крестьяне обвинили волостные правления в неправильном составлении раскладочных приговоров и отказались от уплаты податной недоимки и от погашения задолженности по продовольственному капиталу министерства государственных имуществ. Крестьяне утверждали, что начальники собирают податные деньги в свою пользу. 7 марта на сходе в Верходворском волостном правлении крестьяне обвинили старшину и волостного писаря в том, что они "не объявили им тот пункт всемилостивейшего манифеста, в котором сказано о прощении всех без исключения недоимок и долгов продовольственному капиталу, причем крестьяне высказали, что недоимки и долги взыскиваются старшиной и писарем в свою пользу и делятся с начальством". На сходе в Полемском сельском обществе раздавались заявления о том, что "долги продовольственному капиталу поступают в пользу волостных начальников, исправника, станowego пристава и др." Суд при- сяжных, рассматривавший дело, оправдал крестьян Орловского уезда³⁸.

Законоположением 12 июня 1886 г. бывшие государственные крестьяне были переведены на выкуп путем повышения оброчной подати на 41% и преобразования ее в дальнейшем в выкупные платежи, что неизбежно привело к усилению податного гнета. Усиленный сбор недоимок вызвал волнения в Глазовском, Уржумском, Малмыжском уездах Вятской губернии. В 1887 г. слухи о незаконном сборе податей и о прощении недоимок по царскому манифесту вновь стали распространяться в Вятской губернии — в деревнях Нижняя, Средняя и Верхняя Тойма Малмыжского уезда. Крестьянин дер. Нижней Тоймы Н.А.Кузнецов разъезжал по селениям с книжкой, содержащей всемилоостивейший манифест 15 мая 1883 г., читал крестьянам текст манифеста и разъяснял, "что этим манифестом прощены все податные недоимки, которые, следовательно, взыскивать с них никто не имеет права, и платить их не следует". Кроме того, Кузнецов говорил, что "выкупные платежи взыскиваются с них в излишнем количестве на 40% против размера оброчной подати", "показанной во владенной записи". Весной 1888 г. среди крестьян Узинской волости Малмыжского уезда распространились ложные слухи о том, что в соседней Тольенской волости Глазовского уезда понижены выкупные платежи вследствие якобы личного ходатайства крестьян перед государем. Жители Узинской волости также собирались ходатайствовать перед императором о переводе их земель в низший разряд и о снижении платежей. В 1889 г. слухи о милостивом царском манифесте вновь сыграли роль стимулятора протеста в Вятской губернии. Крестьяне Кичминской, Кончанурской, Карак-Солинской, Кужнурской и Кокшинской волостей Уржумского уезда, ссылаясь на манифест 15 мая 1883 г., отказались выплачивать выкупные платежи и недоимки по государственными и земским сборам³⁹.

Специфическую тематическую группу оптимистических слухов составляли *миграционные слухи*, которые наряду с социально-утопической легендой о "далеких землях", цельными религиозно-идеологическими конструкциями⁴⁰, служили идейным оправданием побега. Ядром миграционных слухов также нередко служили известия о "милостивых" указах, разрешавших территориальные перемещения. В 1825 г. под влиянием слухов, что "желающие помещицы крестьяне и беглецы будут поселены в Оренбургской губернии, и будто есть о сем указ государя императора", начались волнения и беги крестьян в Оренбург и Уфу. В течение июля месяца с Каргалинских рудников, принадлежавших Богдавленскому заводу действительного камергера Бекетова, бежало около 60 человек. В Уфе скопилось до 2 тыс. беглецов⁴¹.

В 1838 г. государственный крестьянин дер. Красноярки Кондызской волости Бугурусланского уезда Я.Козьмин разглашал слухи о "вольном переходе на жительство на новоотведенную за Орскою крепостью Оренбургскую линию". Козьмин уверял однодеревенцев, что, находясь на заработках в Илецкой защите, он слышал от казаков, что "беспрепятственно дозволяется казенным крестьянам поселение на Новую Оренбургскую линию". При сборе податей Я.Козьмин заявлял, "что он уже теперь козак". Разглашение Козьмина взволновало многих крестьян — но слух не подтвердился⁴².

Примерно в это же время циркулировали слухи о переселении на Сыр-Дарью⁴³. В 1838 г. крестьянин дер. Черной Троицкого уезда И.Кочнев заявил, что недавно переселившийся в их деревню из Камышловского уезда Пермской губернии крестьянин Рыжков призывает крестьян переселиться на Новую Оренбургскую линию Верхнеуральского уезда на Лебяжье озеро. Других свидетелей разглашения обнаружить не удалось, и в 1842 г. следственное дело закрыли⁴⁴.

Летом 1853 г. крестьян Оренбургского уезда взволновали разглашения, производимые сельским писарем Ратчинской волости Николаем Гусевым при пособничестве крестьянина Антипа Кононова и писаря Оренбургского окружного управления Серова. Разгласители сообщали крестьянам, что "Великая княжна Ольга Николаевна, вступив в супружество с королем Персидским, желает учредить

в Персии 5 губерний из русских подданных и преимущественно из обывателей Оренбургской губернии, как уже привыкших к образу жизни и нравам азиатцев. Что желающие переселиться в Персию могут продать здесь свои дома и все имущество в свою пользу и на подъем получат большаи деньги; что на персидской границе будут встречены самым гостеприимным образом и одарены – мужчины сапогами и шелковыми кафтанами, а женщины – кофтами и шелковыми сарафанами; по прибытии же на место новаго поселения все получают готовые дома и 20-летнюю льготу от всех податей и повинностей”. Кроме того, обещалась помощь от казны на время следования до Персии по 59 коп. в сутки на человека и по 69 коп. на лошадь. Старшему в семействе разгласители сулили по 70 руб. серебром, а по приходе в Персию на постройку жилища – еще по 100 руб. серебром. Разгласители подкрепляли свои рассказы демонстрацией подложных указов – якобы сенатских указов от 6 января и 17 ноября 1852 г. 2-й указ являлся фальсифицированным вариантом реального сенатского указа, и в нем – в отличие от оригинала – имелась запись следующего содержания: “относительно перечисления государственных крестьян на земли: 1) Персидской области по Восточному берегу Чернаго моря близ Тюб Кариганского залива”, 2) в города Эйск, Новороссийск и Сухам Кале и 3) на Мангишлак (Томской губернии) с начала 1852 и 1854 год”.

Разглашения Н.Гусева и его товарищей производили большое впечатление на крестьян. Гусев включил в список желавших переселиться около 800 человек. Крестьяне Белоярской и Ратчинской волостей начали продавать дома и скот, давали Гусеву деньги, называли его “садчиком” и скрывали от преследований местного начальства⁴⁵. В конце концов главный разгласитель скрылся, а крестьянские иллюзии были рассеяны администрацией.

Миграционные слухи стимулировали переселенческое движение и в пореформенный период. Так, активные переселения в Гурьевский городок Уральского казачьего войска во 2-й половине 1870-х годов во многом происходили под влиянием рассказов и слухов “о более привольной и легкой жизни в этом приморском городке, у самых ворот для входа рыбы в р. Урал”. Слухи о земельных богатствах Южного Урала привлекали сюда большие массы крестьян-переселенцев во 2-й половине XIX – начале XX в.⁴⁶

Пессимистические слухи. Пессимистические слухи, выражающие распространенные в обществе страхи и тревоги, – нередкое явление как прошлого, так и современности. Такие слухи обычно возникают в периоды повышенного социального напряжения и острого конфликта. Например, во время второй мировой войны после японской бомбардировки американской военно-морской базы в Перл-Харборе распространились слухи о полной потере США Тихоокеанского флота. Слухи о полном исчезновении продуктов, о повышении цен на товары и услуги и т.д. – постоянное явление современной российской действительности, обусловленное сложностями переходного периода.

Существенную роль в формировании пессимистических слухов играет боязнь рецидива негативного прошлого. Так, во Франции XIX в. воспоминания о былом сеньориальном гнете, жестокости и тяжести его бремени долго – до конца столетия – хранились в коллективном сознании крестьянства, вырываясь порой в отчаянные взрывы гнева, бессмысленные с рационалистической точки зрения (можно вспомнить меткие высказывания французских историков: Э.Лабрусса – “общественное развитие отстает от экономического, а духовное от общественно-го”; Ф.Броделя, назвавшего психологические структуры “долгодействующими тюрьмами”). В 1868 г. волна паники и выступления захлестнули французские департаменты Шаранты, Нижней Шаранты и Дордони. Среди населения распространился слух “о восстановлении в ближайшем будущем десятины и феодальных прав”. Слух был порожден инцидентом, происшедшим в м. Шевансо, где маркиз Летранж подарил церкви витраж с собственными гербами⁴⁷.

Психологическим основанием для возникновения пессимистических слухов в уральской деревне XVIII–XIX вв. обычно служили недоверие крестьянства к местной администрации и к действиям, ею предпринимаемым, двусмысленность мероприятий по изменению системы управления, налогообложения и т.д., сути которых к тому же крестьяне не понимали. Здесь уместно вновь вспомнить закон Олпорта, согласно которому слух является функцией важности события, умноженной на его двусмысленность.

В 1771–1772 гг. слухи о приписке к Гороблагодатским заводам вызвали "смещение" среди государственных крестьян Верхотурского уезда. Как выяснилось, слухи оказались необоснованными⁴⁸.

В 1830 г. правительство предприняло попытки некоторого реформирования удельной деревни. Указом 24 января 1830 г. была изменена система податного обложения удельных крестьян: вместо подушного оброка вводился поземельный сбор. Последний уменьшал участки отводимой крестьянам земли, так называемые "коренные участки", и одновременно увеличивал сумму оброка за счет отрезываемой от крестьянских наделов земли, так называемой "запасной" или "излишней", которую крестьяне затем вынуждены были брать за дополнительную плату. Основные пункты предварительных правил введения поземельного сбора были изложены в циркуляре вице-президента департамента уделов Л.А.Перовского от 12 мая 1830 г. 15 апреля 1831 г. Департаментом уделов было издано новое Наставление, в котором подробно излагался порядок исчисления поземельного сбора. Нововведения ухудшали положение удельных крестьян и вызвали острые конфликты в удельных имениях. Немалую роль при этом играли распространявшиеся среди крестьян слухи.

Так, летом 1831 г. волнения охватили удельные селения Галановского, Каракулинского, Козловского, Мостовинского и Нечкинского приказов Сарапульского уезда Вятской губернии. Чиновник Вятской удельной конторы Москвин доносил управляющему конторой, "что крестьяне по внушению злонамеренных людей, тщательно ими скрываемых, принимают за странное одно слово тяглы, будто бы не бывшие до сего времени у них в употреблении по землепашеству и платежам податей и оброков, принимают введение поземельного сбора не за иное что, как за вид подписи их за барина". Москвин потратил немало сил, убеждая крестьян в ложности слухов, объясняя, что "слово тягло есть древнее в сельском отечественном хозяйстве, определяющее земляной участок на две души". Но крестьяне, продолжал Москвин, "не внимая его внушениям, усиливаются более и более быть по-прежнему, говоря: "Тяжело быть по тяглам". Крестьяне отказывались давать в приказах законные общественные приговоры, проявляли упорство при запашке общественных полей, постройке хлебных магазинов, платеже приказчикам, головам и прочим старшинам, не подчинялись чиновникам, сельской администрации, устраняли голов и писарей от власти, производили незаконные сборы для подачи прошений на имя царя.

Крестьяне Нечкинского приказа в ответ на увещания управляющего Вятской удельной конторой Ф.М.Свистунова кричали, "что они не хотят мерять землю, а хотят жить по-старому и оброк платить, как было в 1825, 1826 и 1827 гг.". "Повинуемся государю, но подписки в том не дадим, нас разорили головы, писаря и контора, не надо голов и писарей, сменить", — кричали крестьяне чиновнику Департамента уделов А.П.Найденову.

Удельных крестьян Вятской губернии укрепляли в их убеждениях крестьяне смежных приказов Оренбургской и Пермской губерний. В трех приказах Оренбургской губернии поземельный сбор действительно не был введен по причине чересполосности удельных земель с владениями татар. Но крестьяне Оренбургской губернии распространяли слухи, что у них поземельный сбор вообще не вводится. В мае 1831 г. в некоторых селениях Вятского имения побывал под видом нищего удельный крестьянин Пермской губернии Устиновского приказа, кото-

рый разглашал, что "у них поземельного сбора не приняли и что общество послало государю императору людей, и от его величества дано три бумаги, одна к управляющему удельною конторою, другая в приказ, а третья осталась в обществе, и после сего отправился обратно". "Ершовские крестьяне из ведомства Пермской конторы, непрестанно приезжая в Нечкино, успели уверить крестьян, что будто они платят только по 7 руб., а отчего собирают с них больше и кому деньги сии идут, им неизвестно". Итогом подобных разглашений были заявления удельных крестьян Вятской губернии: "Не идем под барина, не хотим ничего платить, кроме 7 руб., как ясашные и ершовские крестьяне"⁴⁹.

В 1834 г. волнения вновь охватили селения удельных крестьян Вятской губернии (Нечкинский, Мостовинский, Галановский, Каракулинский, Ершовский, Козловский приказы в Сарапульском уезде). Очередная попечительская кампания администрации – засев картофелем общественных полей – явилась поводом для формирования слухов о записи крестьян "под барина". Крестьяне отказывались сеять картофель, вырывали из земли уже посаженный картофель, травили его скотом. Крестьяне заявляли чиновникам, "что на их земле, якобы неудобной, не будет родиться картофель, что посев оно для них обременителен, наконец, что должны сеять картофель только те, которые во время бывшего возмущения по введению поземельного сбора были покорны", "что если они согласятся на посев картофеля на общественной запашке, то непременно записаны будут под барина", "что будто правительство постепенно ведет их под барина: сперва обложило тяглами, потом заставляет сеять картофель и травы, там заставит сеять мак, собирать холсты, лен и пр. и, наконец, отдадут их вовсе барину". Старообрядцы дополняли, "что картофель есть отречение того заветного яблока, за которое лишился блаженства первоначальный человек, и что когда оно с проклятием было брошено на землю, то от него родилась картофель и, следовательно, семя сие есть антихристово"⁵⁰.

В 1834–1835 гг. волна разнородных слухов, спровоцированных различными поводами, вызвала серию конфликтов в русской казенной и башкирской деревне Пермской и Оренбургской губерний⁵¹. В декабре 1834 – январе 1835 гг. произошли волнения в Златоустовской волости Красноуфимского и Черноярской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. Крестьяне отказывались выполнять новое Положение о порядке взимания с казенных крестьян денежных сборов на государственные подати, земские повинности и мирские расходы от 28 ноября 1883 г. Согласно § 6 данного Положения казенные волости должны были быть разделены на участки или сельские мирские общества, что крестьяне связывали с передачей их в удел. Крестьяне противились избирать сельских старост, что предусматривал § 9 того же Положения, собирать государственные подати и выполнять прочие повинности в соответствии с нормами Положения, выражая желание "производить сбор оных прежде установленным порядком", называли Положение "ложным и фальшивым". Крестьяне Златоустовской волости аргументировали свое скептическое отношение к тексту Положения тем, "что о том указ от министра финансов, а не от государя, и руки государевой на том указе нет, а это писарь Антон Балиевский хочёт отдать их в уделы". Соседи казенных крестьян Черноярской волости – удельные крестьяне – убеждали их в справедливости опасений, поскольку и сами они "прежде в удельное ведомство зачислены под ложным вызовом на согласие разделить волость на участки". Крестьяне Златоустовской волости также вели агитационную работу в Кунгурском уезде. В итоге черноярцы пришли к твердому убеждению, что "если изъявят они согласие на разделение волости на участки и выберут старост, то будут обмануты и записаны в удел". Волнения в казенных селениях были подавлены с помощью воинских команд.

Острый конфликт имел место в Бродовской волости Кунгурского уезда в 1835 г., крестьян которой возмутил слух о том, что они поступили в удел к какому-то помещику. Поводом к распространению слуха послужило введение новых печатей в волостных правлениях "с вырезкой медведя". Крестьяне пришли к

выводу, что все подати собираются неизвестному помещику Медведеву. В то же время крестьяне не теряли надежды на благополучный исход событий. Говорили, что "если народ не будет в том упорствовать, то все они пропадут навеки", что "государь император скоро сюда будет для казни чиновников, волостных голов, писарей и тех, кои исполняют волю правительства, за то, что принудили их чрез посредство военной команды выбрать пятисотенных старост для сбора податей", что "для встречи государя императора велено народу собираться на гору за гор. Кунгуром, а если народ не встретит царя, то будет худо". Распространялись также слухи, что пермские чиновники во главе с губернатором и исправником уже отрешены от должностей, что командир пермского гарнизонного батальона казнен за подавление волнений в январе 1835 г., что для чиновников "наковано множество кандалов с наручными и железными глухими на головы шляпами". Противостояние крестьян Бродовской волости и воинских команд дошло до вооруженных схваток, в которых крестьяне потерпели поражение⁵². В 1835 г. под влиянием распоряжений об устройстве запасных сельских магазинов вспыхнули волнения среди казенных крестьян и нерусского населения Бирского, Уфимского, Троицкого уездов Оренбургской губернии (волновались также башкиры, татары, марийцы Красноуфимского уезда Пермской губернии)⁵³. Среди участников протеста циркулировали слухи о передаче их в удельное ведомство, которые проникли в селения Оренбургской губернии из Кунгурского уезда Пермской губернии. Известно, что из Бирского уезда, в котором числилось до 5 тыс. душ, переселившихся ранее из Кунгурского уезда, некоторые крестьяне под предлогом богомолья ездили в Кунгурский уезд и по возвращении возмущали однодеревцев. В среде башкир, тентярей, мешеряков распространялись также слухи о насильственной христианизации. В 12-й башкирской команде циркулировали слухи, "будто башкирцам будет воспрещение кочевки"⁵⁴.

В 7-м башкирском кантоне неповиновение вызвало распоряжение оренбургского генерал-губернатора В.А.Петровского от 15 ноября 1834 г. о заведении заводов для выделки поташа и шадрика. Башкиры говорили по данному поводу, "что башкирский народ не будет более башкирами, а обратят скоро в удельных крестьяне, к сему первым знаком служит выдуманный военным губернатором общественной поташной завод". Зауряд-сотник Абдулвахит Арасланбеков разъезжал в январе 1835 г. по селениям и разглашал, "что завод сей будет казенный, что башкирцы будут удельными и определятся некоторые для сжения золы, другие для возки дров, что будет на них распределено по душам"⁵⁵.

Реформа управления государственной деревни П.Д.Киселева не была понята крестьянами. Мощные волнения государственных крестьян Пермской, Вятской, Оренбургской губерний в 1841—1843 гг. также сопровождалась распространением слухов о передаче их в удел, какому-то помещику⁵⁶. При этом поводы к возникновению слухов в различных селениях могли отличаться. В Камышловском уезде первые неповиновения в 1842 г. произошли в Троицкой волости: 2 апреля в Волковской расправе, 5 апреля — в Калиновской. Крестьяне самовольно собирались к своим сельским расправам, требовали "с дерзостию и буйством" общественные приговоры о составлении неприкосновенного запаса яровых семян, "ложно будто бы постановленные от лица их". Крестьяне полагают, что хлеб этот собирается "в пользу какого-то господина, коему они поступили в продажу". Сборища в Троицкой волости продолжались до 26 апреля. Крестьяне обвиняли своих волостных, сельских начальников и писарей в продаже их "в удел господину, произносили ругательство к портрету государя императора, имеющемуся в волостном правлении, считая оный за того господина, которому будто бы они проданы, решились остановить действие в управлении и уничтожить начальствующих в сельских расправах, кричали, что все это установил их господин, он издал правила о новом управлении, доставил новую печати, сделал волостным, сельским начальникам и писарям форменные кафтаны и назначил всем им жалованье собственно за то, что они продали ему народ"⁵⁷.

Как впоследствии выяснилось, поводом к возникновению слухов послужило следующее обстоятельство. Вахтер запасного хлебного магазина дер. Волковой С. Мартынов выдавал в ссуду крестьянам хлеб. Закончив отпуск хлеба из одного амбара, вахтер сгреб остатки хлеба, смешанного с пылью и грязью, и собрался также пустить его в раздачу. Крестьяне возмутились и потребовали чистого хлеба. С. Мартынов в ответ им сказал: "Ребята, берите или не берите – все равно. А на осень отгадите вместо 4 по 12 четвериков с каждой души в неприкосновенный запас. Дело сделано: голоса ваши отобраны и руки приложены". Крестьяне сделали из этого заявления вывод, что с введением нового управления, учреждением сельских расправ и т.п. они "сделались не государственными, а господскими"⁵⁸.

Слухи о продаже крестьян помещику проникли из Камышловского уезда в соседний Екатеринбургский. В Кисловском селе пронесся слух, что в Клевакинской волости Камышловского уезда получена бумага, "будто бы государственные крестьяне Камышловского уезда поступают в удел и к какому-то еще господину, и такая же бумага имеется уже и в Екатеринбургском уезде на здешних государственных крестьян". Слух этот поразил спокойствие крестьян Екатеринбургского уезда. Впрочем, последние выражали некоторое сомнение в справедливости полученной информации и подозревали, "что может это делается тайно и без воли государя". Однако у крестьян Екатеринбургского уезда также были основания для беспокойства. Они говорили земскому исправнику и окружному начальнику, что "нынешние печати и кафтаны волостных и сельских начальников и писарей: первья (печати) – без царского герба или короны, а последняя (кафтаны) – на манер помещичьих крестьян, что с складками, и удельных, что с бразументами; и что все нынешнее их новое управление походит на удельное; головам, старшинам и смотрителям магазинов положено жалованье, чего прежде у них не было – и этим жалованьем возвысился с них сбор денег, что им отяготительно; и потому из среды их избранные в общественные должности люди могут служить и без жалованья, так как было прежде"⁵⁹.

Пессимистические слухи циркулировали и в период отмены крепостного права. Так, крестьяне с Архангельского Соликамского уезда имения Строгановых отказывались одно время пойти в церковь для слушания манифеста 19 февраля 1861 г., так как полагали, что "их ведут в церковь присягать графу на два года зависимости"⁶⁰.

В 1865 г. бывшие удельные крестьяне Вятской губернии (Галановская, Мостовинская и Козловская волости) противились введению в действие уставных грамот, отводу им земельных наделов. Между крестьянами ходили слухи, что "отрезанная земля будет обращена в общественные запашки, на которых их заставят сеять табак, что на женщин будет наложен оброк в 25 аршин холста и т.д."⁶¹.

В 1873 г. при проведении межевых работ для составления владенных записей (акт на право владения землей, отведенной в надел бывшим государственным крестьянам на основании указа 24 ноября 1866 г. – И.П.) среди крестьян ряда волостей (Сажинской, Комаровской, Березовской, Покровской, Сосновской, Санинской, Рождественской, Тазовской, Азовской) Кунгурского уезда получили распространение слухи о том, что владенные записи составляются с целью "передачи крестьян вместе с владеемыми ныне ими землями в крепостное право помещикам, в числе которых прежде всего называли князя Голицына и самого главного распорядителя по производству межевых работ чиновника Равича-Щербо". Подтверждение слухам крестьяне находили в самом слове "владенная запись", а также в существовании в ряде волостей хлебозапасных магазинов, устроенных бывшей палатой государственных имуществ⁶².

Пессимистические слухи о передаче крестьян помещику вновь возникли в 1880 г. Бывшие государственные крестьяне Орловского уезда Вятской губернии отказывались принять владенные записи и противились отмежеванию лесных

наделов. Тревогу крестьян вызывало, в частности, то обстоятельство, что "в прежнее время (при генеральном межевании) на межевых столбах выжигалось клеймо в виде двуглавого орла, а ныне, при отграничении их наделов, на столбах выжигаются клейма с литерами МГИ (Министерство государственных имуществ)". Крестьяне утверждали, что "теперешние действия межевых чинов поэтому незаконны и что значит только, что их хотят подписать под министра"⁶³.

Первая Всероссийская перепись населения, которая проводилась в Пермской губернии в конце 1896 – начале 1897 гг., породила в ряде мест слухи о том, что ее результаты будут использованы для прикрепления народа к месту жительства, для увеличения налогов, для насильственного обращения мусульман в христианство⁶⁴.

Итак, в уральской деревне XVIII–XIX вв. циркулировали разнообразные слухи, нередко стимулировавшие социальные конфликты. Оптимистические слухи о "милостивых" указах, об улучшении сословного статуса, снижении налогообложения и т.д. оправдывали борьбу, которая велась за реализацию подобных социальных "подарков". Миграционные слухи поднимали крестьян на массовые, нередко нелегальные переселения. Слухи, несшие неблагоприятную информацию, стимулировали особенно яростный и отчаянный протест. Порой оптимистические и пессимистические слухи распространялись параллельно (1831, 1835, 1842–1843 гг.). При этом между слухами различной направленности возникала взаимосвязь, и они стимулировали скоординированные социальные действия. Сходные слухи могли вызываться различными обстоятельствами. И наоборот – одинаковые поводы могли порождать разнообразные типы слухов, в зависимости от сословно-этнической среды и социально-психологического контекста, в которых они распространялись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. III. С. 339.
2. Knapp R.H. Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8. P. 22–37; Shibutani T. *Improvvised News: A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill, 1966; Allport G.W. Postmann L. An Analysis of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1947. № 10. P. 501–517; Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. С. 173–174.
3. Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. "Слухи" как социальный феномен // Социологические исследования. 1993. № 1; С. 82–88; Рошин С.К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1990. № 5. С. 3–16; Дубин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77–81; Дмитриев А.В. Слухи как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 5–11; Лагын В.В. Слухи: социальные функции и условия появления // Там же. С. 12–17; Дубин Б.В., Толстых А.В. Феноменальный мир слухов // Там же. С. 17–20; Хлопьев А.Т. Кривые толки России // Там же. С. 21–33.
4. Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Изд-во Саратовского ун-та. 1960. С. 329.
5. Кудряшов К.В. Народная молва о декабристских событиях 1825 года // Бунт декабристов. Л., 1926; Сыроечковский Б.Е. Московские "слухи" 1825–1826 // Каторга и ссылка. М., 1934. Кн. 3 (112); Домановский Л.В. Освободительное движение первой четверти XIX века в русском народном творчестве. Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1954; Базанов В.Г. К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России (1859–1861) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.-Л., 1962. Вып. 7. С. 200–216; Он же. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 142–175; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; Федоров В.А. Крестьянские слухи о "черном переделе" земель в 70–80-х годах XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 82–88; Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1774–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 212–244; Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 122–166.

6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3558. Л. 407, 409 об.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1680. Л. 66-66 об.
8. Там же. Л. 40 об., 43.
9. Там же. Л. 18 об.
10. Там же. Л. 192-192 об.
11. Там же. Л. 250 об.
12. Там же. Л. 327 об. - 328.
13. Там же. Д. 1804. Л. 107, 119 об., 218 об. - 219, 258, 386 об., 387 об.
14. ТФГАТюмО. Ф. 156. 1762 г. Д. 26. Л. 40 об.
15. Там же. Д. 139. Л. 4 об. - 5.
16. Там же. 1763 г. Д. 49. Л. 44-44 об.; Д. 165. Л. 17 об.
17. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 178.
18. Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С. 94-102; Рабочее движение в России первой половины XIX в. М., 1955. Т. I. Ч. 1. С. 317-345; ГАСО, Ф. 24. Оп. 24. Д. 8125. Л. 4 - 106 об.
19. Там же. Л. 25 об., 53 об. - 54, 56 об., 57-58, 61-61 об., 75 об.
20. Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. Сб. док. М., 1961. С. 896.
21. ГАОО (Госархив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 18. Д. 48. Л. 1-2; Д. 41. Л. 1. 3.
22. Там же. Д. 112. Л. 1-9 об.; Ф. 168. Оп. 1. Д. 14. Л. 8-8 об.
23. Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. док. М., 1961. С. 202, 206-207, 214, 657-658.
24. Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения ... С. 246, 254.
25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 193. Л. 13 об. - 14.
26. Крестьянское движение в России в 1850-1856 гг. Сб. док. М., 1962. С. 500-501.
27. Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1861 гг. Сб. док. М., 1963. С. 111.
28. Там же. С. 240-241.
29. Там же. С. 581, 591, 594-595, 602-606, 610.
30. Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 116, 124.
31. Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1861 гг. ... С. 443-444.
32. Крестьянское движение в России в 1861-1869 гг. Сб. док. М., 1964. С. 204.
33. Там же. С. 309-312.
34. Там же. С. 643, 647, 717.
35. Там же. С. 440-441.
36. Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. Сб. док. М., 1968. С. 326.
37. Крестьянское движение в России в 1881-1889 гг. Сб. док. М., 1960. С. 53-57.
38. Там же. С. 283-289.
39. Там же. С. 533-536, 739, 764, 607-609, 682-690.
40. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды ...; Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII - начала XX в. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 1949; Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40 - 90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978; Раскин Д.И. Миграция в общественном сознании русского крестьянства эпохи позднего феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI - начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин, 1986. С. 75-82; Мальцев А.И. Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 103-117; Он же. Споры в странническом согласии вокруг идейного наследия Евфимия (первая треть XIX в.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 37-41.
41. Рабочее движение ... С. 800-801.
42. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11389. Л. 1 - 4 об.
43. Там же. Д. 11418. Л. 3.
44. Там же. Л. 2 - 12 об.
45. Там же. Оп. 8. Д. 51. Л. 1 - 10 об.; Рахматуллин М.А. Крестьянское движение ... С. 147.
46. Бородин Н. Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. I. С. 160; Усманов Х.Ф. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южного Урала в пореформенный период // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 204; Он же. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. М., 1981. С. 75.
47. Собуль А. Конец старого порядка и феодализм. Конец старого порядка - середина XIX в. // Французский ежегодник. 1968. М., 1970. С. 69.
48. РГАДА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 220. Л. 1 - 24 об.
49. Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. ... С. 195-216, 656-657.
50. Там же. С. 248-254.

51. Там же. С. 260–283; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 448–449; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.: Л., 1946. Т. 1. С. 224–242; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения ... С. 224–232; Шукшинцев И.С. Волнения в Башкирии в 1835 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. 2; Революционная и трудовая летопись Южноуральского края. Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала. 1682–1918. Челябинск, 1980. С. 137–138.
52. Крестьянское движение в России в 1826–1849 г.. ... С. 260–278, 664–665.
53. Там же. С. 278–283.
54. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11102/5. Л. 1–14 об.; Д. 11102/2. Л. 1–2 об.
55. Там же. Оп. 11. Д. 444. Л. 2–24.
56. Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. ... С. 407–414, 431–435, 458–472, 482–508.
57. ГАСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–6.
58. Там же. Л. 6 об. – 7 об.
59. Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 158–159.
60. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг. ... С. 441.
61. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. ... С. 337.
62. Крестьянское движение в России 1870–1880 гг. ... С. 160–162, 418, 433.
63. Там же. С. 327.
64. Гаврилов Д.В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века (1885–1900 гг.) (По материалам Пермской губернии) // Ученые зап. Шадрипского гос. пед. ин-та. Вып. 7. История. Филология. Курган, 1963. С. 63–64.

PUBLIC MOOD IN URALS VILLAGES OF THE 18th–19th CENTURIES: TRIAL OF RUMORS CLASSIFICATION

The article presents classification of various rumours circulated in Urals villages in the 18th–19th centuries. The author marks out optimistic rumours connected with merciful decrees, social status amelioration, reduction in taxation. Pessimistic rumours containing inauspicious information are also distinguished, such as rumours about peasants transfer to private possession, tax increase, etc. Both rumour types giving rise to hopes and despair quite often existed simultaneously, were tightly connected and stimulated social conflicts.

I.V.Poberezhnikov

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПОРЕФОРМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА (ВОЛОСТНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО)

В последнее время внимание историков все более привлекает темы, связанные с реконструкцией духовного мира крестьянства, его культуры, взаимовлияния в общен историческом процессе факторов социально-психологического, историко-культурного, экономического и политического характера.

Обращение к изучению правовой культуры пореформенного крестьянства диктуется этим перспективным, на наш взгляд, направлением в российском крестьяноведении.

Термин "правовая культура" не вызывает резких столкновений мнений правоведов и может быть интерпретирован как "система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей"¹. Иными словами, под правовой культурой следует понимать систему правовых отношений, регулируемых правом, правовые учреждения, правосознание как систему отражения всей правовой действительности и правовое поведение.

Отдельное рассмотрение правовой культуры крестьянства представляется вполне правомерным, поскольку правоотношения внутри крестьянского общества были обусловлены общинной и семейной формами собственности на землю и связанными с этим традициями хозяйствования, взаимопомощи, решения конфликтов и тяжб. Как писал один из первых исследователей норм обычного права С.В.Пахман, "нельзя себе представить такого общественного быта, которому была бы чужда какая-либо определенная система юридических воззрений или правил, сложившихся при более или менее постоянных условиях жизненной обстановки"². Историк права С.В.Пахман отмечал, что нормы обычного права, которыми руководствовались крестьяне при решении тяжб и конфликтов, специфичны, не соответствуют кодексу законов, причину этого он видел в круговой поруке, иными словами в том, что на крестьянское общественное управление Положениями 19 февраля 1861 года были возложены фискальные функции. "Все имущество и личный труд членов общины важны для нее лишь настолько, насколько ими обеспечивается исправное отбывание податей и повинностей, если нет, то община, мир вторгается в среду частного хозяйства и уничтожает даже частные сделки, сами по себе дозволенные. В этом-то порядке вещей мы и видим главный источник или по крайней мере санкцию тех особенных начал народно-обычного права, которыми определяются как свобода распоряжения имуществами, так и порядок преюльственного их движения, конечно, преимущественно в области прав на недвижимость"³. Специфичность правоотношений в крестьянском обществе обуславливалась также самим укладом хозяйствования, особенностями трудовой деятельности большой крестьянской семьи, в которой обычаем признавалось право главы семьи ("большака") на ограничение правоспособности остальных членов семьи, где, как правило, все имущество являлось семейной собственностью. В немалой степени своеобразие правовых взглядов, норм, традиций крестьян было обусловлено самим сельским хозяйством, когда в условиях негарантированности урожая, зависимости от природных условий выжить крестьянская семья могла только при поддержке соседей, использовании традиций взаимопомощи, что в правоотношениях проецировалось на необходимость учета и вознаграждения трудового участия крестьянина при решении имущественных споров, а также в неременной процедуре примирения в крестьянском суде для того, чтобы снять конфликт.

Реформа 19 февраля 1861 года, согласно которой в рамках крестьянского общественного управления создавался волостной суд, официально признала словесные крестьянские суды и нормы обычного права для решения мелких крестьянских тяжб. Волостной суд состоял из 3-12 выборных волостных судей (из крестьян), его юрисдикции подлежали мелкие имущественные тяжбы крестьян (иском до 100 рублей) и незначительные проступки крестьян. Описи крестьянского имущества, составлявшиеся старостами при разделе и наследовании крестьянами семейного имущества, показывают, что в среднем стоимость всего добра крестьянской семьи не превышала 100-150 рублей, а это говорит о том, что волостные суды разбирали (причем окончательно, без права апелляции) основную массу тяжб и конфликтов между крестьянами. Волостные судьи постановляли свое решение на основе норм обычного права, известны эти обычаи были по прецеденту и передавались из поколения в поколение устной традицией. Крестьянская реформа 1861 года, с которой связывали начальный этап построения в России гражданского общества, созданием сословного крестьянского суда изолировала в вопросах судопроизводства по незначительным искам крестьянство и надолго закрепила патриархальные нормы неписаного закона как истину в последней инстанции при решении крестьянских исков. Таким образом, пореформенное крестьянство имело свой сословный суд, где применялись нормы обычного права, бытовали только для крестьян характерные представления о справедливости, преступлении, наказании, законности, — все это позволяет говорить о правомерности отдельного рассмотрения правовой культуры крестьян.

Специфика крестьянской правовой культуры проявилась уже в том, как был встречен закон 19 февраля 1861 г. Разочарование, недоверие к содержанию закона, требования "настоящей воли", которую якобы дал царь, но скрыли помещики и чиновники, были характерны для основной массы крестьян. В деревне появились "толкователи" и "проповедники" "скрытого" от народа закона, которые призывали не выполнять повинности и барщину, поделить между собой помещичий скот и землю (Положения 19 февраля 1861 года были обнародованы в начале Великого поста, когда крестьяне готовились к началу сельскохозяйственного сезона). Расстрел безоружных крестьян, требовавших объявления "настоящей воли", в Бездне и Кандеевке — лишь два наиболее известных эпизода противостояния и неприятия крестьянами закона, не отвечавшего их чаяниям. "Первое впечатление, произведенное Манифестом и Положениями, — сообщал в своем докладе министру внутренних дел самарский губернатор А.А. Арцимович, — может быть выражено несколькими словами: первоначальная бессознательная минутная радость, потом тяжелое недоумение и грустное разочарование... Народ вынес из церкви впечатление, что надежды его не сбылись. Он ожидал полной чистой воли и в придачу бесплатного отвода земли, которую, по словам крестьян, они успели выслужить долговременным отбыванием повинности. С этой надеждой народ расставался так неохотно, что он сперва готов был допустить обман или подлог, чем мысль отказаться от любимой мечты"⁴. Как отмечала М.М. Громыко, исследователь и знаток крестьянской культуры, "крестьянство имело определенную систему социально-утопических представлений, тесно связанных с религиозными воззрениями: идеал свободной крестьянской общины, живущей на основе божественных установлений, и идеал монарха, действующего по законам высшей справедливости"⁵. Правотворчество крестьян, выражавшееся в разработке и развитии норм обычного права, регулировавших взаимоотношения внутри крестьянского общества, исходило в том числе и из христианских, уравнительных представлений о добре, зле, справедливости, а освящение этих норм опытом предшествующих поколений, традицией придавало им авторитет законности (отметим, что крестьяне нормы обычного права также называли законом). Закон, не отвечавший крестьянским представлениям о справедливости, даже исходящий от имени монарха и подкрепляемый авторитетом священника (Положе-

ния обнародовали в церквях после литургии), не воспринимался крестьянским сознанием как акт, требующий беспрекословного исполнения.

В деятельности волостных крестьянских судов, просуществовавших с 1861 года до весны 1918 года, как в капле воды, отразились многие аспекты общей проблемы правовой культуры крестьянства. В данной статье будет затронут только один из них: наличие в правовой культуре крестьянства двух уровней (патриархальной традиции и новых буржуазных элементов).

По мысли разработчиков реформы, волостной суд, сменивший право вотчинной власти помещика, должен был впитать в себя все черты, все наследие многовековой традиции решения незначительных конфликтов в крестьянской среде. Учреждение волостного суда мыслилось как явление временное ("на 5-10 лет"), поскольку уже ясна была необходимость реформирования всей системы судопроизводства. "Мысль Административного отделения та, чтобы крестьяне имели пока суд для разбора своих собственных дел, которые во все времена их крепостного состояния введению общих наших учреждений совсем не подлежали. Такие дела могут быть разрешаемы только по существующим у крестьян обычаям, ибо в отношении к ним наши гражданские законы вовсе не применялись и крестьянам неизвестны, так, например, обычный порядок наследования у них совсем не тот, какой предписывается законом. Поэтому трудно было бы подчинить их сразу такому строю гражданской жизни, который совершенно для них чужд, и мне кажется, что гражданские столкновения после освобождения крестьян, по мере развития их самостоятельной деятельности будут более и более указывать на то, какая форма суда и какое судоустройство может более соответствовать духу и потребностям народа"⁶. Из приведенного высказывания Н. Семенова (он был членом Редакционных комиссий, где, собственно, и разрабатывались Положения 19 февраля 1861 года) очевидно, что реформаторы при учреждении волостного суда исходили из задачи сохранения традиционного уклада крестьянской жизни, как можно меньшего вмешательства в те сферы жизни крестьян, которые еще не изучены, чтобы не нарушить хозяйственной жизнеспособности крестьянского двора. С одной стороны, создание крестьянского сословного волостного суда "консервировало" патриархальные нормы жизни крестьянской общины, но, с другой стороны, эта мера ограждала крестьян от вмешательства бывших хозяев, равно как и представителей других сословий. В то же время включенность крестьянства в общий процесс экономического развития в стране приводила к освоению крестьянством норм гражданского и уголовного права, отходу от обычая в решении тяжб.

Источники информации крестьян об официальном законодательстве были разнообразны. Во-первых, волостные старшины и сельские старосты обязаны были заботиться о доведении очередного указа до крестьян, во-вторых, большую роль играли крестьяне-отходники, часто и подолгу жившие в городах. С введением новых Судебных уставов 1864 года крестьяне стали привлекаться к решению уголовных дел в качестве присяжных заседателей. Если в столичных городах крестьяне составляли не более 5% общего числа присяжных заседателей, то в провинции присяжные-крестьяне составляли иногда более 50% процентов. Создание института присяжных поверенных и возможность получить совет, как вести дело "по закону", у уездного адвоката также во многом способствовали расширению знаний крестьян об официальном законодательстве. К концу XIX века крестьяне все реже прибегают к разбирательству в волостном суде с его неписаным законом, особенно в имущественных тяжбах, роль волостных судов в регулировании правонарушений в деревне падает.

Система разрешения конфликтов и тяжб в крестьянской среде не замыкалась исключительно на волостном суде. Традиция гласного разбора конфликта и примирения сторон реализовывалась на сельском сходе, на "суде стариков" (стариками называли домохозяев села, т. е. глав крестьянских семей), в некоторых селах собирали "суд соседей" или "суд старосты с добросовестными". Волостной суд в системе традиционного крестьянского судопроизводства логично стал как бы вто-

рой (более высокой) инстанцией: если не удавалось примирить тяжущихся на месте, в селе, тогда и обращались за помощью в волостной суд. Как показывают подсчеты, в 70-е гг. XIX в. 58% волостных судов выполняли роль второй инстанции крестьянского суда⁷.

Традиционное, освященное обычаем крестьянское судопроизводство (формально-процедурные аспекты деятельности крестьянского суда, система доказательств, мотивация вынесения решения волостными судьями, система наказаний) характеризует правовую культуру крестьянства и может быть реконструировано на основе такого фундаментального источника, как "Труды" комиссии М.Н.Любощинского⁸, где содержатся дословные описания заседаний волостных судов, решения волостных судей за 1862–1872 гг., постановления губернских по крестьянским делам присутствий и мнения о волостных судах чиновников, знакомых с деятельностью крестьянских судов.

Обращает на себя внимание то, что процедура разбора дел в волостных судах была практически однотипной для всех 15 губерний России, где собирали данные члены комиссии. Жалоба, обычно в устной форме, подавалась волостному старшине, он вызывал в назначенный для суда день судей, тяжущихся и свидетелей по делу, которых указывали тяжущиеся. Какой-либо присяги ни судьи, ни тяжущиеся не давали, но сама обстановка на заседании суда должна была исключить ложные показания: суд был публичным, в присутствии "густой толпы народа", как правило, это были односельчане, родственники тяжущихся крестьян и их свидетелей, причем присутствующие живо реагировали на происходящее. В помещении, где проходило заседание, обязательно были иконы, и иногда судьи увещевали свидетелей говорить перед святым образом правду.

Дознание или следствие по разбираемому конфликту производилось сельскими старостами в основном только в случае мелких краж, порубок леса, потрав полей или поземельных споров. Во всех же остальных случаях крестьянин, подававший иск в волостной суд, должен был позаботиться о доказательствах по делу сам. Задача судей заключалась в том, чтобы выяснить виновность или невиновность ответчика, попытаться примирить тяжущихся, а если это не удалось — определить вид и меру наказания (розги, арест, штраф или общественные работы). Отметим, что формально-процедурные аспекты деятельности волостных судов четкой регламентации в законе не имели, а потому описанный порядок судопроизводства в крестьянском суде можно считать результатом отработанной веками традиции решения конфликтов.

В пореформенное время в крестьянских судах сталкиваются патриархальные, издавна существующие способы выяснения истины и новые элементы судопроизводства. По обычаю, крестьяне заключали между собой сделки (по купле-продаже, найму, подряду, займу и т.д.) без оформления письменных документов, полагаясь на репутацию партнера и присутствующих свидетелей. Мир общины был замкнут, нарушение данного слова компрометировало в глазах соседей, а значит, нельзя было надеяться на их помощь в будущем. Однако уже в 70-е гг. начинают действовать новые правила заключения сделок с неизменным составлением расписки об условиях и сроках действия договора (по данным за 1871 г., при разборе исков о взыскании долга 19% истцов предъявили расписки, которые были заверены в самом волостном суде или у волостного старшины, сельского старосты). Форма составления расписок была произвольной, в качестве примера можно привести долговую расписку крестьянина из Ярославской губернии, которую писарь внес в решение волостного суда: "1870 г. 6 февраля расписка на 16 р. с. Я, нижеподписавшийся крестьянин Ф. занял наличными деньгами у кр. П. 16 р. с., которые я, Ф., обязуюсь заплатить по первому П. требованию, а в случае неплатежа я обеспечиваю долг собственной имеющейся у меня коровой, кою может П. взять, а я, Ф., спорить не буду. Крестьянин Ф. руку приложил"⁹.

Столкновение двух уровней правовой культуры (традиционной, патриархальной и новой, буржуазной) ярко проявлялось в действиях волостных судей при решении затруднительных случаев, когда невозможно было установить истинного виновника. В крупных торговых селах волостные судьи, как правило, знавшие грамоту, не только задавали "каверзные вопросы свидетелям и тяжущимся, но и сличали почерки, опрашивали по своему выбору всех окольных жителей, а не только свидетелей, указанных тяжущимися. В традиционно сельскохозяйственных волостях, например, в Тамбовской губернии, в затруднительных случаях дело решали на основании "божбы" (заставляли перекреститься перед образом для подтверждения своих показаний), по обычаю, "грех пополам" (т.е. взыскивали половину суммы недоказанного иска), а иногда виновного определял жребий, как это было еще во времена "Русской правды".

Сам принцип формирования состава волостных судей (судить должны были люди, связанные если не родственными, то соседскими отношениями) был патриархален и допускал возможность произвола и сговора судей с одним из тяжущихся либо возможность давления и угроз судьям со стороны родственников одной из сторон конфликта, а нередко – со стороны волостного старшины, писаря, сельского старосты. Не случайно к выполнению обязанностей волостного судьи крестьяне относились как к "тяжелой повинности": "Кому охота своего же брата судить, только ссора, да неудовольствие, а чего доброго и беда от этого произойти может", – так поясняли крестьяне свое нежелание быть избранными в волостные судьи¹⁰. Большая вероятность произвола, необъективности судей, тем более вероятная, что решения выносили "глядя по человеку"¹¹, на основании обычая, своим следствием имели то, что в коммерческих делах, не связанных с бытовыми, поземельными конфликтами, крестьяне всячески стремились избежать разбора в волостном суде (завышали цену риска, передавали свои векселя, долговые расписки людям других сословий, чтобы вести дело у мирового судьи или в окружном суде).

Наиболее эффективными и отвечающими потребностям крестьян волостные и традиционные крестьянские суды были для решения тяжб и конфликтов, возникавших в бытовой повседневной хозяйственной жизни крестьян, когда для решения дела требовалось знание специфики крестьянского труда и характера, репутации тяжущихся. М.И.Зарудный, участвовавший в работе комиссии по преобразованию волостных судов в 1872 г., писал по этому поводу: "Именно в крестьянском суде иной и неграмотный крестьянин может быть полезнее ученого судьи, который иногда затруднится в разрешении спора, например, о засеянном хлебе или о разделе семейного капитала (часто ничтожного) между членами многочисленной семьи; напротив того, сами крестьяне разрешат такой спор без усиленных умозрений и в большей части случаев безобидно для наследников"¹².

Разбор крестьянских тяжб в волостных судах через поверенных (крестьяне называли их "аблокатами") показывает не только сам факт появления новых элементов в правовой культуре крестьянства, но и причину искажения буржуазных элементов судопроизводства в крестьянском суде.

Обычно для разбора тяжбы истец и ответчик являлись в волостной суд лично, однако крестьяне побогаче, занятые коммерческой деятельностью или отхожим промыслом, иногда вели свои дела в волостном суде через поверенных. Для этого составляли доверенность о передаче права разбора тяжбы и заверяли ее у сельского старосты или в волостном правлении.

Отсутствие опыта ведения дел в суде (подчас крестьянин не мог толково объяснить суть своего иска), скудные средства крестьян были причиной того, что ведение своих дел в суде крестьяне передоверяли людям с сомнительной репутацией. Как отмечали члены комиссии по преобразованию волостных судов, адвокатами по крестьянским делам в волостном суде становились "большею частью бывшие чиновники, выключенные из службы или оставшиеся за штатом, народ

нетрезвый, малонадежный"¹³. Отношение к поверенным в большинстве волостных судов было негативным, так М.И.Зарудный писал: "Вообще во всех обозренных мною волостях крестьяне выражали единодушное отвращение к адвокатам и ходатаям"¹⁴. Только 16% волостных судов, обследованных комиссией М.Н.Любошинского, разрешили ведение тяжб через поверенных. Интересно, что, например, в Тамбовской губернии 90% волостных судов не подпускали "аблокатов" к ведению тяжб.

Причина негативного отношения к поверенным заключалась в том, что неграмотные судьи-крестьяне путались в речах поверенных (в среднем грамотность волостных судей составляла 41%, а в Тамбовской губернии грамотными были лишь 8% судей). "Поверенных никогда не бывает, — поясняли судьи-крестьяне из Тамбовской губернии, — и считаем, что допускать их не следует, они сутяжничество разведут и пойдут в поверенные такие, которые половчее и поречистее, судей заговорят и дело запутают"¹⁵.

Поверенные из чиновников, недоучившихся студентов, разорившихся дворян не знали норм обычного права, особенностей хозяйственного уклада крестьянской жизни, системы ценностей крестьянского мира; защищая интересы своих доверителей, поверенные апеллировали к кодексу законов, чем "сбивали только крестьян с толку, пользуясь их неведением"¹⁶. Практика волостных судов показала, что решение хозяйственных и имущественных тяжб крестьян требует знания местных условий, обычаев, жизни крестьянского двора. Крестьяне Московской губернии считали, что от участия поверенных в крестьянских делах "один только вред происходит: они путают самые простые дела и для разъяснения приходится вызывать самих тяжущихся"¹⁷. Есть и более категоричное выражение крестьян против поверенных: "В селе завелись адвокаты, которые кляузничают, заводят ябеды, споры и ссоры ради своей наживы; от них беда, и судьи стараются их устранить"¹⁸.

Невежество, убогая и тяжелая жизнь крестьянина приводили к тому, что ростки "новой гражданственности" давали уродливые всходы на почве крестьянского быта. Жизнь подталкивала к необходимости обращаться для решения тяжбы к помощи компетентного и умеющего вести дело в суде поверенного: сами крестьяне сетовали, что "многие крестьяне на волостном суде не в состоянии объяснить толково двух слов"¹⁹. Однако услуги компетентных поверенных были либо не по карману, либо найти таких людей в волостной глуши было трудно, опыта ведения дел в суде еще не было, а потому в крестьянских "аблокатах" оказывались люди ненадежные и несведущие.

Кроме традиционного регулирования конфликтных ситуаций волостные суды использовались местной администрацией для взыскания податей и платежей, наказания и "устрания" неплательщиков. Губернские и уездные чиновники рассылали предписания волостным правлениям о немедленном взыскании податей, наказывали волостных старшин, а последние, прикрываясь решениями волостных судов, секли крестьян. Как показали владимирские крестьяне, по делам о неплатеже повинностей "нет разбора, а постановляется приговор по заявлению старшины; неисправных плательщиков по приговору секут немедленно"²⁰. В данном случае волостные суды наследовали феодальные способы решения фискальных проблем. С другой стороны, развивающаяся новая социально-экономическая ситуация в стране уже с 70-х гг. XIX в. приводит к тому, что волостные суды стали выполнять нотариальные функции (параллельно с аналогичной деятельностью волостных старшин, волостных правлений, сельских старост). В суде заверялись духовные завещания крестьян, договоры о торговых сделках, составлялись расписки о займе денег, оформлялись условия опекуинства и т.д. Развитие буржуазных отношений требовало применения новых норм регулирования предпринимательской и хозяйственной деятельности крестьян, естественно, что для удовлетворения этих потребностей крестьяне использовали инстанции самоуправле-

ния. Можно сказать, что нотариальная деятельность волостных судов была обусловлена неразвитостью правового обеспечения хозяйственной и коммерческой, в особенности, деятельности крестьян; бесспорно, что это свидетельствовало о формировании новых тенденций в правовой культуре крестьянства.

Более 130 лет назад в ходе реализации крестьянской реформы российское крестьянство, составлявшее три четверти населения страны, получило гражданские права, хотя и с известными ограничениями. Уже первый взгляд на проблему правовой культуры пореформенного крестьянства показывает, что она вобрала в себя как минимум два пласта. Во-первых, комплекс правовых знаний, правотворчество, формы крестьянского суда, связанные с правоотношениями внутри общины и обусловленные общинной формой собственности, всем укладом крестьянской жизни. Во-вторых, те элементы правовой культуры, которые формировались под влиянием проникавших в деревню буржуазных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы нравственного воспитания. М., 1974. С. 49.
2. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. I. С. IX.
3. Там же. С. 4.
4. Цит. по: Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы. 1861 г. М., 1958. С. 64.
5. Громыко М.М. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. С. 315.
6. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н.П.Семенова. Т. I. СПб., 1889. С. 345.
7. Основным источником о волостных судах начала XIX в. является семитомное издание "Труды комиссии по преобразованию волостных судов", предпринятое в 1873-1874 гг. после изучения волостных судов 15 губерний Российской империи.
8. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873-1874. Т. I-VII. (Далее - Труды...).
9. Труды... Т. III. С. 154.
10. Там же. Т. II. С. 133-135.
11. Там же. С. 61.
12. Зарудный М.И. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни. (Крестьянский суд) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 3. С. 172.
13. Труды... Т. II. С. 46.
14. Зарудный М.И. Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Кн. 1. С. 178.
15. Труды... Т. I. С. 640.
16. Там же. Т. II. С. 225.
17. Там же. С. 141.
18. Там же. С. 46.
19. Там же. С. 282.
20. Там же. С. 32.

LEGAL CULTURE OF THE PEASANTS IN THE YEARS AFTER THE REFORM OF 1861 (LEGAL PROCEDURES IN VOLOST)

Functioning of peasant volost courts in the period after the reform of 1861 is discussed in the article. The author describes principles of judges staff formation, procedures of cases investigation, system of arguments in the court, penalty system. The author believes that on the one hand the reform of 1861 isolated the peasants from the legal sphere and for a long time consolidated patriarchal norms of unwritten law by creating peasant estate courts. But on the other hand it protected peasants from meddling from the side of their former owners and representatives from other estates. Still, new bourgeois elements in peasant legal culture were developing during the after-reform period.

T.A.Tarabanova

ГРАМОТНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В КОНЦЕ XIX в. (1885–1900 гг.)

Горнозаводская промышленность, которая была главным экономическим явлением Урала, ее "оригинальный строй", оторванность края от центра страны, его замкнутость и обособленность наложили своеобразный отпечаток на хозяйственную жизнь региона, занятия, быт и социальный облик населения, на состояние его грамотности и образованности, социокультурную деятельность.

В регионе еще в крепостнический период, в XVIII – первой половине XIX в., при горных заводах была создана сеть общеобразовательных горнозаводских школ. Накануне падения крепостного права школы существовали почти во всех казенных и наиболее крупных частных горных заводах, горнозаводское население в отношении образования заметно выделялось в положительную сторону на фоне остальной массы крестьян. В пореформенный период власти и горнозаводчики вынуждены были значительно расширить возможности получения населением элементарного образования, так как развитие промышленности, крупной машинной индустрии, транспорта, торговли настоятельно требовали все большего количества грамотных рабочих и служащих. Важную роль в развитии образования сыграли земства, открывшие в 70–начале 80-х гг. в уральских губерниях большое количество новых школ.

Развитие народного образования на Урале в начале пореформенного периода, в 1861–1884 гг., специфические особенности его эволюции в регионе уже рассматривались в нашей литературе¹. Следующий же период – конец XIX в., 1885–1900 гг., – когда в развитии народного образования был сделан новый шаг вперед, специальному изучению не подвергался; в имеющейся исторической литературе о грамотности и образовательном уровне населения региона в этот период сообщаются лишь фрагментарные сведения². Причем некоторые авторы (П.Г. Матушкин, Т.К. Гуськова и др.) бездоказательно пытались убедить читателей, что даже в конце XIX–начале XX вв. на Урале рабочее население было сплошь неграмотным³. Между тем имеется достаточно широкая источниковая база для всестороннего, глубокого и объективного изучения этой темы.

Конец XIX в., 1885–1900 гг., – это не только период политической реакции, "контрреформ", но и энергичной модернизации социально-экономической структуры страны, технической революции, развертывания капиталистической индустриализации, ускоренного развития тяжелой промышленности, промышленного подъема 90-х гг. XIX в., оказавшего сильное воздействие на всю социально-экономическую, политическую и культурную жизнь страны.

Для народного образования, несмотря на противоречивость развивавшихся в нем тенденций, борьбу реакционных и прогрессивных направлений, 1885–1900 гг. – это период дальнейшего развития школьной сети, дальнейшего роста грамотности и образованности населения, значительных количественных и качественных изменений в организации школьного обучения.

Расширение школьной сети в уральских губерниях в конце XIX в. прошло два этапа: первый, охватывавший вторую половину 80–начало 90-х гг., период так называемых "контрреформ", когда основное внимание правительства было направлено на открытие церковноприходских школ, главной задачей которых ставилось утверждение в народе "религиозно-нравственных понятий", и второй, охватывавший середину и вторую половину 90-х гг., когда возобновился бурный рост численности светских школ, открываемых в Вятской, Пермской и Уфимской губерниях земствами, в Оренбургской губернии – казачьим войском.

Таблица I.

Соотношение между светскими и церковноприходскими школами, открытыми в Пермской губернии в 1881—1900 гг. (*)

Годы	Всего открыто школ	В том числе			
		светских		церковноприходских	
		число	%	число	%
1881	27	27	100,0	-	-
1882	24	23	95,8	1	4,2
1883	19	18	94,7	1	5,3
1884	22	15	68,2	7	31,8
1885	27	14	51,9	13	48,1
1886	32	19	59,4	13	40,6
1887	34	19	55,9	15	44,1
1888	38	7	18,4	31	81,6
1889	23	5	21,7	18	78,3
1890	20	4	20,0	16	80,0
1891	18	8	44,4	10	55,6
1892	14	6	42,9	8	57,1
1893	14	5	35,7	9	64,3
1894	20	11	55,0	9	45,0
1895	27	19	70,4	8	29,6
1896	43	29	67,4	14	32,6
1897	60	53	88,3	7	11,7
1898	47	44	93,6	3	6,4
1899	41	41	100,0	-(**)	-
1900	68	68	100,0	-(**)	-
Итого	618	435	70,4	183	29,6

* Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь. 1904. С. 49.

** Сведений нет.

Первый период — вторая половина 80—начало 90-х гг. — ознаменовался не только усиленным насаждением церковноприходских школ, но и общим снижением темпов расширения школьной сети. После быстрого роста земских школ в 70-е гг., в следующее десятилетие, в 80-е гг., энергия и финансовые средства земств стали иссякать. Сказалась также тогдашняя общественно-политическая обстановка в стране, переход правительства с начала 80-х гг. к реакционному курсу в области народного образования в связи с проведением политики "контрреформ". Власти всячески поддерживали и

поощряли открытие церковноприходских школ и одновременно всеми мерами ущемляли, притесняли и ограничивали земские школы. Насаждение церковноприходских школ началось с 1881 г., а их массовое внедрение относится к 1885–1886 гг. Среди вновь открытых в трех земских уральских губерниях – Вятской, Пермской и Уфимской – начальных школ, церковноприходские школы составляли: в 1871–1875 гг. – 4%, в 1876–1880 гг. – 9%, в 1881–1885 гг. – 45%, в 1886–1890 гг. – 63%, в 1891–1893 гг. – 67,3%⁴. Процесс усиленного учреждения церковноприходских школ, соотношение между светскими и церковноприходскими школами в 1881–1900 гг. в Пермской губернии показывает таблица 1.

С 1886 по 1893 гг. в четырех уральских губерниях было открыто 728 школ, из них 471 (то есть 64,7%) составили школы ведомства Святейшего Синода, тогда как за 20-летний период, с 1861 по 1880 гг., из числа вновь открытых 1469 школ церковному ведомству принадлежало только 78 (5,3%), за пятилетний период – с 1881 по 1885 гг., когда уже началось насаждение церковноприходских школ, – из 451 вновь открытых школ церковноприходских было 206 (45,7%). Особенно активно шло внедрение церковноприходских школ в Вятской губернии, где из 282 открытых в 1886–1893 гг. школ церковноприходских было 233, то есть 82,6%. В 1893 г. из числа всех начальных училищ ведомства Святейшего Синода составляли: в Вятской губернии – 43,7%, в Уфимской – 20,5%, Пермской – 17,3%, в Оренбургской – 13,1%⁵.

Значительно ослабили свою деятельность в области народного образования в этот период и земства. В Глазовском уезде Вятской губернии число школ с 41 уменьшилось до 34 в 1893 г. В одном из земских отчетов отмечается, что "в течение целых 12 лет, с 1882 по 1893 г. (включительно) характерной чертой глазовского земства было полное пренебрежение к делу народного образования"⁶. Ввиду недостатка у земства средств, в Нолинском уезде этой же губернии в 1886–1887 гг. было закрыто 8 школ (5 женских и 3 смешанных), а 5 школ переданы духовенству⁷. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии в 1887–1888 гг., из-за отсутствия средств и неудовлетворительности по этой причине школьных помещений, было закрыто 28 школ. В 1888–1889 гг. земство вынуждено было временно внести плату за обучение, ввиду чего число учащихся в уезде сразу уменьшилось на 1300 чел⁸.

Заметно снизились в этот период и темпы расширения школьной сети. В Пермской губернии в 1871–1875 гг. ежегодно открывалось по 49 новых школ, в 1876–1880 гг. – по 22, в 1881–1885 гг. – по 21, в 1886–1890 гг. – лишь по 4, в 1891–1895 гг. – по 6. Приведа эти цифры, земский статистик П.А.Голубев сделал заключение, что пятилетие 1886–1890 гг. было "самое темное в деле просвещения... Почти такое же глухое у нас было и следующие пятилетие до 1895 г."⁹. В Вятской губернии, отмечается в земском сборнике, "середина 70-х годов была кульминационным пунктом в деле увеличения числа школ; с этого времени рост числа школ идет медленнее, а далее и совсем останавливается". За двадцатилетний период, с 1874 по 1894 г., в губернии были открыты всего 43 земские школы, то есть в среднем ежегодно открывалось лишь по две школы. "Расширение школьного дела за двадцатилетие, – говорится в том же земском сборнике, – было ничтожно..., а в Котельническом и Нолинском уездах число школ за этот период даже убыло, в первом на 3, во втором – на 16!"¹⁰. В Уфимской губернии за первые четыре года деятельности земства, в 1875–1879 гг., было открыто 145 светских школ, то есть ежегодно открывалось по 36 школ; за пятилетие 1880–1884 гг. было открыто 40 школ, то есть ежегодно по 8; за пятилетие 1885–1889 гг. было открыто 8 школ, то есть ежегодно открывалось лишь по 1,6 школы¹¹.

Период новой активации земств в области народного образования начался лишь с середины 90-х гг. В Пермской губернии это было пятилетие с 1896 по 1900 гг. "Только с середины 90-х годов, – писал П.А.Голубев, – и у нас снова начинается кипучая деятельность по учреждению новых школ, когда за пять лет прибыло 222 новых школы, или в среднем по 44 школы ежегодно..."¹². Динамику развития школьной сети в Пермской губернии в конце XIX в. показывает таблица 2.

Таблица 2.

Рост сети начальных школ в Пермской губернии в 1881–1900 гг. (*)

Годы	Всего открыто новых школ	Открывалось в один год
1881-1885	104	21
1886-1890	22	4
1891-1895	31	6
1896-1900	222	44

* Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии... С.141.

11 декабря 1895 г. Вятское губернское земское собрание приняло постановление об открытии в губернии 600 новых школ и ассигновании на их содержание 150 тысяч рублей ежегодно. В течение 5 лет, с 1896 по 1900 г., в губернии было открыто 487 новых школ (в 1896 г. – 185, 1897 г. – 150, 1898 г. – 107, 1899 г. – 34, в 1900 г. – 11), число школ в губернии за пятилетие почти удвоилось¹³. В Уфимской губернии в 1890–1894 гг. была открыта 51 светская школа (то есть открывалось ежегодно по 5,1 школы), а в 1895–1899 гг. было открыто 158 школ (то есть по 31,6 ежегодно)¹⁴. В Оренбургской губернии, где не было земств, большое количество школ было открыто казачьим войском.

Успехи земств в развитии школьной сети во второй половине 90-х гг. XIX в. были весьма оптимистично расценены тогдашней общественностью, восторженно объявившей о скором введении в земских губерниях всеобщего начального обучения. Заведующий научно-учебным отделом Всероссийской промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде Г.Е. Ковалевский "пророчески" предсказал: "Если дело пойдет так и впредь, то не более как через пять лет (следовательно – в 1902 г.) в Вятской губернии будет достигнуто всеобщее обучение"¹⁵.

Общий итог развития школьной сети на Урале в 1885–1900 гг. показывает таблица 3.

Таблица 3.

Рост сети начальных школ и учащихся в них на Урале в 1885–1900 гг. (*)

Губернии	1885 г.		1900 г.		Увеличение, во сколько раз	
	Число училищ	Число учащихся	Число училищ	Число учащихся	числа училищ	числа учащихся
Вятская	801	50566	2143	117479	2,7	2,3
Оренбургская	666	31071	1254	71338	1,9	2,3
Пермская	994	63129	1946	110742	1,9	1,75
Уфимская	353	14376	806	42347	2,3	2,9
Всего	2814	159142	6149	341906	2,2	2,1

* Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 155; СПб., 1903. Вып. 4. С. 298, 299.

За период 1885–1900 гг. число школ и учащихся в четырех губерниях Урала увеличились более чем в два раза. Особенно ошутительные успехи в расширении школьной сети были достигнуты в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях. Значительно уступала им по числу светских школ и учащихся Уфимская губерния. Причем официальная статистика учитывала только церковноприходские школы, открытые православным духовенством, и не учитывала конфессиональные училища, организованные мусульманским духовенством, – мектебе и медресе, – среди башкиро-татарского населения.

Удельный вес церковноприходских школ в общем числе начальных школ всех ведомств и учащихся в них в уральских губерниях в 1900 г. показывает таблица 4.

Таблица 4.

Удельный вес школ Святейшего Синода в губерниях Урала в 1900 г. (*)

Губернии	Количество школ			Количество учащихся		
	Всего	В том числе церковноприходских		Всего	В том числе в церковноприходских школах	
		число	%		число	%
Вятская	2143	1006	46,9	117479	38481	32,7
Оренбургская	1254	504	40,2	71338	19203	26,9
Пермская	1946	850	43,7	110742	29411	26,6
Уфимская	806	240	29,8	42347	8735	20,6
Итого	6149	2600	42,3	341906	95830	28,0

* Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. 298, 299.

Несмотря на усиленное насаждение правительством в 80-х–начале 90-х гг. церковноприходских школ, они не смогли занять в системе народного образования ведущего места. В 1900 г. на их долю приходилось 42,3% общего числа всех школ, а обучалось в них только 28% учащихся. Как показала жизнь, церковноприходские школы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Школы ведомства Святейшего Синода, как правило, были небольшими по размерам, бедны оборудованием и учебными пособиями, находились в непригодных для занятий помещениях, нередко – в церковных сторожках; их учебные программы были урезаны за счет расширения религиозно-нравственных дисциплин, учительские кадры в них имели невысокую образовательную подготовку; духовенство, ведавшее этими школами, было обременено своими религиозными обязанностями и в подавляющем большинстве случаев мало заботилось о развитии народного образования. Земские школы были лучше обеспечены материально; земства расходовали на их содержание значительные средства, что наглядно показывает таблица 5.

Приведенная таблица убедительно объясняет, почему общественность и родители учащихся отдавали предпочтение не церковноприходским, а земским школам. Во второй половине 90-х гг., как мы видели выше, число вновь открываемых церковноприходских школ резко сократилось, а затем сошло на нет.

Развитие школьной сети привело к значительному росту охвата детей школьного возраста обучением (см. таблицу 6).

Таблица 5.

Расходы на содержание школ в земских губерниях Урала в
середине 90-х годов XIX в. (*)

Губернии	Расходы на земские школы		Расходы на церковно-приходские школы		Во сколько раз расходы на одну земскую школу превышали расходы на одну церковно-приходскую школу
	общая ассигнуемая сумма	на одну школу	общая ассигнуемая сумма	на одну школу	
Вятская	348408р79к	733р49к	63368р06к	69р86к	10,5
Пермская	507995р79к	748р15к	29863р80к	45р11к	16,6
Уфимская	104329р00к	546р29к	10552р96к	55р54к	9,9
Всего	960733р65к	714р30к	103784р82к	59р00к	12,1

* Белокопский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. Курск. 1897. С. 57-59.

Таблица 6.

Динамика охвата обучением детей школьного возраста
на Урале в 1885-1899 гг., в % (*).

Губернии	1885 г.	1899 г.	Увеличение, во сколько раз
Вятская	12,8	38,1	3,0
Оренбургская	17,8	45,1	2,5
Пермская	17,1	37,9	2,2
Уфимская	5,7	19,9	3,5
Итого	10,2	35,1	3,4

* Вычислено по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 52-53, 66-67, 80-81, 159.

Если в середине 80-х гг. XIX в. в уральских губерниях обучением была охвачена лишь 1/10 детей школьного возраста, то в конце 90-х гг. — уже более 1/3. За период 1885-1899 гг. удельный вес детей, охваченных школьным обучением, увеличился в 3,4 раза.

Подробные данные об охвате детей школьным обучением в уральских губерниях по состоянию на 1 января 1899 г. показывает таблица 7.

В 1899 г. в уральских губерниях в школах учились уже более 1/2 мальчиков и около 1/5 девочек (в середине 80-х гг. — около 15-16 % мальчиков и 5-6% девочек). Заметен сдвиг в охвате обучением девочек: с 5-6 до 17,8%. Однако и в 1899 г. большая часть детей школьного возраста (64,9%) школу не посещала, очень низким оставался охват школьным обучением девочек: мальчиков обучалось 53,2%, а девочек — только 17,8%, то есть в три раза меньше. Значительно отставала в развитии школьного обучения детей Уфимская губерния.

В городах Урала охват детей школьным обучением (59,9) был выше, чем в сельской местности (33,6). В городах Вятской, Пермской и Уфимской губерний

охват детей школьным обучением был в два-три раза выше, чем в сельской местности: в Вятской губернии в городах обучением было охвачено 85,1% детей школьного возраста (в сельской местности – 36,6%), в Уфимской губернии – 62,1% (в сельской местности – 17,7%), в Пермской – 54,8% (в сельской местности – 36,7%). В Оренбургской губернии такого большого различия в охвате обучением детей школьного возраста в городах (49,0%) и в сельской местности (44,7%) не было¹⁶.

Таблица 7.

Охват школьным обучением детей школьного возраста в уральских губерниях по состоянию на 1 января 1899 г. (*)

Губернии	Число детей школьного возраста		Процент детей, охваченных обучением			
	Всего	В том числе		всех детей	мальчиков	девочек
		мальчиков	девочек			
Вятская	277450	132641	144809	38,1	60,2	17,8
Оренбургск.	144845	72265	72580	45,1	64,5	25,8
Пермская	270289	130559	139730	37,9	57,4	19,7
Уфимская	199845	100097	99748	19,9	30,2	9,5
Итого	892429	435562	456867	35,1	53,2	17,8

* Составлено по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 52–53, 66–67, 80–81.

В середине 80-х гг. XIX в. более высоким (на 10-15%) по сравнению с сельской местностью был охват детей школьным обучением в горнозаводских районах Урала. Однако к концу 90-х гг. в связи с расширением сети школ это различие начинает стираться.

Вместе с тем территориальное расширение сети школ шло в целом медленными темпами, существующая школьная сеть была недостаточной. В Вятской губернии в 1865 г. не было начальных школ в 107 волостях (37,6% общего их числа), в 1874 г. – в 54 волостях (18,6%), в 1892 г. – в 26 волостях (8,2%), даже в середине 90-х гг. в губернии все еще оставались волости без начальных училищ¹⁷. Школы, как правило, имелись лишь в крупных населенных пунктах – заводских поселках, селах, больших деревнях. Для детей, проживавших в мелких населенных пунктах – маленьких поселках и маленьких деревнях, на выселках, на рудниках и приисках, где не было школ, получение даже начального образования было сильно затруднено.

Прямую зависимость охвата детей школьным обучением от расстояния их местожительства до школы показывает таблица 8.

Среди детей школьного возраста, проживавших от школы на расстоянии до одной версты, обучались 94% всех детей, а по мере удаления от школы число таких детей неуклонно сокращалось: из проживавших на расстоянии от 1 до 3 верст училась только 1/3 детей, из проживавших на расстоянии более 3 верст – лишь 1/4.

Таблица 8.

Влияние расстояния до школы на охват детей
школьным обучением в Вятской губернии (без
Малмыжского уезда) в 1898 г. (*)

	Всего в губернии	В том числе проживавших от школы на расстоянии			
		до 1 версты	1-2 версты	2-3 версты	более 3 верст
Число детей школьного возраста	191337	40997	21171	28894	100275
Из них училось в шко- лах	81918	38547	8027	8814	26530
Процент детей, охвачен- ных школьным обучени- ем в данной группе	42,3	94,0	37,9	30,5	26,5

* Составлено по: Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения. Вятка. 1902. Вып. 2. С. 15

Из числа учащихся, поступивших в начальные школы, только меньшая часть заканчивала их. Большинство детей учились лишь год-два и выбывали, не окончив школы, чаще всего – из-за материальных трудностей, необходимости своим трудом помогать семье. Хотя в пореформенный период процент учащихся, окончивших начальные школы, поднялся, даже в конце 90-х гг. XIX в. он был невысок (см. таблицу 9).

Таблица 9.

Удельный вес учащихся, окончивших курс в земских начальных
школах Уфимской и Пермской губерний в 1871 гг. (*)

Годы **	Уфимская губерния			Пермская губерния		
	Всего уча- щихся	Из них окончив- ших курс		Всего уча- щихся	Из них окончив- ших курс	
		число	%		число	%
1871	-	-	-	8597	395	4,6
1875,1876	5266	217	4,1	25418	1558	6,1
1880,1881	11555	839	7,3	36850	3171	8,6
1885,1886	13788	1274	9,2	49235	5066	10,3
1890,1891	16821	1820	10,8	51497	6099	11,8
1895,1896	22328	2779	12,4	58579	7651	13,1
1899,1901	33837	4121	12,2	74879	10806	14,4

* Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа. 1900. Т. VII. Ч. 3. С. 180; Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии... С. 141.

** Первая дата относится к Уфимской губернии, вторая – к Пермской.

Со времени открытия первых земских школ в 70-х гг. XIX в. до рубежа XIX–XX вв., 1899–1901 гг., процент окончивших полный курс начальной школы увеличился в три раза (с 4,2 и 4,6 до 12,4 и 14,4%), исходя из этого следует признать, что даже в конце 90-х гг. XIX в., учитывая, что срок обучения в одноклассном начальном народном училище был трехлетним, начальные школы оканчивали от 37 до 43% поступающих в них учащихся, то есть от 1/3 до 1/2. Более полные данные по всем уральским губерниям, относящиеся к рубежу XIX–XX вв., подтверждают этот вывод. В 1900 г. учащиеся, окончившие курс в начальных училищах, составляли от общего количества всех учащихся: в Вятской губернии – 15%, в Оренбургской – 10,5%, Пермской – 14,4%, Уфимской – 13,5%, в среднем по четырем уральским губерниям – 14,2%¹⁸.

Таблица 10.

Грамотность и образовательный уровень новобранцев уральских губерний, принятых на военную службу в 70–90-гг. XIX в., в % (*).

Годы	Вятская губерния		Оренбургская губерния		Пермская губерния		Уфимская губерния	
	всех грамотных	в т.ч. со свидетельствами 4-го разряда	всех грамотных	в т.ч. со свидетельствами 4-го разряда	всех грамотных	в т.ч. со свидетельствами 4-го разряда	всех грамотных	в т.ч. со свидетельствами 4-го разряда
1874	15,66	0,12	9,17	-	14,19	0,27	6,99	0,06
1885	25,1	6,76	17,6	0,93	23,9	5,64	7,37	1,3
1897	43,9	18,0	25,5**	3,53**	38,7	14,8	16,8	4,2
1900	49,1	Свед. нет	33,0	Свед. нет	44,9	Свед. нет	18,7	Свед. нет

* Статистический временник Российской империи. СПб., 1886. Серия III, Вып. 12. С. XXXIX, XLIII, XLIV, XLVIII; Статистика Российской империи. СПб., 1897. Т. XL. С. 118–119; Статистические таблицы по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. 308.

** В 1894 г.

Только часть учащихся получала законченное начальное образование, оканчивала трехгодичные народные училища. Двухклассное училище с пятилетним сроком обучения, дававшее незаконченное среднее образование, для большинства детей было пределом мечты об образовании. Только незначительная часть детей весьма состоятельных родителей могла продолжать образование в средних учебных заведениях – гимназиях, реальных училищах и т.п. Между тем в среде населения росла тяга к знаниям, к получению более полноценного образования. "Местное население, – сообщал Вятской губернской земской управе один из ее корреспондентов, – в последние годы далеко не удовлетворяется тем элементарным образованием, какое дает начальная школа... Поэтому в настоящая время чрезвычайно сильно назрела потребность в школах с более расширенной программой, чем сельская начальная школа. Следовательно, пришла пора открывать двухклассные школы, с более законченным образованием"¹⁹. В Пермской губернии из Красноуфимского уезда писали: "У многих жителей есть желание, чтобы их дети могли получить дальнейшее образование, по крайней мере, в 2-х классном училище, но такового... не имеется". Из поселка Невьянского завода сообщали: "Население желало бы иметь у себя высшее училище – двухклассное или городское". Из поселка Шайтанского завода: "Много находится желающих отдавать детей своих хотя бы в 2-х классное училище, но, к сожалению, его нет". О

стремлении населения дать своим детям образование в двухклассных училищах сообщалось также из поселка Очерского завода Пермского уезда и многих других поселков²⁰.

Об уровне грамотности и образования мужской части населения уральских губерний, динамике их роста можно проследить по данным о новобранцах, принятых на военную службу (см. таблицу 10).

Данные о новобранцах, принятых на военную службу, подтверждают, что в пореформенный период произошли значительные сдвиги в грамотности и образовательном уровне населения. Грамотность среди новобранцев с 1874 по 1900 гг. выросла в 2,6-3,3 раза, число новобранцев, имевших свидетельства учебных заведений 4-го разряда (об окончании начальной школы), увеличилось в Вятской губернии с 0,12 до 18%, в Пермской – с 0,27 до 14,8%, в Уфимской – с 0,06 до 4,2%, в Оренбургской – до 3,5%. Однако даже в конце 90-х гг. XIX в. число новобранцев со свидетельствами об окончании начальной школы в Пермской и Уфимской губерниях – лишь только 3,5-4%.

Прогресс, достигнутый в народном образовании в уральских губерниях в конце XIX в., с 1885 по 1898 г., иллюстрирует таблица 11.

Таблица 11.

Динамика развития народного образования
в губерниях Урала в 1885–1898 гг. (*)

Губернии	Годы	1 училище приходилось на число душ населения	1 учащийся приходился на число душ населения	1 учившийся мальчик приходился на число душ населения муж. пола	1 учившаяся девочка приходилась на число душ населения жен. пола
Вятская	1885	3569	57	34	145
	1898	1525	29	18	62
Оренбургская	1885	1869	40	28	72
	1898	1462	25	17	43
Пермская	1885	2666	42	28	80
	1898	1705	29	19	56
Уфимская	1885	5309	129	77	391
	1898	3270	56	37	117

* Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., Вып. 3. С. 155, 159, 163, 167.

Рост сети школ сопровождался повышением уровня грамотности населения. В первой половине 80-х гг. XIX в. общая грамотность населения в уральских губерниях, по-видимому, не превышала 8-10%; по данным Н.А. Благовещенского, грамотные тогда составляли: в Пермской губернии – 11,7%, в Вятской – 8,6%²¹. Грамотность населения в губерниях Урала в 1897 г., по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, показывает таблица 12.

По данным переписи, грамотных в 1897 г. насчитывалось в Оренбургской губернии 20,4%, в Пермской – 19,2%, в Пермской – 19,2%, в Уфимской – 16,7%, в Вятской – 16,0%, в среднем по четырем уральским губерниям – 17,9%. В целом по империи, по данным переписи, процент грамотных составлял 21,1%. По уровню грамотности уральские губернии значительно отставали от столичных, прибалтийских и центрально-промышленных губерний, где грамотных было: в С.-Петербургской губернии – 55,1%, в Московской – 40,2%, в Эстляндской – 79,9%, Лифляндской – 77,7%, Курляндской – 41,9%, Ярославской – 36,2%.

Грамотность населения в губерниях Урала в 1897 г., в %. (*)

Губернии	Все население	Мужчины	Женщины
Вятская	16,0	25,6	7,5
Оренбургская	20,4	29,6	11,4
Пермская	19,2	28,3	10,8
Уфимская	16,7	21,9	11,7
Итого	17,9	26,2	10,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. № 10, 28, 31, 45.

Перепись обнаружила на Урале большое различие в грамотности мужчин и женщин: среди мужчин грамотных было около 1/4, среди женщин – только 1/10. Выделялось более высокой грамотностью городское население: грамотных насчитывалось в городах Вятской губернии 52,0%, Оренбургской губернии – 36,5%, Пермской – 48,7%, Уфимской – 37,1%, среди всего городского населения Урала – 43,4%. По возрастным группам наивысшая грамотность оказалась среди детей и подростков 10-19 лет – 31,9% (у мужчин – 45,1%, женщин – 19,3%), в более старших группах процент грамотных сокращался и был наименьшим – 10,5% (у мужчин – 21,1%, женщин – 0,6%) – в возрастной группе 50-59-летних. Вопреки сложившемуся стереотипу, различия в уровне грамотности основных национальностей и народностей региона оказались невелики: грамотных было среди русских – 18,1%, башкир – 18,3%, татар и тептярей – 21,6%, чувашей – 17,5%. Более низкой выявилась грамотность у мордвы – 9,1%, коми – 6,0%, удмуртов – 5,1%, мари – 0,5%. В классовой структуре общества более высокой грамотностью отличались высшие сословия – дворянство и духовенство (70-80% грамотных), почетные граждане, купцы, мещане и другие сословия (около 30% грамотных). Среди сельских сословий грамотные составляли около 20%.

Выше среднего был уровень грамотности горнозаводского населения. По данным земской подворной переписи 1900 г., в Екатеринбургском уезде среди горнозаводского населения грамотных было 31,2%, в том числе среди мужчин – 42,8%, среди женщин – 19,7%. По данным земской подворной переписи 1901 г., в Верхотурском уезде среди горнозаводского населения грамотных оказалось 34,3%, в том числе среди мужчин – 48,5%, среди женщин – 20,2%²².

Значительно выше общего уровня была грамотность горнозаводских и фабрично-заводских рабочих. По данным переписи, среди рабочих промышленности, строительства и транспорта Урала грамотных было 41,7% (среди рабочих-мужчин – 43,5%, женщин-работниц – 14,3%). По губерниям грамотных рабочих было: в Вятской – 46,0%, Пермской – 43,2%, Уфимской – 36,3%, в Оренбургской – 31,2%. Заметная разница в грамотности рабочих уральских губерний объясняется большим удельным весом в Оренбургской и Уфимской губерниях производств с низкой квалификацией рабочих. Среди рабочих горнозаводской промышленности наибольшей грамотностью отличались рабочие-металлисты (56,0% грамотных), среди рабочих фабрично-заводской промышленности – полиграфисты (78,8% грамотных). По уровню грамотности рабочих Урал уступал С.-Петербургу (64,9% грамотных), Прибалтике (85-94% грамотных),

Центрально-промышленному району (48,9% грамотных), но стоял выше Сибири (36% грамотных) и значительно выше Бакинской губернии (26,2% грамотных)²³.

В народном образовании Урала в период 1885–1900 гг. был достигнут, несомненно, значительный прогресс, но развивался он недостаточно быстрыми темпами. Даже в конце 90-х гг. XIX в. грамотность населения оставалась очень низкой: неграмотными, по данным переписи 1897 г., оказались 4/5 населения (3/4 мужчин и 9/10 женщин). Хотя число детей, охваченных школьным обучением, значительно возросло, вне школ оставались 2/3 детей школьного возраста (1/2 мальчиков и 4/5 девочек).

Большим тормозом в развитии школьного образования была слабость его материальной базы. Школы, чаще всего, размещались в непригодных помещениях, не удовлетворяли элементарным гигиеническим требованиям, были переполнены учащимися. В Красноуфимском уезде Пермской губернии в 1885–1886 учебном году, по данным официального отчета, из начальных училищ занимали: хорошие помещения – 18%, удовлетворительные – 28%, неудобные – 54%. Из 63 начальных училищ только 30 имели специально для них предназначенные помещения, 9 занимали наемные квартиры, 21 находились при волостных правлениях и 3 – в домах с посторонними жильцами. "В большинстве случаев, – отмечалось в отчете, – школьные помещения оказываются очень тесными, не приспособленными для школьных надобностей и не удовлетворительными в гигиеническом отношении; особенно неудобными являются наемные квартиры (напр., Артинское женское..., Верхне-Сергинское женское), которые сельские общества стремятся нанять за возможно дешевую цену. Обыкновенно это делается с торгов, причем училища переводятся в тот дом, который уступлен за более низкую цену. От такого порядка училищам, не имеющим собственных помещений, приходится часто, иногда ежегодно, кочевать"²⁴. В Екатеринбургском уезде в 1886 г. из 88 существовавших начальных училищ только 14 удовлетворяли гигиеническим требованиям по объему воздуха, 18 – по площади пола на одного ученика, 21 – по процентному отношению поверхности окон к площади пола²⁵.

Сведения о санитарном состоянии земских школ Пермской губернии за 1890 г., собранные по программе III губернского съезда врачей самими врачами или учительским персоналом и обработанные врачом Е.В. Кротовой-Александровой (они охватили 516 школ из имевшихся в губернии 638 земских школ, то есть 80%), показывают, что 40% школ занимали специально построенные для них здания, 38% располагались в приобретенных в собственность для школ зданиях, 22% школ занимали здания, нанимаемые у частных лиц. Из школьных зданий большая часть были одноэтажными – 61%, двухэтажных было 37%, трехэтажных – 1%. Деревянных зданий было 83%, каменных – 12%, полукаменных – 5%. "Школьные здания, – сообщает Е.В. Кротова-Александрова, далеко не всегда представляют помещения только для школы, а в большинстве случаев соединяют школу с другими, иногда совершенно неподходящими для нее, помещениями. Так, совершенно отдельными помещениями школы располагают лишь приблизительно в 39%, а в 61% всего их количества они совмещаются или с учительскими квартирами (32%), или с волостными правлениями (с помещениями хозяев в нанимаемых зданиях, лавками и т. п.) – (15%)"²⁶.

Степень соответствия школьных помещений Пермской губернии в 1890 г. гигиеническим нормам показывает таблица 13.

30% школьных зданий имели вход непосредственно в классные комнаты, в них не было прихожих и коридоров, где дети могли бы оставлять верхнюю одежду; в таких школах учащиеся или сидели в верхней одежде или складывали ее в классных комнатах. Школьная мебель не была приспособлена к росту учащихся, не имела санитарных приспособлений. Столы длиной в 4-5 аршин (284,5-426,7 см) были рассчитаны на 5-8 учеников, скамьи не имели спинок. Парты, приспособленные к росту учащихся, составляли "положительно, исключение". Длина

скамьи, приходящейся на одного учащегося, не во всех школах доходила до 3/4 аршина (53,3 см), в большинстве школ она была меньше, а в некоторых падала до 7-6 вершков (31,1-26,7 см) и даже 5 вершков (22,2 см). "Санитарное состояние наших школьных помещений, — делала вывод Е.В. Кротова-Александрова, — оставляет желать много лучшего, ... в большинстве случаев помещения тесны, не имеют надлежащего количества воздуха и света и отличаются отсутствием самых необходимых удобств"²⁷.

Таблица 13.

Гигиенические условия помещений земских начальных школ Пермской губернии в 1890 г. (*).

Гигиенические условия	Норма(**)	Приходилось на 1 учащегося	Менее /-/ или более /+/ нормы, в %
Площадь пола, кв.аршин	2,5	2,3	-8,0
Объем воздуха, куб. аршин	12,5	8,9	-28,8
Отношение световой поверхности окон к поверхности пола	1:7	1:8,2	-17,1

* Составлено по: Кротова-Александрова Е.В. Очерк санитарного состояния земских школ Пермской губернии // 1891. Пятый губернский съезд врачей в г. Перми: Журналы заседаний, доклады и рефераты. Пермь. 1892. Отдел II. С. 311, 313.

** Установленная X съездом земских врачей Московской губернии (1891 г.)

Инспектор народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии в отчете за 1893 г., отмечая тесноту как "наиболее общий и чувствительный недостаток" начальных училищ, сообщал, что в уезде в 13 училищах на одного учащегося приходилось менее 6 куб. аршин воздуха, в 20 — от 6 до 8, в 4 — от 8 до 10 и только в 2 — по 13, то есть выше гигиенической нормы. В Котельничском уезде этой же губернии переполнение училищ дошло до такой степени, что инспектору и земской управе пришлось установить для каждого училища предельную норму числа учащихся, в результате чего число учащихся было сокращено почти на 700 человек. В других уездах губерний большинство училищ также были "очень тесны"²⁸. Сведения о начальных народных училищах, собранные Вятской губернской земской управой в 1895 г., показали, что "только незначительная часть училищ удовлетворяет требованиям школьной гигиены": из 450 училищ, о которых были получены полные данные, нормы гигиены были соблюдены: по количеству воздуха на одного учащегося — в 53 училищах (11,7%), по числу квадратных аршин пола — в 15 училищах (3,3%)²⁹. Из-за недостатка мест в школьных помещениях ежегодно отказывали в приеме в школу тысячам детей.

Поскольку наиболее неудовлетворительными были училища, располагавшиеся в наемных помещениях, обратимся к сведениям о принадлежности начальных училищ (см. таблицу 14).

Таблица свидетельствует, что даже на рубеже XIX–XX вв. в среднем по Уралу только половина начальных училищ (52%) имела собственные помещения, а в Вятской губернии собственные помещения были лишь у 27,2% училищ.

Таблица 14.

Принадлежность помещений начальных училищ в губерниях Урала в 1900 г. (*)

Губернии	Всего училищ	В том числе			
		собственных		наемных	
		число	%	число	%
Вятская	1072	292	27,2	780	72,8
Оренбургская	228	151	66,2	77	33,8
Пермская	1055	741	70,2	314	29,8
Уфимская	540	322	59,6	218	40,4
Итого	2895	1506	52,0	1389	48,0

* Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. 92–93, 110–111.

В рассматриваемый период значительно улучшился, особенно в светских школах, состав педагогического персонала. В середине 80-х гг. XIX в. в уральских губерниях среди учителей начальных школ лица со средним и специальным педагогическим образованием составляли около 1/4, в конце 90-х гг. – уже более 1/2. Так, в Пермской губернии в 1884 г. среди учителей начальных школ преподавателей со средним специальным образованием было 23,3%, с незаконченным средним образованием – 17%, окончивших курс в уездных, городских, духовных и других низших учебных заведениях – 35%, не окончивших начальной школы и нигде не учившихся – 22%³⁰. Удельный вес учителей начальных училищ, имевших среднее и специальное образование, в Пермской губернии составлял: в 1885 г. – 25%, в 1891–1892 гг. – 43%, в 1900 г. – 53,9%. В Вятской губернии в конце 90-х гг. XIX в., по данным земского исследования, состав учителей начальных школ по уровню образования был таким: учителя "с достаточной подготовкой" (имевшие среднее или специальное педагогическое образование) составляли 63,2%, "со средней подготовкой" (имевшие незаконченное среднее образование) – 26,4%, "с недостаточной подготовкой" (имевшие начальное или домашнее образование) – 10,5%³¹.

Об образовательном уровне педагогического состава начальных школ в губерниях Урала в 1900 г. свидетельствует таблица 15.

Из таблицы видно, что в губерниях Урала в 1900 г. учителей "с достаточной подготовкой" было только 59,6%, остальные учительские места занимали лица "со средней" и "недостаточной" подготовкой.

Слабое развитие народного образования в регионе в значительной мере объяснялось скудностью его финансирования. Ассигнования на народное образование в конце XIX в. возросли, особенно со стороны земств: в Пермской губернии – с 655678 руб. в 1886 г. до 1021121 руб. в 1900 г., в Уфимской губернии – с 126710 руб. в 1886 г. до 254654 руб. в 1899 г. Но они были явно недостаточными.

Источники финансирования школ показывает таблица 16.

Основную часть расходов на народное образование в конце XIX в. в Вятской, Пермской и Уфимской губерниях несли на себе земства, в Оренбургской губернии – казачье войско. Расходы правительства были сравнительно невелики и составляли в среднем по четырем уральским губерниям лишь 22%. Значительную долю расходов (10,3%) принимали на себя сельские и городские общества. За-

метной была доля пожертвований частных лиц (7,4%). В расходной части бюджетов земств затраты на народное образование в 1900 г. составляли: в Вятской губернии – 32,3%, в Пермской – 23,2%, в Уфимской – 15,1%.

Таблица 15.

Состав преподавателей начальных школ Урала в 1900 г. (*)

Губернии	Всего учителей и учительниц	В том числе					
		приобретших учительские права окончанием курса в учебных заведениях		получивших право преподавания выдержанием специального испытания		не имевших учительских свидетельств	
		число	%	число	%	число	%
Вятская	2069	1306	63,1	718	34,7	45	2,2
Оренбургская	386	182	47,2	175	45,3	29	7,5
Пермская	2057	1109	53,9	918	44,6	30	1,5
Уфимская	782	559	71,5	194	24,8	29	3,7
Итого	5294	3156	59,6	2005	37,9	133	2,5

* Составлено по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. 96–97, 114–115.

В дореволюционной литературе немало писалось об якобы огромных расходах уральских горнозаводчиков на содержание школ. Эти уверения были далеки от действительности. В конце XIX в. некоторые расходы на содержание школ в своих горнозаводских округах несли лишь несколько титулованных заводчиков, считавшихся "меценатами". Но эти расходы, особенно если учесть размеры получаемых горнозаводчиками со своих заводов дивидендов в сотни тысяч рублей, нельзя не признать просто мизерными. Так, в Красноуфимском уезде Пермской губернии, в котором имелось 18 горных заводов, на содержание школ заводчиками было в 1887–1888 учебном году выдано 796 руб., в том числе: Нижне-Сергинскому заводскому училищу – 36 руб., Нязепетровскому женскому – 100 руб., Верхне-Сергинскому заводскому – 300 руб. и двум сельским училищам по 180 руб.³² В Оханском уезде на средства заводчиков содержались два заводских училища – Очерское и Нытвенское, которым в 1890 г. заводчики – граф Строганов и князь Голицын – выделили 3175 руб.³³ Самый "знаменитый" уральский меценат П.П.Демидов, князь Сан-Дonato, в 70-гг. XIX в. вносил на содержание училищ в своем округе 19,9 тыс. руб., а к концу 80-х гг. сократил эту сумму до 7 тыс.³⁴

Расход на содержание начальных школ, приходившийся на душу населения, в 1898 г. составлял: в Пермской губернии – 34,4 коп., в Вятской – 32,5, в Оренбургской – 23,4, в Уфимской – 16,6 коп., в среднем по уральским губерниям – 26,7 коп. По 50 губерниям Европейской России этот расход составлял 36,1 коп., во Франции эта цифра равнялась 2 руб., в Англии – 3 руб.³⁵

Таблица 16.

Средства содержания начальных училищ всех ведомств в губерниях Урала по состоянию на 1 января 1899 г., в рублях. (*)

Источник финансирования	Вятская губерния	Оренбургская губерния	Пермская губерния	Уфимская губерния	Всего
Государственное казначейство	190093	104410	172745	145112	612360
	19,0%	27,7%	16,7%	39,4%	22,0%
Земства	692182	-	626975	145228	1464385
	69,1%		60,6%	39,4%	52,6%
Оренбургское казачье войско	-	126943	-	-	126943
		33,6%			4,6%
Сельские общества	16590	16548	72005	9517	114660
	1,7%	4,4%	7,0%	2,6%	4,1%
Городские общества	22637	53085	53531	43411	172667
	2,3%	14,1%	5,2%	11,8%	6,2%
Пожертвования частных лиц	65201	40918	82206	16738	205063
	6,5%	10,8%	8,0%	4,5%	7,4%
Плата за учение	6528	14633	10726	3436	35323
	0,6%	3,9%	1,0%	0,9%	1,3%
Прочие источники	8527	20809	15876	5248	50460
	0,8%	5,5%	1,5%	1,4%	1,8%
Итого	1001758	377346	1034064	368693	2781861
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

* Составлено по: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 102-105.

В конце XIX в. грамотность и образованность населения Урала значительно возросли: если в 60-х гг. грамотных в регионе насчитывалось 2-3%, в середине 80-х гг. — 8-10%, то в конце 90-х гг. — уже 18%; грамотность горнозаводских и фабрично-заводских рабочих за этот период с 10% увеличилась до 40%; в конце 90-х гг. от 1/4 до 1/3 грамотных новобранцев уральских губерний имели свидетельства об окончании учебных заведений. Однако общий уровень грамотности и образования оставался еще очень низким, сказывались медленное и слабое развитие школьной сети, недостаток школ, их крайнее переполнение, недостаточная подготовка учителей, бедность материальной базы. Сдвиги в народном образовании, достигнутые в пореформенный период благодаря напряженным усилиям демократической общественности и органов местного самоуправления, ока-

зались очень скромными, не смогли коренным образом изменить доставшуюся от крепостнического периода печальную картину почти сплошной безграмотности.

Исследование грамотности и образовательного уровня населения Урала в конце XIX в. показывает, что уже тогда лучшие представители прогрессивной демократической общественности отчетливо понимали экономическое значение народного образования, прилагали огромные усилия к развитию грамотности, образования и культуры населения. Однако в ходе перестройки, рыночных реформ, в пылу дискуссии "о России, которую мы потеряли", мы стали, к сожалению, забывать об этих полезных исторических уроках, стали забывать, что даже на рубеже XX в. Россия оставалась страной с низким уровнем грамотности и образования, с низким жизненным уровнем населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861–1885 гг. // Народное образование на Урале в XVIII–начале XX в. Свердловск. 1990. С. 48–69.
2. См.: Из истории народного образования Урала. Пермь. 1976; Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск. 1979; Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск. 1983; Народное образование на Урале в XVIII–начале XX в.; и др.
3. Матушкин П.Г. Ленин об Урале. Челябинск. 1961. С. 25; Гуськова Т.К. Олик рабочих Урала // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Мю 1970. С. 301.
4. Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. II. С. 80, 98, 113. Подсчеты автора.
5. Там же.
6. Народное образование в Глазовском уезде со времени введения земских учреждений по 1901 г. по данным текущей статистики. Вятка. 1903. С. 4.
7. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / Сост. П.А.Голубев. Вятка. 1896. Примеч. С. 3.
8. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию с 1870 по 1890 гг. Екатеринбург. 1890. С. 22, 47.
9. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь. 1904. С. 140–141.
10. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. С. 2–3.
11. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии / Сост. П.А. Голубев. Уфа. 1900. Т. VII, Ч. 3. С. 180.
12. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. С. 141.
13. Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию за пятилетие 1896–1900 гг. Вятка. 1901. С. 7.
14. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII, Ч. 3. С. 180.
15. Ковалевский Г.Е. Народное образование на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. СПб., 1897. С. 12.
16. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып. 3. С. 52–53, 66–67, 80–81. Подсчеты автора.
17. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. С. 4.
18. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1903. Вып. 4. С. 99, 117. Подсчеты автора.
19. Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего образования. Вятка. 1900. Вып. I. С. 247–248.
20. Цит. по: Бобылев Д. Народная школа и значение грамотности в отзывах крестьян (замечается ли среди крестьян стремление давать детям дальнейшее образование после народной школы) // Сборник Пермского земства. 1904. № 5–6. Отд. III. С. 6.
21. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. М., 1893. Т. I. С. 126, 128.

22. Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь. 1902. Т. IV, Вып. 2. Екатеринбургский уезд; Пермь. 1906. Т. VIII. Вып. 2. Верхотурский уезд. Подсчеты автора.
23. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (численность, состав, положение). М. 1985. С. 129–135.
24. Отчет о состоянии народного образования в Красноуфимском уезде Пермской губернии за 1885–1886 учебный год. Красноуфимск. 1887. С. 6–7.
25. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию с 1870 по 1890 г. С. 48.
26. Кротова-Александрова Е.В. Очерк санитарного состояния земских школ Пермской губернии // 1891. Пятый губернский съезд врачей в г. Перми: Журналы заседаний, доклады и рефераты. Пермь. 1892. Отд. II. С. 310.
27. Там же. С. 315.
28. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. С. 7.
29. Статистические материалы о начальных народных училищах Вятской губернии, собранные земскою управою в 1895 году. Вятка. 1896. С. 7.
30. Очерк народного образования в Пермской губернии // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1895 г. Пермь. 1895. С. 56.
31. Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети... Вып. I. С. 140.
32. Статистические сведения о народном образовании в Красноуфимском уезде Пермской губернии за 1887/8 уч. год. Пермь. 1889. С. 17–27.
33. Обзор развития народного образования в Оханском уезде Пермской губернии за последнее двадцатилетие и настоящее состояние его / Сост. Ал. Миропольский. Казань. 1890. С. 2–4, 75.
34. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России, 1889–1890. Труды III отделения. СПб., 1890. С. 189.
35. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 3. С. 199; Смородинцев А.И. К вопросу о причинах детской смертности на Урале // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. IV год, I-й вып. Пермь. 1895. С. 8.

LITERACY AND EDUCATIONAL LEVEL OF THE URALS POPULATION IN THE LATE 19th CENTURY

The educational level of the Urals population in the late 19th century is examined in the article. The author comes to the conclusion that in spite of the fact that the number of literate persons in the region during 1860s–1890s increased (from 2-3% to 18%), the average level of literacy and education stayed low because of the schools net slow and weak development, insufficient teachers grounding and financial scarcity.

D.V.Gavrilov

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ОСТАНКОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

Одна из самых загадочных страниц русской истории XX века – гибель последнего императора Николая II и его семьи более трех четвертей века волнует не только россиян, но и другие народы, особенно после сенсационных раскопок под Екатеринбургом в июле 1991 г. предполагаемых останков царственных великомучеников. Этому вопросу посвящено около 50 книг, изданных за пределами СССР, когда в нем господствовал тоталитарный режим. Со второй половины 80-х гг. аналогичные публикации начали появляться в России. Однако ясности пока не прибавилось.

Из всего многообразия вопросов, на которые до сих пор не удается получить ответ, в последнее время внимание общественности сосредоточилось на идентификации останков. Проведены многочисленные судебно-медицинские и генетические экспертизы, но они не состыкованы с прижизненными медицинскими показаниями, вообще с историческими документами 1918 г., что вызывает сомнения в подлинности останков, найденных под Екатеринбургом.

Еще с 20-х гг. из одной публикации в другую кочевала легенда о якобы отрубленных и доставленных в Кремль головах, которые позднее были сожжены. Масла в огонь подлило то обстоятельство, что на черепе № 4 из екатеринбургского раскопа, приписываемого бывшему императору Николаю II, отмечены крупные патологические деформации стоматологического характера. В книге известного судмедэксперта профессора В.Л.Попова официально фиксируется, что "изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (череп № 4 – В.А.) указывают на имевшийся при жизни выраженный пародонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4-8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита"¹.

В периодической печати, да и в научной литературе было высказано немало сомнений относительно того, что такая большая челюсть могла принадлежать императору, находящемуся под тщательным медицинским надзором. Известно, что царскую семью наблюдали 37 постоянных врачей, которые вели обязательные систематические обследования. Они будто бы не могли допустить прогрессирования тяжелого хронического заболевания в полости рта. Встал вопрос о прижизненных показаниях стоматологического статуса. Со времени обнаружения под Екатеринбургом предполагаемых останков семьи Романовых ведутся настойчивые поиски записей царского дантиста Кострицкого, но ни в России, ни за ее пределами их обнаружить не удалось.

И тут на помощь пришел сам император, который, находясь в тобольском заточении, записал 26 октября 1917 г. в своем неизменном дневнике: "От 10 до 11 часов сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним, он уезжает в Крым"². А кто же остался наблюдать за царскими зубами? На этот вопрос опять-таки отвечает дневник, где 10 декабря оставлена запись: "До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендель"³. Аналогичные записи повторяются в общей сложности 7 раз вплоть до 18 февраля (3 марта) 1918 г.⁴

Кто же это загадочная госпожа Рендель, так неожиданно вторгшаяся в жизнь царственного узника накануне его трагической гибели? Казалось, что ответить на этот вопрос никогда не удастся, не говоря уже о ее мнении относительно состояния зубов пациента Романова. Однако история сохранила нам уникальный шанс. Из научного архива Тобольского государственного историко-архитектурно-музея-заповедника удалось извлечь так называемую "Папку Ренделя", которую

оставил сын врача Лазарь Анатольевич Рендель. Она пылилась там с тех времен, когда говорить вслух о варварском уничтожении Романовых было не положено.

Из материалов этой папки явствует, что Мария Лазаревна Рендель была популярным в Сибири врачом-протезистом. Бедных она лечила бесплатно, а что получала от людей состоятельных, большей частью отдавала нуждающимся. Ее отличали широкие передовые взгляды, она была близка к кругам из среды политических ссыльных⁵.

Когда в августе 1917 г. в Тобольск была выслана царская семья со своей свитой, в ее зубокабинете стали появляться сановные пациенты. Одним из первых пришел высокий седоголовый, весь в черном граф Татишев – убежденный монархист, добровольно последовавший за императором в изгнание, за ним – личный врач царской семьи Боткин, который просил провести курс лечения некоторым ее членам⁶. Мария Лазаревна, будучи человеком левых убеждений, задумалась, прежде чем пойти в губернаторский дом, где размещались Романовы, но врачебная этика взяла верх, и она выполнила свой долг, оказала необходимую медицинскую помощь. Первым ее пациентом оказался бывший царь Николай II. Каково же было ее изумление, когда она обнаружила у него "полон рот гнилых зубов"⁷.

Этот факт долго обсуждался в семейном кругу, строились разные догадки. Для нас же он важен как прижизненное свидетельство, зафиксированное за полгода до ухода из жизни этого человека. Следовательно, диагноз, поставленный петербургским профессором Поповым по черепу, найденному под Екатеринбургом, соотносится с заключением тобольского врача в далеком 1918 г. Возможно, он принадлежал последнему российскому царю. Если это так, то острейшие дискуссии последних лет по поводу идентификации екатеринбургского захоронения с царской семьей пойдут на спад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов В.Л. Идентификация останков царской семьи Романовых. СПб., 1994. С. 19.
2. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 656.
3. Там же. С. 660.
4. Там же. С. 668.
5. ТГИАМЗ (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник). Научный архив. КП – 13774. Л. 8.
6. Там же. Л. 9.
7. Там же. Л. 10.

NEW DOCUMENTS FOR THE IDENTIFICATION OF THE SUPPOSED REMAINS OF THE TSAR ROMANOV FAMILY

The author cites previously unknown medical evidence, dated back to the time of the Romanov's stay in Tobolsk, which is of great value for the identification of the supposed remains of the royal family found near Yekaterinburg.

V.V.Alexeyev

С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ

В ряду русских людей, духовным подвигом прославивших Урал, достойное место занимает игуменья Руфина. Одна из самых почитаемых монахинь Русской православной церкви, она была почти забыта у себя на родине. В наши дни обретения потерянного и поиска ответа на поставленные вопросы: кто мы? где и в каком времени живем? — полезнее всего посмотреть на мир через призму личностных интересов. Во имя чего человек отрекался в своей собственной жизни и наступал на другого человека, что доброго он хотел сделать людям, брался ли он за роль утешителя или деятеля? Пример с игуменья Руфиной, нам кажется, будет в этом достаточно поучительным.

История Чердынского Иоанно-Богословского монастыря, первого на Урале, основанного в 1462 году, полна разных событий. Последний его период связан с игуменья Руфиной. Но все последние годы ее имя вспоминалось лишь тогда, когда речь шла о "контрреволюции". Даже игуменское кресло выставлялось в экспозиции Чердынского музея не среди экспонатов о культуре края, а в зале гражданской войны. Показывалось не произведение искусства (кресло резное, с высокой спинкой, изготовлено в XVIII веке), а место, с которого Руфина призывала уничтожить власть большевиков.

Родилась будущая игуменья в 1872 году в Перми в семье купца А.Т. Кокорева. Во святом крещении названа Ольгой. С детства воспитывалась на житиях святых. Уговорила родителей, и в 8 лет была отдана в Пермский Успенский женский монастырь. Два года провела в московских монастырях. Вернулась на Урал, работала в иконописной мастерской Верхотурского Покровско-женского монастыря, управляла монастырским хором из 75 голосов. В 1911 году Священным Синодом была возведена в сан игуменьи с именем Руфина и направлена в Чердынь для восстановления упраздненного при Екатерине II Иоанно-Богословского монастыря.

Приехав в Чердынь с семьей сестрами, матушка Руфина застаёт монастырский храм в запустении. Местное духовенство встретило ее настороженно, так как в восстанавливаемом монастыре видело своего будущего соперника. Но гуманное желание игуменьи Руфины нашло поддержку. Вносятся пожертвования от частных лиц, Общества взаимного страхования от огня, Общества взаимного кредита; учащиеся реального училища ставят спектакли и полученные средства отдают на восстановление монастыря. Доброе дело побуждает матушку Руфину лично обратиться за содействием этому святому делу в Петрограде к обер-прокурору Святейшего Синода В.К. Саблеру и председателю состоящего под Высочайшим его Императорского Величества покровительством Романовского комитета статс-секретарю А.Н. Куломзину.

Романовский комитет выделил единовременное пособие 1200 рублей на создание при монастыре приюта и на содержание его в 1915 году 985 рублей. С высочайшего соизволения Чердынский монастырь учреждался в память 300-летия Дома Романовых. Приют при монастыре предназначался для "сирот и полусирот сельского содержания детей призванных на службу родителей". Рядом с монастырским храмом чердынская купчиха Е.Н. Черных построила каменное двухэтажное здание для приюта и игуменских покоев.

Во время торжественного открытия монастыря из Чердыни были направлены телеграммы Императору Николаю II, Верховному главнокомандующему русской армией Великому князю Николаю Николаевичу, Великой княгине Елизавете Федоровне, Председателю Романовского комитета и Пермскому губернатору. Начато в Чердыни дело игуменьи Руфины получило высокую поддержку. В Чердынь поступили ответные телеграммы в том числе: "Чердынь игуменьи Руфине. Из ставки Верховного главнокомандующего. Очень тронут и сердечно благодарю вас, сестер, духовенство, представителей учреждений и граждан за молитвы и выраженные чувства. Радуюсь освещению приюта для детей призванных на военную службу родителей. Генерал-адъютант Николай", "Чердынь, игуменьи Руфине. Высочайшая.

Благодарю вас и всех собравшихся на Вашем молитвенном торжестве за память. Если Господь приведет быть в вашем крае, то с удовольствием посетю вашу обитель и ее учреждения. Бог Вам всем в помощь в вашей святой работе. Елизавета"¹. Вскоре обитель обзавелась землей, сельскохозяйственными машинами, скотом. При монастыре открывается рукодельная мастерская, хор. Сестры научились сеять, жать, косить, валить лес, заготавливать дрова. К 1917 году в приюте было 75 детей.

С приходом к власти большевиков судьба Чердынского монастыря выглядит такой же, какой она выпала на долю другим очагам благочестия. Сустановлением советской власти монастырь стал подвергаться обыскам, реквизициям и прямому грабежу. Монастырскую заимку комиссары превратили в место отдыха и развлечений. Игуменья Руфина вела переговоры с ответственными работниками уездного Совдепа, чекистами, ходатайствовала об освобождении арестованных. С риском для себя ходила по городу, навещала обнищавших благодетелей, отлученных сестер, разносила им продукты питания в мешках, спрятанных под монашеским одеянием. Несмотря на угрозы и разорение, игуменья Руфине удалось сохранить обитель до прихода в Чердынь армии Колчака в январе 1919 года.

При власти белых Чердынь находилась ровно полгода. За это время игуменья Руфина восстановила порушенное хозяйство монастыря и приюта. Она приняла активное участие в чествовании войск армии Колчака, оставленных для поддержки порядка. После Пасхи в 1919 год городское и земское самоуправление решило на торжественном параде преподнести в дар полковое знамя 25-му Тобольскому Сибирскому стрелковому полку, находящемуся в Чердыни, и этим самым выразить поддержку власти белых. Знамя было приготовлено послушниками монастыря. Для него использовали пожертвованную купчихой А.Д.Алиной шелковую муаровую юбку от венчального платья и зеленый шелк, купленный игуменья Руфиной. На одной стороне иконостас пригородного села Покчи М.М.Королев нарисовал образ Спаса Нерукотворного, а на другой послушницы вышили фигуру двухглавого орла и надпись: "Доблестному 25-му Тобольскому Сибирскому стрелковому полку от благодарных граждан города Чердыни, монастыря и уезда. 21.IV.1919 год"².

Было известно, что на параде Чердынского гарнизона по случаю освящения и поднесения знамени выступала игуменья Руфина. Ее речь нам удалось недавно прочитать в газете "Сибирский стрелок", которая печаталась в Чердынской типографии. Нам ее хочется привести дословно, так как она показывает еще одну сторону личности игуменья Руфины: "25-му Тобольскому Сибирскому храброму полку от Чердынской женской обители. Сейчас было совершено освящение и поднесение 25-му Тобольскому Сибирскому стрелковому полку воинского знамени.

В эту торжественную минуту позволю себе от лица Чердынской женской обители в лице Вас, Высокопочтимый г.полковник, членов Вашего штаба и всех присутствующих воинских чинов, выразить нашим дорогим избявителям – христоролюбивым воинам нашу искреннюю благодарность. Невольно наша мысль возвращается к тому недавнему ужасному времени, когда здесь царил большевизм. Леденеет кровь в жилах и ужас охватывает душу, когда вспомнишь, что пережила та часть нашей Родины, которая теперь с божьей помощью освобождена от большевистского террора и что к величайшему сожалению переживает еще та часть нашей Родины, которая находится во власти большевизма.

Где наши лучшие и всеми уважаемые Архипастыри и Пастыри православной церкви? Где лучшие и горячо любящие свою Родину верные сыны нашей Родины? Как много их погибло, предварительно подвергшись мукам и пыткам. Большевизм, как лютейший дикий зверь, растерзал Россию на части, осквернил и унизил ее и вывел ее из ряда великих держав.

В минуты отчаяния казалось, что нет и не будет нам спасения, что нет больше на Руси самоотверженных людей, которые могли бы спасти Родину, защитить от поругания Святую Веру, Святую церковь и ее служителей, но Бог поругаем не бывает!

И вот мы видим, что нашлись горячо любящие и верные сыны России, готовые за святую веру и за честь Родины жертвовать своей жизнью. Господь видимо с ними пребывает и содействует им. Мы видим, как небольшая горсть самоотверженных героев, движимых верой в Бога и любовью к Родине, подобно Ветхозаветному Давиду, почти с голыми руками вышли против нынешнего Голиафа-большевизма, вооруженного с ног до головы, и его же мечем и оружием поражает его. Мы знаем и верим, как тяжелы и велики ваши подвиги, дорогие защитники Родины. Мы знаем, что находясь в бою, вы всегда подвергаетесь смертельной опасности, что вы испытываете крестные муки. Но знайте же и твердо верьте, что через Вас, Вашими руками Господь совершает свой праведный суд, свое мнение над безжалостными извергами и мучителями невинных жертв, над предателями Родины, над гонителями и хулиателями Христа Спасителя. Знайте, христоролюбивые воины, что вы несете освобождение исстрадавшейся Родине, исстрадавшимся людям, Вы несете свет миру, и если кому из Вас суждено будет умереть на поле брани, то знайте, что, по словам Христа Спасителя, "нет больше твоя любви, да кто душу свою положит за други своя".

Идите же смело на защиту и освобождение той части нашей Родины, которая все еще томится под гнетом и насилием большевизма. Да пошлет вам Господь Бог силы быть до конца верными сынами своей Родины и Святой церкви. С присущими Вам честью и достоинством несите это Святое знамя, и изображаемый на нем Христос Спаситель да будет Вашим руководителем, помощником и хранителем.

Свято берегите сложившуюся у Вас военную дисциплину, так как в этом верный залог Вашей победы над врагами.

Да здравствует новая восстающая из пепла наша горячо любимая Родина!

Да здравствует благоверное Временное Правительство и его глава Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий Адмирал Кончак!

Да здравствует Всероссийское Правительственное Христоролюбивое воинство!

Да здравствует 25-й Тобольский Сибирский храбрый полк!"³

Яркая речь игуменьи Руфины, надо думать, глубоко тронула души воинов и вдохновила их на будущие битвы. В речи выражена любовь к Богу, Отечеству, надежда на мир.

Когда в июне 1919 года началось отступление белых от Чердыни, игуменью Руфину пришлось долго уговаривать эвакуироваться. Трогательно звучит тот факт, что доехав да Перми, она возвратилась в Чердынь, последний раз навестила свою обитель, свой любимый очаг благочестия и после этого навсегда покинула Чердынь, родной Пермский край.

Долгие годы нам ничего не было известно о дальнейшей судьбе игуменьи Руфины. Как сложилась ее жизнь? Где? Имела ли она душевный покой и могла ли жить в любви к Богу?

Совсем недавно на эти вопросы ответы поступили из книг, вышедших в США. В 1949 году был издан сборник, посвященный светлой памяти Всечестнейшей игуменьи Руфины, "Свечок любви" (переиздан в 1982 году), а в 1985 году — книга "Русское православное женское монашество XVIII—XIX вв." (в 1992 году переиздана в России Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой), в которой помещен очерк-воспоминание сестер игуменьи Руфины.

После Чердыни для игуменьи наступили трудные годы скитаний. Но они не сломили ее духа и веру в Бога. Сначала она оказалась во Владивостоке. На хлеб зарабатывала полосканием белья. Здесь принялась за создание новой обители. Однако притеснение со стороны властей заставили игуменью покинуть Россию. В 1923 году с узелком и посохом прибыла она в Харбин и основала Владимирскую женскую обитель. Выстроила храм. К чудесно обновившемуся в руках матушки образу Владимирской Божьей Матери на исцеление приходило немало верующих из числа русских эмигрантов. Пошли пожертвования, и стала укрепляться обитель со строгим иноческим уставом. В 1927 году игуменья Руфина стала думать о перенесении обители в США, так как "именно там она видела возможность дожидаться освобождения

России. Всей душой стремилась она туда, воспринимая это не как бегство от России, а как приближение к той России, которой она служит и в возрождение которой она верит"⁴. Но обитель удалось перенести лишь в Шанхай, где сестры нашли поддержку у святителя-подвижника епископа Шанхайского Иоанна. На чужбине святитель Иоанн и игуменья Руфина проявили молитвенную заботу о русских беженцах. Для игуменьи Руфины ночь стала излюбленным временем молитвы. Она часто обращалась к русским людям, призывая их покаяться, обратиться к Матери Божьей, Державной заступнице страждущей страны нашей Российской. В этом она видела залог освобождения. Пребывая на смертном одре, она написала свое последнее обращение к соотечественникам за рубежом. Вот небольшой отрывок из него: "Если все мы изгнанники земли родной с воплем крепким припадем к Чудотворному образу Царицы Небесной и едиными устами и единым сердцем возопим к ней: "Матерь Божия, Спаси землю Русскую!", то не услышит нас? Нет, возлюбленные! Она услышит, она умолит Возлюбленного Сына Своего, преклонит праведный гнев Свой на милость, если только... покаемся и дадим обещание направить жизнь свою по заповедям Божиим!"⁵ В Шанхае, в день Успения Божией Матери 15 августа 1937 года закончилась земная жизнь игуменьи Руфины.

Игуменское дело обители продолжила матушка Ариадна. Родом она из Чердыни, урожденная Августа Александровна Мичурина. Ее, ученицу Чердынской гимназии, игуменья Руфина пригласила послушницей в монастырь. С ней она прошла весь путь в изгнании.

Матушка Ариадна выполнила завешание игуменьи Руфины. Обитель удалось перенести из Шанхая в американский город Сан-Франциско. Главной святыней монастырского храма и по сей день является образ Владимирской Божией Матери, оставленный игуменьей Руфиной. Два издания книги "Светоч любви" осуществлены как раз этой обителью. В пригороде Сан-Франциско монастырь имеет скит, а в Канаде – подворье.

В 1990-е годы в Сан-Франциско удалось побывать землякам Ариадны. К сожалению, матушка была больна, не передвигалась без посторонней помощи. Поклон же из родной Чердыни был передан. В скиту приятно удивило одно обстоятельство. Оказалось, что здесь два раза в год – на 6 января (накануне Крещения) и в четверг на седьмой неделе по Пасхе (в Семик) служат панихиды по погибшим в 1547 году за Чердынь воинам. Так было заведено в прошлом в Чердыни, 85 воинов считались местночтимыми святыми, покровителями жителей. На их могиле стояла каменная часовня, но давно уже нет часовни, место заросло бурьяном, и панихид по убиенным за родную землю никто не совершает.

Будем верить, что в рассказанной истории есть много поучительного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федосеев С. К торжеству освящения приюта для сирот и полусирот сельского состояния и для детей воинов, учрежденного при Чердынском Иоанно-Богословском женском монастыре // Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 16. С. 507–511.
2. Знамя сохранилось и находится в фондах Музея Российской армии (г. Москва).
3. Чердынский краеведческий музей имени Александра Сергеевича Пушкина, колл. 2266. Д. 514.
4. Русское православное женское монашество XVIII–XX вв. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1992. С. 275.
5. Там же. С. 277.

WITH LOVE TO RUSSIA

The article is dedicated to the fate of Russian Orthodox Church ascetic Ruphine (1872–1937), a mother-superior of the Cherdynsky Ioanno-Bogoslovsky nunnery and one of its most revered nun. She kept devoted to her faith and Motherland in the years of ordeals during Russian revolution, civil war and emigration.

G.N.Chagin

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Проблема советского тоталитаризма привлекает внимание многих ученых, она основательно изучается и широко обсуждается среди научной общественности на конференциях, симпозиумах и встречах. В первом номере "Уральского исторического вестника" мною была дана характеристика советской тоталитарной системы и процесса ее становления в 1920-е годы (статья "Генезис советского тоталитаризма").

Весьма актуальной является проблема отношения к тоталитарному режиму интеллигенции. В рамках решения данной проблемы предстоит ответить и на вопрос, почему советская интеллигенция не выступила против тоталитаризма, а, напротив, в известном смысле, стала даже опорой этого режима.

В целом наиболее глубокие истоки советского тоталитарного режима и его взаимоотношений с обществом коренятся в продолжительном существовании в стране самодержавной власти. Россия в течение тысячи лет осуществляла затяжной переход от родоплеменной военной демократии к сословно-представительной монархии, а затем к неограниченной власти монарха. Царский абсолютизм был сопряжен с крепостничеством и опирался на военизированный бюрократический государственный аппарат и разветвленную систему политического сыска. Попытки перейти к конституционному гражданскому обществу в эпоху Александра II, учреждение Государственной Думы при Николае II не дали желаемых результатов. Политический монополизм царизма усугублялся деятельностью православной церкви, процесс огосударствления которой завершился при Петре I, — церковь в России стала апологетом самодержавия и одним из послушных инструментов последнего. Это, в свою очередь, содействовало вращению тоталитарной идеологии в общественное сознание, психологию человека. Россия принадлежала к определенному культурному типу, где власть длительное время занимала центральное место в системе общественных отношений.

Такая односторонность политического устройства при тяжелом социально-экономическом положении народа обусловила формирование в обществе социально-политического противостояния. Носителем освободительных, либерально-демократических, революционных традиций и взглядов, особенно в XIX — начале XX вв., стала значительная часть российской интеллигенции. И хотя основу ее мировоззрения должно было составлять утверждение личности, интеллигенция в своих взглядах делала ставку на народ и сводила личность к пассивному объекту, испытывавшему влияние среды и стихийных сил истории. М.А.Гершензон в сборнике "Вехи" писал, что русский интеллигент — это человек, живущий вне себя, "снаружи", т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто, лежащее вне его личности, — народ, общество, государство и думать о своей личности для него — эгоизм и непристойность¹.

Другой представитель "Вех" С.Л.Франк, указывая на ориентацию русского интеллигента, отмечал, что он "испытывает положительную любовь к упрощению, обеднению, сужению жизни ... Он любит слабых, бедных и нищих духом не только как несчастных, которым помочь — значит сделать из них сильных и богатых, т.е. уничтожить их как социальный или духовный тип, — он любит их

именно, как идеальный тип людей". Иными словами, не создание максимально благоприятных условий для производства и творчества, а насильственное равенство в пользовании благами физического и духовного мира и "ненависть к материальной и духовой роскоши", по мнению Франка, олицетворяют для интеллигента идеал грядущего жизнеустройства².

Было бы ошибочным утверждать, что в освободительном движении и русской интеллигенции, особенно либерального крыла, не было представителей, выразивших иное, подчас диаметрально противоположное мнение. Высокообразованные россияне, к числу которых принадлежали, например, выдающийся юрист прошлого века К.Кавелин, а также Т. Грановский, Е.Трубецкой и другие общественные деятели, прекрасно понимали, что личность, сознающая свое безусловное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа. Тем не менее, не только во взглядах интеллигенции, но и в правовых институтах России индивид всегда заслонялся семьей, общиной, организацией, государством и не получал своего правового определения и законодательного оформления.

Такая тенденция особенно ярко проявилась у интеллигенции, непосредственно участвовавшей в революционном движении, которая претендовала на кардинальные преобразования российского общества и государства. Это прежде всего относится к революционным народникам, их духовному лидеру – Н.Г.Чернышевскому, и особенно российской социал-демократии (большевикам) во главе с В.И.Лениным, воспринявшим не только марксизм, но и в не меньшей степени взгляды Чернышевского. Последний в своей известной работе "Что делать?" воспевал революционное, творящее историю активное меньшинство – "цвет лучших людей", "двигатели двигателей", "соль соли земной". Тезис Чернышевского о "двигателе двигателей" Ленин переносит из 60-х гг. XIX в. в обстановку начала XX в., облакая своих героев в костюм "профессиональных революционеров", единственным занятием которых является "делать революцию". В одноименной со своим учителем книге "Что делать?" он заявляет, что именно революционеры должны "продиктовать"³ программу действий "и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и обиженным народным учителям"...⁴

А в заключение убежденно восклицает: "Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!"⁵

Эта организация, по мысли Ленина, должна строиться "на основе железного централизма", "внутри своих рядов создать железный военный порядок", в ней должна "господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной", а ее центр обязан быть "властным авторитетным органом с широкими полномочиями". Как видим, ни о какой демократической, правовой основе здесь нет и речи.

Отсутствие правовой культуры у российской социал-демократии четко проявилось на II съезде РСДРП в 1903 г., принявшем программу и устав партии. Устав не только отказывал членам партии в свободе выражения личного мнения, но и вводил в организации "осадное положение". Внутри победившего на съезде большевистского направления утвердилась якобинская духовная линия с такими ее признаками, как доминанта насильственных методов политической борьбы, государственный терроризм, политический правовой нигилизм, социоцентризм и т.п. Так были упрочены недемократические принципы во имя "великой цели" – революции, а лидеры, идейные вожди социал-демократии, отстаивали положения, противоречившие элементарным принципам права. Не отсюда ли берет начало советский тоталитаризм, чрезвычайные и военные методы управления, которые стали такими характерными после Октября 1917 г. Поэтому первая причина в принятии интеллигенцией формирующегося тотального большевистского режима кроется в традициях интелли-

генции, российского общества и государства. Именно в них надо искать истоки советского тоталитаризма и известную приверженность к нему интеллигенции.

Вторую причину мы видим в постоянной ликвидации (физическом уничтожении или изгнании из России) советским режимом "старого" русского "образованного класса". Процесс этот имел сложный, противоречивый и волнообразный характер. После Октябрьского переворота, совершенного под демократическими лозунгами, определенная часть интеллигенции заняла выжидательную, лояльную позицию или даже поддержала большевистский режим, приняв участие в проводимых преобразованиях. На первых порах, несмотря на неофициальный произвольный террор, этому способствовали ленинские заявления "беречь всякого специалиста", "использовать образованных интеллигентов" в строительстве Нового мира. Однако выдвинутые большевиками лозунги о "красном терроре", о ликвидации класса буржуазии, развернувшаяся полномасштабная гражданская война, массовые репрессии по отношению к интеллигенции поставили ее большую часть по другую сторону баррикад. Результатом явилась гибель огромного интеллектуального пласта русской нации. По неполным данным эдинбургского профессора Сароля, за 1918–1922 гг. большевиками было расстреляно или загублено в тюрьмах 28 епископов, 1219 священников, 6 тыс. профессоров и учителей, 9 тыс. докторов, 54 тыс. офицеров, 355250 интеллигентов и специалистов, а также 12950 землевладельцев, 70 тыс. полицейских, 193290 рабочих и 815 тыс. крестьян⁶.

Как видим, число людей умственного труда составило около 419,5 тыс. чел. Подсчитано, что только за 1918 г. среди жертв террора оказалось 1286 представителей интеллигенции. Другим, не менее трагичным актом явилось изгнание из России в начале 20-х гг. на основе указания Ленина оставшейся в живых "буржуазной" интеллигенции. Организация в 1922 г. "философского парохода", отправка его на Запад привела к тому, что из страны вывезли и "выдали" основную массу российских интеллектуалов. В целом за первые годы большевистского режима эмигрировало "добровольно" или по приказу "самого интеллигентного в мире правительства" около 2 млн. человек. Это была первая и наиболее высокая волна русской эмиграции. Так пришедшая к власти "новая", большевистская интеллигенция расквиталась с большей частью старого образованного класса, который отказался благословить ее режим. Репрессии против остатков старой интеллигенции набиравшим силу тоталитаризмом были продолжены (в том числе и против наиболее образованных ее представителей в правящей партии) после XV съезда ВКП(б) в 1927 г. Сначала в 1928 г. последовало всем известное "Шахтинское дело", по которому репрессировали многих крупных специалистов промышленности старой школы. В конце 20-х гг. разгрому подверглась Академия наук. В апреле 1929 г. замнаркома Покровский М.Н. бросил нетерпеливый призыв: "Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжить до конца"⁷.

В итоге в 1929 г. следственная комиссия во главе с небезызвестным "красным чекистом" Я.Петерсом "пересмотрела людской состав" Академии, освободив от штатных должностей 128 ученых из 960 и сверхштатных 520 сотрудинок из 830⁸.

Затем последовали аресты и ссылка в лагеря. Репрессии подверглись всемирно известные ученые академики Е.Г.Ольденбург, П.Н.Прянишников, С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, Б.М.Энгельгардт, П.В.Виттенбург и многие др. В 1930 г. по указанию Сталина было сфабриковано "Дело Промпартии", по которому арестована большая группа ученых и крупных инженеров старой школы, в том числе Л.К.Рамзин, И.А.Калинников, А.Ф.Чарновский, А.А.Федотов, В.А.Гасельблат и др. Во второй половине 20-х гг. особые отделы ГПУ сфабриковали ряд дел на бывших офицеров царской армии, перешедших в свое время на службу Советской власти, в результате чего было осуждено и репрессировано более 3 тыс. командиров⁹.

В 30-е гг. сталинская репрессивная машина обрушилась на литераторов, незаконно арестовав около 2 тыс. писателей, из которых свыше 1500 погибли в лагерях¹⁰.

Таким образом, к концу 30-х гг. старая российская интеллигенция была ликвидирована. Третья причина поддержки тотального режима работниками умственного труда заключалась в том, что сталинское руководство взяло курс на создание в стране своей "рабоче-крестьянской" интеллигенции. Место многочисленного, но духовно господствовавшего "старого образованного класса" заняла "народная, социалистическая" интеллигенция из марксистских кружков, большевистского подполья, маргинальная по отношению к дооктябрьскому обществу. Слившись со структурами тотального режима, оформив свою монополию в духовной сфере, новая интеллигенция стала рекрутировать в свои ряды представителей из рабоче-крестьянской среды с низким уровнем образования, которые учили диалектику "не по Гегелю", а постигали грамоту в краткосрочных рабфаках, деревенских избах-читальнях или просто по политическим лозунгам господствующего режима. Выступая на V съезде Советов в 1929 г., Покровский М.Н., например, заявил, что мы отбираем науку у буржуазных ученых и передаем ее "четырем тысячам рабфаковцев", кончающим в 1929 г. наши вузы¹¹.

Селекция интеллигенции проводилась большевиками не по признаку профессионализма и образованности, а согласно "идейной закалки", социального происхождения и преданности режиму. Именно эти "интеллигенты новой формации", генетически не связанные со старой интеллигенцией, стали социальной опорой "народной науки" и классовой "пролетарской культуры", на которых равнялись немногочисленные попутчики. Одобряемые и поддерживаемые лидерами большевизма, все они охотно поставляли "творения" на службу власти, которая была близка им по духу (Т.Лысенко – в науке, Д.Бедный – в поэзии, Ф.Гладков – прозе и др.), защищали классовость, показывали "обострение классовой борьбы", предсказывали "победу коммунизма". Вместо служения обществу новая интеллигенция присягала государству, способствуя утверждению тоталитаризма. Эта служба режиму обеспечивала новой интеллигенции также определенный уровень благосостояния, социальной защищенности и ощущения причастности к великим "свершениям". Вообще, большевизм как идеология, система и форма движения к цели стал наиболее полным и последовательным воплощением нового типа российской культуры, он вошел в ткань сознания общества.

Это вовсе не означает, что новая интеллигенция и культура развивались только в одном направлении, здесь шел сложный и противоречивый процесс становления двух культур. С одной стороны, активно стимулировалась и утверждалась так называемая пролетарская культура, служившая интересам укрепления тоталитаризма и носившая утилитарный характер; с другой стороны, развивалось классическое наследие прошлого и современная культура, опирающаяся на это наследие, которая приобщала народ к общечеловеческим ценностям. Среди новой интеллигенции известны выдающиеся деятели, которые, несмотря на идеологический прессинг и репрессии, не склоняли головы перед тоталитарным режимом и создавали свои шедевры (А.Платонов – в литературе, А.Довженко и С.Эйзенштейн – в кинематографе, Д.Шостакович – в музыке, П.Корин – в живописи, С.Вавилов – в науке и др.). Среди партийной интеллигенции также оказались представители, которые отвергали тоталитарный режим и в борьбе с ним не пожалели своей жизни (М.Рютин, Ф.Раскольников и др.). Это говорит о том, что несмотря на апогей советского тоталитаризма в 30–40-е гг., господство в материальной и духовной сферах, он не справился до конца с задачей разрушения личности и человеческой духовности.

В целом, однако, господствующей тенденцией в поведении советской интеллигенции в 30–40-е гг. стала поддержка тоталитарной власти. Произошло это не

только в результате "выдавливания" старого образованного класса, но и воздействия бюрократической административно-командной системы, использующей традиционалистское российское сознание, предрасположенное к жестким формам управления. Степень жесткости и репрессивности управления обществом, в том числе интеллигенцией, была пропорциональна темпам "догоняющей" модернизации. В соответствии с успехами или провалами "развернутого социалистического" строительства тоталитаризм или ослаблял, или наращивал идеологическое воздействие и репрессивные меры. Важно далее подчеркнуть, что вся социальная жизнь, включая ее частную сферу и духовный мир человека, была превращена во всеобщий объект управления и регламентации. Все это привело к тоталитарному менталитету и советской интеллигенции, и всего общества. Старая российская интеллигенция исчерпала себя в революции, а ее миссия как особого культурного класса перешла к воспитанной большевиками новой интеллигенции, которая служила государству. Поэтому она не встала в оппозицию сформировавшемуся в нашей стране тоталитаризму, а в определенном смысле стала ему опорой. В длительный исторический процесс служения российской интеллигенции народу, обществу вмешался советский тоталитаризм, который путем репрессий, экономического, социального, политического воздействия поставил ее на службу большевистскому режиму в течение нескольких десятилетий. Вместе с тем он не смог полностью вытравить в ней общечеловеческие ценности, которые продолжали оказывать влияние на духовную жизнь общества.

В 60–80-е гг., когда советский тоталитаризм перешел в стадию стагнации, среди советской интеллигенции, особенно молодежи, активно проявляется критика и неприятие господствующего режима. Восприняв осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС и призыв о переходе к "ленинским принципам партийной жизни и принципам партийного руководства" как демократизацию общества, молодое поколение так называемых "шестидесятников" критиковало наиболее одиозные черты сталинского режима. Однако эта критика не выходила за рамки существующего общественного и государственного устройства. В критике шестидесятниками государственного строя негодные и умирающие истины далеко не просто исчезали из сознания и бытия, а их слова и формулировки, базирующиеся на социалистической идеологии, нередко отражали отжившие свой век понятия. После прихода к руководству партией и страной Брежневля взгляды этой части интеллигенции подверглись осуждению. Тем не менее из их рядов выросли лидеры, возглавившие переход страны на демократический путь развития на рубеже 80–90-х гг.

Более радикальным в среде интеллигенции в 60–80-е гг. явилось диссидентское движение. Если первые ограничились попыткой обновить и усовершенствовать существующий строй с позиций "обновленного социализма", то вторые, резко критикуя принципы и методы тоталитарного строя, выступили за переход страны на цивилизованный демократический путь развития. Его представители осуждали однопартийную систему, утопичность социалистической идеологии, массовые репрессии и террор властей, сверхцентрализацию управления, экспансионистскую политику Советского государства. Вместе с тем диссидентское движение (а также шестидесятники) не есть результат восстановления традиций дореволюционной интеллигенции, их поведение определилось характером труда, быта, условиями режима. Правящая номенклатура сурово расправлялась с этой частью интеллигенции. Одни из них были арестованы и сосланы (А.Сахаров, А.Синявский, Ю.Даниэль и др.), вторые расстреляны или погибли в тюрьмах (В.Саблин, В.Марченко), третьи посажены в психушки (генерал П.Григоренко), остальные, подвергаясь политической травле, были высланы из страны и лишены гражданства (А.Тарковский, А.Солженицын, М.Ростропович, Г.Вишневская и др.).

Выступления шестидесятников, диссидентов, развернувшееся рабочее движение, недовольство основных масс населения существующим социально-экономи-

ческим положением в стране в конечном итоге подорвали основы, и на рубеже 90-х гг. привели к крушению советского тоталитаризма. Однако, говоря об отношении интеллигенции к тоталитаризму в 60–80-е гг., необходимо сделать вывод, что в целом, в своем большинстве она поддерживала и защищала советский общественный и государственный строй и прежде всего потому, что сама вышла из этого строя, воспитывалась тоталитарным режимом, служила ему, была его органической составной частью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Гершензон М.А. Творческое самосознание // Вехи. М., 1991.
2. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. С. 177–178.
3. Выделено нами.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. VI. С. 86.
5. Там же. С. 127.
6. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 87.
7. Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1971. С. 193.
8. Там же. С. 208.
9. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 43.
10. Тоталитаризм и личность. Пермь. 1990. С. 143.
11. Звенья. Исторический альманах. С. 193.

THE INTELLECTUALS IN THE SYSTEM OF SOVIET TOTALITARISM

The author believes the origin of soviet totalitarism is in the traditions of relations between the russian state and society as well as in the persistent annihilation of the old prerevolutionary intellectuals by the soviet regime. Concurring with the fact that the stratum of the intellectuals obedient to the soviet regime was created, the author brings proofs that even during the soviet period the intellectuals existed and evolved basing its work on classical heritage of russian culture and human values and so directly or indirectly opposing the ruling regime.

A.V.Bakunin

Н.С.Корепанов

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МАГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА XVIII ВЕКА (ИЗ ФОНДА УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Магические действия (колдовство, чародейство, волшебство), осуждаемые церковью на протяжении веков как наследие язычества, тем не менее составляли существенную часть духовной культуры и повседневной практики народа¹. Широкое распространение среди крестьянства, горнозаводского населения Урала получили заговоры и заклинания – формы словесной магии многоцелевого назначения, позволявшие, по мнению народа, уберечься от болезней, добиться доброго расположения или любви со стороны окружающих людей, призвать или отогнать нечистую силу, уберечь скот от падежа и т.п.

Упоминания о заговорах или заклинаниях появляются в документах Уральского горного управления (Канцелярии Главного правления заводов) лишь с середины 1730-х гг., т.е. с началом активных антираскольничьих кампаний, в условиях наметившейся скрытой идеологической оппозиции населения.

Тематическая широта заговоров нагляднее всего представлена по следствию в Тамгинском (Якутском) заводе в 1741 г. над ссыльным Козьмой Тестовым. Подследственный довольно энергично распространял свои знания в среде мастеровых и работных людей, солдат. Он знал следующие заговоры: 1) "как приходиться к командирам, по которому всегда он будет кроток"; 2) "о конском побеге, как бежать взапуски на лошадях, чтоб его лошадь первой уходила"; 3) "как освободиться от лихорадки"; 4) "как к себе привращать жен и девок на блудное дело"; 5) "как от женской тоски пособляться"; 6) "как малым ребятам от грыжи и от порезу руки заговаривать"; 7) "между мужем и женою сделаться несогласию и ссоре, чтоб друг друга не любили, теми ж словами наоборот – мужа с женою в согласие привести, чтобы друг друга любили"; 8) "как у мужей руки отсушить, чтоб жену не бил и был при ней сердцем кроток"². Некоторые заговоры сопровождалась ритуалистическими действиями: закапывание в землю связанных мужского и женского волоса, привязывание к нательному кресту пакетика наскобленной с подошвы грязи, мытье рук оставшимся от обмывания покойника мылом и т.п.

Чаще всего в документах упоминаются заговоры любовные, для насылания "порчи", "целительные". В последнем случае горнозаводская администрация могла оставить известие о "заклинателях" без внимания (например, упоминание о заговоре об остановке крови в Лялинском заводе в 1737 г.)³.

Ниже публикуются три документа, представляющие собой текстовку заговоров как первичную, так и записанную в ходе следствия.

Документ № 1 – изъятая Екатеринбургской полицией у арестованного писчика Степана Попова тетрадка из сложенных в 1/8 часть делопроизводственных листов. На первой странице тетради в нижней части присутствует символика старообрядчества федосеевского толка: 8-и-конечный крест с надписью по пере-

кладам "Царь славы // Иисус Христос сын Божий". Тетрадь была изъята в декабре 1737 г. По словам С. Попова, он списал текст, "не написав одной странки" с тетради, данной ему оставленным солдатом Сергеем Алексеевым, которую тот нашел на дороге в Екатеринбург.

Имеющийся в тетради апокрифический заговор "Сон пресвятой богородицы" был, очевидно, весьма популярен на горнозаводском Урале. Известно, что в 1740-е гг. в Кушвинском заводе матери подкладывали столбец с заговором в голову зыбки больного ребенка⁴.

В тетради также записан заговор от бессонницы.

Два других документа – следственные записи заговоров о любви (добром отношении) и насылании "порчи" двух работников Нижне-Сергинского завода (приписных крестьян села Богородского Кунгурского уезда) Емельяна Туголукова и Родиона Рыбина.

В июне 1758 г. по просьбе демидовской крепостной Христины Леонтьевой они трижды наговаривали на соль в пищу жене заводского приказчика Петра Блинова Варваре. Каждый дважды наговаривал о любви (добром отношении) приказчицовой жены к крепостной; в третий раз, испытывая личную вражду к хозяйке, причем не поставив об этом в известность Христину, – наслали "порчу". Варвара Блинова вскоре тяжело заболела, и "заклинатели" были твердо убеждены, что "внутри чрева ее лежит на подобие некоторой гадины, и в костях пребезмерная ломота". Оба рассказывали также о прежних удачных случаях наговаривания о любви на мед, пиво и др.⁵.

Е. Туголуков заучил заговоры в 1755 г. от крестьянина с. Березовского (Кунгурский уезд), Р. Рыбин – от бурлака на кожевенном заводе посадского Филиппа Кротова в том же уезде.

Документально зафиксированные заговоры, по нашему мнению, весьма ярко иллюстрируют духовную культуру уральского горнозаводского населения середины XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Познанский Н.Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917; Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994; Чагин Г.Н. Мирозозрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1993. С. 75–77.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. I. Д. 950. Л. 479.
3. Там же. Д. 1072. Л. 295.
4. Там же. Д. 1112. Л. 218.
5. Там же. Д. 1609. Л. 558–581.

№ 1.

1737г. Записная тетрадь заговоров
екатеринбургского писчика С. Попова.

(Л. 187) Кр[е]сту Твоему поклоняемся, Вл[а]д[ы]ко, и с[вя]тое воскресение Твое славимъ. Кр[е]сть – красота ц[е]рковная, кр[е]сть – ц[а]ремь держава, кр[е]сть – веры утверждение, кр[е]сть – анг[е]лом слава, кр[е]сть – бесом врагом язва. кр[е]сть – трасавицамъ прогонител от раба Божия им[я]р[е]къ.

(Рисунок 8-и-конечного креста с надписью по перекладинам: Ц[а]рь славы С[ы]нь И[с]у[с] Х[ри]сто[с] Б[о]жий.) (Л. 187 об.) С[о]нь прес[вя]т[ы]я Б[о]горо[д]и[цы]. Спала прес[вя]тая Б[о]горо[д]и[ца] в Вифлиеме, граде иудеистем, и приде к Ней Г[о]сп[о]дь И[с]у[с] Х[ри]стосъ, и рече Ей: Мати Моя, спиши или слышиши? –

Чадо Мое возлюбленное истинный Хр[и]стось, спала есми на майе м[е]с[я]це, и убудився, и сонъ видевъ истинную правду. И рече к Ней Г[о]с[по]дь Исусъ истинный Хр[и]стось: о Мати Моя возлюбленная М[а]рие, повежде Ми сонъ Свой. — Чадо Мое возлюбленное Хр[и]стось, С[ы]нъ Мой, сонъ Мой сладчайший имаши: Чадо Мое на древе распяту быти, и в ребра Твоя (Л. 188) прободену быти, и по ланите заушену быти (и по ланите заушену быти)¹. Отца, и желчи напоену быти. И рече Г[о]с[по]дь Исусъ Хр[и]стось: М[а]ти Моя возлюбленная М[а]рие, аще кто сонъ Твой учнет при себе носити или в дому держати, и тотъ ч[е]л[о]в[е]къ избавлен будетъ от мечтания дьявольских, и от приведений бесовских, от лютаго сна, и от трасавицы, и от всех семи тщерей, родовых, и от Нечистого Духа, и по воде плавающимъ утонуть не можетъ — всегда н[ы]не, и присно, и во веки вековъ. Аминь.

Л. 188 об.

Печать буди на рабе Б[о]жии им[я]р[е]ке. Ч[е]л[о]в[е]къ — родился, кр[е]сть — погрузился, Б[о]гъ — прославился, Сатана — загоре. Тебе, Сатана, не быть, не быть в сей храмине Хр[и]стове. В сей храмине Хр[и]стове честный кр[е]сть и честный престол поставленъ Г[о]с[по]да нашего Исуса Хр[и]ста, на том престоле — Г[о]с[по]дь нашъ Исусъ Хр[и]стос и прес[вя]тая Б[о]горо[д]ица и четыре евангелиста Марко, Лука, Матвей, Иоанъ Богословъ. Отступи, Сатана, от сей храмины. Аз, рабъ Божий им[я]рекъ, (Л. 189) хошу поспат, отступи, Сатана, от сей храмины — всегда н[ы]не, и присно, и во веки вековъ. Аминь.

Сонъ прес[вя]той Б[о]горо[д]ицы М[а]рии Б[о]гоматери. Еще вопияла и рече к Нему: Г[о]с[по]дь Исусъ Хр[и]стос. — Мати Моя, спиши ли н[ы]не? Она же чере² к Нему: спала есми на майе м[е]с[я]це, и убудився, и сонъ видевъ истинную правду — нечестно у столба привязанъ, и с[вя]тое честное тело яко кора от древа падет, и от Твоя с[вя]т[ы]я главы кровь ручьем течет. (Л. 189 об.) А сия паметца найденана горе Сиаликитцкой пред образомъ Михаила Архангела, верховного воеводы. Аще кто сон...³

ГАСО. Ф. 24. Оп. I. Д. 776. Л. 187–189. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Повтор.
2. Очевидно: "рече".
3. Текст обрывается.

№ 2.

1758 июня 22.

Следственная запись заговоров
приписного крестьянина Нижне-Сергинского завода Е.Туголукова

(Л. 577 об.) Господи Исусе Христе с[ы]не Божий, стану я, раб Божей, благословясь, и пойду, перекрестясь, из дверей во двери, пойду я в востокъ, в восточную сторону, под красное солнце и под молодой м[е]с[я]ць. Есть в восточной стороне синее море, загоралса в синем[е] море огонь, выгорали грязи и болота. Загоралос бы у рабы Божии Варвары ретивое сердце и белое лицо румянное о рабе Божией Христине. Как она, раба Божья Варвара, не можетъ бес питья и безъ ежи жить, так же бы без рабы Божии Христины не могла ни жить, ни быть на всякъ день и на всякъ часъ. Во имя Отца, и С[ы]на, и Святого Духа. Аминь.

И тем моимъ словамъ ключъ и замокъ, как запира[е]тъ пресвятая Мати Божия Богородица ключи и воды, и как Божия колесница катитца, и никто не может ни попортить и ни похимостить такождн бы мои слова. Во имя Отца и С[ы]на, и Святого Духа. Аминь.

Есть в горахъ, в вертепахъ сидить на стуле стара матера жена, раскаляетъ и разжигаетъ кирпичату печь. Так же бы у рабы Божией Варвары разжигало бы белыя кости (Л. 578) и пустило бы грыжу в белыя кости.

ГАСО. Ф. 24. Оп. I. Д. 1609. Л. 577 об. – 578. Подлинник.

№ 3.

1758 июня 22. Следственная запись заговоров
приписного крестьянина Нижне-Сергинского завода Р.Рыбина

(Л. 579 об.) Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, из ызбы дверми, из двора воротми в чистое поле, в восточную сторону широкою дорогою. В чистомъ поле, в восточной стороне стоит церковь, во-той церкви-пресвятая Мати Божия Богородица. И как истиннаго Христа от злыхъ людей зберег зберегала, в вертепы уходила от людей жидовскихъ, нетленную ризою закрывала, и такожде бы Варвара Христину сохраняла бы, и зберегала, и имела бы как с(ы)на своего, и никакими бы нападками не нападалься по всякой день, и по всякой часъ, и по всякое время. День под солнцомъ, ночь под месецомъ и под частыми звездами – отныне и до веку. Во имя Отца и С(ы)на, и Святого Духа. Аминь.

Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, из ызбы дверми, из двора воротми в чистое поле, в восточную сторону широкою дорогою. В чистомъ поле, в восточной стороне – ростани, на тех ростанях – печь кирпичная, на той пече на кирпичной лежит суха доска, на той на сухой доске – суха сухота. И как доска сохнеть, и також бы иссохла Варвара. День под солнцомъ, ночь под месецомъ и под частыми звездами – ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ГАСО. Ф. 24. Оп. I. Д. 1609. Л. 579 об.. Подлинник.

В.И.Байдин, С.В.Голикова, Л.А.Дашкевич, М.Ю.Нечаева

ДНЕВНИК СВЯЩЕННИКА

Публикуемый источник сохранился в архивном фонде Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) под названием "Дневник екатеринбургского священника" (ГАСО. Ф.101. Оп. I. Д.470). Он принадлежит перу Федора Львовича Карпинского, протоиерея Екатерининской соборной церкви г.Екатеринбурга, присутствующего члена Екатеринбургского духовного правления.

Автор родился 1 (по другим сведениям, 8) июля 1758 г., получил образование в Тобольской семинарии, после чего там же был учителем риторики, катехизатором в г.Тобольске и библиотекарем. В 1778 г. в возрасте 20 лет он был посвящен в стихарь (для произнесения проповеди) архиепископом Флаамом, в 1784 г. – в диакона Блаженненской церкви г.Тобольска, в 1785 г. – в священника в Софийский собор, в 1787 г. (в возрасте 29 лет) – в протоиерея и переведен в Екатеринбург к Екатерининской церкви (вероятно, 6.8.1787 г.). Тогда же он был назначен на должность одного из присутствующих Екатеринбургского духовного правления, которую исполнял до 28.2.1824 г., т.е. более 36 лет.

Екатерининская церковь являлась главной – соборной церковью г.Екатеринбурга. Она была построена в 1758 г. на заводской капитал Екатеринбургского Монетного двора. В период, отраженный в дневнике (т.е. 1798–1807 гг., с некоторыми перерывами), священнослужители собора содержались только за счет прихожан, плативших за исполнение церковных треб. В приходе церкви было 542 двора, в них проживало 1504 души мужского пола и 1822 женского (1806 г.).

Прихожане были в основном мастеровыми, часть из них придерживалась старообрядчества (427 человек на 1806 г.). Сам Ф.Л.Карпинский принадлежал к неподатному населению.

В качестве присутствующего члена духовного правления он регулярно объезжал церкви Екатеринбургa и Екатеринбургского уезда, следя за соблюдением в них порядка, ему же поручалось освящение некоторых новых церквей, проведение следствий по делам церковного ведомства. В источнике неоднократно упоминается деятельность Ф.Л.Карпинского как члена духовного правления, в этом же качестве он был вхож в дома высокопоставленных екатеринбургских чиновников.

Позднее, с 1807 г. стал законоучителем в Екатеринбургской горной школе, в 1812 г., помимо обязанностей протоиерея и члена духовного правления, Ф.Л.Карпинский назначен членом Горного Оспенного комитета. Заслуги его в 1818 г. были отмечены наперстным крестом. В 1824 г. в течение 5 месяцев Ф.Л.Карпинский исполнял обязанности благочинного. К тому времени, учитывая слабость здоровья и возраст (в 1824 г. ему было 66 лет), он исправлял церковные службы только в Великие Праздники и торжественные дни, проповеди уже не произносил, но считался в должности своей "исправным". Протоиереем в Екатеринбургском соборе он пробыл до самой смерти, наступившей в возрасте 73 лет. Ф.Л.Карпинский скончался 18.10.1831 г. скоропостижно от "течения крови" и был погребен на городском кладбище градскими священнослужителями.

В дневнике описывается не только служебная деятельность протоиерея, но и его быт, общение с родственниками и знакомыми, круг интересов.

Отец Ф.Л.Карпинского – протоиерей Лев Карпинский, служил в одной из церквей Ирбитского уезда. Ко времени составления данного дневника он был уже уволен от должности и проживал в Ирбите. Скончался он до 1818 г., в источнике упоминается неоднократно. Мать скончалась до 1798 г. и в дневнике Ф.Карпинского не упоминается.

Ф.Л.Карпинский был женат на Александре Дмитриевне, которая умерла в 1802 г. в возрасте 36 лет. С этого времени детей помогала воспитывать ее сестра – Марья Дмитриевна. Сыновья Феодор и Михаил в 1803 – 1805 гг. учились в Пермской семинарии. Дочери – Александра и Ольга также неоднократно упоминаются в дневнике.

Родной брат Ф.Л.Карпинского – Алексей Львович, был иереем в одной из церквей Ирбитского уезда (возможно, в Богоявленской церкви Краснослободского острога). Вероятно, Ф.Л.Карпинский имел еще одного родного брата – Степана Карпинского, скончавшегося до 1798 г. Племянники екатеринбургского протоиерея – Лев Алексеевич, Михаил Степанович и Николай Степанович были священниками в Ирбитском уезде, а Соломон Алексеевич и Авенир Алексеевич состояли на светской службе в г.Ирбите. Помимо родных братьев, у Ф.Л.Карпинского были двое двоюродных: один из них – Петр Карпинский, священник в г.Тобольске (сведения 1818 г.), он в дневнике не упоминается; другой – Алексей Михайлович Карпинский, также служил в Тобольске, но на армейской службе и приезжал к брату в Екатеринбург в 1798 г.

Кроме братьев, Ф.Л.Карпинский имел 4 сестер. Одна из них – Елена Львовна, проживала с отцом, а потом с братом в Краснослободском остроге. Трое других – Мария Львовна (жила в Ирбите), Наталья Львовна (по мужу – Гордеева, возможно, жила в Тюбукe), Настасья Львовна (жила, вероятно, в Екатеринбургe) также поддерживали постоянные отношения с братом. Одна из них умерла между 1798 и 1806 гг.

Публикуемый дневник особенно регулярно велся Ф.Л.Карпинским в 1798 г., в феврале 1799 г. был прерван и возобновлен только в сентябре 1803 г. До конца 1806 г. записи делались достаточно регулярно, за 1807 г. сохранились записи только за январь и июль (до середины месяца).

Известно, что дневник Ф.Л.Карпинский вел вплоть до своей кончины. Записи за 1807–1831 гг. были использованы протоиереем А.Здравомысловым в статье, специально посвященной автору дневника¹. Публикуемая часть дневника осталась неизвестной А.Здравомыслову, а использованная им часть не сохранилась до наших дней. Читательские интересы Ф.Л.Карпинского анализировал Л.А.Ситников², использовав для этого и публикуемый источник. При подготовке данной публикации привлечены материалы как этих работ, так и каталогов, источников, научных публикаций³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здравомыслов Ал. Протоиерей Федор Львович Карпинский и современное общество г.Екатеринбурга с 1807 по 1831 г. (по дневнику о.Ф.Карпинского) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. Екатеринбург, 1915. № 49. С. 829–835; № 51, С. 859–865; 1916. № 1. С. 12–16; № 2. С. 29–34; № 3. С. 55–60.
2. Ситников Л.А. Екатеринбургский книголюб конца XVIII – начала XIX столетий // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 5–28.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2; Ф. 6. Оп. 1. Д. 69, Оп. 2. Д. 423, 445, 466; Ф. 8. Оп. 1. Д. 2, 3, 17, 44, 45, 73, 100, 165, 296, 335, 338, 379, 416, 505, 605, 670; Ф. 12. Оп. 1. Д. 709; Ф. 24. Оп. 12. Д. 1113, 1813, 1816; Ф. 40. Оп. 1. Д. 2-7; Ф. 75. Оп. 1. Д. 24; Ф. 106. Оп. 1. Д. 99; Ф. 698. Оп. 1. Д. 34; Государственный архив Пермской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 248; Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 81, 82; Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. М., 1962. Т. I-V; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1811. Ч.2; 1813. Ч. 3.; А.П. Обзорение пермского раскола, так называемого "старообрядчества"... СПб., 1863; Земцов В.Н., Яппин В.А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992; Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX в.: Биогр. справ. Свердловск, 1981; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводо-владельцы. М., 1962; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

(Л.1) 1798 года.

п Генваря 1 числа молебен отправлял с великим трудом, потому что на кануне был на крестинах у Г. Землемера Селянина¹, днем с купцом Толстикovým² был в Шарташской деревне у Савы Кумова³, у Золотавина, у Ермолина, у Толстикова, у Казанцова⁴, домой приехал в 12 м часу ночью.

с 2 Числа весь день был дома, читал книги: Катехизическия вопросы и ответы рукописную да Зрителя мира⁵, день прошел спокойно.

в 3 Числа весь день был дома, поутру писал в Тобольск писма к Игумену Маргариту /над строкой: и денги 20 руб долговые с Свящ. Федотова послал 10 рубл/ и к Г. Секретарю Пырьеву, днем и в вечеру играл в дурака игор до 80.

п 4 Числа весь день был дома, поутру приходил богоявленской ц. староста Мирон Федосеев денисов жаловаться на полковых, что обидят в продаже свечь, на что ему объявлено, чтоб подал писменно, и что сообщено будет к Шефу⁶; днем и в вечеру читал *illustrium poetarum flores*⁷.

(Л.1 об.) в 5 Числа Поутру читал *Lexicon Hofmanni*⁸, после обедни со Святыней был у Г. Коменданта⁹, оттуда пришед домой после обеда читал книгу: Зритель мира. Поутру отослал книгу отче наш на разных языках в Тюбук с Меркурьем слугою Александра Алексееча Гордеева к Александру Сергеичу Ширяеву¹⁰.

с 6 Числа у богоявленск. ц. служил Литургию, обедал у Его Превосходительства Аникиты Сергеича Ярцова¹¹, после катался с детьми по улицам, в вечеру с женою был у Гжи бригадирши Анны Андреевны Грамотчиковой, домой приехал в 6 м часу.

ч 7 Числа служил Литургию, днем был у Казанцовых, в вечеру у меня был купец Логинов¹², за книги, ленты, вино белое, за ножик и ножницы отдано ему 16 рублей 60 коп.

п 8 Число поутру был дома, днем ездил на рынок в лавку Логинова за книгами, оттуда заезжал к доктору Августу Фелкнеру¹³, тут был Г. Ширяев, Порецкой¹⁴, Голенищев¹⁵, оттуда домой, в вечеру у нас были Петр Ив. Горбунов с супругой.

(Л.2) с 9 Числа весь день был дома, читал книгу: Забавная игра умов¹⁶.

в 10 Числа Служил Литургию, днем был на рынке и у Алексея Алексеича Конопляникова /вместо зачеркн.: Ведерникова/, ввечеру был у Ковелина, там были филадельф дьячков, Лука Иванович /над строкой: Шубников/, Голенищев, дубровины, Толстиков, Конопляников /вместо зачеркн.: ведерникова/, играли в дурака, домой пришел в 10 м часу.

п 11 Числа весь день был дома, в вечеру были у меня Г. Толстиков и Конопляников /вместо зачеркн.: ведерников/ и играли в дурака, сидели до 8 часа, после них читал книгу: весна прекрасной девицы¹⁷.

в 12 Числа, поутру был дома, днем был у купцов резановых¹⁸, в лавке Логинова, у купца Льва /вместо зачеркн.: Луки/ Ивановича Накрохина, домой приехал в 6 м часу, читал книгу: История насекомых вредных для человека, для скота, для хлебопашества и садоводства¹⁹.

с 13 Числа отправлял молебен, днем с женою были у Исакова²⁰, у Алексея Семенова, домой приехали в шестом часу вечера, после ужина читал книгу: жизнь благородных особ нещастием гонимых²¹.

(Л. 2 об.) Ч 14 Числа поутру /зачеркнуто читал/ был дома, днем был на базаре и у рассказова²², в вечеру с женою был у Рабенфельша, домой приехали в седмом часу, после ужина читал книгу: история Госпожи де беллериф²³.

П 15 Числа поутру ездил на базар в лавку Логинова для отдачи книг, в Тобольск к Игумену Маргариту писал с Ляпустиным письмо и послал денги 50 рублей За молитвы да 15 рублей За мед, днем был у Исака Горскова, у Толстикова, у Щепетилникова²⁴, у Коменданта, у Маркловскова²⁵, приехал домой в 6 м часу вечера.

с 16 числа обедал у Г. Полковника Маркловскова, там были Генерал Майор Кропотов с сестрой /зачеркн. Майор/ Подполковник Гревенс, рассказов с женой и с Княгиней Мамотказиной, Капитаны: Протопопов, Короткой, Купцы: Голенищев, Ковелин²⁶, домой пришел в 8 м часу, читал книгу: исторической опыт о внешней торговле Государя Императора Петра великого²⁷.

(Л. 3) в 17 Числа служил Литургию, днем и в вечеру был дома, читал книгу illustrium poetarum flores во втором часу дня теща с Марьей Ивановной отправились по Заказу за славленным.

п 18 Числа поутру читал Сатиры Юнговы²⁸, днем illustrium poetarum flores, в вечеру ездил к Луке Ивановичу Накрохину, оттуда был у Г. Рассказова, где играл в карты, домой приехал в 9 м часу.

в 19 Числа весь день был дома, поутру и днем читал poetarum flores, вечером играл с женой в карты.

с 20 Числа поутру читал poetarum flores, днем спал, в вечеру был у Г. Маркловскова, где были Афицеры Громодин, Черемисиков, и играли в карты, домой пришел в 10 мь часу.

ч 21 Числа поутру ездил к Шефу Г. Боуэру поздравить с чином Генерал – Порутчика, оттуда был у Раздеришина, днем спал и катался с мишей по улицам, вечером был дома, читал книгу: на пользу труд²⁹, еще укреплял бутылки с вином купленным у Г. Маркловского, уснул в 11 мь часу. Вина взято ведро белова, и полведра краснова. Цена 8 рубл. с копейками

(Л.3 об.) п 22 Числа поутру был дома, читал книгу: на пользу труд, днем с мишей катался по улицам, в вечеру был у Рихтера³⁰, оттуда с Селяниным³¹ поехали к Заверняеву, оттоле к Зотову³² где были Маркловской, короткой, Громотин, Блиновы, Ковелин, Голенищев, доктор фелкнер, Исаичь, дмитр. Казанцов, Рихтер, оттоле был у Маркловскова, домой приехал в 11 мь часу.

с 23 Числа весь день был дома, поутру были у меня: Иван Петрович блинов, Землемер Иван Сидорович резанов и отец Ево Сидор Прокопьевич³³, днем Читал poetarum flores, в вечеру на пользу труд, в 8 мь часу вечера приезжал Г. Селянин прощаться. Ибо отправлялся по заводам

в 24 Числа служил Литургию, обедал у Г.Раздеришина тутже был и Петр Сергеич Ярцов, днем был у Казанцовых, с ними вечером был у резановых, оттуда аезжали к Толстикovu и Гилеву, но не нашли дома. Домой приехал в 9 мь часу. Севодни получил /над строкой: письмо/ чрез дьякона Конева из Ирбита от Сестры Марьи Львовны о Смерти любезнаго брата Иерея Алексея Львовича и об отсылке Ее девки веры в Ирбит.

(Л.4) с 13 Числа После утрени исповедал грехи свои пред Богом, после обедни был у Петра Сергеича Ярцова, отдал 5 рублей для отдачи василью Яковлевичу Маеву³⁴ отправляющемуся со Златом в Петербург на покупку в Москве книг: 1 Жизнь моего отца /над строкой: 120/. 2. Исповедание Ж.Ж.Руссо/над строкой 250/ 3 Овидия Элегии³⁵ 280. днем прощались дети Гжи Грамотчиковой³⁶ отъезжали в Петербург, в вечеру был дома.

в 14 Числа Служил Литургию, после обедни приехал Михайло Пахомович Корин³⁷, уехал в 5 мь часу во время вечерни, в вечеру были Голенищев, Ковелин, Купец володимиров и сидели до 10 го часа.

п 15 Числа поутру были у меня мещане данило Горбунов, Марья вахрушева и Куп. василей Макаров³⁸ днем был я у Толстикова, в вечеру у Коменданта За испрошением подорожной до Ирбита, у Исправника Меншенина, у розказова.

в 16 Числа после обеда поехал в Ирбит, был в Камышлове у Князя Мамотказина, приехал в Ирбит в четверток днем, выехал в воскресенье в 1 мь часу днем, был на Невьянском (Л.4 об.) Заводе, у Ивана Романовича Хармаева, откуда с Генералом Ярцовым Февраля 23 Числа приехал домой в 7 мь часу вечера.

Середа 24 Числа поутру была у нас Сестра Настасья Львовна и обедала, Здесь, днем был дома, в вечеру у Г. Коменданта, Линемана, которой произведен Генерал – Майором, Приехал домой в 8 мь часу.

ч 25 Числа поутру был у Коменданта и в суде, днем был дома, в вечеру были у меня Ковелин и блинов до 11 го часа.

п 26 Числа весь день был дома, в вечеру читал физиологию или естественную науку о человеке доктора Нестора Максимовича Амбодика³⁹.

с 27 Числа весь день был дома, в вечеру читал путь к вечности и совершенство человеческого благополучия.

в 28 Числа весь день За Зубной болезнию был дома, в вечеру был у меня Купец Сорокин, Читал после него книгу: Мейснеровы повести и разговоры⁴⁰, лег спать в 11 мь часу, днем жена с детьми каталась по улицам.

(Л.5) п Марта. 1 Числа весь день был дома, Читал Немецкаго Жилблаза⁴¹ до 12 часа ночи.

в 2 Числа весь день был дома, Читал Новаго Жилблаза⁴² до 11 часа ночи.

с 3 Числа весь день был дома, Читал Нового Жилблаза до 11 го часа ночи.

ч 4 Числа весь день был дома, Читал страсти молодого вертера⁴³ до 11 го часа ночи.

п 5 Числа весь день был дома, поутру был у меня Полковник Маркловской с Офицером Громотиным для толкования о восковых угарках, Читал книгу Вергилия о Земледелии⁴⁴.

с 6 Числа ездил к Гже Грамотчиковой исповедывать Ее днем и в вечеру был дома. Читал о Монашеской Жизни разсуждение Корнелия Агриппы, дух Сенеки⁴⁵, Colloquia Erasmi⁴⁶,

в 7 числа служил Литургию, после оной был у Раздеришина, оттуда у Генерала Ярцова где и обедал, после обеда у негож опять с женою, оттуда у Купца Сорокина, приехали домой в 7 мь Часу вечера, Читал книгу Гурон или простодушной⁴⁷ до 12 часа ночи.

(Л.5 об.) п 8 Числа весь день был дома, читал Colloquia Erasmi, Завещание Волтера⁴⁸, в вечеру были у меня Ирбитские Григорей Иван. Иван. и Иван Игнатьич Старцов и сидели часа два.

в 9 Числа поутру принимал Сгемор Tartari столовую ложку и слабило разов до шести силно, днем и в вечеру был дома Читал Colloquia Erasmi и Боэция

утешение философское⁴⁹, севодни 6 возов получено от Г. Маркловского 5 возов по рублю воз, а один в подарок. денги 5 / над строкой: руб/ им отданы мне обратно.

с 10 Числа по утру приехала из Осы баба Мих. Пахом. Парасковья следующая в Ирбит, за провоз отдал я 350 коп. днем был на базаре, в вечеру у Ковелина, у Раздеришина, у Безпалова⁵⁰, у Маркловского до 10 Часа ночи.

Ч 11 Числа был у обедни, после оной у Шефа Якова васьильевича Г. Генерал – Лейтенант Боуэра, которой подарил мне Серебряную табакерку под чернью. в вечеру был дома.

п 12 Числа поутру был у Маркловского, у Порецкого для получения верюшаго писма на девку Марью, у Разказова, севодни отправлена в Ирбит (Л.6) баба Парасковья Камышловской округи с крестьянином Клементьевым ценою За 250 коп. днем и в вечеру был дома.

с 13 Числа весь день был дома, по вечеру болели зубы, лег спать в 10 мь часу, куплено вина простова 3 ведра всю ночь спать не дали Зубы.

в 14 Числа За болезнь Зубною весь день был дома, по вечеру зубы приняди меня весьма сильно, чтоб унять боль выпил три стакана пуншу, окутался дьумя шубами несколько спотех и боль престала и ночь спал покойно.

п 15 Числа весь день был дома, в вечеру после чаю Зубы утихли и после того не было боли и ночь спал покойно.

в 16 Числа весь день был дома, в погреб севодни возили лед причетники: Алексей Попов, Степан Максимов, Афанасей Хлебин, Семен блехин⁵¹, Михайло вторых и За то им в вечеру дано по 2 стакана вина, лег спать в 11 м часу

с 17 Числа весь день был дома, днем спал, в вечеру после ужина легши спать начал Читать Colloquia Erasmi и тем видно надсадил Зубы, от чего сильно болели и стрелба в голове учинилась и не дали спать до 2 го часа.

(Л.6 об.) ч 18 Числа весь день был дома, севодни двоили водку два куба, один чрез лимоны старые из водки, другой чрез шишки сосновы, севодни на огьезд Шефа посланы подорожники, обварные крендели да фунт Чорнова Чаю, купле нова в Ирбите у Купца Селиванова За 5 рублей. Зубы не болели.

п 19 Числа весь день был дома, днем и в вечеру и почти всю ночь сильно болели зубы.

с 20 Числа весь день был дома, севодни не пил ни вина, ни водки /зачеркн. ни/ пред обедом и ужином, Зубы днем и вечером и ночью не болели, ночь спал покойно.

в 21 Числа весь день был дома, во 2 м Часу дня был доктор Август Федорович Фелкнер, прописал /над строкой: от; зачеркн.: для/ Зубов Гвоздишные и сонные капли, За кои Заплачено 52 копейки, велел к ночи поставить ноги в теплую воду на 15 минут, поутру принять Сremor Tartari, также прикладывать к щеке теплые отруби, в вечеру был Сорокин с женой и сидели до 8 го часа. Севодни Зубы не болели.

(Л.7) в 30 /зачеркн.: 29/ Числа поутру был у Раздеришина, оттуда у обедни, после обедни у Соленого пристава, обедал у Г. Лемана Советника Канцелярии, днем у нас была Гжа Исакова, у Лемана обедали Г. Комендант Генерал – Майор Линеман с женой, доктор Крок⁵², Порецкий, Капитан Логинов, в вечеру с женой был у Его Превосходительства Ярцова, оттуда у Ковелина, домой приехали в 8 м часу.

с 31 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Г. Коменданта до 9 го часа ночи /зачеркн.:вечера/, без меня у нас были Слатвинской⁵³, степанида Матвеевна. Сорокин с женой, легли спать в 10 м часу.

ч 1 Апреля 1 Числа весь день был дома по причине болезни работника, днем спал, легли спать ночью в 10 мь часу, Читал Историю философии⁵⁴

п 2 Числа поутру и днем был дома, после вечерни у раздеришина, где были пляски по причине Супрядки, там ужинал и сидел до 10 го Часа.

с 3 Числа весь день был дома, днем был у меня Раздеришин с женой и племянницей, в вечеру читал Историю философии, легли спать в 10 м часу.

(Л.7 об.) в 4 Числа Служил Литургию, оттуда пришел домой, обедал у меня Ковелин и сидел до 7 го Часа вечера, Селянин был же и играли в карты.

п 5 Числа служил Литургию, после оной был у Г. Коменданта, где и обедал и сидел до 10 го Часа вечера, днем играли в карты до 50 ти игор, он подарил мне Серебряную пряжку с белыми ставками, легли спать в 11 м часу.

в 6 Числа весь день был дома, поутру читал Baudi роemata , днем спал с час, после того читал Историю философии, легли спать в 11 м часу.

с 7 Числа поутру был дома, днем спал до 3 го Часа, в вечеру был у Ковелина, оттуда у Голенищева, коего исповедал и причастил, у него выпил 2 стакана пуншу да у Ковелина один и от того На Завтра поутру голова сильно болела.

ч 8 Числа поутру был у Г. Коменданта, у Св. Алекс. воинственскаго у абросима Макс. Грехова, днем спал до 3 го Часа, в вечеру был у Голенищева до 10 го Часа, выпил 2 стакана пуншу, там были Ковелин, Яков Карнаухов, Алексей Семенов, Иван и Кирило Казанцовы, лег спать в 12 м Часу.

(Л. 8) с 17 Числа весь день был дома, днем спал, в вечеру Читал Поему, освобожденный Иерусалим⁵⁵, уснул в исходе 12 го Часа, и За тем поутру отправляя с трудом Заутреню, в голове чувствовал слабость.

в 18 Числа после обедни и весь день был дома, в вечеру была у нас Гжа Рабенфельша с дочерью и играли в карты, легли спать в 11 м часу.

п 19 Числа весь день был дома, днем спал. Читал о уединении Г. Циммерманна⁵⁶.

в 20 Числа весь день болели Зубы сильно, днем спал, в вечеру читал смесь Г. волтера⁵⁷, ночь почти всю не спал, Зубы покою не дали.

с 21 Числа весь день был дома За Зубною болезнию, после обедни Отец Максим⁵⁸ отправляя здесь молебен Св. Муч. Александре и были на водке все Соборные церковно-служители, подано по 3 рюмки водки попам, а протчим вина, днем спал, в вечеру выпил 2 стакана пуншу и после того Зубам стало легче, легли спать в 11 м часу, ночь спал спокойно.

ч 22 Числа весь день был дома, севодни Слава Богу! зубы не болели, читал Лукиана разговоры в царстве мертвых⁵⁹.

(Л.8 об.) п 23 Числа весь день был дома, днем спал, Читал роemata Baudi, лег спать в 11 м часу.

с 24 Числа весь день был дома, днем спал, читал книгу о полезном с юношеством чтении Классических писателей⁶⁰, в вечеру не пил пуншу и от того ужинал с лучшим вкусом, нежели как выпьешь, легли спать в 11 м часу.

в 25 Числа весь день был дома, после обедни был Ковелин, испросил коляску ехать в НижноСерг. Завод с супругой для погребения Марфы Семеновны жены Ивана Петровича блинова, коя на кануне того дня преставилась быв больна горячкой дней с пять, днем спал, в вечеру была у нас Гжа Исакова, легли спать в 11 м часу.

п 26 весь день был дома, днем спал, в вечеру был Сорокин с женой, ему подано 3 пунша, я два выпил, легли спать в 11 мь часу.

в 27 Числа весь день был дома, днем спал, Читал роemata Baudi, легли спать в 11 м часу.

с 28 Числа весь день был дома, днем спал, читал роemata Baudi, легли спать в 11 м часу.

ч 29 Числа весь день был дома, читал Собрание лучших сочинений⁶¹, днем спал.

п 30 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру с женой был у Зырянова⁶², где выпил 3 пунша и сидели до 8 го Часа, днем спали.

(Л.9) с Майя 1 числа поутру был дома, днем спал, после того с женой и детьми были на благодатном ключе, оттуда с Г. раздеришиным поехал в верх – Исецкой Завод, там был и Г. Генерал Ярцов с /зачеркн.: женой/ Супругой у Заверняева, оттуда был у раздеришина, домой пришел в 9 м часу, Жена на меня сетовала, что я оставив одну на ключе поехал с раздеришиным да и по делу.

в 2 Числа после обедни был у Г. Коменданта, днем спал, после того был у Ковелина и сидел до 10 го часа вечера, выпил 2 стакана пуншу.

п 3 Числа весь день был дома, днем спал, читал Собрание лучших сочинений.

в 4 Числа весь день был дома, днем спал, Читал Собрание лучших сочинений, еще писал к Груберу⁶³ в Кыштым письмо ответное, чтоб он по па туда искал сам.

с 5 числа поутру и днем был дома, с женою и детьми был у всенощнаго бдения.

ч 6 Числа служил у праздника Литургию, обедал у филадельфа Степ. дьячкова и сидел до 10 го Часа. вечера, там были Г. Генерал Ярцов с супругой и братьями, раздеришин, Сафков⁶⁴, безпалов, олышев, Ламаев⁶⁵, Иконников⁶⁶, доктор Фелкнер.

(Л.9 об.) п 7 числа весь день был дома, поутру был у мена Ковелин, перед Заутрней Заходил к филадельфу, легли спать в 11 мь часу.

с 8 числа Служил Литургию, оттуда прямо днмой, днем спал, в вечеру была у нас Агрипина Фед. Горбунова, читал духовныя мысли⁶⁷, отправлял всенощну.

в 9 Числа Служил Литургию, после оной был на водке у Генерала Ярцова, оттуда домой, днем спал, днем была у нас Гжа Ковелина, перед Заутрней Заходил к Филадельфу, отправлял всенощну, легли спать в 11 м часу.

п 10 числа Служил Литургию, оттуда на именинах обедал у филадельфа Степ. после обеда в 6 м часу вечера поехал по Заказу и ночевал на покровском руднике.

в 11 Числа приехал в Сысерть, где и ночевал с филадельфом Степ.

с 12 Числа в вечеру приехал в Тюбук к Г. Ширяеву, где и ночевал, оттуда послал Пономаря Селменскаго⁶⁸ в Касли и Кыштым.

ч 13 Числа ночевал в Тюбуке же.

п 14 Числа прогостил в Тюбуке же.

с 15 Числа выехал поутру и доехал до Истоцкаго села, где и ночевал.

(Л.10) в 30 Числа опять день прожил у Клепинина и всегда разчеты да разчеты хоть до куда, пускай ево,

п 31 числа позавтракав поехали в Тюбук к Ширяеву к обеду, после обеда гуляли на алали к палаткам, где и пуншировали и было весело.

ИЮНЯ

в 1 Числа Гостили у Ширяева.

с 2 Числа Гостили у него ж.

ч 3 Числа в вечеру отправились домой, ночевали в Щолкуне у попа Гаврила Горных.

п 4 Числа обедали в Сысерте у Г. Турчаниновой⁶⁹, оттуда были на руднике Покровской, оттоле в десятом часу вечера приехали домой и домашних Слава богу! Застали благополучных.

с 5 Числа весь день был дома, после обеда спал, читаль книгу : Человек с латынью⁷⁰.

в 6 Числа весь день был дома, днем спал, читал книгу: Картина глупостей нынешняго века⁷¹.

п 7 Числа поутру и днем был дома, после вечерни был у Казанцовых и у Грубера, читал книгу: бедной философ.

п 8 Числа обедали у меня Селянин с женой, (Л.10 об.) Ковелин, Зырянов с женами, в вечеру был Толстиков, выпили по 6 ти стаканов пуншу и сидели до 10 го часа, После гостей лежась спать словами много обидел жену, За Что На Завтра со слезами жаловалась, когда я Ее перестану мучить.

с 9 числа весь день был дома, днем спал, в вечеру был у нас Сорокин с женой, выпили по 3 стакана пуншу, Читал достопамятныя сказания фридриха втораго⁷².

ч 10 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру с женой у Толстикова до 11 го Часа и был пьян.

п 11 Числа весь день был дома, днем спал, Читал мелкия повести о добром брамине Г. Волтера⁷³.

с 12 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру с женой у Зырянова на именинах, там был и Ковелин с женой, играли в карты и ужинали.

в 13 Числа весь день был дома, в вечеру была у нас жена Исакова, Читал рассуждение о начале и основании неравенства между людьми Ж.Ж. Руссо⁷⁴.

п 14 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру у Г. Коменданта, оттуда у Ковелина, где выпил стакан пуншу, вина простова рюмку и 2 рюмки наливки.

в 15 Числа Поутру был у Парецкова, на базаре, в дух. пр. днем дома, в вечеру у Селянина до 10 го Часа, выпил 4 стакана пуншу и был пьян.

(Л. 11) ИЮЛЬ. 1798.

ч 1 Числа поутру был дома, в 12 мь часу приехал ко мне Иван Степ. Сушин⁷⁵ для получения от дух. правл. женки вахрушевой По Указу ДУХ. Конс. с ним выпил по 2 Стакана пуншу да по 2 рюмки наливки, с ним поехал / над строкой: я/ к Ковелину, где выпил 2 же стакана пуншу и был сильно пьян. Когда думаешь отдохнуть от питья, а к питью случай тут и был.

п 2 Числа поутру был у Гжи Селяниной, днем дома, в вечеру были у меня Ковелин и вас. блинов до 10 го Часа, играли в карты.

с 3 Числа поутру и днем был дома, в вечеру отправлял всеношну.

в 4 Числа отправлял Литургию, днем был с женой у Гжи Исаковой и Горбуновой, у Исачихи холодного меду стакан выпил и простудил зуб, от чего всю ночь спать не мог За превеликою болью и ломотою.

п 5 Числа весь день был дома За зубной болезнию, в вечеру выпил стакан пуншу, рюмку красной водки, перед ужином рюмку вина, хотел тем унять боль зубную, но не помогло, до 1 го Часа ночи ни мало не дали покою.

(Л.11 об.) в 6 Числа весь день был дома За зубной болезнию, поутру принимал Sremor Tartari

с 7 Числа весь день был дома.

ч 8 Числа слава Богу ! стало зубам полегче, днем с женой ездил на верхисетской Завод для прогулки по Здешней стороне, оттуда Заехали к Селянину, тут же были Ширяев, безпалов, Ковелин, Карнаухов: выпил 1 стак. пуншу.

п 9 Числа в вечеру был у Патрушева⁷⁶, где выпил 2 Стакана пуншу оттуда Заходил За Книгами к Горбунову, выпил рюмку водки и рюмку вина белого.

с 10 Числа весь день был /над строкой: дома/, перед всенощной был у Коменданта, после оной не на долго у Сафкова,

в 11 Числа /над строкой: Служил обедню/ После обедни с Г. Раздеришиным был у Г. Коллежск. Сов. Грамотчикова⁷⁷ и у Сафкова, обедал у раздеришина, в вечеру не на долго были у меня Ширяев и Безпалов, выпили только по 1 му стакану пуншу. у нас были Рабенфельша с дочерью.

п 12 весь день был дома.

в 13 Числа весь день был дома, принимал слабительное Sal Sibiricum, поутру был у меня Кавелин, при нем отдано вас. Макарову 10 рублей, днем не спал, а Читал Полидора сына Кадма и Гармонии⁷⁸.

(Л.12) с 14 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру у Коменданта, Филадельфа Ст. у Раздеришина, где играл в карты, у нас была Гжа Грамотчикова.

ч 15 Числа весь день был дома.

п 16 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру смотрел вступление в Город полку, оттуда у Казанцовых, оттуда у Ковелина, поутру был вас. Макаров, ему отдано За фунт чаю 250 коп.

с 17 Числа Поутру с Ковелиным ездил к Г. Маркловскому, от него получил 2 лимона, после Заутрени с Ширяевым был у Ковелина до 12 часа.

в 18 Числа служил Литургию, после оной был у Шефа⁷⁹, у Ярцова, днем спал, в вечеру был у Маркловска, куда приезжали сперва Шеф, потом Ярцов, сидел я там до 12 го Часа, Ширяев тутже был пьяной и шалел много. Богатым и шалость пристала.

п 19 Числа поутру был дома, днем у Г. Коменданта на минуту, оттуда у Толстикова, тамже был Маркловской и Ширяев, после того у Маркловска, у безпалова, у Сафкова с Ширяевым.

в 20 Числа весь день был дома, в вечеру были у меня Ковелин и Карнаухов, выпили по 2 Стакана пуншу, по рюмке вина и наливки За Закуской, жена с детьми была у Сорочихи.

(Л.12 об.) с 21 Числа весь день был дома, перед всенощной был у раздеришина и у дьякова, в 11 мь часу /зачеркн.: вечера, над строкой: ночи/ были у меня не на долго Маркловской, Ковелин, Григ. Ис. Чирьев⁸⁰.

ч 22 Числа служил Литургию, после оной был у Ярцова где и обедал, оттуда у Г. Коменданта, сидел до 10 го Часа ночи, где и ужинал, у него выпил 2 стакана пуншу, тутже был только один Сергей Семенович.

п 23 Числа поутру был у приезжих с таварами Италианцов, днем с Ковелиным у дьякова где выпил чашку пуншу, оттуда с ним же у Маркловскаго, где выпил стакан пуншу, домой пришел в 9 мь Часу, Читал чтение для вкуса, разума и чувствований⁸¹.

с 24 Числа поутру был понос разов до 7 ми, в вечеру был у Ковелина до 10 го Часа, тутже не на долго был и Карнаухов.

в 25 Числа днем в третьем часу с Филадельфом и Ковелиным Поехали в ревдинской завод на простых тележках, приехали в 9 мь часу.

п 26 Числа поутру с филадельфом и Ковелиным были у Св. Андрея Бурова⁸², ели баранину, после ужина были у Константина Федор. ухова тамашняго прикащика и напились до пьяна.

в 27 Числа после обеда выехал из Ревдинск. Зав. в билимбаевской где и ночевал.

(Л.13) с 28 Числа начевал в верхно-Сергинском Заводе.

ч 29 числа в Нижно-Сергинском Заводе обедал у василья Петр. блинова, после обеда приехал в Гробовскую крепость, где и начевал.

п 30 Числа обедал /над строкой: в бис. Зав./ в доме Господском, после обеда пил пунш, начевал в Кленовской крепости.

с 31 Числа ночевал в Ачитской крепости.

в Августа 1 Числа был в Красноуфимске, видел Пермскаго Губернатора Модераха⁸³ проезжающаго по Губернии в доме дан. Ив. Гана, обедал у дворянск. Заседателя Ивана Иван. Федоро /над строкой: ва/ после обеда был с ним у Лекаря Протасова⁸⁴, оттуда на винном Заводе голубцова⁸⁵, начевал в Ачитской крепости.

п 2 Числа начевал в деревне вагулке в 50 ти верстах от Ачита.

в 3 Числа начевал в Сылвинском заводе в доме Господском.

с 4 Числа начевал в уткинском демидова Заводе.

ч 5 Числа начевал в Шайтанском Заводе.

п 6 Числа в 5 мь часу по полудни Слава богу ! Приехал домой благополучно.

с 7 Числа весь день был дома.

в 8 Числа весь день был дома.

п 9 Числа весь день был дома.

(Л.13 об.) в 10 Числа весь день был дома, в вечеру был Сорокин, с ним выпили по одному стакану пуншу.

с 11 числа поутру и днем был дома, в вечеру был у меня Ковелин, с ним поехали к Полковнику Маркловскому по его зову и сидели до 10 го часа, выпили по стакану пуншу, по рюмке водки, рюмки по 4 белаго вина, тамже были Толстиков и Яков Карнаухов.

ч 12 Числа поутру был в дух. правл. и у Аладова, взял 10 ведр вина по 350 коп. оттуда у Исаича, днем и в вечеру дома, севодни был имянинник Аникита Серг. Ярцов, а я об етом и позабыл и не поздравил, чем великую сделал ошибку.

п 13 Числа днем был на лугу смотреть Полковаго ученья, оттуда у Г. Олышева, тутже были Жмаев⁸⁶, Кир. Казанцов, Сава Кумов, выпил 3 стакана пуншу и 2 стакана аглицк. пива. Сава взялся половину денег т.е. 15 рубл. отдать Кир. Казанц. За Сер. табакеркой у меня

с 14 Числа поутру исповедал Гжу Грамотчикову, днем и вечером был дома, отправлял всенощну.

в 15 Числа поутру был у Г. Коменданта и у Ярцова, Служил Литургию на кладбище, после оной по приглашению Маркловского был у Майора Голенищева, оттуда с Маркловским поехал к Коменданту, где и обедал и сидел весь день с Маркловск. играли в дураки. Г. Ярцов подарил Чугунную табакерку.

(Л. 14) п 16 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Маркловскова, с ним ездили в верхисетской Завод к Заверняеву, где выпили по стакану пуншу, меду, пива Аглицкова, по рюмке белаго вина, оттуда у Олышева, тут выпил я не могже отвязаться 2 стакана пуншу и рюмку водки и Зделался пьян.

в 17 Числа весь день был дома, много поужинал и от того ночью в брюхе великое было урчанье.

с 18 числа весь день был дома, обедал в 5 мь Часу по полудни, чтоб унять понос, однако ето не пособило, не ужинал и ето не пособило. Ето не ловко.

Ч 19 Числа весь день был дома, перед обедом выпил рюмку водки с померанцами, днем понос унялся.

п 20 Числа Поутру ездил на базар, купил 2 куска выбойки у купца Лазарева⁸⁷ За 7 рублей, 6 руб. отдал, а рубль За мной, в вечеру были у меня Маркловской, доктор Фелкнер, Толстиков, пили по стакану пушшу с ромом и по стакану с 6 тилетней франц. водкой, от меня пошли к Маркловскому, там играли в карты до 12 го Часа, выпили по 2 рюмки белаго вина, по рюмке водки и по стакану пуншу, время проводили весело и спокойно.

с 21 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Ковелина, Ево не было дома и я с Марьей Петр. играл в карты часа два.

(Л. 14 об.) в 22 Числа Литургию отправлял Арамилской поп Алексеев⁸⁸, после обедни был я у Коменданта на водке, днем спал, в вечеру был у Ковелина, оттуда у Коменданта, оттуда с Маркловским опять к Ковелину, у него выпил я Три стакана пуншу и несколько рюмок белаго вина, опять вдался в пьянство, а все перестать хочешь, видно Горбатого исправит могила.

п 23 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Резанова, тут выпил чашку пуншу, у Толстикова, тут выпил 2 стакана пуншу и двое выпили бутылку белаго вина, оттуда с ним вместе у Маркловскова, тут были песни и пляски, до 2 го Часа ночи тут пробыл.

в 24 Числа весь день был дома, голова поутру сильно болела и За тем не мог ити обедать к Маркловскому.

с 25 Числа весь день был дома по причине поноса, в вечеру были у меня Маркловской и Князь мышецкой⁸⁹, выпили по 2 стакана пуншу и я один.

ч 26 Числа поутру /над строкой: был у меня вас. Кир. Пономарев/ принимал Sal Sibigicum слабительное и весь день был дома.

п 27 Числа поутру был у меня бывший Тобольской Губернской Землемер василий Кирилович Пономарев, с ним пошли в дух. Правл. оттуда на базар, с базара с купцом Логиновым был я у Кир. Казанцова, днем и в вечеру дома.

с 28 Числа весь день был дома, ночь севодни весма спал худо, уснул в третьем уже часу.

(Л. 15) в 29 Числа Служил Литургию, севодни преставилась Александра Павловна жена Коллежскаго Ассессора Николая Евдокимовича розсказова, дай бог Ей вечное блаженство, Барыня была умная и Гостеприимная, в вечеру /над строкой: у нас/ был с женой Капитан Алесов⁹⁰.

п 30 Числа поутру у Шефа, у Полковника, у Ярцова, Служил Литургию, обедал у раздеришина, в вечеру с женой был в Маскараде у Маркловскова до 12 го Часа.

в 31 Числа отпевали жену Г. рассказова у богоявл. ц. похоронили в верхисетском Заводе, у него обедал, в вечеру с женой был на бале /над строкой: и на балах/ у раздеришина до /зачеркн.: 12 ч/ 12 го Часа.

Г. Рассказов дал 5 рубл. и Серебр. табакерку.

с СЕНТЯБРЯ 1 Числа весь день был дома.

ч. 2 Числа весь день был дома, в вечеру был у меня по Зову Ковелин и сидел до 10 го часа, выпили по 3 стакана пуншу и наливки по 3 же.

п 3 Числа весь день был дома, ломало сильно с похмелья с утра до вечера, а пить надо, ничего не берет. с 4 Числа весь день был дома.

в 5 Числа Служил Литургию, после обедни был я у Ярцова, Розказова, Маркловского, где и обедал и сидел до 12 го часа ночи, тогда в вечеру пожалован Маркловской в Генерал – Майора и Шефом в Тферь. Шеф Певцов подарил мне Табакерку и Маркловской, я напился до пьяна.

(Л.15 об.) п 6 Числа поутру и днем был дома, в вечеру с женой по Зову на крестинах у Капитана Алесова, где и ужинали, тут были Ярцов, Шеф, Маркловской и Князь мышецкой, домой приехали в 12 мь Часу.

в 7 числа весь день был дома, За слабостию Здоровья к Князю Мышецкому не поехал обедать, которой на Кануне Звал к себе.

с 8 Числа Служил Литургию у праздника, после обедни на водке были у меня, Олышев, Романов⁹¹, Юшков, Комаров⁹², Ламаев, Хмельин, выпили по 2 рюмки водки. День и вечер был дома.

ч 9 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Князя Мышецкаго, оттуда с ним у Генерала маркловскова, где сидел до 10 го часа. У нас были Исачиха и Зырянна.

п 10 Числа Поутру был на базаре в лавке Логинова, днем и в вечеру дома.

с 11 Числа поутру и днем была, в вечеру ездил прощаться с Генералом Маркловским, которой поехал в Петербург, оттуда у Ковелина на краткое время.

в 12 Числа На кануне в вечеру ужинал и от того поутру в Голове была тяжесть видно по причине немногова желудок не сварил пищу, для того должно в период съесть только один ломть хлеба и выпить стакан воды /над строкой: Служил Литургию/ после обедни был у Коменданта, где и обедал и Сидел весь день, оттуда в 7 мь Часу вечера с Толстикovým и Кир. Казанцовым приехал домой и Здесь сидели до 11 го часа.

(Л.16) п 13 Числа поутру был на базаре, днем и в вечеру дома.

в 14 Числа Служил Литургию, /зачеркн.:д/ после оной был у Ярцова, днем спал, в вечеру был у Капитана Граматина, выпил 2 стакана пуншу, оттуда у Капитана Роговцова, выпил чашку пуншу и две рюмки наливки.

с 15 Числа весь день был дома.

ч 16 Числа поутру был в дух. пр. и на базаре, днем дома в вечеру у Ковелина до 10 го часа.

п 17 Числа поутру был у Ярцова поздравлять Супругу ево имянинницу, днем дома, в вечеру у Коменданта,оттуда у Ярцова на бале до 12 го часа, выпил 5 стак. пуншу. Севодни в вечеру пришла жить стряпка Федора по 60 коп. в месяц.

с 18 Числа весь день был дома.

в 19 /над строкой: Ч./ Служил литургию, днем был дома, в вечеру у Розказова и сидел до 9 го часа, выпил 2 стакана пуншу.

п 20 Числа Служил Литургию, обедал у Коменданта и сидел до 7 го Часа вечера, оттуда с Толстикovým сюда, тогда же приехал ко мне и Майор Яков Александрович Кашпиров и сидели до 10 го Часа, выпили по 2 стакана пуншу, бутылку хорошаго белаго вина и по 2 рюмки розовой наливки.

в 21 Числа Поутру был у Кашпирова, у Шефа, у Розказова, обедал у Парецкова, домой приехал в 6 мь Часу вечера.

(Л.16 об.) с 22 Числа весь день был дома.

ч 23 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у резановых, Толстикова, у Казанцова тутже был и Яков Александрович Кашпиров, домой приехал я пьяной Часу в 12 мь ночи.

п 24 Ч. весь день был дома и от питья На Кануне бывшаго болел.

с 25 Числа По указу духовной Консистерии отправился в Челябину для следствий, Где и пробыл Октября до 22 Числа, домой приехал 27 Числа в 7 мь часу вечеру и тогда /над строкой: За Час до моего приезда; зачеркн.: без меня/ бог даровал дочь Ольгу.

ч ОКТЯБРЯ 28 Числа обедал на именинах у Ковелина, где были Селянин, Почт.мейстер, Карнаухов с женами, сидел до 7 го Часа вечера.

п 29 Ч. весь день был дома.

с 30 Ч. весь день был дома, у нас в вечеру была жена Ляпустина.

в 31 Ч. весь день был дома.

п НОЯБРЯ 1 Числа весь день был дома, в вечеру был у нас Селянин с женой.

в 2 Ч. Поутру и днем был дома, в вечеру у Коменданта до 9 го Часа.

с 3 Ч. Поутру был у Генерала Ярцова и на базаре, днем и вечером дома, в вечеру был у нас Сорокин с женой. взято у Логинова полпуда свечь по 550 к.

ч 4 Ч. весь день был дома, поутру был у меня Толстиков.

(Л.17) п 5 Ч. весь день был дома, в вечеру от Генерала Ярцова прислан ко мне билет, чтоб Завтра у него обедать.

с 6 Числа Поутру был у Ярцова, у Шефа, у Коменданта, у Раздеришина, Служил Литургию, Чай пил после оной у раздеришина, обедал у Ярцова, где был и в вечеру до 10 го Часа.

в 7 Числа весь день был дома, в вечеру была у нас Марья Петровна Ковелина.

п 8 Числа служил Литургию, обедал у Селянина на именинах и сидел до 10 го Часа, там были Згибнев⁹³, безпалов, Ширяев. Рихтер, Чаплин⁹⁴, Ковелин, Олышев /над строкой: Хмаев/ и проч.

в 9 Числа обедал у Раздеришина с Ширяевым и Хмаевым, оттуда с Ширяевым был у Филадельфа, у Ево Ширяева, оттуда у меня был Ширяев и Логинов и сидели до 9 го Часа.

с 10 Числа весь день был дома, поутру с похмелья Голова сильно болела, от того, что после многих рюмок белова вина выпил две рюмки наливки на кануне дня с Ширяевым.

ч 11 Числа весь день был, только с полчаса с детьми катался по улицам.

п 12 Числа весь день был дома.

с 13 Числа в 12 мь часу по полуночи приехали ко мне Г. Грамотчиков и Ширяев пьяны, Здесь обедали, отसेле поехали к Гже Грамотчиковой, оттуда были у Ширяева, у купца Егорова⁹⁵ За городом, /над строкой: у безпалова/ у Раздеришина, у Грамотчикова я один без Ширяева, домой приехал в 10 мь часу.

(Л.17 об.) в 14 Числа Поутру и днем был дома, в вечеру у Его Превосх. Ярцова, у Князя Мышецкого, где были Шеф, Ширяев, Короткой, Карнауов, Казанцовы, Резанов, оттуда у Грамотчикова, домой приехал в 10 мь Часу.

п 15 Числа весь день был дома, в первом Часу По полудни умерла дочь Ольга.

в 16 Ч. весь день был дома, севодни в 11 мь часу поутру погребли дочь Ольгу. Севодни не пил пуншу.

с 17 Числа весь день был дома За продолжающимся с самого понеделника поносом, поутру был у меня вас. Кирил. Пономарев, после него был Андрей Афанасьич Попов Губернской Секретарь, которой прежде в Красной слободе был Канцеляристом.

ч 18 Числа весь день был дома, от поноса севодни Слава богу! было легче, на кануне ничего не ел, только ложась спать съел малинкой ломтик булки с белым Ишпанским вином.

п 19 Числа поутру и днем был дома, в вечеру в духовном правлении и с василием Кириловичем ездил в верхисетской Завод, домой приехал в 7 мь часу.

с 20 Числа весь день был дома.

в 21 Числа служил литургию, днем был дома, в вечеру у василья Кир. Пономарева, у Коменданта до 12 го Часа.

п 22 Ч. поутру был у меня Вас. Кир. Пономарев, я был в духовном правлении после него, днем дома, в вечеру у Толстикова и у Гилева, у Толстикова выпил стакан пуншу в у Гилева чашку, приехал домой в 8 мь Часу. Толстикovu на рыбу отдал 25 рублей.

(Л.18) в 23 Числа весь день был дома.

с 24 Числа Служил Литургию, после оной до вечерни ездил со Святой Водой, в вечеру не на долгое время был дома, потом поехал ко Князю Мышецкому, где ужинал и сидел до 12 го Часа, там были Шеф, Сафков с женой и тещей, Алесов также и несколько Капитанов.

ч 25 Числа севодни поутру послал в Тюбук к сестре табакерку женску сургу-човую с /зачеркн.:Ник/ их человеком Николаем, табакерка была от Александры Павловны Гжи рассказовой, на ней портрет Ж.Ж. Руссо.

/зачеркн.:п 26 Числа поутру и днем был дома/, в вечеру присылал За мной Г. Раздеришин, где я /над строкой: и/ был до 8 го часа. У него выпил два стакана пуншу.

п 26 Числа с 12 го Часа поутру ездил со святой водой до 3 го часа, был у Ковелина, у Горбунова, у Толстикова, у Резанова, у Гилева, у Чефранова, в вечеру дома.

с 27 Числа весь день был дома. Послано в Ирбит /зачеркн.: в 28/ с дьяконом Топорковым к родителю 15 фунт. стерлядок да 9 ф. Нельмы при писме к немужь. в вечеру Мирон Федосейч принес ко мне в дар Нельму большую соленую.

в 28 Числа За слабостию здоровья весь день был дома, в вечеру был у меня Игумен Гедеон до 8 го Часа, выпил один стакан пуншу и рюмки с Четыре наливки, я пил белое вино.

(Л.18 об.) п 29 Числа весь день был дома.

в 30 Числа весь день был дома.

с ДЕКАБРЯ 1 Числа весь день был дома, поутру был понос.

ч 2 Ч. весь день был дома.

п 3 Ч. весь день был дома.

с 4 Числа весь день был дома.

в 5 Числа весь день был дома, в вечеру были у нас Гжа Грамотчикова, Ковелин, вас. блинов.

п 6 Числа Служил Литургию, после оной был у Ярцова Генерала и у брата ево именинника Николая серг., днем дома, в вечеру у Коменданта и у Алесова, домой приехал в 8 мь Часу. у Ком. выпил стакан пуншу и у Алесова стакан же пуншу. Г. Ярцову /зачеркн.:да/ отдал книгу: врачевство души⁹⁶ для прочтения.

в 7 Числа в 9 мь часу поутру приехала Сестра Наталья Львовна, уехала после обеда в 4 мь Часу я весь день был дома.

с 8 Числа весь день был дома, в вечеру были у меня Ковелин и вас. блинов до 10 го часа.

ч 9 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Розказова, у Князя Мышецкова, с ним поехали к Капитану Алесову и сидели до 10 го Часа, оттуда Князь был у меня на краткое время. у Розказова выпил стакан пуншу, у Алесова два.

п 10 Числа поутру был у доктора Фелкнера у Штаб Лекаря Максима Самойловича⁹⁷ днем и вечером дома.

(Л.19) в 16. Числа весь день был дома.

п 17 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у приезжих купцов, купил полпуда Сахару по 42 руб. пуд, оттуда у Резанова, у Гилева, домой приехал в 6 мь Часу.

в 18 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Розказова до 10 го Часа, выпили по два стакана пуншу.

с 19 Числа весь день был дома.

ч 20 Числа поутру был в дух. пр. и у Жмаева, днем дома, в вечеру у Гжи Грамотчиковой и у Мирона Федосеева до 11 го Часа. был пьян.

- п 21 Числа весь день был дома.
- с 22 Числа весь день был дома.
- в 23 числа весь день был дома, в вечеру был у меня Купец Зырянов.
- п 24 Числа обедал с женой у купца Зырянова на поминках По жене ево, оттуда были у Ковелина / два слова на латинском языке – текст неразборчивый /.
- в 25 Числа / над строкой: поутру и, далее зачеркн.: весь / днем был дома, в вечеру у Мирона Федосеева не на долгое время.
- с 26 Числа поутру и днем был дома, в вечеру у Князя и у Шефа, домой приехал в 6 часов.
- ч 27 Числа весь день был дома.
- п 28 Числа Служил Литургию, в вечеру был у Резанова, купил 27 ф. Сахару дал 24 ру 30 коп.
- с 29 Числа поутру был у меня из Тобольска брат Алексей Мих. Карпинский, обедал я у Коменданта, в вечеру на краткое время был у Раздеришина
- (Л.19 об.) Ч 30 Числа после обедни был у Генерала Ярцова просить о принятии Ал. Карп. в отправку / над строкой: с / Золотом и он обещал естьли будет место, обедал у Сафкова, после обеда был у Толстикова, у Логинова, домой приехал в 8 мь Часу.
- п 31 Числа весь день был дома.
- в ФЕВРАЛЯ 1 Числа поутру был на базаре, днем дома, в вечеру у Генерала Ярцова прощаться, в вечеру были у меня Капитан Илья Александрович Нелидов⁹⁸, Купец Ник. абрам. Стариков, Алексей Карпинской.
- (Л.20) Писано 4 Ч. Сент. 1803 Года.
- 1 велеть написать к дьякону Коневу, не согласится ли во Священника в полк. об етом удержаться, пока я переговорю еще.
- 2 через неделю спсылать к Якову Алексеечу фелкнеру⁹⁹.
- 3 послать к Ивану Иван. Сухову.
- 4 Г. Тютюев¹⁰⁰ обещал сена.
- 5 Г. Ламаев обещал табакерку, когда приедет Г. Патрушев, у котораго ево табакерка. С Аггеем Степ. съездить к Зотову, когда он возвратится с Заводов.
- / зачеркн.: попросить у отца Николая¹⁰¹ книгу: молебствия в ней / над строкой посмотреть / молитву вместо: Господи Иисусе Хр. От. Наш, боже всякого милосердия и щедрокт. в ней только На Новой Год особливая молитва. / У отца Михаила моя палка, также у Александра Алексеича.
- Ч. Сент. Вас. Алекс. Селянин обещал 10 р. а Як. Филип. вместо дмитр. Мих. Чистякова 15 р.
- 10 Казанцов обещал 10 лимонов.
- 11 / зачеркн.: Повидаться надобно с Г. Сетьковым. /
- 12 о Записке Парышевой просить Г. Селянина
- 13 / зачеркн.: Послать дьякона Андрея¹⁰² ко Льву Ивановичу За вином красным, также спросить ево о печатке. /
- (Л.20 об.) 14 4 Ч. Сент. дано две головы сахару, одна 12/4 другая 13 ф. Як. Филип. взаимы. Сент. 20 ч. получены.
- 15 Надобно съездить к борису Алексеичу попросить ево о сене. Не езди, ничево не получиш. Захотел уж от Екова стариннова скряги.
- 16 Наталья Карловна обещала табакерку при Софье Карловне¹⁰³
- 17 Сажень дров За старым подрядчиком.
- 18 Григорей Иванович Суксунской прикащик будучи в доме Мих. Осип. Г. Ваелкова обещал мне тамошней работы табакерку, о чем Заказать с кем, кто поедет мимо того Завода. Он Здесь находится, надобно, к нему спсылать.
- 5 Числа Сент. обедал на именинах у Ея Прев. Елизаветы Гавриловны¹⁰⁴ в вечеру не был, понеже была Суббота.
- 5 ч. Сент. просил я вас. даниловича, чтоб он не писал в Тобольск о Сибирском журнале¹⁰⁵, пока я оттуда на свое письмо не получу уведомления.

5 ч. /зачеркн.: Сент. Мих. Осип. пенял, что наш отец Иоанн¹⁰⁶ пришел к нему с крестом на другой ден празднича, что и то в вечеру, что он себе счел за обиду. /

4 ч. Сент. преставился /зачеркн.: Кар/ Яков Фед. Карнаухов, Человек был доброй и обходительной. Господи! упокой душу ево со святыми. Вот долго ли умереть, а мы не казнимся и не помышляем о смерти. О Господи! чтоб из памяти моей не исходил час смертной, по благности твоей мне даруй.

(Л.21) Августа в последних числах дано Федору Рудакову рубль взаймы. С Верх-Исетского Завода взять мою кибитку, котора там четвертой год в починке, да и о прежней надпомнить, котора 8-й уже год. Одна кибитка Зеленая получена, а коляска все там. Заказать с кем, чтоб Каневской дьякон должны прислал деньги.

Сент. 7 Числа взята с меня росписка, чтоб к 1 му Числу Ноября За 20 сажень дров по 76 ко сажень представить в казну 15 рублей 20 копеек. Отданы чрез Пономаря Алексея Попова.

Сент. 9 Числа Заказано дьякону Аристарху Гаряеву учинить расчет с Протоиереем Никифором Пономаревым в 35 рублях ему данных от меня Марта 18 Числа сего года.

Сент. 10 Числа дано Александру Алексеичу Гордееву 6 рублей взаймы, он хотел отдать в понедельник т.е. 14 числа. 1805 года Марта 25 ч. получено 6 рублей.

Сент. 10 Числа приходил Иона Артемьев Кушпелев¹⁰⁷ подряжаться Золотить Иконостас в Мурзинской слободе.

Сент. 11 Числа писал к Мурзинской слободы Священнику Алексею Старцеву, чтоб подрядить делать и Золотить Иконостас Купца Кушпелева /зачеркн.: ille pronisit. // iud. - ? /¹⁰⁸

Сент. 13 ч. с вечеру fuit apud me Bas. Selianin et Sedel. ad 9 h.¹⁰⁹

Сент. 14 Числа дело о женке Ирине Косолаповой отдано на почту.

(Л.21 об.) Сент. 15 Ч. После обедни и в вечеру был у Аггея Степановича

Сент. 17 ч. до обеда был на базаре, Князь купил мне хрустальной графинок За 120 коп. в вечеру был у вас. Алек. Селянина. до 8 го Часа.

Сент. 19 ч. весь день был дома.

Сент. 20 ч. был на Шестинедельном обеде у Веры Степановны Селяниной, она подарила мне яшмовую полосатую табакерку, в вечеру был на именинах у отца Протоиерея Михаила Хомякова до 9 го Часу.

Сент. 21 Ч. в вечеру был у Г. Селянина до 9 го Часу. Егор Федорович Малышкин стряпчей Кыштымской.

Сент. 22 ч. в вечеру был у меня Як. Фед. Г. Грамотчиков на краткое время, подал бумагу о крещении калмыка.

25 ч. крещен /et nisi ab // illy acceptusi? // else promiferi/¹¹⁰ и /над строкой: 25 Ч. Сент. прислал Голову Сахару/

Сент. 23 ч. в вечеру был у Г. Селянина. Сего числа Засвидетельствован договор купца Кушпелева в Мурзинской слободе делать и Золотить Иконостав, у него взято одобрение от здешняго Магистрата, что он по договору Зделать может и поведения честнаго.

Сент. 21 ч. отец Павел¹¹¹ отправился в Полевской Завод для следствия.

Сент. 24. в вечеру был у Г. Розказова и сидел с 4 го до 9 го часа и было у него приятно как он разсуждает чисто, Здраво, откровенно, у него Есть что с пользою послушать. вот доброй и Честной Человек!

Сент. 25 Ч. бруснянской слободы женке дан был билет домой до 20 числа Октября.

(Л.22) Ко Князю спосылать За отдушиной, коя вставляается в окно для впущения свежего воздуха.

Сент. 26 Ч. после обедни и в вечеру ходил со святою водою.

Сент. 27 Ч. в вечеру ходил со святою водою, после чего заезжал не на долго к Г. Сафкову и к Шефу.

Сент. 28 Ч. с боевским дяконом дергачевым послано к сыну 50 коп. до обеда был у Петра Алекс. Турчанинова¹¹², он обещался сделать Малахитовую табакерку, в вечеру был у Коллежск. Советн. Аврамова¹¹³ и у Шефа. с 7 го до 9 го Часа.

Сент. 30 ч. был у Г. ваялкова и Селянина.

Октября 1 ч. весь день был дома, в вечеру пробовал водку франц. 6 тилетнюю, которой нет лутче из протчих водок не исключая /над строкой: и/ рому, которой ныне ставят За велико и пьют с аппетитом.

6 Числа в вечеру был у Г. Веселкова и у Шефа.

Октября 7 ч. в вечеру был у Г. Парецкова, у Розсказова, qui non fuit domi¹¹⁴, у Шефа, cujuo uxor quum me viderit, dixit: ille iterum hic, ques eius verba mihi fuerunt ingrata, et si postea /placide ?/ vertabatur et ludebat /над строкой: mesum/ in chartas lusorias. ab hoc tempore tempera suas visitationes, ne plus te /fagtidiverit ?/, tibi multo Sunt domus, ubi cum gratia te accipient¹¹⁵.

Октября 9 ч. в вечеру был у Г. Клепинина, оттуда с ним на краткое время у Г. Сафкова.

Октября 10 Числа весь день был дома.

(Л.22 об.) Окт. 11 ч. После обеда был у Г. Клепинина, у Розсказова, у Елисаветы Гавриловны, домой приехал в 8 мь часу.

Окт. 12 Ч. в вечеру был у Г. Лосева¹¹⁶ и сидел 4 Часа.

Окт. 14 ч. После обедни был у Шефа и в вечеру до 9 го Часа.

Окт. 17 ч. весь день был дома, в вечеру пробовал франц. водку Ширяева и оказалась не хороша.

Окт. 18 ч. весь день был дома.

Окт. 19 ч. пришла жить Анна дмитрева, в вечеру был у Германа и у Шефа.

Окт. 20 ч. поутру был у Германа, поздравлял с приездом и с пожалованием Его Перстнем, в вечеру в уездном Суде, у Розсказова, у Шефа.

Окт. 20 ч. взял в лавке Сем. Зах. Калашникова¹¹⁷ три конца китайки За 9 руб 50 коп. деньги отдать в Генваре.

Окт. 21 Ч. в вечеру был в верх-исетск. Заводе у Зотова с Шефом, возвратился оттуда /над строкой: покрыт/ безчестием и студом. Ибо и Шефа просил туда ехать, чтоб упросить Зотова купить мне табакерку, Шеф не горячо вступался, Ибо своя рубашка /над строкой: к телу/ ближе /зачеркн..к кафтану/, Зотов только поругался надо мною.

Окт. 22 Ч. весь день был дома, в вечеру был у меня Протоиерей Хомяков.

Окт. 23 Ч. в вечеру пробовал водку франц. ревенскую и оказалась весьма хороша, можно Ее и впередь пить.

(Л.23) Окт. 29 Ч. в вечеру был у Германа и у Клепинина на бале до 10 го Часа, было весело. от Ивана филиповича получил Соленую табакерку.

Окт. 30 Ч. поутру был у Александра Карловича¹¹⁸, За 3 книги Спутника получено 5 рублей, оне были куплены на шет ево в книжной лавке. Ему послана для Чтения Часть 1 я.

Ноября 2 Числа ужинал у Шефа.

8 Числа после обедни был у Шефа, от него получил выговор За то, Что на Молебне разговаривал с Майором Грамятиным и Капитаном Цвилиневым, достойно и праведно, За ето я ему благодарен, в вечеру был у Г. Свечина и у Г. Городничого.

10 Числа в вечеру сидел у Г. Розсказова, тут были Князь Мышецкий и Г. Клепинин с супругами.

11 Числа поутру был у Г. Патрушева, у Шефа, у Сафкова, у Алексея вас. Зеленцова¹¹⁹, в вечеру были у меня Сергинской поверенной Илья Тихоновичь, вас. П. блинов, вас. Алекс. Селянин.

13 Числа приехал в Екатеринбург Г. Генерал – Губернатор Тоболский Иван Осипович Селифонтов,

15 Числа для него был бал у Шефа, уехал от сель.

17 Числа с сего Числа был я болен до 27 Числа сего ж месяца.

(Л.23 об.) 29 Числа в вечеру был у Аггея Степановича тут же был и Пермской вице Губернатор.

30 Числа весь день был дома.

Декабря 1 Числа был с Г. Розказовым в верхисетском Заводе у вице – Губернатора Князя волконскова и сидел до 9 го Часа. Князь в обхождении прост, ласков, снисходителен.

5 Числа посланы с дьячком Могильниковым¹²⁰ в Пермь письма, к отцу про-тоиерею Никифору, в коем просил ево отдать семь рублей сыну, к сыну и притом пять рублей, сукна полтора аршина, холста 4 аршина, лексикон малинкой.

6 Числа служил Литургию, после оной был у Шефа, днем дома, в вечеру у Сафкова и у Шефа до 8 го Часа, тут же был и вице – Губернатор Пермской Князь Михайло Николаичь волхонской.

7 Числа в вечеру был у Германа и у Шефа.

9 Числа пришел жить Иван белоносов.

16 Числа Аггей Степановичь имянинник.

20 Числа был у вице – Губ. Князя волхонскова, там были Шеф, Розказов, Штаб – Лекарь белошитской, Комаров, Собакин¹²¹ ну уж Собакин по шерсте имя дано. Сего Числа уехал Г. Сафков в Петербург.

(Л.24) 28 ч. в вечеру был у меня Егор Яковлевич Пестерев с Г. Ковелиным и сидели с 3 го до 8 го Часа.

30 Ч. в вечеру был в верх – Исетском Заводе у Князя волхонскова, оттуда у Шефа.

1804 года Генваря 13 Числа по отправлению Литургии и молебна был у Шефа, в вечеру был на бале у Александра Карловича Модераха с 7 го до 9 го Часа, тут пенял мне Его Превосход. Герман, За чем я давно у него не бывал, что мне было стыдно. Князь волхонской обещал опять табакерку. Ну уж Ете частыя обещания, Едва ли в них толк будет.

27 Ч. в вечеру были у меня Шеф Аггей Степановичь и Генерал – Порутчик Александр Осиповичь Маркловской.

29 Ч. с уктусским причетником дюковым послан Лексикон Геснеров¹²² к сыну в Пермь.

31 Ч. получена финифтяная табакерка от Александра Алексеевича Ширяева чрез купца Терентья Меркурьича Резанова. Послать Пономаря Алексея к данилу васьевичу Якушеву и к Терентью Меркурьичу Резанову.

(Л.24 об.) Февр. 9 Ч. в вечеру был у Толстикова, Егорова, Кирила Казанцова, Егоров обещал сахару Голову, когда придет обоз. Толстикова просил в покупке в Ирбите чаю, также чтоб пуд Сахару для меня оставил /над сторокой: Кирило/ Г. Казанцов обещался купить табакерку Сер. Propter Excellentip. Johan. philippides¹²³.

10 Ч. поутру был у меня Г. Лекарь ворвинский¹²⁴, запретил есть свинину и пить /над строкой: велел/ французское белое /над сторой: вино/ также столо-вое /зачеркн.:без, над строкой:с/ водою, а без воды только венде – граф, уда-ляться как можно где курят табак.

того ж ч. приводил Горных офицеров к присяге. За мною по /над сторокой: при/ сылал Борис Алексеевич Г. Подоксенова¹²⁵.

11 Ч. у Аггея Степ. был был . рождение тогда Софьи Карловны.

14 Ч. у Ив. Род. Казанцова была вечеринка.

14 Ч. Андрея Степ. Листовскова¹²⁶ приводил к присяге.

15 ч. С вас. дан. Прянишниковым¹²⁷ послано к сыну в Пермь 10 рублей. Он их Забыл отдать и получены от него обратно.

20 Ч. приехал Петр венедиктович вишневский в 9 мь Часу вечера, уехал в Шадринск 22 Числа. Я ему обещал доставить шпоры да штопор. того ж /над строкой:20 ч./ Числа приехал Протоиерей Кирилов, остановился у Св. Алексан-

дра Флоровскова¹²⁸, 22 Числа был в духовном правлении и по церквам и того ж числа уехал в верхотурье. (Л.25) Попросить Г. Секретаря Чистякова, чтоб выписат из присяжной книги всех тех, кои с ним вместе мною привожены к присяге.

Февр. 23 Числа взято у Ив. Род. франц. белого вина ведро, половину на мой щет, а другая от него в подарок.

25 Ч. в вечеру был у Г. Лосева, у Шефа тут же был и Карл Фед. Губернатор. Он говорил мне: Проси у меня всего, что тебе потребно, я у Преосвященного все для тебя выпрошу. Я только просил о том, чтоб тутже продолжал ко мне благосклонность Его Преосвященство, каковою до ныне пользуюсь.

29 Ч. в вечеру были у меня Петр Ив. дубровин, Гордеев, Ковелин.

Марта 6 Числа поутру был у Губернатора и у Германши, после обедни у Шефа, в вечеру были у меня все здешние Священники с причтом и пели Пасху, в 7 мь Часу вечера был я в верхисетском Заводе у Зотова, тут же были Губернатор и Шеф /с боку: получ. 25 р. на таб./ со свитою, оттуда Заезжал прощаться с Шефом. Губернатор обошелся весьма милостиво и благосклонно. да продлит бог жизнь Ево Здраво, щастливо, долголетно!

(Л.25 об.) Марта 7 Числа поутру ходил с постной молитвой по приходу, был у Михайла Яковлевича Труфанова расходчика Заводскаго, которой дал пять рублей. того ж ч. Семен Иванович Карнаухов Камышловской купец обещал фунт Чаю За Крещение калмыков. Получ. 10 ч. того ж ч. в вечеру был у меня Г. Розказов и сидел с 8 го до 10 го Часа. С ним было весело.

9 Числа в вечеру был у Селянина, оттуда с ним у Майора Громатина до 8 го Часу.

10 Числа присланы от Аггея Степановича Шпоры.

15 Числа со Св. Иоанном Рычковым¹²⁹ был у Толстикова.

16 Числа был у Его Прев. Германа. Сего число Александр Карлович имянинник.

17 Числа с Кисловским Свящ. Феодором Киселевым послано в Пермь к сыну 10 рублей, фунт чаю, Сахару 3 фунта с половиной, Лексикон Розанова¹³⁰ да кренделей.

22 Числа поутру в 7 м Часу приехал Тюменский Архимандрит Маргарит¹³¹, с ним был я у Шефа и в верхисетском Заводе, после обеда во 2 мь часу уехал /над строкой: он/ в Сысерть, а оттуда в Тюмень.

25 числа в вечеру был у Г. Городничева Листовскова, он подарил мне серебряную Черневую табакерку с Монументом Имп. Петра 1. величины средней, оттуда у Шефа на краткое время.

(Л.26) 28 Числа /над строкой: в вечеру/ с вас. Алекс. Селяниним был у Ивана Род. Казанцова, оттуда у Невьяскаго Завода Прикащика Максима васьилича Уткина.

31 Числа поутру был на базаре, купил у Луки Иван. Шубникова¹³² 5 аршин канифасу по 1 ру арш. оттуда у Г. Уткина Невьянск. Зав. прикащика, он мне подарил Серебряную Черневую табакерку купленную им у Купца Шубникова За 20 рублей, которая была покойного Купца Ивана Ивановича Голенищева, Он Ету табакерку дарил Мне /над строкой: чтоб получить/ после /над строкой: по Ево/ смерти, /зачеркн.: своей/, когда я пришел в Ево болезни исповедывать, однакож опекуны мне Ее не отдали, в вечеру был у Ея Превосход. Анны Алексеевны Зубовой. Она из Сысерти обещалась прислать мне Агатовую табакерку, а Золовка ея Александра Петровна подарила /над строкой: мне/ малинкую Агатовую табакерку в медной оправе, оттуда был у Князя Мышецкаго, у него квартирующий Офицер едуший на банковские Заводы Павел Иванович Перцов подарил мне две яшмовые дощечки на табакерку, видно, Что он человек хорошей.

июня 15 Ч. отдано 5 рублей.

(Л.26 об.) Апреля 4 Числа в лавке Семена Захарьича Калашникова взято мною 4 конца голубой китайки по 375 коп. конец, всего 15 рублей, деньги отдать к Макаръевск. Ярманке. Посланы Июня в первых Числах с Поном. Михайлом Алексеевым¹³³.

5 Числа был у Шефа в вечеру, оттуда у Г. Селянина того ж Числа получено от Здешняго Купца Михайла федоровича Палкина¹³⁴ 7 рублей, на которые куплена Табакерка Серебряная малинька у Торговки Михайловны.

11 Числа послано по почте в Пермь к сыну 5 рублей.

12 числа послано с Почталионом ремизовым к сыну туес клюквы.

13 Числа в вечеру был у Гжи веселковой. Она мне учинила выговор За мою нескромность. я Ее превозносил хвалами, а она его сочла в насмешку, чего у меня отнюдь не было и в мыслях, я ею /зачеркн.:счита/ был весьма доволен и только открывал прямо свои перед нею мысли.

Маия 4 Числа пришла жить Афанасья бочкарева.

Маия 6 Числа Послано в Тобольск чрез Кантору Г. Росторгуева к Анне Митрофановне три рубли к Ивану Никитину.

Июня 13 Числа послано к сыну чрез почту 10 рублей.

-. 14 Ч. с Г. Селяниным был в березовском Заводе у Г. Тетюева, он подарил мне рубль Шведской, тут же были Клепинин, Свечин, прикащик борисов с сыном Г. Клепинин /зачеркн.: Клепинин/ обещал мне пуд Черносливу.

(Л.27) -. 16 Ч. в дух. правл. отец Иоанн рычков пришел пьяной и с самого приходу меня выругал.

17 ч. был у меня Толстиков, с ним посланы в Шадринск к Петру Венедиктовичу Шпоры да штопор, с ним и с Г. Селяниным был у Клепинина.

Того ж ч. Мавра Степанова Гобова приходила жаловаться на Св. димитрия Горных¹³⁵, что он Ее и дочь Ея ругает всячески, что б его от того удержать.

19 ч. с Германом был у Зотова в верхис. Заводе.

20 ч. в вечеру был у меня Сушин с Капитаном из за Москвы, я ему отдал обратно финифтяную китайскую табакерку, Он хотел за нее чем нибудь наверстать, когда к нему приеду.

22 ч. послано с дьяконом Киселевым¹³⁶ к Якову филиповичу Толстикову За Чай и сахар 25 рублей, Еще За мною осталось 30 рублей, чаю 10 ф. а Сахару пуд, сверх этого взято мною полведра белаго франц. вина. прощены мне от нево.

24 Ч. поутру был у Ив. Филип. поздравлять с днем Ангела, после Заутрени в вечеру был у него на один час.

одинацатой фунт цветошнова.

(Л.27 об.) 25 Ч. служил литургию, после оной был у Аггея Степ. он меня принял грубо, приотходе от него сказал сухо: прощай, кланяйся нашим. Не Знаю, что его Значит, видно на меня насаказано что нибудь. Посмотрим, что будет далее.

Июля 5 Ч. взято у Тер. Резанова полведра вина белова, надобно отослать 5 рублей. посланы июля 20 числа с дьяконом Киселевым.

Июля 7 Числа отправился в Сысерть, оттуда 12 Числа в Куяшь. 14 Ч. Заложена церковь, 16 го приехал домой.

Августа 6 Ч. после обедни был у Аггея Степановича, он обошелся со мною весьма ласково, обещал табакерку подарить мне в 50 рублей, ежели Софья Карловна родит сына. в вечеру у него ж был в лагере на лугу.

16 Числа в вечеру был у Г. Губернатора, он учинил мне от лица Его Пресвященства выговор За медлительное течение дел в правлении.

19 Ч. был у Аггея Степ. в вечеру и тогда же распрощался с Г. Губернатором.

23 Ч. уехали в Пермь дети.

(Л.28) 24 Ч. отправился в Краснопольскую слободу для освящения церкви, домой приехал Сентября 3 числа.

Сентября 12 Числа в вечеру был у Германа и у Аггея Степановича.

13 Ч. был поутру у Граля¹³⁷, которой стоял на Квартире у Г. Прянишникова, у Натальи Алексеевны Колтовской. Она с Сысерти от Анны Алексеевны Зубовой привезла мне агатовую табакерку.

16 Ч. послано Чрез здешнюю питейную кантору в Перм к сыну десять рублей. в Перми получены Сентября 20 Числа.

19 ч. посланы письма к родителю в Ирбит и к сыну в Пермь чрез почту.

того ж числа был в Шарташе и у Г. Голенищева, где и ночевал.

21 ч. в вечеру был у Гжи Горбуновой, у Г. Веселкова, у Г. Сафкова, которой подарил мне Серебр. черневу табакерку.

25 Ч. провожал в вечеру Его Превосх. Ивана филиповича до верхисетск. Завода, оттуда Заезжал к Наталье Алексеевне Колтовской, коя подарила Сер. черневу Табакерку.

(Л.28 об.) 26 ч. в вечеру в доме Якова филип. Толстикова Лев Иванович Г. Росторгуев¹³⁸ вместо табакерки обещал мне рясу. того ж вечера с Петром васильевичем Тобольским питейным поверенным Заказано мною доложить ея высокопречесх. /зачерки. Катерине, над строкой Александре/ Петровне о обещанной т.

28 ч. по утру был у меня берез. Зав. Св. Тимофей Мухин и сказывал, что Его Преосвященство приказал мне доставить к нему описание рудников березовскаго Завода.

Октября 13 ч. получено от Ильи Никол. Лосева Сер. Черн. табакерка малинька в 12 рублей.

14 Ч. Ея превосх. Софье Карл. вручена ея ж Табакерка Сер. кою обещалась приказать поправить, получена обратно.

Ноября 2 Числа хоронили Ив. Ив. Рихтера.

– 9 ч. в вечеру был в верхисетском Заводе у Пермскаго вице – Губернатора Князя волхонскова.

(Л.29) – 14 Ч. в вечеру был у Шефа, получено в тот день известия, что Пермской Г. Губернатор пожалованъ Генерал – Губернатором, Шеф обещал мне табакерку, так же тут же бывший василей васильевич Пасин. от белоносова получено 10 ру За ним осталось 15 ру. кои хотел он представить сего ж Ноября к 24 му Числу.

– 15 ч. Аггея Степ. палил из пушек.

30 Ч. в вечеру был у Гжи Горбуновой, у рабенфельши, у Розсказова, у Шефа и играл в карты с Софьей Карловной. Аггей Степанович сказал /над строкой: Ей/ на шет мой: вот какой дрянью надобно же заняться, кои слова гордости моей были противны. Сего вечера потерялась лошадь и с санками в доме у Шефа.

декабря 1 Числа в вечеру был я у Г. Селянина, оттуда в 10 мь часу были у меня Он Селянин, Толстиков, Поверенной Алапаевской Алексей Мокеичь Махотин, стряпчий их же Степ. Тимоф. Солонинин. Махотину подарил /над строкой: я/ красные Костяные чотки. Сего вечера в 8 мь Часу пришла домой лошадь.

(Л.29 об.) – 2 Числа по утру был у Шефа. Он подарил мне лошадь иноходца шерстью соловую. в вечеру был у Князя волхонскова. Софья К. говорили обо мне, ныне что часто де стал ходить к нам, Ето не даром, видно Что нибудь выманить хочет у Аггея Степановича.

– 9 Числа у Г. розсказова отпевали Супругу Агрипину фадеевну. в вечеру был у Аггея Степановича, Он дал мне строгой выговор За то, что я в церкви послал к нему грошь, которой Он самже велел прислать за подаренную от него лошадь.

– 11 Числа в вечеру Марья дмитревна уехала в Тобольск.

– 16 числа поутру был у Аггея Степановича поздравлять с тезоименитством и в вечеру был у него же.

– 19 Числа в вечеру умер Александр Алексеичь Гордеев.

– 20 Числа тело Ево увезено в Тюбук. в вечеру был у Князя волхонскова.

(Л.30) 22 Ч. в вечеру был у Гжи Горбуновой, у Г. Клепинина, у Елис. Гавриловны.

– 24 Ч. в вечеру был у меня из Краснослободска Иваан Иванович Сампсонов. Он обещался от моего имени моему родителю подарить осетра.

– 28 ч. в березовском Заводе освящал церковь.

(Л.31) 1805 ГОДА

Генваря 2 числа из березовского Завода прислана женка Мавра Иванова веселовская.

5 Числа василий васильевич Пасин подарил мне Серебряную малинькую полосатую с шалнерами табакерку. От Г. Селянина получено фунт чаю

6 Ч. от Софьи Алексеевны Мичуриной прислан фунт чаю.

9 Ч. в вечеру был у Г жи веселковой, где и ужинал. сего же ч. чрез почту посланы письма в Пермь к сыну и в Тобольск к Марье Дмитревне.

11 Ч. в вечеру был у Имянинника Мих. Осип. веселкова, где и ужинал, тутже были Селянин, Зырянов, ворвинской, дяконов, блинов, Ковелин, доктор фелкнер.

(Л.31 об.) 14 ч. в вечеру с Г. Селяниным были у мещан Фед. Алексеича и Ивана Ал. Поповых смотреть калмычек, оттуда у Дм. род. Казанцова. Попов подарил по железнному подносу величины средней с цветками.

15 ч. в вечеру был у полковаго Протоиерея вологодскаго¹³⁹, которой в тот день уехал в Тобольск, оттуда на именинах у Св. Павла и сидел до 8 го Часа.

16 ч. от церкви получено доходу Екатерининскаго и рождественскаго 32 руб. 50 коп. в вечеру был у Книгопродавца, у Князя, у Г. Граматина.

18 ч. в вечеру был у Гжи Горбуновой, у Генеральши Германовой, которая дала /над строкой: мне/ 5 рублей, что сын Ея произведен Офицером и ето вместо привоуду к присяге, от нее был у Г. Городничего Листовскова.

26 Ч. было обрученье у Гжи Горбуновой. Севодни умер Г. Лосев Илья Никоновичь.

(Л.32) 31 ч. умер борис Алексеичь Згибнев.

Февр. 6 ч. послано Чрез почту к сыну 30 рублей

февраля 10 числа со Св. Медяновым¹⁴⁰ при письмах послано в Пермь к Секретарю Мышкину¹⁴¹ две печати Перешертова и Яшмовая и к сыну фунт Чаю и 3 ф. Сахару.

– 22 ч. в вечеру был у меня Алексея венедиктовичь вишневский.

– 23 ч. он уехал в Пермь с ним посланы к детям калачи и Часть зеленова чаю.

Марта /зачеркн.: в Первых, над строкой: 7 Числа/ с Г. Овчинниковым послано в Пермь к детям 10 рублей и к Г. Секретарю печатка сердолика.

– 10 ч умер сын Михайло в Перми.

17 ч. приехала Елена Львовна

– 22 ч. Св. Луке Мамину¹⁴² дано 2 рубли взаимы.

31 Числа Марта получены.

– - бабушка уехала в Пермь.

27 ч. в Лавке у Степ. Гурьян. Рухляева¹⁴³ взято 15 арш. ситцу по 120 коп да за /клякса/ двои перчатки суконны, всего на 20 рублей. отдан /текст оторван/ 20 рублей 15 коп.

Маия 15 Числа.

да еще у Калашникова 9 арш. полуситцу по 1 р. /текст оторван/

Еще у него ж взято 7 арш. С лишком Ситца

отданы маия 23 Числа сыну Григорию

(Л.32 об.) – /зачеркн.: 29 ч., над строкой: 30/ приехала из Тобольска Марья Дмитревна. Того ж числа приехал из Перми отец Архимандрит Парфений.

31 ч. уехал в верхотурье в 3 мь Часу по полудни.

Апреля 9 ч. подар. от Кат. Яковл. бум. таб. на крышке собачка.

Апреля 10 Числа послано в Пермь при письме к игумену Гавриилу 5 рублей на книгу: путешествие по венгрии, Австрии и Италии.

АПР. 16 Ч. в вечеру был у Г. Авдеевскова, у Городничева, у Гр. Ив. Серебренникова, стряпчева Суксунскова.

– 19 ч. отдан Самовар Зеленой меди Суксунскому Стряпчему Серебренникову /зачеркн.: для/ на промен другова.

Маия в первых числах получено /над строкой: от церкви/ Христовского доходу 40 рублей.

– 12 ч. в вечеру был у Адольфа Андреевича Ахте¹⁴⁴, Он подарил мне Табакерку старинну Серебрену с шалнерами, на крышке кунштики весьма истерты от времени.

(Л.33) – 16 ч. взято у Г. Толстикова 10 фунтов черного чаю.

Июня 1 Числа пришел жить прокопей белоносов, дано ему три рубли.

– 6 Числа был у Италианцов, тут купил мне табакерку Сава Ивановичь На-сонов¹⁴⁵ в /зачеркн.: 5, над строкой: 7/ рублей, Иван Семенович Г. Лямин в 6 рублей, я свой 6 й додал рубль, а он хотел Заплатить только 5 рублей.

– 7 Числа купил у Италианцов Шаль За 5 рублей.

– 8 Числа купил мне дворянск. Засед. Яков Степан. Лызлов бумажну чорну с дорожками высокоу Табакерку За 5 рублей.

– 9 ч. купил мне Аггей Степан. Янтарную табакерку За 15 рублей, а Sazerd. Alex. et Antonio¹⁴⁶ табак. Черепахова в 6 рублей.

– 10 ч. купил мне Майор Иван Иван Граматин круглинку краснирку Черепахову табакерку в 5 рублей.

(Л.33 об.) Того ж ч. был в берез. Заводе у Ивана Леонтьевича Г. Тютюева, где и ночевал. Он подарил мне Серебряную средней величины табакерку с вензловым его именем.

11 Ч. вес день пробыл в Шарташской деревне у Его Превосх. Аггея Степановича. Г. Подполковник Голенищев подарил мне Серебрену со снопиком на крышке табакерку.

– 12. от Фед. Иван. Гайдукова получена сургучова красная с пятнышками в 4 рубл. табакерка.

– 13 ч. в вечеру в 8 мь часу ямшик ехавши с двумя татарами гнал крепко и стоптал до смерти дочь 4 х летнюю Марьи дмитревны.

– того ж ч. в Перми умерла дарья Михайловна.

– 27 ч. подарена Князем Мышецким табакерка Чорная с изображениями: весна, лето, Осень, Зима.

Июля 3 Числа Яковом Прокопьевичем Кондеевым подарена табакерка сургучова, На Крышке старой арап.

(Л.34) – 6 ч. был в Лагере у Александра К. Модераха. Он обещал мне при Г. Карсакове Золотую Табакерку подарить, Ежели возмет жену по сердцу.

– 9 ч. был у Г. Толстикова, Тутже был и Лев Ив. Росторгуев и Тюм. Крестьянин Иван Афанасьев. Самохвалов. Из него выбивал Лев Ив. для меня 5 р. потом рубль, однако же не мог, на конец на шот ево подарил мне Сер. руб.

– 10 ч. Г. Толстик. дано 61 ру: на поупку полотна и кисей

– 14 ч. *postce vidi in Somno, patrem meum mor tuum esse*¹⁴⁷

Августа 18 Ч. получено от церкви доходу 26 рублей.

– 21 ч. был у Платонова, где были Чистяков и Лекарша ворвинскова, по отезде Ея говорил я, что мало севодня с нею точил балы, чтобы не Завраться и не сказать что лишнее, на что Чистяков сказал мне: да, вы здесь по этой части славитесь. Ето надобно мне взять на Замечание.

– 23 ч. поутру в 12 мь часу хотел Зайти к Александру Карловичу и не дошел еще до ворот, как вышел мне навстречу посланной от Софьи Карл. Чтob я не трудился. Ибо де не Здоров Алекс. Карл.

(Л.34 об.) – 24 ч. дано Устинье 3 рубли займы под Заклад шугая и плата Кисейнова.

– 25 ч. уехал сын в Пермь.

Сент. 4 ч. дано отцу Прокопья 3 рубли.

– 7 ч. после всенощной был у Шефа. Он изломал у моей бумажной табакерки подаренной от Аник. Серг. Ярцова крышку. Я на ето розворчался. Софья К. сказала: я не люблю тех, кои За всякую безделицу хватаются обеими руками. Что делать? Принуждено молчать. Ети ея слова мне и в протчих случаях наблюдать должно.

– 19 ч. ночью приснилось мне, что Ал. К. М. умер, о чем я весьма тужил. много раз пробуждался и опять все тоже грезилося.

– 28 ч. в вечеру сидел у Аггея Ст. где и ужинал, За ужином он говорил: Теперь я с попами Никакова не хочу иметь дела. Этот род честолюбивой и жадной и все к себе только присвоить хочет.

(Л.35) Октября 11 Числа получено от церкви доходу 20 рублей.

Ноября 5 ч. -----

в декабре получено от церкви доходу 30 рублей.

– 28 ч. поутру был у меня Максим вас. Уткин, ему подарены мною книги: 1 я проповеди Миниятия 1 часть, / над строкой: 2 я / Феофановы 1 часть, 3 я Картина Европы¹⁴⁸.

1806 года Генв. 17 ч. от церкви доходу 30 руб.

– февр. 27 ч. поутру был у Аггея Степ.

Марта 13 Числа от церкви доходу 16 рублей

Апреля 26 ч. от церкви доходу – 40 рублей. в вечеру был у Шефа, у него праздновалось рождение сына Павла Агеевича.

Мая 28 ч. Г. Подполковник Александр Николаич подарил мне Костяную табакерку, на крышке картинка За стеклом.

Июня 1 ч. Онисим Трофимович Лебедев подарил мне табакерку пальмовук.

(Л.35 об.) Июня 6 Ч. подарил Г. Генерал – Аншеф Иван Осипович Ксенофонтов пумповую табакерку, на крышке пуговики медны лужоны.

– 19 Ч. уехал домой мой родитель.

– 21 ч. поутру был у Аггея Степ. он просил дело оставить о Св. Могильникове, а чтоб только Ево пожурить: в вечеру был у него в Заимке.

23 ч. поутру был у Агрип. Павл. и Агрип. Федор. Горб.

– 24 Ч. после обедни был у Елис. Гавр. Германовой, оттуда у Шефа, севодни прислал василей Никитичь / над строкой: Ламаев / Пальмовую табакерку.

– 25 ч. получено от церкви доходу 20 рублей.

Июля 11 ч. Преосвященной¹⁴⁹ в вечеру Прибыл в верхисетск. Завод.

12 ч. прибыл в Город и служил в богоявленской церкви. 14 ч. служил в кладбищенской, 15 ч. в Полковой церквах 16 ч. в берез. Заводе.

– 17 ч. уехал в верхотурье после обеда.

– 25 ч. в вечеру с Г. Селяниным был у Миасского управителя Кузмы Ивановича Ильиных. Он подарил мне черепах. табак. с шалнерами.

(Л.36) – 26 ч. от / над строкой: купца / Лазарева Яшмовая темная Четверугольная в Серебряной оправе табакерка.

Августа 3 ч. поутру был я у вас. дан. Прянишникова. Он от Обер. берг – Мейстера Аверкия Сергеича Яропольскова по мне подаренную отдал серебряную овальную / / над строкой: с / полосками табакерку, от себя вас. дан. подарил мне 10 рубл. ассигнацию. Тогож числа в вечеру подарила Елизавета Гавр. Германова раковинну табакерку, на ней крышка серебряная черневая устюжской работы, еще Ник. Род. Мамышев¹⁵⁰ Каменск. Зав. управитель бумажную Черную подержаную табакерку, на крышке медна бляшка.

Авг. 20 Ч. от Кат. Алекс. Кокошкиной получена черная составная табакерка наподобие Черепаховой.

– 23 ч. отправился сын в Пермь. тогож Ч. был у Елис. Гавр. и у Г. Росторгуева, (Л.36 об.) тут же был Г. Рябухин¹⁵¹ и пр. Ну досталось мне За шутки. Ряб. напал на меня и бранился весь вечер За то только, что я сказал: вы люди богаты, вы люди Чиновны, то станете ли ездить ко мне в гости, хотя я у вас много раз бывал. Эти проклятыя шутки дорого мне стоят. Не пора ли / зачеркн.:запереться, над строкой: сидеть / дома и молчать.

29 ч. прибыл в город Преосв. в вечеру.

31 ч. уехал отсель Преосвященной.

Сент. 6 Ч. дано Тимофею 150 коп.

– 11 ч. от Г. Подполковника Николая Васильевича Алесова получена сургучовая табакерка темного цвету, у ней на крышке французски слова: *Son, avec* 152.

Окт 9 ч. получена от Як. Прокоп. Кондеева каменная яшмовая темного цвету табакерка.

– 11 ч. от церкви доходу получено 30 рублей.

14 ч. после обедни был у Шефа. /de- ? / *thosa dixit mihi: tibi ea diu expetanda*¹⁵³.

(Л.37) 23 ч. с сестрой о нарядах побранились. Она сказала: я имею двух сестер, /зачеркн.: брат один у меня был, над строкой: у меня был один брат / да умер. вот наряды, вот женщины!

Ноября 14 ч. в вечеру был у Г. доктора. Он подарил яшмовую овальную /над строкой: местами / прозрачную табакерку.

декабря 4 ч. Николай Никитич Г. демидов¹⁵⁴ подарил мне табакерку из лавы Зделанную в золотой оправе, на крышке изображены два голубя мозаическим искусством.

– 11 Ч. От церкви доходу 40 рублей.

1807 Года Генваря 14 ч. От церкви 25 руб.

(Л.38) 12 го поутру по зву Г. Коренева приводил к присяге унтер-офицера Казачьего, днем был дома, в вечеру у Коренева, у него сидели в саду.

13 го поутру был у Агте и в школе, днем дома, в вечеру у Сюдюкова, с ним вместе прохаживались и были у Ал. А. Фелкнера.

14 го весь день был дома.

15 го поутру и днем был дома, в вечеру у Г. Яковлева¹⁵⁵, там и ужинал.

16 го поутру и днем был дома, в вечеру у Аптекаря, у Кузнецовой, у Коренева.

17 го поутру и днем был дома, в вечеру у Сопегина и годящо насуслился.

18 го весь день был дома.

19 го поутру и днем был дома, в вечеру у Сюдюкова, с ним вместе были у Г. Яковлева.

20 го поутру был в школе, днем дома, в вечеру у абр. дем. Мануйлова¹⁵⁶ и у Мунта¹⁵⁷.

21 го поутру и днем был дома, в вечеру у всянощной.

22 го Служил Литургию, после оной пил Чай у Гвоздева, после вечерни был у Коренева до 10 го часу.

(Л.38 об.) 23 го служил обедню, хотя и обещался Св. Иоанн¹⁵⁸, после оной со Св. Ионей были у Булгакова и пили чай, днем дома, в вечеру у всенощной.

24 го Служил обедню, после оной был у Колобова¹⁵⁹, у Мунта, у Г. Яковлева в верхис З. на проводинах Его супруги, коя в 7 мь часов вечера отправилась. После обеда откланявшись ушли к Зотову в сад и потом опять пришли все вместе к Алексею Иван. Он увидев нас сказал: еще велел бог видеться с отц. Прот. и с дм. Алексеичем. ужина не дожидаясь уехали домой. Ибо по отъезде Алекс. Ив. Замолчал и ни с кем ни слова.

25 го весь день был дома. Севодни по моей прозбе служил За меня Св. Иона, в вечеру отправлял всенощну, после оной был у Коренева не на долго и сидели в саду.

26 го служил позднюю обедню, после оной был у ворвинскова, в вечеру отправлял всенощну, Заходил к Кореневу в сад

27 го служил позднюю обедню, Заходил к Кореневу не на долго, дн. и в веч. был дома.

(Л.39) 28 го весь день был дома.

29 го поутру и днем был дома, в вечеру в верхис. З. у Г. Яковлева, там Застал Порецкова одного.

30 го поутру и днем /зачеркн.: был, над строкой: был в Канторе и у Зеленцова / дома, в вечеру у Сюдюкова не на долго. Ибо он поехал с Герас. Кирил. в верхис. Завод. К присяге приводил Мих. Ал. Зеленцова¹⁶⁰.

Июля

1 го поутру и днем был дома, в вечеру у Сюдюкова до 10 го Часу.

2 го поутру и днем был дома, в вечеру у Коренева не на долго.

3 го весь день был дома. Ибо принимал слабительное, а /над строкой: в/
понед. вторн. и среду порошки от глистов.

4 го поутру и днем был дома, в вечеру у Сюдюкова не на долго. Ибо ему не досужно. с Пальшау Заходили к Клепинину, но не застали дома, были у Марьи Ив. но она обшлась очень сухо, потом прохаживались в саду.

5 го поутру и днем был дома, в вечеру у Аптекаря, Гвоздева, Мунта, у него высмотрел Заводчика Петра Андреича Глазова¹⁶¹.

6 го в 2 мь Часу по полудни с Сюдюковым поехали в верхис. З. к Яковлеву, там обедали и ужинали, в 12 мь Часу ночи возвратились.

7 го поутру и днем был дома, в вечеру у Гвоздева, Коренева, Сюдюкова, у него и ужинали.

8 го поутру и днем был дома, в вечеру у Коренева, там и ужинал.

9 го весь день был дома.

10 го поутру и днем был дома, в вечеру пошел прогуляться, на крыльце, просидел у Алексея И. булгакова слушая Его балы.

11 го весь день был дома.

12 го поутру и днем был дома, в вечеру отправлял всеношну, после Заходил к Кореневу не на долго. Тут напал на меня Порецкой и гогорил, Что я всех описываю, всех пересмеиваю, еще зачем мне сулят сер. рубли, ежели Наполеон убит. Ему и чужова жаль.

13 го Служил Литургию, после оной был у Томилова¹⁶², с Сюдюковым обедали и ужинали у Яковлева.

14 го поутру и днем был дома, после вечерни у Коренева не на долго.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селянин Михаил Иванович – берггешворен, горный и заводской межевщик Екатеринбургского завода.
2. Толстиков Яков Филиппович – екатеринбургский купец 2-й, затем 1-й гильдии, бургомистр магистрата (1797-1799), городской голова (1806-1810), владелец салотопенного и кирпичного заводов, основатель первого единоверческого прихода (1803), Спасской единоверческой церкви в г. Екатеринбурге.
3. Кумов Савва Тарасович – екатеринбургский купец 2-й гильдии, старообрядец, владелец салотопенного завода.
4. Известны три екатеринбургских купца Казанцевых: Иван и Кирилл Родионовичи – купцы 2-й гильдии, Дмитрий Родионович – купец 3-й гильдии, в 1800-1802 гг. – городской голова Екатеринбургa.
5. Зритель мира и деяний человеческих. Перевел с англ. Лука Сичкарев. СПб., 1784.
6. Боуер Яков Васильевич – генерал-лейтенант, шеф Екатеринбургского мушкетерского полка.
7. Цветы блестящих поэтов.

8. Одно из изданий сочинения: Hofmann J.J. Lexicon universale historico-geographico-chronologico-poetico-philologicum ...
9. Линемап Карл Иванович – генерал-лейтенант, комендант Екатеринбурга.
10. Ширяев Александр Сергеевич – вероятно, родственник Ширяева Сергея Алексеевича, владельца Нижне- и Верхнешайтанских заводов.
11. Ярцов Аникита Сергеевич – действительный статский советник, главный начальник Екатеринбургских заводов и кавалер.
12. Логинов Федор Яковлевич – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
13. Фелкнер Август Федорович – надворный советник, екатеринбургский заводской и уездный (до июля 1798 г.) доктор.
14. Вероятно, Порецков Дмитрий Алексеевич – титулярный советник.
15. Голенищев Александр Дмитриевич – майор, или Голенищев Иван Иванович – купец.
16. Забавная игра умов, содержащая в себе пространное с отрицательными и утвердительными доводами исследование о философии, медицине и оратории ... Ч. 1-2. М., 1791-1792.
17. Весна прекрасной девицы. Ч. 1-2. [М.], 1790.
18. Резановы: Меркурий Стефанов (Степанов), Терентий Меркурьич, Петр, Терентий, Яким (Иоаким) Терентьевичи – екатеринбургские купцы 2-й гильдии, с 1801 г. – 1-й, старообрядцы, Меркурий – первый городской голова Екатеринбурга в 1782-1790 и 1795 гг. Петр в 1805 г. выбыл в камышловское купечество.
19. Бюжоз П.Ж. История насекомых, вредных для человека, для скота, для хлебопашества и садоводства; с присовокуплением тех средств, которыми можно их истреблять, или предохранять себя от оных; также пособлять тому злу, которое могут они причинить. Перевод с фр. М., 1794.
20. Исаков Алексей Семенович – губернский секретарь.
21. Жизнь некоторых благородных особ, нещастием гонимых. Переведенная с аглинского на немецкий, а с немецкого на российский язык н... с... П...А... [Павлом Алединским]. СПб., 1785.
22. Ра/о/зсказов Николай Евдокимович – коллежский асессор.
23. Пюисежур Ж.Ф.М. де Шастене де. История госпожи де Беллериф, содержащая в себе точное изъяснение, что есть любовь и дружество; посвященная прекрасному полу. Сочинена кавалером Д... Перевод с фр. М., 1793.
24. Известны Щепегилниковы Иван Гаврилович, Климентий и Василий Ивановичи – екатеринбургские купцы 3-й гильдии.
25. Маркловской Александр Осипович – полковник, впоследствии генерал-поручик, генерал-майор, кавалер.
26. Ко/а/велин Иван – екатеринбургский купец 2-й гильдии.
27. Крестинин В.В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого, от 1693 года по 1719 год // Исторический и географический месячник на 1795 год. СПб., [1794].
28. Юнг Э. Юнговы сатиры, или Любовь к славе всеобщая страсть. С аглинского вольно переведенная г. Бертяном. С французского перевел Александр Татаринов. СПб., 1792.
29. На пользу труд, или избрание важных мест, из некоторого знаменитого иностранного сочинения. Переложил на российский язык граф [Сергей] [Салтыков]. [М.]. 1792.
30. Рихтер Иван Иванович – унтершихтмейстер, пробирийный мастер екатеринбургской лаборатории.
31. Селянин Василий Александрович – заседатель екатеринбургского суда или Селянин М.И. (см. ссылку 1)
32. Зотов Григорий Федотович – главный управляющий Верх-Исетского завода.
33. Резановы Сидор Прокопьевич – отставной мастеровой, Иван Сидорович – землемер.
34. Маев Василий Яковлевич – подпоручик Екатеринбургской монетной инвалидной пехотной роты.
35. Коцебу А.Ф.Ф. Жизнь моего отца, или как случилось, что я родился. Повесть в одиннадцати главах, представляющая в весьма приятном, забавном и привлекательном виде различные непредвидимые случаи, встречающиеся человеку в жизни... М., 1798; Руссо Ж.Ж. Исповедание Жан Жака Руссо, урожденца и гражданина женева. Перевел с французского языка Дмитрий Болтин. Ч. 1-2. М., 1797; Публия Овидия Назона Избраннейшия печальныя elegии. Преложены прозоу в Твери Фдрм Клкльм [Федором Колоколовым]. Смоленск, 1796.
36. Граматчиковы: Петр, Яков, Александр Федоровичи.
37. Корин Михаил Пахомович – надворный советник.
38. Макаров Василий – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
39. Вальмон дю Бомар Ж.К. Физиология или Естественная история о человеке ... трудами и иждивением Нестора Максимовича Амбодика медицины доктора и профессора впервые напечатанная. Во граде св. Петра, 1787.
40. Мейснер А.Г. Мейснеровы повести и разговоры. Перевел с немецкого Григорий Яценко. Ч. 1-2. М., 1796.
41. Книгге А.Ф.Ф.Л. де. Немецкий Жилбаз или Приключения Петра Клаудия. Перевел с французского Николай Илин. Ч. 1-3. М., 1795-1797.

42. Лемер А. Новой Жилблаз или Приключения Генриха Лансона, сочиненный г. Мером в Нанси. Перевел с французского Ф. Печерин. Ч. 1-4. М., 1794.
43. Гете И.В. Страсти молодого Вертера. Переведена с немецкого [Ф. Галченковым]. Одно из трех изданий: Ч. 1-2. СПб., 1781; Ч. 1-2. СПб., 1794 или СПб., 1796.
44. П. Виргилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги ... СПб., 1777.
45. Агриппа Г.К. Разсуждение о монашеской жизни. Перевод с лат. [Д.М. Максимовича]. М., 1783 или М., 1787; Сенека Л.А. Дух Сенеки, или Изрядныя нравоучительныя разсуждения сего великаго философа. Перевел Владимир Золотницкой. М., 1765.
46. Беседы Эразма.
47. Волтер Ф.М.А. де. Гурон или Простодушный, справедливая повесть из сочинений г. Волтера. [Перевел Н.Е. Левицкий]. СПб., 1789.
48. Маршан Ж.А. Политическое завещание г. Волтера. Переведено с французского и издано Иваном Рахманиновым. СПб., 1785.
49. Аниция Манлия Торквата Северина Боеция Утешение философское. Переведено с латинского языка ... иеромонахом Феофилактом [Русановым]. СПб., 794.
50. Возможно, Безпалов Василий – обергиттенфервальтер канцелярии Главного заводов правления.
51. Попов Алексей и Блохин Иванов – причетники екатеринбургской Сочествиевской церкви.
52. Крок Карл – доктор заводов екатеринбургского ведомства.
53. Славитской Афонасий Михайлович – унтершхтмейстер пермской казенной палаты экспедиции горных дел.
54. Шенкен Ф. История о философии ... СПб., 1778 или Фридриха Генкения политики и физики профессора, История философическая, или О философии... СПб., 1781.
55. Тассо Т. Освобожденный Иерусалим, ироническая поэма, итальянскаго стихотворца Тасса, переведена с французскаго Михаилом Поповым. Ч. 1-2. СПб., 1772 или М., 1787.
56. Циммерман И.Г. О уединении ... СПб., 1791 или 1796.
57. Из сочинений г. Волтера смесь содержащая статьи философические, нравоучительныя, аллегорическия и критическия. Переведена с французскаго [Н.Е. Левицким]. Ч. 1-2. СПб., 1788-1789.
58. Вероятно, Переберин Максим – священник.
59. Разговоры между мертвыми, выбранные из Лукиана Самосатскаго и с латинскаго языка переведенные. [М.] 1773 или 1787.
60. Зульшер И.Г. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение с немецкаго на российскоу язык переведенное Дмитрием Семеновым. СПб., 1774 или М., 1787.
61. Собрание лучших сочинений к распространению знания и произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. Ч. 1-4. [М.], 1762 или 1787.
62. Зыряновы Петр Данилович, Василий Петрович – екатеринбургские купцы 3-й гильдии, в нач. XIX в., возможно, перешли в мещанство.
63. Возможно, Грубер Андрей – маркшейдер.
64. Возможно, Савков И.К. – коллежский советник, член екатеринбургской монетной экспедиции.
65. Ла/о/маев Василий Никитич – шхтмейстер, маркшейдер екатеринбургских горных заводов.
66. Вероятно, Иконников – помощник управителя Серебрянскаго завода.
67. Иоанн /Максимович/. Духовныя мысли, или Разсуждения о спасительном пути ... М., 1782.
68. Селминский Алексей Иванов – пономарь екатеринбургскаго Екатерининскаго собора.
69. Турчанинова Филанцета Степановна – владелица Сысертских заводов.
70. Сире П.Л. Человек с латынью или судьба ученых людей ... с французскаго... М., 1782.
71. Нугаре П.Ж.Б. Картина глупостей нынешняго века, или страстей различнаго возраста ... М., 1782.
72. Достопамятныя сказанія и деянія изъявляющія свойство Фридриха Втораго короля прусскаго ... Ч. 1-12. СПб., 1786-1793 или Ч. 1-8. СПб., 1789-1794 или Ч. 1. СПб., 1786.
73. Мелкия повести о добром брамине, двух утешенных, о Заиде и Магомете, из сочинений г. Волтера. М., 1783.
74. Разсуждение о начале и основани неравенства между людьми, сочиненное г. Ж.Ж. Руссо. [М.], 1770 или 1782.
75. Сушин Иван Степанович – поручик.
76. Патрушев Иван Козьмич – возможно, бергмейстер, специалист по художественной обработке камней.
77. Грамо/а/тчиков Федор Ларионович – маркшейдер, коллежский советник.
78. Херасков М.М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. Ч. 1-3. М., 1794.
79. Певцов Аггей Степанович – генерал-майор, шеф Екатеринбургскаго мушкетерскаго полка.
80. Чирьев Григорий Иванович – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
81. Чтение для вкуса, разума и чувствований. Ч. 1-12. М., 1791-1793.
82. Буров Андрей Павлович – священник Михайло-Архангельской церкви на Ревдинскаго заводе.

83. Модерах Карл Федорович – действительный статский советник, пермский губернатор.
84. Протасов Иван Васильевич – врач Красноуфимского уезда.
85. Голубцов Иван Алексеевич – тайный советник и кавалер, владеец Александровского завода.
86. Жмаев Иван Романович – возможно, пермский архитектор.
87. Известны Лазаревы: Прокопий, Василий и Гаврила Прокопьевичи – екатеринбургские купцы 3-й гильдии.
88. Алексеев Иаков Семенов – священник Троицкой церкви в Арамилской слободе.
89. Мышецкий Иван Семенович – майор, князь.
90. Алесов Николай Васильевич – капитан, затем подполковник.
91. Вероятно, Романов Герасим Сергеевич – подполковник, Юшаков Иван Герасимович – майор Екатеринбургской монетной инвалидной пехотной роты.
92. Комаров Гаврила Васильевич – титулярный советник, член Екатеринбургской монетной конторы.
93. Згибнев Борис Алексеевич – берггешворен, командир Березовских золотых промыслов.
94. Возможно, Чаплин – секретарь Екатеринбургского горного начальства.
95. Видимо, Егоровы: Егор Степанович – екатеринбургский купец 2-й гильдии, старообрядец, городской голова (1794 - начало 1795); Аким, Степан Егоровичи – после смерти отца к 1807 обанкротились.
96. Врач души, или Лекарство душевное как здоровым, так и больным, в день смерти, в сие последнее и опаснейшее время, самое нужнейшее и весьма полезное. Перевел с латинского Я[ков] Благодарев]. М., 1786.
97. Вероятно, Белошитский Максим Самойлович – екатеринбургский уездный штаб-лекарь, коллежский ассессор.
98. Нелидов Илья Александрович – капитан Екатеринбургской монетной инвалидной пехотной роты.
99. Фелкнер Яков Алексеевич – екатеринбургский купец.
100. Тютюев Иван Леотьевич – гиттенфелвалтер, управитель Березовских золотых промыслов.
101. Вероятно, Вологодский Николай – священнослужитель Богоявленской церкви в г. Екатеринбург.
102. Вероятно, Киселев Андрей Афонасьев – диакон Вознесенской церкви в г. Екатеринбург.
103. Жена Певцова А.С., урожденная Модерах.
104. Жена Германа Ивана Филипповича – статского советника, берггауптмана, академика, члена Берг-Коллегии, Главного начальника Екатеринбургского горного начальства и Монетной экспедиции.
105. Иртышь, превращающийся в Ипокрену, ежемесячное сочинение, издаваемое от Тобольского главного народного училища, 1789-1791 года, Тобольск, 1789-1791.
106. Вероятно, Сильвестров Иоанн Стефанов – священник Екатеринбургского собора, или Попов Иоанн Антонов, священник Богоявленской церкви в г. Екатеринбург.
107. Кушпелев Иона Артемьевич – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
108. Он обещал (возможно) двадцать.
109. Был подле меня Вас, Селянин и сидел до 9 часа.
110. и ничего от него приемлемого, разве только одни обещания.
111. Золотавин Павел Петрович – священник Богоявленской церкви в г. Екатеринбург, присутствующий член духовного правления.
112. Турчанинов Петр Алексеевич – владеец Сысертских заводов.
113. Авраамов Николай Федорович – возможно, командир Камских казенных заводов.
114. которого не было дома.
115. когда его жена меня увидела, она мне сказала, (что он находится здесь, кои слова были мне очень приятны. И когда позже он вернулся?), играл со мной в карточные игры, с этого времени во время своих визитов, ..., для тебя много есть домов, где тебя принимают с радостью.
116. Лосев Илья Николаевич – возможно, советник Канцелярии главного заводов правления в Екатеринбург.
117. Калашников Семен Захарович – екатеринбургский купец 3-й гильдии, старообрядец, городской голова Екатеринбурга в 1803-1805 гг.
118. Вероятно, Модерах Александр Карлович – сын пермского губернатора.
119. Зеленцов Алексей Васильевич – коллежский ассессор, владеец полотняной фабрики в Невьянской слободе.
120. Могильников Яков Дмитриевич – благочинный и священник Николаевской церкви Уктусского завода.
121. Вероятно, Собакин Лев Федорович – надворный советник, механик при горном правлении в Екатеринбург.
122. Лексикон латинской Геснерова Этимологического лексикона на российский язык переведенной ... [М], 1767 или 1780 или 1796-1798.
123. До того Его Превосх. Johan. Philippides (Иван Филиппович?).
124. Ворвинской – штаб-лекарь в екатеринбургском госпитале.
125. Подокосеновы Иван Никитич – управитель Уктусского завода или Егор Иванович – унтершхтмейстер Екатеринбургского завода.

126. Листовский Андрей Степанович – екатеринбургский городничий.
127. Прянишников Василий Данилович – коллежский советник.
128. Флоровский Александр Михайлович – священник Сошествиевской церкви г. Екатеринбурга.
129. Рычков Иоанн – вероятно, священник Вознесенской церкви в г. Екатеринбурге.
130. Латинский лексикон с российским переводом, из лучших латинских писателей собранный ... Фомою Розановым. М., [Унив. тип., у. Ридигера и Клаудия], 1797.
131. Архимандрит Троицкого монастыря в г. Тюмени.
132. Шубников Л.И. – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
133. Алексеев Михаил Иванович – пономарь Вознесенской церкви г. Екатеринбурга.
134. Палкин Михаил Федорович – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
135. Горных Дмитрий Гаврилович – священник Архангельской церкви с. Бобровского.
136. Киселев Андрей Афанасьевич – дьякон Вознесенской церкви г. Екатеринбурга.
137. Известны: Граль Федор Христофорович – доктор медицинской хирургии, Иоанн Федорович – кунстмашинный мастер Березовских заводов, Федор Иванович – унтершихтмейстер Березовского завода, Карл Иванович – механик Екатеринбургских золотых промыслов.
138. Росторгуев Лев Иванович – волжский купец 1-й гильдии, винный откупщик.
139. Вологодский Николай – полковой протоиерей.
140. Медянов Василий Андреевич – священник Успенской церкви Березовского завода.
141. Мышкин – секретарь Пермской духовной консистории.
142. Мамин Лука Григорьевич – священник Николаевской церкви Белоярской слободы.
143. Рухляев /Юхляев/ Степан Гурьянович – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
144. Ахте /Агте/ Адольф Андреевич – обербергпробирер Екатеринбургского горного начальства.
145. Насонов Сава Иванович – екатеринбургский купец 3-й гильдии.
146. священники Алекс и Антоний.
147. Ночью я видел во сне, будто бы мой отец умер.
148. Илия Минятей Кефолонитянин. Собрание поучительных слов ... Перевод с греческого языка ... М., 1787; Картина Европы или Описание всех ея государств ... с французского. СПб., /1789/; "Проповеди Феофановы" – вероятно, одно из изданий сочинений Феофана Прокоповича.
149. Епископ Пермский и Екатеринбургский Иустин.
150. Мамышев Николай Родионович – берггешворен.
151. Рябухин Лев Герасимович – заседатель уездного суда.
152. его, с (франц.)
153. Он сказал мне о (thosa?), она должна тебя долго ждать.
154. Демидов Николай Никитич – действительный тайный советник, камергер, владелец Нижнетагильских заводов.
155. Яковлев Алексей Иванович – владелец Верх-Исетского завода.
156. Мануйлов Аврам Дементьевич – шихтмейстер, смотритель Березовского завода.
157. Мунд /Мунт/ Николай Иванович – берггешворен, миццмейстер монетного двора.
158. Сильвестров Иоанн Степанов – священник екатеринбургского Екатерининского собора или Попов Иоанн Антонов – священник Богоявленской церкви.
159. Известны: Колобов Иван – унтер-офицер Екатеринбургской горной штабной команды и Колобов Марк – унтершихтмейстер Березовских заводов.
160. Вероятно, сын заводчика А.В. Зеленцова.
161. Глазов Петр Андреевич – владелец Богословского медеплавильного завода, отставной коллежский ассессор.
162. Возможно, Томилов Павел Егорович – берг-инспектор Пермского горного правления.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ МАСС В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

(По материалам устного народного творчества на Урале)

История советской эпохи широко отражена в устном народном творчестве: поговорах, поговорках, частушках, анекдотах. Если поговорки и поговорки при- суши как городскому, так и сельскому фольклору, то анекдоты в основном при- надлежат горожанам, а частушки – сельчанам. Возникая, как правило, по свежим следам событий, анекдоты и частушки порой удивительно метко, остроумно и образно схватывают суть исторических событий, явлений и фактов, дают им исходящую из уст самого народа непреходящую оценку.

Сказал свое веское слово народ и о событиях конца 20-х – начала 30-х гг., связанных прежде всего с отказом от нэпа, переходом к административно-команд- ным методам управления всеми сферами жизни страны, утверждением диктатуры Сталина, индустриализацией и коллективизацией.

По инициативе Сталина индустриализация и коллективизация проводились жестко и стремительно, как военные акции. В июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) Сталин заявил, что "люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов"¹. Так что выступать против высоких темпов индустриализации, как и коллективизации, было опасно. Именно с этим связано выражение "Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие".

Индустриализация и коллективизация крайне тяжело сказались на положении масс. Рабочим и крестьянам пришлось потуже затянуть свои пояса. В 1928–1929 гг. была введена карточная система снабжения продовольствием. Резко сузилась сфера государственной торговли. В 1930 г. Наркомат внешней и внутренней торговли СССР, во главе которого стоял хитрый и ловкий политик А.И.Микоян, был преобразован в Наркомат снабжения СССР, который, как явствует из его названия, в основном занимался уже не торговлей, а снабжением городского и сельского населения продовольственными и промышленными товарами. Это снабжение было весьма скудным. Тогда-то, как пишет Р.Медведев, и родилась в народе невеселая шутка: "Нет мяса, нет масла, нет молока, нет муки, нет мыла, но зато есть Микоян"².

В связи с введением карточной системы в Курганском районе появилась частушка³:

Нет ни хлеба, керосину –
Одни лампочки горят.
При коммуне большевистской
Одни карточки едят.

Развернувшаяся осенью 1929 г. под нажимом сверху сплошная коллективизация не была подкреплена материальными ресурсами, отсутствовала и психоло- гическая готовность крестьян порвать со своим единоличным хозяйством и вступи- ть в колхозы. Уполномоченный Колхозцентра некто Касаткин, принимавший участие в обследовании колхозного строительства в Мехонском районе (Шадрин- ский округ) писал: "При вступлении в колхоз крестьяне денька три, а иногда и

недельку "гуляют" и поют "Последний нынешний денечек...". Этот посланец Колхозцентра далее справедливо добавляет: "Крепкие узы вяжут крестьянина с прошлым и расстаться с ним ох как трудно!"⁴. Надо отметить, что то же самое наблюдалось и при массовом выходе крестьян из колхозов после публикации статьи Сталина в марте 1930 г. "Головокружение от успехов", в которой осуждались "перегибы" при коллективизации. Так, в д. Жуково Куртамышского района (Курганский округ), по воспоминаниям очевидцев, крестьяне после выхода из колхоза "Сигнал" "гуляли". Вскоре появилась частушка, в которой говорилось: "Вышли из колхоза, закололи мерина. Всю неделю мясо ели, вспоминали Ленина". "Вспоминали Ленина", видимо, связано с тем, что в сознании крестьян Ленин остался как приверженец добровольности при кооперировании крестьянских хозяйств.

Осудив перегибы в коллективизации, сталинское руководство отнюдь не собиралось отказываться от претворения в жизнь лозунга сплошной коллективизации, не считаясь с мнением самого крестьянства. Осенью 1930 г. вновь усиливается нажим на них. К концу первой пятилетки в большинстве районов страны, в том числе и на Урале, коллективизация в основном была завершена – в колхозах состояло 61,5% крестьянских хозяйств. В результате коллективизации положение крестьян не стало лучше, а наоборот, даже ухудшилось. Это зафиксировано во многих деревенских частушках. Так, в Белоярском районе, как говорится в одном из архивных документов (январь 1931 г.), распространены были такие частушки⁵:

Коммунары, коммунары,
На троих одни штаны:
Один носит, другой просит.
Третий в очередь стоит.

Пугин сидит на окошке,
Мажет масло языком,
Ходит в хромовых сапожках,
Коммунары – босиком.

Как пишет историк М. А. Вилцан, "антиколхозные настроения крестьян сильно подпитывала система распределения, при которой почти вся сельскохозяйственная продукция уходила государству"⁶.

Значительный интерес представляет докладная записка секретаря Висимского райкома ВКП(б) секретарю Уралобкома от 11 февраля 1933 г., которая публикуется ниже. В ней приведены анекдоты и частушки, которые запечатлели настроения как рабочих, так и крестьян в рассматриваемое время. В них явственно выражено недовольство их своим материальным положением, внутривластной борьбой в высших эшелонах партийной и государственной власти. Обращает внимание тот факт, что главным предметом докладной являются именно анекдоты и частушки. Это говорит о том, что власти считали их отнюдь не безобидным делом. Мало того, в докладной они приравнялись к антисоветским выступлениям и "агитации под влиянием кулачества и их пособников в связи с проводимыми мероприятиями", раз в них речь шла о некоторых негативных сторонах в жизни советского общества. Надо полагать, что рассказчикам анекдотов и исполнителям частушек после соответствующих доносов в партийные и советские органы доставалось весьма крепко.

Народная мудрость гласит: "Глас народа – глас божий". Народные массы в своем устном творчестве в рассматриваемое время недвусмысленно выразили неудовлетворенность своим материальным положением (особенно это прояви-

лось в колхозных частушках), насилиями и произволом, связанными с бешеными темпами в проведении индустриализации и коллективизации, неутрачивающими распрями в партийных верхах. Однако это не бралось во внимание сталинским руководством, которое в два счета стремилось сделать страну "социалистической".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сталин И. Соч. Т. XII. М., 1949. С. 274.
2. Медведев Р. Они окружали Сталина // Юность. 1989. № 6. С. 84.
3. ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. 567. Оп. 2. Д. 72. Л. 11.
4. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 140. Л. 31.
5. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 9. Д. 951. Л. 117, 118.
6. Вышцан М.А. Когда струны звучат в унисон // Родина. 1994. № 10. С. 74.

Из докладной записки
секретаря Висимского РК ВКП(б)
тов. Головину 11 февраля 1933 г.

Встречный план хлебозаготовок выполнен в срок. Сейчас развернули работу по сбору семян среди единоличного сектора, так как колхозы семена уже засыпали.

Как идут лесозаготовки, финплан, мясозаготовки и молоко – сообщу дополнительно особой запиской. Здесь же остановлюсь только на отдельных антисоветских выступлениях и агитации под влиянием кулачества и их пособников в связи с проводимыми мероприятиями... Много за последнее время анекдотов, агитации о СТАЛИНЕ и ЛЕНИНЕ и Партии в целом.

Мы имеем такие разговоры: "Пока СТАЛИНА не сшибем, жизнь не улучшится, а еще будет хуже". Говорил это партизан ЕРМАКОВ партизану Баклыкову, а последний сказал мне.

В школе семилетке Висим дети часто спорят между собой, одни доказывают, что сейчас. Тут же ходит такой разговор: "Раньше был царь Николашка, мяса бери хоть ляшку, пришел Ленин – стало всего менее, а как заступил Сталин – ничего давать не стали"...

По сообщению коммунистки Солдачевой, о Продснабе такой ходит анекдот: "Сталин беседовал с рабочим, спрашивал его: "Как живешь?" Рабочий отвечает: "По-ленински". – "Как по-ленински?" – "А вот как", – разъясняет рабочий, – Ленина не отопляют, не кормят и не хоронят".

Тут же говорят: "Ленин просил послать к себе Рыкова, ему сказали: "Он ушел вправо". – "Тогда позовите Бухарина". Ему сказали: "Он ушел влево". – "Ну тогда позовите Калинина". Тот пришел, и ему Ленин сказал: "Поверни меня к стене. Надоело мне уж смотреть, что вы тут творите"...

В школе Горпромуж кое-кто распевает частушки такого содержания: "Говорят что Ленин умер, я его вчера видал. На одной ноге штанина, пятилетку догонял"...

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 56. Копия.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-КАЛМЫКОВ В ХОЗЯЙСТВЕ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ (1944–1946 гг.)

Одним из самых главных вопросов для руководства экономики громадного по своей протяженности региона к северо-востоку от Уральского хребта был вопрос пополнения кадров в производящих структурах. Сложившиеся после войны тяжелые материально-бытовые условия на предприятиях рыбной и лесной промышленности региона заставляли многих работавших по найму рабочих увольняться в поисках лучшей доли. Так, например, в системе Ханты-Мансийского Госрыбтреста за 1946 год имела место убыль общего состава работников на 15%¹, острая нехватка рыбаков чувствовалась и в колхозах, промысловых артелях, занимавшихся ловом на северных реках. И руководство предприятий, колхозов, и вышестоявшие партийные органы, контролировавшие их деятельность, были, таким образом, заинтересованы в притоке дешевой рабочей силы, а одним из фактов, позволивших выправить положение, стало прибытие спецпереселенцев калмыцкой национальности, вывезенных с родины.

Калмыцкий народ был объявлен подлежащим выселению после принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 27 декабря 1943 года о ликвидации Калмыцкой АССР. Последовавшие вслед за этим постановление СНК СССР от 28 декабря 1943 г. и его же распоряжение от 11 марта 1944 г. регулировали техническую сторону депортации, названной НКВД операцией "Улусы"². Всего по состоянию на 10 февраля 1944 года в края и области Сибири и Казахстан было отправлено 92983 человека³. С образованием 15 августа 1944 года Тюменской области и включения в ее состав помимо национальных округов Вагайского, Нижнетавдинского, Тавдинского, Тобольского, Тюменского, Уватского и Ярковского районов, депортированные стали объектом внимания местных партийных и исполнительных органов, получавших директивы непосредственно из Москвы и спускавших их потом на места. Публикуемые документы достаточно четко рисуют тяжелое положение отобранных для работы на рыбо- и лесозаводах спецпереселенцев, равно как и попытки партийного руководства области решить их проблемы в целях максимального использования энергии людей на производстве. Документ № 1 (протокол заседания бюро Тюменского обкома ВКП(б) от 24 октября 1944 года) посвящен вопросу о порядке переселения высланных калмыков-рыбаков с семьями в распоряжение Тобольского Госрыбтреста. Хотя постановлением СНК № 1432-425 от 28 декабря 1943 года за подписью Молотова и предусматривалось использовать спецпереселенцев в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовстве⁴, то есть в тех отраслях хозяйства, которые калмыкам были привычны, в действительности их часто использовали не по прежней специальности. Исправлению возникших перекосов и должен был способствовать приводимый протокол, носящий директивный характер.

Второй из публикуемых документов (часть протокола заседания того же бюро Тюменского обкома ВКП(б) от 27 ноября 1944 года) повествует о результатах проверки трудового устройства и материально-бытового положения спецпереселенцев-калмыков и их семей со стороны УНКВД. Крайне неудовлетворительное снабжение работоспособных людей и членов их семей, низкая эффективность их труда серьезно обеспокоили партийное руководство области, не желавшего вымирания калмыков ввиду неполной их использованности. Отсюда и повышен-

ный, строгий тон в адрес руководителей исполнительных организаций с предупреждениями о строгой ответственности в случае не оказания ими помощи переселенным калмыкам.

Собственно своеобразным ответом с места на это постановление можно считать третий публикуемый документ – выдержка из протокола заседания бюро Ханты-Мансийского окружного комитета ВКП(б) Тюменской области от 16 апреля 1946 года, в одном из пунктов которого обрисовывается положение спецпереселенцев калмыцкой национальности и разъясняется, какие меры были приняты для его облегчения. Чтобы обеспечить выполнение указанных решений потребовалось привести в движение необычайно громоздкую систему административно-хозяйственных органов с самыми разными аспектами деятельности. Сам механизм снабжения необходимыми для нормального существования продуктами через бюрократические структуры достаточно наглядно освещен в приводимом тексте.

Необходимо отметить, что сама проблема использования труда репрессированных граждан в тех производящих структурах советской экономики, которые опирались в своей деятельности на вольнонаемные кадры, еще находится в стадии научного осмысления. В той же Тюменской области работали и трудармейцы, и высланные с родных мест немцы, не говоря уже о просто заключенных в лагерях. Вследствие этого целью данной публикации является ввод в научный оборот новых документов, содержащих данные о бытовом устройстве и трудовой занятости спецпереселенцев-калмыков в местах их расселения на территории Северного Зауралья.

Публикация источников осуществляется в соответствии с временным положением "О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования" (М., 1992).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ТОЦДНИ (Тюменский областной центр документов новейшей истории). Ф. 107. Оп. 6. Д. 11. С. 141.
2. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: "Их надо депортировать...": Документы, факты, комментарии. – М.: Дружба народов, 1992. С. 9.
3. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии... С. 86.
4. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии ... С. 84.

№ 1.

Из протокола № 10 заседания Бюро
Тюменского Обкома ВКП(б). 24 октября 1944 г.

О переселении спецпереселенцев-калмыков в Тобольский округ для работы в рыбной промышленности (объединенное с облизполкомом, принятое 19.10.1944 г.)

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 19.04.1944 г., Бюро Обкома ВКП(б) и Исполкома областного Совета депутатов трудящихся ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Переселить спецпереселенцев калмыков-рыбаков с торфопредприятия "Боровое" 350 человек (109 семей) в Вагайский район для работы в Тобольском Госрыбтресте со сроком прибытия к месту назначения не позднее 25 октября 1944 года.

2. Обязать:

а) начальника Тюменского отделения ж.д. тов. Харченко к 20 октября перевести спецпереселенцев калмыков – 250 чел. с разъезда "Боровое" до станции Тюмень;

б) начальнику пристани Тюмень тов. Сылтан доставить переселяемых калмыков пароходом "Гусихин" от пристани Тюмень до пристани Карелино-Вагай сроком прибытия к месту назначения не позднее 25-го октября 1944 года, также предоставить помещения на период ожидания парохода.

3. Обязать Рыболовпотребсоюз тов. Семерикова и зам. управляющего Тобольским Рыбтрестом тов. Мазуренко обеспечить спецпереселенцев горячим питанием в местах погрузки, в пути следования до места расселения, а также для остро нуждающихся выдать необходимую одежду и обувь.

4. Предложить Облздравотделу тов. Черепанову организовать комплексную санитарную обработку спецпереселенцев в местах погрузки и медико-санитарное обслуживание в пути следования, выделив для этого необходимое количество медработников и медикаментов.

5. Предложить ОРСу "НИРП" за счет фондов Рыболовпотребсоюза организовать горячее питание переселяемых калмыков в пути следования.

6. Поручить директору торфопредприятия "Боровое" к 19 октября произвести полный расчет со всеми калмыками, подлежащими переселению и оказать им помощь в доставке домашних вещей и детей к месту погрузки (разъезд "Боровое").

7. Начальник УНКВД по Тюменской области полковнику госбезопасности тов. Шеварову произвести отбор и подъем переселяемых спецпереселенцев-калмыков в сроки, установленные пунктом 1, а также организовать их сопровождение до места расселения.

8. Обязать председателя Вагайского райисполкома т. Чагочкина, секретаря райкома ВКП(б) т. Климович и Тобольский Госрыбтрест тов. Шведова обеспечить организованный прием и размещение направляемых спецпереселенцев-калмыков.

9. Для осуществления руководства по переселению калмыков-рыбаков создать тройку в составе:

1) тов. Ноткин — зам. председателя Исполкома Облсовета депутатов трудящихся — председатель тройки.

2) тов. Бирюков — зам. начальника УНКВД.

3) тов. Иванов — инструктор транспортного отдела Обкома ВКП(б).

ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 202-203. Подлинник.

№ 2.

Из протокола № 13 заседания Бюро Тюменского
Обкома ВКП(б). 27 ноября 1944 г.

4. О хозяйственном и трудовом устройстве и материально-бытовом положении семей спецпереселенцев-калмыков.

(Решение принято 23 ноября с.г.)

Проверкой, проведенной УНКВД по Тюменской области районов, в которых расселены спецпереселенцы-калмыки, установлено, что значительная часть спецпереселенцев-калмыков хозяйственно не устроена, находится в тяжелых материально-бытовых условиях.

Спецпереселенцы-калмыки в большинстве живут в необорудованных домах, размещены скученно, не имеют предметов первой необходимости, плохо обеспечены одеждой и обувью, неудовлетворительно организовано питание.

Так на Сургутском рыбозаводе (директор тов. Русанов) 153 чел. калмыков размещены в двух бараках. Бараки не утеплены, в общежитии грязно, на одного человека приходится только 2 квадратных метра жилой площади.

На Сытоминском рыбозаводе (директор тов. Чащин) 112 человек калмыков размещены в трех бараках. Помещения холодные. В бараках нет даже топчанов, столов, скамеек и тумбочек.

В колхозе "Заря" Реполовского сельсовета, Самаровского района размещено 30 человек спецпереселенцев-калмыков. Помещения для жилья не приспособлены, столов, топчанов, табуретов нет, питание организовано плохо (выдается толь-

ко один хлеб). Все калмыки заняты на сельскохозяйственных работах, на добыче же не используются, в то время, как они специалисты рыбаки.

Не лучше положение спецпереселенцев-калмыков на Самаровском лесозаводе, Ларьякском и Сосвинском рыбозаводах, Байкаловском и Ярковском районах, Тюменском гортопе, городе Тобольске и ряде других пунктов.

Не все дети школьного возраста охвачены школами, а нуждающиеся дети дошкольного возраста – детсадами.

Слабо оказывается медицинская помощь. Жилища и их территория находятся в антисанитарном состоянии, в результате чего имеет место заболеваемость инфекционными болезнями.

Совершенно неудовлетворительно поставлена массово-политическая работа среди спецпереселенцев-калмыков. Из числа калмыков не создается актив и плохо используются кадры специалистов, бывшие партийные, советские и хозяйственные работники.

Окружкомы и райкомы ВКП(б), Исполкомы окружных и районных советов депутатов трудящихся, хозяйственные руководители, несмотря на целый ряд предупреждений со стороны Обкома ВКП(б) о создании необходимых материально-бытовых условий спецпереселенцам-калмыкам, организации среди них массово-политической работы, до настоящего времени действенных мер не приняли. Не чутко относятся к запросам и нуждам спецпереселенцев-калмыков.

БЮРО ОБКОМА ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать секретарей ОК, РК, ГК ВКП(б), председателей исполкомов окружных, районных, городских советов депутатов трудящихся, директоров предприятий и управляющих госрыбтрестами:

а) до 15-го декабря 1944 года провести сплошную проверку хозяйственного и трудового устройства, материально-бытового положения спецпереселенцев-калмыков, создать им все необходимые материально-бытовые условия, обеспечить хозяйственное и трудовое устройство, обратив особое внимание на представление нормальной жилищной площади и ремонт жилых домов.

Предупредить руководителей партийных, советских, хозяйственных организаций, что если ими не будут созданы надлежащие материально-бытовые условия спецпереселенцам-калмыкам, они будут привлечены к строгой ответственности;

б) организовать в предприятиях местной промышленности и хозяйственным способом изготовление предметов домашнего обихода для снабжения ими спецпереселенцев-калмыков;

в) проводить систематическую работу по вовлечению калмыков в колхозы, оказывая всемерное содействие в создании самостоятельных колхозов из калмыцкого населения;

г) взять на учет и использовать по прямой специальности кадры специалистов, хозяйственных и других работников. Вести постоянную работу по созданию актива из числа коммунистов, комсомольцев и наиболее развитых и преданных делу Советской власти калмыков;

д) оказывать всемерную помощь и поддержку в индивидуальном строительстве жилых домов, выделить для этих целей специальный долгосрочный кредит Сельхозбанка. Оказывать практическую помощь в приобретении строительных материалов. Установить систематический контроль за правильным использованием отпускаемых ссуд.

2. Обязать Облпотребсоюз тов. Гуднова, Облрыболовпотребсоюз тов. Семейкова, Облзаготзерно тов. Матковского в декадный срок ликвидировать задолженность калмыкам по полагающейся им к выдаче муке, крупе, зерну и овощам, согласно постановления СНК СССР от 27 марта 1944 года.

3. Обязать уполномоченных тов. Смирнова, Облаготочков тов. Кандюкова в срок до 15 декабря 1944 года закончить выдачу спецпереселенцам-калмыкам скота, полагающегося им к выдаче, согласно постановления СНК СССР от 29 мая 1944 года.

4. Предложить председателям исполкомов окружных и районных советов депутатов трудящихся, директорам совхозов и предприятий, управляющим госрыбтрестами обеспечить скот, находящийся в личном пользовании спецпереселенцев-калмыков кормами и оказать необходимую помощь в обзаведении хозяйств калмыков скотом.

5. Обязать Облздравотдел тов. Черепанова установить строгий контроль за санитарным состоянием жилого фонда калмыков, привлекая виновных в нарушении санитарных правил к строгой ответственности, обеспечить своевременную медицинскую помощь.

6. Обязать областной отдел народного образования тов. Агафонова не позднее 15-го декабря охватить всех детей калмыков школьного возраста школой.

Предложить председателям исполкомов окружных, городских и районных советов депутатов трудящихся оказать практическую помощь в обеспечении детей обувью и одеждой.

7. Обязать ОК, ГК, РК ВКП(б) организовать проведение массово-политической работы среди спецпереселенцев-калмыков, проводить систематически среди них доклады, лекции, беседы на политические темы. Обратить особое внимание на развертывание социалистического соревнования, повышение производительности труда.

8. Учитывая исключительно тяжелое положение калмыков с обувью и одеждой, просить СНК СССР выдать хлопчатобумажных тканей 100 тысяч метров для пошивки верхней одежды и белья и пять тысяч яловых кож для пошивки обуви.

9. Обязать окружкомы, райкомы, горкомы ВКП(б) обсудить настоящее решение на заседаниях бюро ОК, РК, ГК ВКП(б). Представить Обкому ВКП(б) подробную информацию о состоянии трудового и хозяйственного устройства и материального положения спецпереселенцев-калмыков к 25 декабря 1944 г.

10. Контроль исполнения этого решения возложить на члена бюро Обкома ВКП(б) тов. Шеварова.

ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 336-339. Подлинник.

№ 3.

Из протокола № 50 заседания бюро Ханты-Мансийского
Окружного Комитета ВКП(б) Тюменской области. 16 апреля 1946 г.

§ 2. О трудовом и жилищно-бытовом устройстве переселенцев-калмыков в округе.

(Доклад. Госрыбтрест, Окрисполком ОКРО МВД, Оргинструкторский отдел ОК ВКП(б)).

Бюро Окружкома ВКП(б) отмечает, что постановление бюро Тюменского Обкома ВКП(б) от 23 ноября 1944 года "О хозяйственном и трудовом устройстве и материально-бытовом положении семей спецпереселенцев-калмыков" и последующее постановление бюро ОК ВКП(б) по данному вопросу многими предприятиями Госрыбтреста, рыбацкохозсоюзами, рыболовпотребкооперацией и исполкомами райсоветов, особенно Сургутским и Березовским полностью не выполнено.

В результате большинство спецпереселенцев, размещенных в округе, продолжают находиться в тяжелых жилищных и материальных условиях и неудовлетворительно используются в трудовом отношении.

Отпущенные через Сельхозбанк правительством кредиты на индивидуальное строительство и хозяйственное устройство для переселенцев-калмыков в 1945 году полностью не были использованы. Из ассигнованных для этих целей 1 мил-

лиона рублей было освоено только 761 тыс. рублей, из них по госпромышленности – 575,7 тыс. рублей и колхозами 185,3 тыс. рублей. Ассигнования 1-го квартала 1946 года освоены лишь на 17,2%.

За истекший год в округе построено индивидуальных домов для калмыков всего лишь 15. Между тем в ряде общежитий и барачков для калмыков, принадлежащих Госрыбтресту (Усть-Балыкского, Зенковского рыбоучастков, а также Ягано-Куртского лесоучастка Сиблесрыбтреста и др.) наблюдается большая скученность, отсутствует комнатная система для семейных, средняя обеспеченность калмыцкого населения по тресту составляет на одного человека всего 2,7 кв.метров.

Особенно неудовлетворительно обеспечены жилплощадью спецпереселенцы-калмыки в ряде колхозов округа таких, как имени Сталина Микояновского района, Варисовском им. Ворошилова, Широковском "Красный путь", Белоярском им. Ворошилова Сургутского района и других. Помещения, выделенные для калмыков, не благоустроены, не утеплены, во многих домах забиты досками, отсутствуют кирпичные печи и т.д.

Абсолютное большинство семей не имеет в индивидуальном пользовании рогатого скота, хозяйинвентаря, приусадебных участков.

Облрыболовпотребсоюз (т. Эпштейн) и председатели райрыболовпотребсоюзов не организовали контроль на местах за правильным распределением специальных правительственных промтоварных фондов для калмыков. До сих пор в Кондинском и Березовском районах не всем калмыкам выданы промтовары лимита 1945 года, совершенно не реализовались фонды по шерсти и овчинам.

Заготживконтора, председатели исполкомов райсоветов, несмотря на неоднократные предупреждения ОК ВКП(б), не выполнили задания закупа скота для калмыков. По состоянию на 1 апреля 1946 г. из 880 голов закуплено и передано калмыкам только 485 голов.

Главным недостатком в трудоустройстве спецпереселенцев-калмыков бюро ОК ВКП(б) считает то, что со стороны руководителей рыбохозяйственных организаций и председателей колхозов недостаточно оказывается помощь переселенцам в освоении ими производственных специальностей, вследствие чего многие калмыки имеют низкий заработок и не выполняют нормы выработки. Так за 1945 год количество калмыков рабочих сдельщиков, выполняющих норму выработки по госпромышленности от 60 до 100% составляет 57,3% к числу всех работающих, от 100 до 120% – 28,3%, от 120 до 150% – 12,3% и свыше 150% всего лишь 2,1%.

Крайне низка производительность труда калмыков, размещенных в колхозах. По Сургутскому району средняя норма выработки достигает только от 40 до 70%, в Ларьякском районе из числа трудоспособных вырабатывают в месяц от 5 до 20 трудодней – 66%, от 20 до 25 трудодней – 24% и свыше 25 трудодней – 10% всех калмыков работающих в колхозах.

Вопросы охвата школьным обучением детей спецпереселенцев-калмыков поставлены неудовлетворительно. ОкрОНО (тов. Непомнящих) и районные отделы народного образования вопросом обучения детей калмыков, несмотря на указания Окружкома ВКП(б), особого значения не придали. В результате в текущем 1945/46 уч. году только по Кондинскому району оказалось неохваченными школой 199 учеников-калмыков.

Окраздравотдел (т. Широков) за последнее время ослабил среди калмыцкого населения санитарный надзор и лечебно-профилактическую работу, особенно в Микояновском и Березовском районах, что привело к случаям вспышек эпидемических заболеваний сыпным тифом (Самарово, Матлым, Ягано-Курт, Березово).

Все вышеизложенные недостатки являются следствием того, что райкомы ВКП(б), исполкомы райсоветов депутатов трудящихся, руководители рыбохозяйственных организаций и колхозов, несмотря на целый ряд указаний и предупреждений со стороны Обкома и Окружкома ВКП(б) о создании необходимых материально-бытовых условий спецпереселенцам-калмыкам, организации

среди них массово-политической работы, до настоящего времени действенных мер не приняли, не чутко относятся к запросам спецпереселенцев-калмыков.

Бюро ОК ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Потребовать от управляющего Госрыбтрестом тов. Максютенко, председателей исполкомов райсоветов и председателей рыбацкоколхозсоюзов принять немедленные меры по устранению отмеченных недостатков в деле жилищно-бытового и хозяйственно-трудового устройства переселенцев-калмыков. Не позднее 1 июня с.г. расселить калмыцкие семьи из всех домов и общежитий, где имеется большая скученность, полностью использовать всю рабочую силу на предприятиях и колхозах округа путем трудоустройства на работу каждого трудоспособного калмыка.

2. Обязать секретарей райкомов ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов д.т. создать из представителей хозяйственных организаций, профсоюзов, местных советов и сотрудников МВД специальные комиссии по обследованию в течение мая месяца с.г. жилищно-бытового и хозяйственно-трудового устройства каждой семьи спецпереселенца-калмыка. Итоги обследования обсудить на бюро райкомов ВКП(б).

3. Обязать зав. ОкрЗО т. Егорова, районные земельные отделы в целях создания предпосылок к оседлости калмыков по новому месту поселения и дальнейшему улучшению их материально-бытового положения:

а) обеспечить к 1 мая с.г. отвод приусадебных участков спецпереселенцам-калмыкам до норм, установленных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27.05.1939 г.;

б) принять меры к обеспечению семенным материалом семей калмыков-колхозников для посадки на индивидуальных огородах.

4. Обязать председателей исполкомов райсоветов д.т., председателей рыбацкоколхозсоюзов, управляющего Госрыбтрестом т. Максютенко:

а) оказать всемерную помощь и поддержку в индивидуальном строительстве двухквартирных жилых домов в 1946 году в количестве 50, полностью использовать для этого выделенные правительством долгосрочные ссуды по линии Сельхозбанка, оказывая практическую помощь в приобретении строительных материалов;

б) обеспечить продажу скота в индивидуальное пользование калмыкам, не имеющим скота, за счет покупки скота у колхозов, перевыполнивших план по животноводству, а также законтрактованного молодняка у колхозников, рабочих и служащих.

5. Учитывая, что план закупа скота в порядке заготовок по линии Заготживконторы в 1945 году оказался невыполненным, просить Обком ВКП(б) и Облсполком обязать Облзаготскот завезти в навигацию текущего года в округ 395 голов рогатого скота для передачи спецпереселенцам-калмыкам, не имеющим скота, взамен за сданный ими скот на месте своего прежнего жительства.

6. Обязать партгруппу Окрисполкома:

а) выделить для индивидуального жилищного строительства спецпереселенцев-калмыков кирпича в количестве 200 тыс. штук, в том числе для рыбной промышленности 50 тыс. штук и колхозов 150 тыс. штук, в сроки к 1.07.1946 г. – 50 тыс. и к 1.08. – 150 тыс. штук;

б) через промкомбинаты организовать краткосрочные курсы, без отрыва от производства, по повышению квалификации переселенцев, работающих в местной промышленности;

в) по получении правительственного лимита на использование кредитов через Сельхозбанк по хозяйственному устройству переселенцев на 1946 год составить план распределения этих кредитов в разрезе районов и секторов;

г) обязать межрайонные управления лесами местного значения выделить в 1946 году вблизи населенных пунктов на индивидуальное строительство спецпереселенцев-калмыков крупного строительного леса 3500 куб. метров, в том числе для рыбной промышленности – 1000 куб. метров.

7. Обязать Управляющего Госрыбтрестом т. Максютенко:

а) в целях повышения производительности труда переселенцев-калмыков и освоения ими производственных специальностей организовать в 1946 г. среди калмыков техническую учебу и подготовить через сеть курсовых мероприятий и стахановских школ без отрыва от производства не менее 240 человек в соответствии с составленным планом;

б) обеспечить семенным материалом семьи калмыков, работающих в рыбной промышленности, для посадки на индивидуальных огородах;

в) в срок до 1 октября 1946 года разместить калмыцкие семьи с таким расчетом, чтобы каждая семья имела самостоятельную квартиру;

г) за счет транспортных средств Госрыбтреста обеспечить подвоз кирпича к местам индивидуального строительства калмыков, работающих в рыбной промышленности.

8. Обязать председателя Оккрыболовпотребсоюза – т. Эпштейн и председателей райрыболовпотребсоюзов:

а) принять меры к максимальному обеспечению спецпереселенцев-калмыков необходимой одеждой и обувью за счет выделяемых фондов как общего, так и специального снабжения. Особое внимание обратить на обеспечение многодетных и детей школьного возраста. Не позднее 1 июля 1946 года ликвидировать задолженность по реализации промтоварных спецфондов лимита 1945 года, а также фондов по шерсти и овчинам;

б) в срок до 1.10.1946 года, через торговую сеть, обеспечить продажу для спецпереселенцев-калмыков столов 1000 шт., стульев и табуреток 2000 шт., кадушек – 100 шт., столовых ложек – 2000 шт., глиняной посуды – мисок 1500, горшков и кринок 2500 шт.;

в) обеспечить получение кирпича от предприятий местной промышленности и подвоз его для индивидуального строительства калмыков-колхозников к местам их расселения.

9. Обязать райкомы ВКП(б) усилить проведение массово-политической работы среди спецпереселенцев-калмыков, обратив особое внимание на разъяснение калмыкам, что они переселены на постоянное местожительство и помочь им хозяйственно устроиться.

10. Обязать ОкрОНО т. Непомнящих не позднее 1 июня 1946 г. произвести полный учет детей калмыков школьного возраста в округе и обеспечить охват их школьным обучением в 1946–1947 уч. году. Предложить председателям исполкомов райсоветов д.т. оказать практическую помощь в обеспечении детей обувью и одеждой.

11. Обязать Окрздравотдел т. Широбокова усилить лечебно-профилактическую работу среди спецпереселенцев-калмыков, установить строгий санитарный надзор в местах расселения последних, обеспечить двухсменную работу бань, регулярную работу дезокамер и систематическое проведение санобработки. Оказывать спецпереселенцам своевременную медицинскую помощь.

12. В целях своевременного обеспечения стройматериалами для индивидуального жилищного строительства колхозников-калмыков-переселенцев, просить Обком ВКП(б) и Облисполком дать наряды для округа на оконное стекло 1250 кв. метров, гвоздей – 1,5 тонны, пакли 2,5 тонны, пиломатериала 1000 куб. метров.

13. Просить Обком ВКП(б) и исполком Облсовета д.т.:

а) учитывая исключительно тяжелое положение калмыков с обувью и одеждой, выделить и завезти в округ в 1946 году спецфонд хлопчатобумажной ткани 30 тыс. метров и яловых кож 1000 штук;

б) с открытием навигации завезти 1000 центн. семенного картофеля для спецпереселенцев калмыков, работающих в рыбной промышленности.

ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 6. Д. 4. Л. 131–133. Подлинник.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

С.В.Голикова, М.Г.Казанцева

ТРАДИЦИОННАЯ ИГРА КАК ЭЛЕМЕНТ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На протяжении многих веков народная культура формировала человека традиционного общества. Поэтому каждый, кто берется за ее преподавание, не может не поддаться искушению напрямую использовать богатый опыт народной педагогики, поскольку он был весьма эффективен.

Однако современная ситуация совершенно иная. Традиционная культура в первую очередь транслировалась через семейно-общинные институты¹. Передача культуры происходила посредством личных контактов поколений в рамках семьи либо самих семей в рамках общины. Возникнув в традиционном обществе, школа также обладает способностью передачи традиций. Однако в условиях России это были отнюдь не традиции культуры русских крестьян. Школа передавала народу знания культурного меньшинства и в этой связи скорее противостояла традиционной культуре. Народную культуру не преподавали как отдельный предмет классно-урочной системы. Сейчас же главный упор делается именно на школу. Народная культура стала одной из предметов обучения, наряду с математикой и русским языком.

В прошлом постигавший традиционную культуру человек находился в традиционной среде, и прежде всего вещной. На сегодня от нее остались одни фрагменты, которые не могут дать целостного представления об общем.

Кроме того, большинство крестьян свободно владело многими фольклорными формами, умело импровизировать в рамках традиционной культуры. Применительно к педагогике это означало, что каждая мать и каждый отец мог научить этому своих детей, точно так же, как современный родитель, имея, например, знания по математике в объеме средней школы, может помочь своему ребенку справляться с этим предметом. В деле же обучения народной культуре такой родитель чаще всего бессилён, потому что семья его этому уже не учила, а школа еще не учила. В таком же положении находится подавляющее большинство учителей начальной школы, на плечи которых ложится основная нагрузка по преподаванию данной дисциплины.

Залогом успеха освоения традиционной культуры в таких "неблагоприятных" условиях является то, что мы продолжаем оставаться русскими людьми и в силах понять традиционную культуру своего народа.

Поэтому одной из задач, которую должен решить педагог, является нахождение точек соприкосновения между традиционной культурой и современным человеком. Одним из таких "мостиков" является игра.

Игра, как показал Й.Хейзинга, созидает культуру². Любая культура, в том числе и традиционная, несет в себе сильное игровое начало. Латинское выражение *homo ludens* с полным правом можно отнести к русскому человеку. Особенно много значила игра в период социализации личности — в детском и юношеском возрасте. "Детский народный календарь" Г.С. Виноградова вполне можно было

бы назвать календарем детских игр. Он пишет, что зимой во время посиделок дети играли в куклы и в "клетки" (или в "хозяйство водить"), на Масленицу катались с катушек, "в первые весенние лывы" пускали лодочки, во время Пасхи было много "яичных" игр, с наступлением теплых дней девочки качались на "качулях", мальчики играли в бабки, а все дети вместе в лапту, летом с одуванчиками и мятликом играли в "петух или курица", из куколки делали кукол, вырезали различные фигурки из поспевшего картофеля, играли с божьей коровкой, бросали в воду камушки (игра "есть блины")³.

"Образ жизни молодежи, – пишет Т.А. Бернштам, – повсеместно в России носил название "игра"⁴. На зимних посиделках, например, молодежные игры начинались с приходом парней. Много было "поцелуйных" игр: "Дрема", "Воробей", "Селезень" и пр. В святки устраивали игры в покойника, в потешную свадьбу, в старика и старуху. Полный объем игры молодежь проживала в течение одного календарного года начиная с весны. Окончиться этот период должен был вступлением в брак, то есть с переходом в полноценное взрослое состояние.

Публикуя ряд игр (частью из дореволюционных, а потому для многих недоступных изданий), мы хотели бы рассеять одно недоразумение. Так,

учителя часто жалуются, что не знают традиционных русских народных игр. Это не совсем так, и мы согласны со словами В.С.Бахтина: "Не следует думать, что знатоками, хранителями фольклора являются только пожилые люди... не так уж мало знают произведений фольклора даже современные дети. И не только из книг, из передач, а естественно воспринятых из устной традиции"⁵.

Начало игры: считалки, раскрутки и пр.

Часто начало игры превращалось в игру самостоятельную. Во многих играх нужно было разделить участников на две команды. Для этого два признанных вожака становились "матками". Все остальные разбивались на пары и сговаривались в сторонке, кто из них, например, будет "роза", а кто "береза". И спрашивали у "маток": к "розе" или к "березе"? Те называли, кого им надо. Иногда подобный выбор усложнялся. Матки должны были не просто назвать, а отгадать, кто из играющих "роза", а кто "береза". Подобная игра была записана в Пермской губернии. Матки трясли играющих за плечи. Если играющий при этом улыбнется – к "березе", нет – к "розе"⁶.

Когда нужно было из ватаги ребятишек определить, кто "водит", прибегали к считалкам. Их на дореволюционном Урале было великое множество:

"Тенчики-соренчики-
Летели голубенчики.
Там чашки, орешки,
Сахар, медок,
Пойди-выйди, королек."

"Тани-бани,
Что под вами,
Под железными столбами?
Стульчик,
Мальчик,
Сам король,
Шишел, вышел,
Вон пошел."

"Ниточка, иголочка,
Синенько стеклолочно,
Рыба карась,
Ты убирась!"

” – Заяц белый,
Куда бегал?
– В лес по лыка.
– Чем драл?
– Ножичком.
– Куда клал?
– Под колоду.
– Кто взял?
– Родион.
– Пойди вон”⁷.

В играх, где водящему перед началом игры завязывали глаза, например, в жмурках, его ”раскручивали” – брали за плечи, поворачивали, чтоб он потерял ориентировку, и приговаривали:

– Что пил, ел?

Водящий должен ответить:

– Квас да ягоды.
– Ищи нас два годы”⁸.

И с этими словами все разбегались.

Подвижные (формальные) игры:

Жмурки – одна из любимых и широко распространенных русских игр. На Урале имела своеобразные названия: ”Курюкольцы” (Пермская губ.), ”Выкорухольцы” (г.Соликамск и его окрестности). Описание этой игры, сделанное в 1880-е годы священником Спасским из г.Соликамска, мы и предлагаем: ”Известная комнатная, особенно святочная игра, в которой один или одна с завязанными глазами ловит других участников игры, бегающих по комнате, и кто бывает пойман, к тому переходит повязка на глаза, и он должен поймать кого-нибудь, чтобы заманиться им”⁹.

Игры в кругу (хороводе) под песню, которая как бы разыгрывается участниками игры.

Каравай – поют в кругу и показывают. ”Шел павин горою, все люди за мною. Одного нет у нас (имя кого-либо из участников). У его мамоньки печка истопленная, Блины испеченные, Каравай состряпанный: Этакой высокой (показывают). Этакой низенькой. Этакой узенькой”¹⁰.

(Вариант – в центре круга стоит один из играющих и с хороводом или без ”показывает” песню).

Как сеют лен – интересный вариант этой детской игры опубликован в 1880-е гг. Василием Поповым:

”Научи-ко меня, мати,
Как белой-то лен сеять?

– Этак, дочи, (при этих словах показывают как сеять)
Этак, мила...”

Далее вместо слова ”сеять” по порядку вставляются следующие слова: рвати, мочити, сушити, трепати, чесати, прясти, ткати, шити)¹¹.

Заинька – то же, один из играющих в центре круга: исполняет различные действия под песню:

”Заинька, пойдти в сад,
Серенький, пойдти в сад,
Вот как, вот как, пойдти в сад – 2 раза

Заинька, сорви цвет,
 Серенький, сорви цвет,
 Вот как, вот как, сорви цвет – 2 раза
 Заинька, свей веноч,
 Серенький, свей веноч,
 Вот как, вот как, свей веноч – 2 раза
 Заинька, топни ножкой,
 Вот как, вот как, топни ножкой – 2 раза
 Заинька, поклонись,
 Серенький, поклонись,
 Вот как, вот как, поклонись – 2 раза
 Заинька, выбери,
 Серенький, выбери,
 Вот как, вот как, выбери – 2 раза
 Заинька, выведи,
 Серенький, выведи,
 Вот как, вот как, выведи” – 2 раза¹².

После этого происходит замена "заиньки" на другого участника игры, и она продолжается вновь.

Дрема – игра "поцелуйная" для более старшего возраста. Выбранный "дремлюю" один из участников становится в центр хоровода и исполняет действия под песню:

"Сидит Дрема – сама дремлет (в середину хоровода
 входит парень, садится и дремлет)
 Полно, Дрема-те, дремати,
 Пора, Дрема-те, вставати, (парень встает)
 Гляди, Дрема, по девицам, (парень обходит девушек)
 Бери, Дрема, кого хочешь, (выбирает девушку,
 кланяется ей и выводит на середину хоровода)
 Сади, Дрема, на колени, (сажает девушку себе на колени)
 Трепли, Дрема, по головке, (гладит по голове)
 Целуй, Дрема, по любви"¹³ (пара целуется).

Хоровод начинается снова, теперь в центре круга девушка.

Олень – один из участников в центре круга изображает Оленя. Хоровод поет:

"Ты, Олень, ты, Олень,
 Под ракиновым кустом,
 Што тепло ли те, Олень,
 Студено ли те, Олень?
 Мне не больно тепло,
 Приоденьте меня,
 Приукройте меня,
 Приукутайте меня,
 С добра молодца веноч,
 С красной девицы платок "¹⁴

(Каждый из играющих отдает Оленю какую-то свою вещь, затем спрашивает его:

– Олень, отдай платок!

– Сначала выкуп.

– Какой?

– Песню").

Игры двумя командами – "Просо", "Бояре": играющие делятся на две группы и встают в ряд друг против друга. Первый ряд "наступает" (делает несколько шагов навстречу второму ряду, топает ногой и отходит снова под следующие слова песни:

"А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид ладо, сеяли, сеяли".
То же самое проделывает второй ряд:
"А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, дид ладо, вытопчем, вытопчем."

Так в течение всей песни они постоянно меняются ролями:

"А мы коней выпустим, выпустим,
Ой, дид ладо, выпустим, выпустим.
А мы коней в плен возьмем, в плен возьмем,
Ой, дид ладо, в плен возьмем, в плен возьмем.
А мы коней выкупим, выкупим,
Ой, дид ладо, выкупим, выкупим.
Нам не надо выкупа, выкупа,
Ой, дид ладо, выкупа, выкупа.
А чего ж вам надобно, надобно?
Ой, дид ладо, надобно, надобно?
А нам надо девицу, девицу,
Ой, дид ладо, девицу, девицу.
А у девицы имя есть, имя есть,
Ой, дид ладо, имя есть, имя есть.
А нам надо Натоньку, Натоньку,
Ой, дид ладо, Натоньку, Натоньку.
Открывайте воротцы, воротцы,
Принимайте девицу, девицу"¹⁵.

"Девица" переходит из одного ряда в другой и используется своеобразная песенная концовка:

"Нашем полку убыло, убыло,
Ой, дид ладо, убыло, убыло.
В нашем полку прибыло, прибыло,
Ой, дид ладо, прибыло, прибыло.
В нашем полку грязь шерна, грязь шерна,
Ой, дид ладо, грязь шерна, грязь шерна.
В нашем полку мак цветет, мак цветет,
Ой, дид ладо, мак цветет, мак цветет.
В нашем полку слезы льют, слезы льют,
Ой, дид ладо, слезы льют, слезы льют.
В нашем полку пиво, пиво пьют,
Ой, дид ладо, пиво пьют, пиво пьют.
В нашем полку плакали, плакали,
Ой, дид ладо, плакали, плакали.
В нашем полку плясали, плясали,¹⁶
Ой, дид ладо, плясали, плясали"

Игры с элементами импровизации – в святочные вечера с приходом ряженых происходила веселая игра под названием "Кобылу продавать". Кобылу играют двое. на которых одета попона с отверстием впереди, куда вставляют ухват или

укрепленную на палке кобылью голову. Кобылку продают хозяйке. Сначала ее нахваливают, расписывают достоинства. Хозяйка проверяет кобылу: смотрит в зубы, копыта, ощупывает бока, старается найти изъяны. Кобылка проявляет свой нрав: брыкается, лягается, кусается. Затем ее испытывают: сядят на спину маленького ребенка. Кобыла гордо делает круг, когда же седока снимают – падает и умирает. Начинается ее оживление. Это возлагается на хозяйку и зависит от ее находчивости. Ожившая кобыла вскакивает и, произведя суматоху, разбрыкивая всех, убегает¹⁷.

Список подобных игр можно перечислять и далее. Важно помнить при этом, что описанные игры в детском сознании живут и в наше время. Часть их адаптирована к современной жизни, часть же бытует в детском общении с традиционными зачинами, словесными формулами, сопровождающими игру. Дети сами устанавливают правила игры, которых следует придерживаться как в момент начала, так и в процессе игры. При этом любому взрослому, участвующему или организующему игру, нельзя забывать, что игра – это еще и творчество, допускающее импровизацию. Каждая игра проводится сейчас, в конкретный момент и с конкретными участниками. По ходу песни дети вдруг сочиняют новые строчки, добавляют сюжеты и это нормально. Жесткая воля организатора здесь неуместна. Более того в детском сознании легче откладываются стереотипные игровые ситуации, по правилам которых они выстраивают свои действия. Любому педагогу, начинающему свой путь в традиционную культуру, следует научиться у детей и для начала выяснить, во что играют дети его класса, кружка, коллектива.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 113.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
3. Виноградов Г.С. Детский народный календарь (Из очерков по детской этнографии) // Сибирская живая старина. Вып. 11. Иркутск, 1924. С. 11–29.
4. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 231.
5. Бахтин В.С. От былины до считалки. Рассказы о фольклоре. Л., 1988. С. 107.
6. Покровский Е.А. Детские игры преимущественно русские (В связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М., 1887. С. 198.
7. Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья (собрал В.Н.Серебрянников). Пермь, 1964. С. 301–302.
8. Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 4. СПб., 1848. С. 31–32.
9. Снаский. Собрание слов, употребляемых простонародьем, а часто и средним сословием в г. Соликамске и его окрестностях // Календарь Пермской губернии на 1883 год. Пермь, 1883. С. 110.
10. Игры народов СССР. М.; Л., 1993. С. 316.
11. Попов В. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии. М., 1880. С. 93.
12. Детский фольклор. Рождественская вечерка. (Методическое пособие для дошкольных и школьных учреждений). Сост. М.Г. Казанцева. Екатеринбург, 1993. Вып. С. 11–12.
13. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М., 1989. С. 255.
14. Детский фольклор... С. 13–14.
15. Там же. С. 12–13.
16. Там же. С. 16.
17. Там же. С. 5.

КОНФЕРЕНЦИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ»

Организаторами конференции явились Институт истории и археологии Уральского отделения РАН и Нижне-Тагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала. Конференция состоялась 8-12 сентября 1993 года в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге. В соответствии с решением Генеральной Ассамблеи Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИН), принятым в Мадриде в сентябре 1992 г., конференция имела статус официального межконгрессного мероприятия ТИССИН и была первым в России международным мероприятием, проводившимся под эгидой этой авторитетной неправительственной организации. Почетный комитет конференции возглавлял президент ТИССИН профессор Луи Бержерон (Франция). В научный оргкомитет конференции, созданный в октябре 1992 г. под председательством члена-корреспондента РАН профессора В.В.Алексеева, директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН, зам.председателя УрО РАН, вошли высококвалифицированные специалисты в области изучения российской индустриальной культуры из научных учреждений Российской Академии наук, университетских центров, технических вузов, музеев, представители общественных организаций, видные зарубежные ученые из Германии, Бельгии, Италии, США. В тесном содружестве специалистов Академии наук, вузов и музеев был специально подготовлен и издан к открытию конференции обширный комплект научной и научно-справочной литературы по объектам индустриального наследия Урала, включающий в себя серию из 8 иллюстрированных фотобуклетов по истории Музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала, металлургических предприятий Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Кушвы, Салды, Полевского, золотодобывающих шахт и приисков Березовского, узкоколейных железных дорог Урала, а также фотоальбом «Индустриальное наследие Урала в фотографиях», где были опубликованы уникальные чертежи и планы уральских заводов XVIII–XIX вв. и фотографии XIX–начала XX вв.

В работе Международной научной конференции ТИССИН «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы» приняли участие свыше 100 ученых – специалистов в области экономической истории, истории техники и архитектуры, музееведения из научных центров и музеев многих го-

родов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Тулы, Перми, Челябинска, Новосибирска, Самары, Иркутска, Нижнего Тагила, Чебоксар, представители Украины, Молдовы, Беларуси, Казахстана, наши коллеги из Латвии и Эстонии, а также 23 зарубежных ученых и специалиста из Великобритании, Франции, США, Бельгии, Голландии, Швеции, Финляндии, Польши, Германии, Италии, Австралии.

Церемония официального открытия Международной научной конференции ТИССИИ «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы» состоялась 8 сентября 1993 г. в Общественно-политическом центре Нижнего Тагила – одного из крупнейших индустриальных городов Урала, бывшей столице горнозаводской империи, созданной здесь в годы царствования Петра I родоначальником одной из наиболее известных династий российских промышленников Акинфием Демидовым. Конференцию открыл вступительным словом председатель оргкомитета член-корреспондент РАН В.В.Алексеев, представивший собравшимся официальных гостей конференции, цели и задачи, порядок ее работы. С приветствиями к участникам конференции обратились Н.Н.Диденко, глава администрации Нижнего Тагила, Э.Э. Россель, глава администрации Свердловской области, академик Г.А.Месяц, вице-президент Российской Академии наук, председатель Уральского отделения РАН. Личный представитель президента ТИССИИ профессор М.Ниссер (Швеция) огласила официальное послание президента ТИССИИ профессора Л.Бержерона (Франция) участникам и гостям конференции, в котором содержалась высокая оценка российских инициатив в ТИССИИ и подчеркивалось особое значение конференции как первого в России научного мероприятия под эгидой ТИССИИ. Официальное приветствие в адрес конференции направил министр культуры и туризма Российской Федерации Е.Ю.Сидоров.

Первое пленарное заседание конференции под председательством д.т.н., профессора Г.Г.Григоряна, генерального директора Государственного Политехнического музея (Москва, Россия) и доктора Д.Зембала, директора Музея Промышленности (Балтимор, США) открылось докладом профессора Стокгольмского Королевского технического университета, члена Совета ТИССИИ М.Ниссер (Швеция) «Мировое индустриальное наследие: опыт изучения, организации работы и успехи на современном этапе», в котором был обобщен опыт последних лет, накопленный в различных странах мира в сфере изучения и сохранения индустриального наследия, поднят ряд важных теоретических и практических проблем индустриальной археологии. В докладе члена-корреспондента РАН В.В.Алексеева «Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала» была представлена развернутая характеристика сохранившихся на Урале уникальных комплексов объектов индустриальной культуры XVIII–XX вв., сформулированы цели и задачи, стоящие перед российскими учеными и специалистами, участвующими в набирающем силу национальном движении за сохранение индустриального наследия. Профессор Уральского архитектурно-художественного института Л.П.Холодова (Екатеринбург, Россия) основное внимание в своем докладе уделила анализу архитектурных особенностей уральских металлургических заводов XIX – начала XX вв. как важнейшего элемента европейской индустриальной архитектуры. Директор Нижне-Тагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала И.Г.Семенов (Нижний Тагил, Россия) рассказал об истории создания и основных этапах становления уникального музейного комплекса, включающего в себя обширную экспозицию документов, чертежей, рисунков, фотографий и многочисленных предметов, иллюстрирующих развитие горно-металлургического производства на Урале в XVIII–XX вв., а также Музей-завод истории развития техники черной металлургии и ряд филиалов в расположенных вокруг Нижнего Тагила городах и поселках. Большой интерес собравшихся вызвал доклад президента Общества германской индустриальной истории доктора

В.Эберта (Германия) «Восток бросает вызов», в котором содержалась характеристика современного положения дел в сфере изучения и сохранения индустриального наследия в бывших социалистических странах Европы и ряд конкретных предложений по участию западных специалистов в реализации перспективных совместных проектов как в сфере научных исследований, так и практического использования уникального потенциала объектов индустриальной культуры России и стран бывшего социалистического лагеря.

Первый рабочий день конференции завершился осмотром экспозиции Нижне-Тагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала.

9 сентября конференция продолжила свою работу под председательством члена-корреспондента РАН В.В.Алексеева (Екатеринбург, Россия) и профессора Б.Корти, президента Института материальной культуры и индустриальной археологии (Италия). В докладе д.и.н. профессора А.В.Бакунина (Екатеринбург, Россия) были охарактеризованы основные этапы развития индустриального потенциала Урала, предложены новые методологические подходы к его изучению. Член Совета ТССИИ доктор Д.Зембала (США) посвятил свое выступление анализу работы Службы национальных парков США по созданию крупных индустриально-ландшафтных зон, реализации масштабных проектов по созданию так называемых «коридоров наследия», выполняющих самые широкие функции – от научно-исследовательских до организации досуга. Варианты использования индустриального наследия России на примере малых металлургических заводов Урала были рассмотрены в докладе заместителя министра науки и технической политики Российской Федерации члена-корреспондента РАН Л.И.Леонова. Представитель Института индустриального наследия доктор Р.Блайденштайн (Нидерланды) рассказал об опыте голландских специалистов в деле изучения, документирования и использования объектов индустриальной культуры в своей стране. Доклад д.т.н. профессора Г.Г.Григоряна был посвящен анализу работы секции научно-технических музеев Российского комитета ИСОМ по сохранению культурного наследия в области науки и техники. Доктор Р.Берт, декан факультета социальных исследований Университета Экзетера (Великобритания) поставил в своем докладе ряд научных и практических проблем, связанных с сохранением подземных горных выработок на заброшенных шахтах в Англии, рассказал о существующей практике сохранения и использования памятников горной истории. К.и.н. И.В.Федосеева, ученый секретарь Государственного Исторического музея России (Москва, Россия) основное внимание в своем докладе уделила характеристике музейных коллекций ГИМа, отражающих различные этапы развития российской индустрии, анализу экспедиционной деятельности и особенностям документирования памятников индустриальной культуры. Широкий круг проблем, связанных с изучением и использованием индустриального наследия в широком смысле, а также конкретных памятников был поднят в докладах С.Дакуорта (Шотландия), д.и.н. профессора Л.Е.Репиды (Кишинев, Молдова), профессора Р.М.Лотаревой (Екатеринбург, Россия), А.Куглевской-Лех (Польша), к.и.н. К.А.Заболотской (Кемерово, Россия) и других участников развернувшейся дискуссии. К участникам и гостям конференции обратились председатель Международного союза металлургов С.В. Колпаков (Москва, Россия) и председатель Всероссийской ассоциации международных культурных и гуманитарных связей Ю.С.Мелентьев (Москва, Россия).

Во второй половине дня состоялись технические визиты на главный карьер Высокогорского горно-обогатительного комбината, выставку горной техники 20–50-х гг., в Музей истории подносного промысла Урала, а затем участники конференции совершили 4-часовую экскурсию по основным объектам Нижне-Тагильского металлургического комбината – одного из крупнейших в России и в мире металлургических гигантов.

Программа третьего дня работы Международной конференции в Нижнем Тагиле началась с посещения Кушвы, старинного уральского города, славившегося своими металлургическими заводами и богатейшими запасами расположенных неподалеку от города железных руд.

Дискуссию на пленарном заседании конференции, проходившей в этот день под председательством профессора М.Ниссер и д.и.н., профессора С.П. Постникова, председателя Свердловского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Екатеринбург, Россия), открыл доклад д.и.н. профессора Уральского государственного университета Л.Н. Коряковой, посвященный обзору археологических источников по истории индустриального развития Урала. Доктор И.Кремин из Университета Сиднея (Австралия) посвятил свое выступление проблемам археологического изучения железодобывающего производства в Австралии и сохранению конкретных объектов ранней железодобывающей промышленности. О масштабном историко-культурном проекте создания музейного комплекса в Пьомбино, центре добычи железной руды рассказал в своем докладе профессор Б.Корти, президент Института материальной культуры и индустриальной археологии (Италия). Академик РАН Б.В.Ананич (Санкт-Петербург, Россия) дал развернутую характеристику историографической традиции в освещении истории индустриального развития России. Доклад члена-корреспондента РАН Л.М.Горюшкина, директора Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия), был посвящен проблемам сохранения индустриального наследия в Сибири. Профессор Уральской горно-геологической академии В.С.Хохряков (Екатеринбург, Россия) остановился в своем докладе на проблемах создания музея истории горного производства на Урале и особенностях функционирования музея-шахты. Значительное внимание участники конференции уделили теоретическим аспектам изучения индустриального наследия. Так, ряд докладов был посвящен истории взаимодействия индустриальных культур России и стран Западной Европы. Особый интерес вызвали доклады доктора Г.Десейна (Бельгия) «Экспорт технологий в Россию накануне первой мировой войны», к.т.н. Э.П.Карпеева, директора Музея М.В. Ломоносова (Санкт-Петербург, Россия) «Универсальность европейского опыта индустриального развития», к.и.н. С.В.Устьянцева (Екатеринбург, Россия) «Памятники индустриальной культуры Урала XVIII–XIX вв. как часть европейского индустриального наследия».

В завершение рабочего дня конференции состоялся круглый стол «Проблемы музеефикации крупных промышленных объектов и особенности охраны памятников индустриальной культуры на действующих предприятиях».

11-12 сентября эстафету организатора работы конференции принял Екатеринбург – столица индустриального Урала.

В Екатеринбурге первым пунктом программы стало посещение Музея истории архитектуры и техники Урала, где собраны уникальные экспонаты и образцы промышленного оборудования XVIII–XIX вв. Затем участники конференции побывали на одном из старейших уральских заводов – Верх-Исетском металлургическом. В программу также было включено посещение крупнейшего в Европе машиностроительного завода – знаменитого на весь мир Уралмаша.

Программу научных дискуссий в ходе конференции продолжил "круглый стол" «Проблемы реконструкции раритетных технологий». Была обсуждена научная концепция создания Музея труда на Урале, различные проблемы, связанные с реконструкцией и типологией индустриальных технологий на основе археологических и исторических данных.

Заключительное пленарное заседание конференции прошло под председательством академика РАН Б.В.Ананича (Санкт-Петербург, Россия) и профессора Д.Барнхэма (США). Его открыл доклад д.э.н. профессора А.П.Дубнова (Новосибирск, Россия) «Индустриальность и культура в XXI веке: проблемы

конвергенции», в котором были поставлены общеполитические и методологические проблемы изучения и использования культурного наследия современной цивилизации, важнейшей составляющей которого являются памятники индустриальной культуры. Профессор Б. де Корте (Бельгия) в своем докладе «Какой должна быть политика по отношению к русскому индустриальному наследию?» сформулировал основные принципы перспективного международного сотрудничества в деле изучения и сохранения объектов индустриального наследия России, особо подчеркнув роль международного обмена информацией и конкретным опытом сохранения и использования памятников, накопленным в различных странах мира. О программе работы Ассоциации по сохранению индустриального наследия России, созданной инициативной группой ученых, музейных работников и деятелей культуры практически накануне Международной конференции ТИССИИ, доложил ее председатель, национальный представитель России в ТИССИИ член-корреспондент РАН В.В.Алексеев.

Результаты работы Международной научной конференции ТИССИИ достаточно полно соответствовали первоначальным замыслам ее организаторов. По общему признанию российских и зарубежных специалистов, принимавших участие в ее работе, подготовка и проведение конференции, включая в себя все аспекты – от организации дискуссий и технических визитов до решения организационно-технических вопросов – в целом отвечали принятым международным стандартам. В содержательном плане удалось в полном объеме решить главную задачу конференции – познакомить российских ученых и специалистов с последними мировыми достижениями в сфере изучения и сохранения памятников индустриальной культуры и провести публичную презентацию сохранившихся на Урале и в России в целом уникальных комплексов памятников индустриального наследия, имеющих не только национальное, но и международное значение.

Конференция позволила во многом объединить усилия специалистов в различных областях науки, образования, музейного дела, занятых в сфере изучения и сохранения памятников индустриальной культуры, обменяться опытом, сформулировать конкретные направления перспективных совместных исследований, выработать единые методологические подходы к проблеме изучения российской индустриальной культуры.

Одним из итогов работы Международной научной конференции ТИССИИ стало конституирование национального представительства Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИИ) с центром в Екатеринбурге. Созданная здесь Ассоциация по сохранению индустриального наследия, объединившая в своих рядах деятелей науки и культуры, представителей общественных организаций, выработала конкретную программу своей деятельности и приступила к осуществлению ряда масштабных проектов. В частности, уже подготовлены и представлены в ТИССИИ 5 паспортов на объекты индустриальной культуры для рассмотрения вопроса об их включении в Лист Мирового Индустриального Наследия ЮНЕСКО, развернуты работы по подготовке сводного каталога памятников индустриального наследия Урала, активно развивается сотрудничество с зарубежными научными и музейными организациями.

Е.В.Логунов, С.В.Устьянцев.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

(К итогам участия уральских историков
в Международных научных конференциях в Канаде и США)

Урал, являющийся с начала XVIII века крупным промышленным центром России, обладает в силу целого ряда исторических особенностей в своем развитии уникальным индустриальным наследием, составляющим славу и гордость России. Многочисленные памятники индустриальной культуры прошлого, сконцентрированные здесь, обладают исключительной информационной насыщенностью и значительной хронологической глубиной, а также отличаются высокой сохранностью. Для их всестороннего изучения и систематизации, без чего невозможно решение проблем их сохранения, перепрофилирования, музеефикации и последующего использования, в Институте истории и археологии УрО РАН (ИИиА УрО РАН) был разработан и в течение ряда лет успешно реализуется научно-исследовательский проект "Индустриальное наследие Урала", имеющий целью создание научных основ сохранения и использования памятников индустриальной культуры и архитектуры. К его реализации привлечены специалисты УрО РАН, вузов и музеев региона; проект получил поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, органов государственной власти и управления Урала.

Уже на стадии предпроектной подготовки стало очевидным, что решение масштабных задач изучения и сохранения памятников индустриальной культуры не будет эффективным без развития устойчивых профессиональных научных контактов с международными организациями и зарубежными специалистами, накопившими за последние десятилетия богатый опыт в сфере изучения, интерпретации, сохранения и использования объектов индустриального наследия в различных странах мира. В течение 1990–1993 гг. сотрудниками ИИиА УрО РАН были установлены рабочие контакты с Международным Комитетом по сохранению индустриального наследия (ТССИИ) – влиятельной неправительственной организацией, созданной в 1973 г. и объединяющей десятки национальных организаций подобного профиля, многочисленных специалистов по истории индустриальной культуры и архитектуры, промышленной археологии и музейного дела. Укрепилась сеть научных контактов с национальными организациями и институтами Великобритании, Швеции, Бельгии, Дании, Италии, Франции и других стран, занимающихся изучением индустриального наследия, музеефикацией памятников индустриальной культуры, их использованием в сфере научного и познавательного туризма. Представители Института истории и археологии неоднократно участвовали в работе международных научных конференций, проходивших под эгидой ТССИИ. Устойчивый характер международных научных связей Института в данной сфере и завоеванный за последние годы авторитет среди специалистов позволил сформировать для участия в очередном, IX конгрессе Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТССИИ), состоявшегося 29 мая – 2 июня 1994 г. в Канаде, представительную делегацию, основу которой составили ученые ИИиА УрО РАН.

Генеральная тема конгресса – "От индустрии к индустриальному наследию" – была призвана углубить теоретические подходы к изучению наследия как феномена национальных культур и мировой цивилизации в целом, оценить современное состояние и перспективы научных исследований и практических действий, направленных на всестороннее изучение, сохранение и использование памятников индустриальной культуры в различных странах в условиях, определенных организаторами конгресса как эпоха деиндустриализации и массового перехода к высоким технологиям, влекущая за собой принципиальные изменения в статусе и методах сохранения историко-культурного наследия предшествующей

индустриальной эпохи. Официальную российскую делегацию на конгрессе возглавлял директор Института истории и археологии УрО РАН, национальный представитель России в ТИССИИ чл.-корр. РАН В.В.Алексеев. В ее состав вошли: д.и.н. профессор Ю.И.Казанцев (Новосибирская государственная академия строительства), сотрудники ИИиА УрО РАН к.и.н. Е.Ю.Рукоусев, к.и.н. С.В.Устьянцев, к.и.н. Е.В.Логунов, к.и.н. В.А.Шкерин, доктор архитектуры, профессор Уральского архитектурно-художественного института Л.П.Холодова, к.и.н. И.В.Федосеева (Государственный Исторический музей России) и заместитель главы администрации Нижнего Тагила В.В.Кашенко. За все время контактов уральских историков с Международным комитетом по сохранению индустриального наследия столь представительная делегация была впервые приглашена для участия в официальном научном мероприятии ТИССИИ. Следует также отметить, что на IX конгрессе ТИССИИ Россия впервые получила статус т.н. "полного участия", включая право голосования по важнейшим вопросам деятельности Международного комитета по сохранению индустриального наследия, поскольку с 1993 г. в нашей стране официально действует национальное представительство ТИССИИ, созданное в Екатеринбурге по инициативе ряда деятелей науки и культуры при поддержке органов государственной власти и управления Уральского региона.

Важной особенностью участия российских ученых в IX конгрессе ТИССИИ было также то обстоятельство, что масштабное представление результатов научных исследований в сфере изучения индустриальной культуры России, и в частности Урала, проходило в Северной Америке впервые.

Принципиально новым было также участие российских ученых не только в работе тематических сессий, но включение российского доклада в программу пленарного заседания "Деиндустриализация и будущее индустриального наследия" под председательством профессора М.Палмер (Великобритания), открывшего теоретическую дискуссию в Оттаве. Совместный доклад чл.-корр. РАН В.В.Алексеева и к.и.н. Е.В.Логунова "Индустриальное наследие в постиндустриальном обществе" вызвал заинтересованное обсуждение, продолжавшееся практически в течение всей работы конгресса. В нем была представлена обобщенная характеристика индустриального наследия как феномена национальной культуры, предложен ряд дефиниций, проанализированы функции индустриального наследия в условиях деиндустриализации и перехода развитых стран на стадию постиндустриального общества. Особый интерес, как показало последующее обсуждение, вызвал тезис о преобладании информационной функции индустриального наследия как транслятора овеществленных знаний от предшествующих поколений к последующим и ее изменение с ростом информационного пространства современной цивилизации. Была поставлена в докладе и чрезвычайно дискуссионная проблема о перспективах сохранения и использования крупных промышленных объектов, которые в процессе деиндустриализации, охватившем большинство европейских и североамериканских государств, но относительно слабо проявившемся в России, выводятся из сферы производства и попадают в категорию наименее защищенных объектов индустриальной культуры, требующих к тому же гигантских вложений на поддержание своего существования. В связи с этим была предложена процедура применения единых международных критериев для определения ценности памятников одного и того же типа в различных странах и объединения усилий по сохранению наиболее типичных для каждой из выделенных в процессе предварительного отбора групп. Выступавшие на пленарном заседании профессор М.Менде (Германия), профессор Г.Вандерхельст (Бельгия) и профессор П.Вэйклин (Великобритания) в своих докладах уделили основное внимание структурированию феномена деиндустриализации и анализу возможных последствий этого для национального наследия, а также оценке современного состояния и перспектив развития промышленной археологии как научной дисциплины.

Свидетельством пристального внимания международного научного сообщества к проблемам изучения и сохранения памятников индустриальной культуры России стало выделение в программе конгресса специальной сессии "Индустриальное наследие России", на которой председательствовал профессор Д.Барнхэм (США). Двухчасовое заседание сессии конгресса, в работе которой приняли участие десятки специалистов из всех стран Европы, а также США, Канады, Австралии, Японии, было посвящено обсуждению четырех докладов российских участников. Д.и.н., профессор Ю.И.Казанцев выступил с докладом "Социальные последствия деиндустриализации: опыт реформируемой России", в котором был поднят широкий круг проблем изучения и сохранения памятников индустриальной культуры. Данная тема получила дальнейшее развитие в докладе к.и.н. В.А.Шкерина "Новая экономическая ситуация в России и проблемы сохранения индустриального наследия Урала". Были проанализированы федеральные и местные законодательные акты, регулирующие режим охраны и использования наиболее ценных памятников, роль научных учреждений и органов местной власти в обеспечении их учета и паспортизации, отмечен уникальный характер ряда индустриальных комплексов Урала. Большой интерес участников заседания вызвал доклад к.и.н. С.В.Устьянцева "Памятники западной индустриальной культуры на уральских заводах XIX – начала XX вв.", в котором были рассмотрены различные аспекты взаимодействия европейской и российской индустриальных культур. Технологическое взаимодействие Запада и России, как доказывает докладчик, было более интенсивным и многосторонним, чем принято считать в научной литературе. Доклад доктора архитектуры профессора Л.П.Холодовой был посвящен проблемам сохранения индустриально-архитектурных комплексов на Урале, многие из которых не имеют себе равных не только с точки зрения национального историко-культурного достояния, но и с позиций международных критериев.

Члены российской делегации также приняли участие в работе других сессий конгресса. На сессии "Материальная культура" под председательством директора Канадского музея цивилизации профессора Ж.-П.Харди с докладом, посвященным памятникам индустриальной культуры Центральной России, выступила к.и.н. И.В.Федосеева (Москва). В нем содержался развернутый обзор коллекций и фондов Государственного Исторического музея России, в которых сосредоточены обширные материалы по истории промышленности, архитектуры, индустриальных технологий в России начиная с рубежа XV–XVI вв. И.В.Федосеева подробно охарактеризовала основные этапы развития промышленного потенциала Центральной России и современное состояние многих комплексов памятников, их научную значимость и потенциальные возможности использования в качестве объектов познавательного и научного туризма. Многочисленные положительные комментарии специалистов вызвал доклад заместителя главы администрации Нижнего Тагила В.В.Кашенко "Политика городской администрации: от заводского музея к индустриально-ландшафтному парку".

В целом участие российской делегации в работе IX конгресса по сохранению индустриального наследия получило высокую оценку зарубежных коллег. Приведем лишь одно свидетельство – официальное сообщение об итогах конгресса, опубликованное в "Бюллетене ТИССИИ" № 3 за август 1994 г. "Особое значение, – отмечается в бюллетене, – имел вклад российских делегатов... Памятники, которые сохранились на Урале, а также коллекции, представленные в национальных музеях Москвы, имеют исключительную важность для всех, кто занимается историей горной промышленности и материального производства. А доклады, представленные русскими, во многом способствовали новому осмыслению этого".

По завершении официальной программы IX конгресса ТИССИИ российские специалисты были приглашены в Торонто, где 2–5 июня 1994 г. проходила XXIII

Международная научная конференция Общества индустриальной археологии (SIA), объединяющего североамериканских ученых и специалистов, занимающихся проблемами изучения индустриального наследия и промышленной археологии. В официальную программу конференции были включены два российских доклада. Первый, с которым выступила к.и.н. И.В.Федосеева (Москва), был посвящен проблемам индустриальной археологии Центральной России и содержал развернутый обзор памятников индустриальной культуры XIX – начала XX вв. Второй был подготовлен совместно чл.-корр. РАН В.В.Алексеевым, к.и.н. С.В.Устьянцевым и к.и.н. В.В.Логуновым и представлял собой характеристику основных комплексов памятников горного и металлургического производства Урала, золотодобычи, художественной обработки металла. Участникам конференции были сообщены основные результаты научных исследований таких объектов, как Северский, Нижне-Тагильский и Кушвинский металлургические заводы, Березовский золотодобывающий прииск, комплекс магнезитового производства "Пороги" на Южном Урале, Усть-Боровской солеваренный завод в Соликамске и др. Реакция участников конференции была единодушной – каждый российский доклад встречали аплодисментами. А когда на специальной сессии конференции сотрудники Института истории и археологии УрО РАН продемонстрировали отснятые по уральским памятникам индустриального наследия видеоматериалы, аплодисменты не смолкали в течение нескольких минут.

К числу важнейших итогов участия уральских историков в мероприятиях SIA в Торонто следует отнести договоренности, достигнутые с представителями компании "Dames and Moore" – одной из наиболее авторитетных в США научно-исследовательских и культурных организаций, занимающихся разработкой и реализацией крупных проектов музеефикации и использования памятников историко-культурного наследия. В соответствии с ними российская сторона по согласованию с органами местной власти представляет руководству компании свои предложения по 1-2 объектам индустриального наследия, на основе которых специалисты "Dames and Moore" выполняют полный комплекс работ по научной и инженерной экспертизе, подготовке проекта музеефикации, консультируют русских специалистов, оказывают непосредственную помощь в проведении работ по консервации и восстановлению, экскурсионно-туристскому использованию объектов. При этом компания сама финансирует эти работы.

Также достигнута окончательная договоренность об организации в США и Канаде фотовыставки "Индустриальный Урал в панораме XVIII–XX в.", открытие которой планируется в Национальном Историческом заповеднике США Sloss Furnaces в Бирмингеме. В реализации проекта принимают участие представители крупных промышленных музеев Балтимора, Чикаго (США) и Оттавы (Канада).

6–10 июня 1994 г. в Денвере (США) состоялась III Международная научная конференция по горной истории, в работе которой приняли участие свыше 250 ученых из более чем 30 стран мира. Организованная силами Ассоциации по горной истории США в одном из самых знаменитых в мире районов горнодобывающего производства – Колорадо, эта конференция стала третьим по счету всемирным форумом специалистов по истории горной индустрии. Предшествующие конференции состоялись в Германии и Австралии.

Российскую сторону на конференции представляли чл.-корр. РАН В.В.Алексеев и к.и.н. Е.В.Логунов. В соответствии с предложением организаторов конференции и учитывая то обстоятельство, что Россия ранее не была представлена на подобных научных мероприятиях, в программу конференции, так же как и в Канаде, была включена специальная сессия по России. Исключительно большой резонанс и заинтересованное обсуждение вызвал доклад чл.-корр. РАН В.В.Алексеева "Освоение горных богатств востока России как фактор формирования ее имперской политики". В нем была предпринята попытка принципиально по-новому оценить роль ресурсного потенциала восточных районов России в мировой

экономике и политике, реализация геополитической стратегии на различных этапах исторического развития Российского государства. Участникам конференции были представлены обобщенные данные по истории освоения горных богатств востока России за период XVIII–XX вв., впервые вводимые в научный оборот. Они наглядно иллюстрировали всевозрастающую роль природных ресурсов Урала и Сибири в формировании внутренней и внешней России. Действительно, уже в XVIII в. Урал вышел на первое место по производству черных металлов, активно экспортировавшихся во все страны Европы и даже в США. В первой половине XIX в. один Алтайский горный округ в Сибири производил серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария, Пруссия и Бельгия вместе взятые, а к концу XIX в. в Сибири производилось свыше 90% российского золота. XX век принес пальму первенства уральской платине – в начале столетия здесь было сосредоточено 95% мировой ее добычи. В последние десятилетия продажа на мировых рынках тюменской нефти, якутских алмазов и золота покрывала 4/5 потребностей российского импорта. Все это кардинальным образом влияло как на темпы освоения природных богатств, так и на возрастание их роли в решении всего спектра экономических, политических и социальных проблем, смягчая до определенного времени остроту нарастания кризисных явлений в экономике бывшего СССР.

Доклад к.и.н. Е.В.Логунова был посвящен характеристике основных этапов в развитии горной индустрии Урала – от первых опытов добычи и обработки металлов до формирования крупнейшего горнодобывающего комплекса, играющего роль в наращивании ресурсного потенциала России. Уже на рубеже IV–III вв. до н.э. Урал являлся, по археологическим данным, районом относительно развитого железнорудного производства. В эпоху Петра I он становится крупнейшим промышленным центром, основу которого составляли богатые запасы железной руды. Открытие крупных месторождений золота и платины, а позже многих редкоземельных металлов выводит Урал в число наиболее крупных горнодобывающих районов мира. Высокая концентрация горнодобывающего производства стимулирует ускоренное развитие тяжелой промышленности и оборонных предприятий. В годы второй мировой войны уральский металл сыграл решающую роль в обеспечении военного производства. На базе старинных солевых промыслов Прикамья были сформированы крупнейшие в стране предприятия по добыче калийных солей, производству магнезии, других ценных ресурсов.

В рамках конференции был параллельно организован специальный научный симпозиум по сохранению памятников горной истории, работавший в течение трех дней. Российские делегаты также приняли в нем участие. Чл.-корр. РАН В.В.Алексеев представил доклад "Гороблагодатский карьер на Урале – уникальный памятник мировой горной истории", посвященный истории и характеристике современного состояния одного из крупнейших в мире горнодобывающих объектов, эксплуатация которого продолжается свыше 250 лет. За это время из недр горы Благодать, на месте которой сейчас находится гигантский кратер карьера диаметром около километра и глубиной 315 метров, было извлечено свыше 150 миллионов тонн высококачественной железной руды – содержание чистого железа в ней достигало в свое время 58%. В докладе были подробно проанализированы история и технология добычи и переработки руды, ее роль в создании крупнейшего в России центра горно-металлургического производства на Урале, приведены обсуждаемые в настоящее время специалистами варианты последующего использования Гороблагодатского карьера как памятника горной истории в системе создающегося в регионе индустриально-ландшафтного парка. Доклад к.и.н. Е.В.Логунова, подготовленный совместно с к.и.н. В.А.Шкериним, "Проблемы реконструкции соляных скважин и соледобычи в Прикамье" был посвящен истории развития солевых промыслов региона, и в частности, характеристике уникального комплекса памятников солеваренной промышленности – Усть-Боровского солеваренного завода. Основанный в 1878 г. и работавший до 1972 г.

этот завод является единственным в России памятником промышленной деревянной архитектуры, сохранившимся до наших дней. Здания и сооружения, элементы технологического оборудования завода позволяют полностью реконструировать технологический цикл добычи и обработки соли, восходящий к XVI–XVII вв. В отличие от большинства других памятников солеваренной промышленности Прикамья, уничтоженных в процессе создания Камского водохранилища или разрушенных после своего закрытия, в 50–60-е гг. Усть-Боровскому солеваренному заводу по инициативе ученых и музейных работников при активной поддержке местных органов власти был придан музейный статус с установлением охранной зоны и зоны регулируемой застройки, что позволило сохранить в первозданном виде основные технологические звенья и производственные объекты. По инициативе российского национального представительства ТИССИН подготовлен и представлен в международные организации комплект документов на включение Усть-Боровского солеваренного завода в Лист Мирового Индустриального Наследия ЮНЕСКО.

В целом участие уральских историков в серии международных научных мероприятий, состоявшихся летом 1994 г. в Канаде и США, позволило решить широкий круг задач. Прежде всего – представить на обсуждение зарубежных коллег основные научные результаты, полученные за последние годы в сфере изучения индустриальной истории Урала и России в целом, сохранения памятников индустриального наследия, их систематизации, учета и использования. Были установлены многочисленные профессиональные контакты как с отдельными специалистами, так и с международными и национальными организациями и институтами, занимающимися изучением индустриальной истории и индустриальной культуры. Проведены консультации по вопросам разработки и реализации ряда совместных проектов, позволяющих объединить усилия российских и зарубежных специалистов в благородном деле сохранения уникального индустриального наследия Урала для будущих поколений.

Е.В. Логунов,

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА XI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

(Милан, 13–14 сентября 1994 г.)

Международная ассоциация экономической истории – одна из старейших и наиболее авторитетных научных гуманитарных организаций мира, объединяющая тысячи исследователей разных стран. Свидетельством тому служат регулярно проводимые Ассоциацией конгрессы экономической истории. Последний из них состоялся 12–16 сентября 1994 года в Италии, в Милане.

Впечатляет обширность тематики конгресса: в течение 5 дней обсуждались как глобальные проблемы типа "Изменение связей в Европе. Разделение и кооперация труда в XIV–XIX веках", "Крупный бизнес и благосостояние наций в 1880–1980-е годы", "Проблемы распространения рыночной экономики в конце XX столетия", так и вопросы, касающиеся развития отдельных отраслей эконо-

мики – вплоть до вызывающей улыбку, но вместе с тем вполне серьезной темы “Производство и потребление пива с 1500 года”. В целом, в ходе конгресса прошла работа около 100 отдельных секций, каждая из которых была посвящена разным аспектам истории экономического развития человечества.

Серьезное внимание в ходе конгресса привлекла к себе секция С32 “Социальная организация европейской железодельной промышленности. 1600–1900 гг.” Дело в том, что вопросы социальной организации в черной металлургии XVII–XX веков непосредственно связаны с общей проблемой протоиндустриализации европейских стран. Концепция протоиндустриализации создавалась в течение 80-х годов¹, причем преимущественно на основе материалов текстильной промышленности.

Первой крупной попыткой рассмотреть процесс становления и развития протопромышленности на материалах железодельного производства стал совместный российско-шведский исследовательский проект “Социальная организация железодельного производства Швеции и России и XVI–XIX веках”, объединивший ученых Упсальского университета и Института истории и археологии УрО РАН. Полученные в ходе четырехлетней (1990–1994 годы) совместной работы и частично уже опубликованные научные результаты стали основой для проведения специальной секции на XI Международном конгрессе экономической истории; два участника совместного проекта – член-корреспондент РАН В.В. Алексеев и доктор Г. Риден стали руководителями секции.

В течение двух дней работы секции были представлены 13 докладов ученых из 8 стран – Швеции, России, Бельгии, Франции, Германии, Англии, Испании и Италии. Тематические доклады составили три группы: организация железодельного производства в ранний период; влияние государства и аграрного окружения на железодельное производство; организация железодельного производства в поздний период. Соответственно были организованы три подсекции.

Первая подсекция – “Организация железодельного производства в ранний период” – открывалась докладом Рафаэля Уриарте (Испания) “Доиндустриальные технологии производства железа и социальная организация производства в стране басков”. Свое выступление автор посвятил проблеме взаимосвязи технологических и социальных аспектов в системе деления труда в сыродутном железодельном производстве в стране басков в XVI–XVIII веках. Эта же тема, только на материалах металлургической промышленности Словакии того же периода, развивалась в следующем докладе ученого из Германии Аюша Паулини (“Производство железа в Словакии до индустриализации. XVI–XVIII века”).

В очень интересном выступлении французский ученый Жан-Франсуа Белесте рассказал о роли и значении династий железозаводчиков Франции в процессе переноса технологического опыта в период с 1600 по 1800 годы.

Работа подсекции завершалась наиболее глубоким и основательным докладом шведских исследователей А. Флорена и Г. Ридена “Социальная организация в производстве полосового железа в Швеции. 1600–1800 гг.”, в котором авторы пытались на основании преимущественно шведских материалов определить общие и особенные черты социальной организации железодельного производства в доиндустриальный период.

Вторая подсекция – “Влияние государства и аграрного окружения” – включала три доклада: Мария Шеберг и Мария Огрен (Швеция) “Государство, крестьяне и производство железа. 1600–1850 гг.”; Марко Тицони (Италия) “Бергамские металлургии в Европе и их роль в родных коммунах в течение XVII века”; Крис Эванс (Англия) “Корпоративная культура в британской железодельной промышленности”. Наиболее активную дискуссию вызвал последний доклад, в котором автор акцентировал свое внимание на формировании корпоративных организаций и мышления в среде железозаводчиков и их взаимоотношениях с государством.

Третья подсекция – “Организация железодельного производства в поздний период” – включала четыре доклада, посвященных различным аспектам раз-

вития европейской черной металлургии в XIX веке. Доклад российских ученых В.Г. Железкина и С.В. Устьянцева "Контроль над производством и технологическая эволюция в железнорудной промышленности Урала в первой половине XIX века" был посвящен вопросам влияния существующей организации производства на направление и темпы технического прогресса. Андреа Колли (Италия) в своем докладе "Железное общество. Металлургический район Лессо. 1815–1915 гг." остановил свое внимание на процессах изменения социальной организации производства в ходе промышленной революции. Ученый из Германии М. Менде в коротком докладе обратил внимание на вопросы переориентации "старой" железнорудной промышленности в условиях меняющегося рынка во второй половине XIX века.

Деятельность секции завершили два доклада известных европейских ученых Д. Вороноффа (Франция) и М. Ниссер (Швеция). Первый доклад – "Французская железная промышленность и сельский мир до середины XIX века" – обратил внимание присутствующих на целый ряд проблем взаимодействия нарождающейся промышленности и породившего ее сельского окружения. Доклад М. Ниссер "Физическая организация европейской железной промышленности – сравнительный подход" показал необходимость уделения большего внимания вопросам технологического влияния на формирование социальной организации производства.

Основным практическим итогом работы секции можно считать единодушный вывод участников о необходимости создания общеевропейского научно-исследовательского проекта по изучению социальной организации железнорудного производства Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий историографический обзор по проблеме протоиндустриализации см.: Флорен А. Классовая борьба и протоиндустриализация (борьба за контроль над производством в железнорудных районах Норы и Линда в Швеции в XVII–XVIII вв.) // *Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 6–17; Риден Г. Производство домохозяйств в период возникновения капиталистического общества // *Металлургические заводы и крестьянство... С. 24–29.**

С.В.Устьянцев.

СТРОГАНОВЫ И ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Научная конференция "Строгановы и Пермский край" была организована Пермской художественной галереей (февраль 1992 г.) и приурочена к выставке культурологического характера "500 лет рода Строгановых, меценатов искусств". Пожалуй, впервые в послереволюционной истории была сделана попытка комплексного рассмотрения многогранной деятельности на благо России и ее культуры рода Строгановых – промышленников, купцов, государственных деятелей, меценатов искусств и коллекционеров на протяжении XVI–XIX вв. Художественные выставки последних десятилетий и конференции, которые были организованы в 1970–1980 гг. Русским музеем, Третьяковской галереей, Научно-реставрационным центром им.И.Э.Грбаря, Пермской художественной галереей, охватывали

круг художественного творчества строгановских иконописцев, мастеров культового золотого шитья и прикладного искусства XVI–XVII столетий. Более позднее время, не менее значимое в истории рода и России, оставалось за пределами исследований. Поэтому организаторы выставки и научной конференции, стремясь заполнить этот пробел, поставили более широкие задачи – на общем историческом фоне показать культурно-строительную миссию представителей рода Строгановых на протяжении пяти столетий и, следовательно, привлечь внимание к незаслуженно обойденному вниманием древнему роду Строгановых, с именами представителей которого на протяжении нескольких столетий были связаны замечательные страницы русской культуры: иконописания, архитектуры, живописи, рукописной книги, духовной музыки.

Доклады конференции охватывали широкий спектр проблем – от историографии рода (докл. О.Б. Лукьяновой) – до коллекционерской деятельности представителей известной фамилии (докл. Т.П. Чураковой, Л.Ю. Савинской, С.О. Кузнецова, Е.В. Карповой). Особое внимание было уделено промышленному и культурному освоению Прикамских земель в XVII–XIX вв. Серия докладов была посвящена изобразительному искусству, архитектуре, развитию духовной музыки в административных центрах, селах, заводах строгановских владений, а также книжной культуре (Н.А. Мудрова "Книжные вклады Строгановых втор. пол. XVI – нач. XVII в."; Н.В. Казаринова "Изобразительное искусство на вотчинных заводах Строгановых в Прикамье в конце XVIII – пер. пол. XIX в."; Г.Н. Чагин "Деревянное зодчество строгановских земель"; О.М. Власова "Подписные строгановские иконы в собрании Пермской художественной галереи"; В.К. Шуйский "Строгановские альбомы" чертежей и рисунков А.Н. Воронихина"; Н.В. Парфентьева "Основные направления творчества усольских строгановских мастеров певческого искусства XVI–XVII вв.")

Впервые в научное ураловедение В.В. Мухин ввел понятие "строгановский регион". По мнению автора, это понятие включает не только территорию, реально принадлежащую Строгановым с XVI по XIX вв., но и земли, отошедшие по разным причинам другим владельцам, но в большей или меньшей степени сохранившие экономическое, социальное, культурное единство с собственно строгановскими владениями. В пределах этого региона, который охватывал всю территорию Прикамья, существовали устойчивые культурные традиции. Автор называет регион "Строгановским Уралом", в отличие от "Демидовского Урала", который также отличался культурным своеобразием. Под влиянием и во взаимодействии этих двух культурных ареалов, по мнению В.В. Мухина, шел процесс формирования и развития культуры дореволюционного Урала.

Ряд сообщений был посвящен истории промышленного освоения пермских земель, истории забытых заводов Строгановых (докл. Е.Д. Харитоновой, И.Н. Андреек, В.Н. Долгих и др.).

О.Л. Кутьев осветил не только историю вотчинного архива Строгановых в с. Ильинское, но и дал его классификацию и определил научную ценность.

Доклады Г.Д. Кантаровича, Н.З. Короткова и А.В. Шилова были посвящены проблемам освоения, сохранения, реставрации уникальных архитектурных комплексов Нового Усоля. Авторы предлагают внести ансамбль в списки памятников, находящихся под охраной ЮНЕСКО, подготовить соответствующие документы. Только так, полагают авторы, возможно привести статус архитектурного Усоля в соответствие с его реальной культурологической и исторической уникальностью.

Н.В. Казаринова.

Научная конференция и выставка "РЮРИКОВИЧИ И РОМАНОВЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ"

Пермская государственная художественная галерея взяла на себя смелость осуществить большую культурологическую программу "Рюриковичи и Романовы в русской культуре".

Тематика конференции, состоявшейся 18–20 апреля 1994 года в Перми, предполагала объединение научных исследований современного искусствознания и культурологии.

На конференцию было заявлено более 60 научных докладов философов, историков, литературоведов, искусствоведов, музыковедов, краеведов – ученых крупнейших вузов, научно-исследовательских институтов, библиотек, художественных музеев страны. В Перми объединились специалисты из Москвы, С.-Петербурга, Ломоносова, Екатеринбурга, Челябинска, Красноярска, Новосибирска, Сыктывкара и других российских городов.

Цель программы: на основе разных научных знаний попытаться выявить и обобщить результаты частных исследований специалистов России. Нам представляется это важным, поскольку за годы Советской власти эта роль намеренно искажалась.

Сейчас, когда многое к нам возвращается из небытия, есть возможность и диктуемая временем необходимость на основе многостороннего изучения и систематизации приблизиться к подлинному пониманию этого значения.

Моральным стимулом в большой подготовительной работе по осуществлению "Программы" была живая поддержка и участие многих известных ученых, истинных подвижников русской культуры. Выражая всем слова искренней признательности, хотелось бы особенно поблагодарить Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, И.В. Поздееву, С.Н. Азбелева. В своем письме Д.С. Лихачев написал: "Идея выставки "Рюриковичи и Романовы в русской культуре" крайне важна... Не идеализирую, мы можем сейчас показать значение отдельных личностей и культурных традиций этих двух родов. Желаю выставке и конференции успеха, успеха и успеха".

На конференции была отмечена важность деятельности людей, более тысячи лет управляемых нашим государством. Среди них были выделены великие реформаторы и полководцы, тонкие знатоки и ценители искусства, выдающиеся деятели культуры, внесшие в ее развитие немалый вклад.

Работа конференции строилась без разделения на секции. Доклады искусствоведов и философов, историков и литературоведов были объединены с учетом их тематической структуры. Конференция показала, что в разных областях занятий просматриваются общие проблемы и внутренние связи. Это отражает тезисы прочитанных и заявленных докладов.

Программу конференции открыл доклад А.М.Панченко (Институт русской литературы) "Особенности российской цивилизации". Отчасти эта же проблема рассматривалась в докладе Л.Г.Захаровой (Московский государственный университет) "Политические традиции и политическая культура русского императорского дома". Тема "Рюриковичей" так или иначе прозвучала в 1/3 выступлений. В докладе "Рюриковичи – святые православной церкви" Д.В.Сизоненко (Российская национальная библиотека) дано историческое и богословское обоснование факта канонизации князей в России и широкое распространение их почитания. И.А.Кочетков (Государственная Третьяковская галерея) сделал блестящий анализ иконографии Рюриковичей.

Е.Л.Пушкарева (Российский педагогический университет) рассмотрела проблему генезиса исторического мифа на примере святых русских князей-мучеников Бориса и Глеба.

Доклад О.М.Власовой (Пермская государственная художественная галерея) был посвящен одному из самых популярных святых русского пантеона – царевичу Дмитрию. Иконографический анализ делался на группе памятников “строгановской школы” XVII в. из коллекции Пермской галереи.

Новые исследования по фольклору об Иване Грозном прозвучали в выступлении С.Н.Азбелева (Институт русской литературы).

Т.Е.Самойлова (Государственный музей-заповедник “Московский Кремль”) в своем докладе подробно исследовала княжеский цикл росписей Архангельского собора, который включает в себя изображение русских святых князей, помещенных среди святых воинов, почитаемых во всем православном мире, и вообразимые портреты погребенных в соборе представителей великокняжеской династии. По замыслу заказчиков – царя Ивана IV и его наставника митрополита Макария, воплощенная в соборе система росписи была призвана способствовать оформлению идеи сакрализации царской власти.

Доклад И.В.Поздеевой (Московский государственный университет) “Государев Печатный Двор и становление династии Романовых” был посвящен выявлению и анализу конкретно-исторических механизмов идеологического и политического укрепления династии Романовых в XVII веке. Важную роль в этом процессе сыграл Московский Печатный Двор. Эта проблема всесторонне исследовалась автором с точки зрения содержания книг, их социально-культурной функции и ее осуществления.

Атрибуционному анализу апокалиптической иконографии в памятниках Рюриковичей и Романовых XVI–XVII вв. и сохранению ее в старообрядческой среде было посвящено выступление Г.П.Волгиревой (Пермский государственный университет).

Сообщение Е.Л.Трегубовой (Государственный Исторический музей) познакомило с историей усадьбы бояр Романовых в Москве; созданием музея, а также новыми открытиями и неожиданными находками, полученными в ходе последних реставрационных и археологических работ.

Тема доклада М.К.Павлович (Государственный музей-заповедник “Московский Кремль”) тесно связана с историей дома Романовых и затрагивает один из самых торжественных событий в жизни страны XVIII столетия – церемонии коронации российских монархов.

Доклад О.Г.Ульянова (Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева) – “Дворцовый арсенал как трансперсональный символ института монаршей власти в России” раскрывает, на базе отечественных и зарубежных источников, регламент использования парадного оружия в дворцовом церемониале, восходящего к византийским традициям.

Тема монархии нашла отражение в ряде сообщений, среди них доклады: И.В.Побережникова (Институт истории и археологии УрО РАН) “Народная монархическая традиция на Урале (XVIII–первая половина XIX в.)”; Н.С.Гурьяновой (Новосибирский институт истории, филиал Российской АН) “О монархизме русских старообрядцев XVIII века”; Б.В.Кондакова (Пермский государственный университет) “Идея монархии в русской культуре конца XIX века” и др.

Серия докладов была посвящена тем или иным представителям Дома Романовых. Хотелось бы отметить выступление Ю.В.Мудрова (Государственный музей-заповедник, Павловск) об императрице Марии Федоровне (1759–1828) как выдающемся деятеле культуры. Остро прозвучал доклад Д.В.Пивоварова (Уральский государственный университет) “Александр II и пророк Баха-Улла”. Автор отметил благосклонное отношение Александра II к лидерам веры Бахаи, что способствовало распространению в России религии Бахаи.

Большое внимание привлекли темы литературоведческие. С.Н.Азбелев (Институт русской литературы) в докладе “Пять последних императоров” проанализировал поэтическое наследие, посвященное жизни и деятельности Алек-

сандра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, в творчестве выдающихся русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Тютчева, Майкова, Фета и других. Этот материал свидетельствует о позитивных оценках личных качеств и исторических деяний пяти последних императоров России. Даже вольнолюбивые классики – Пушкин и Лермонтов – с большой художественной силой выразили верность русского народа императорскому престолу. Автор констатирует, что такого рода стихотворения после 1917 года почти не публиковались или печатались с купюрами.

Доклад Е.С.Лукашевского (Государственный музей истории религии)¹ был посвящен поэтическому творчеству великого князя Константина Константиновича Романова, известного в литературе под псевдонимом "К.Р.". Автор обратился к наименее известной стороне творчества "К.Р.", связанной с его христианским мироощущением и религиозными переживаниями. Особое внимание было уделено стихам религиозного цикла и драме "Царь Иудейский".

Теме "Романовы и Прикамье" был посвящен целый цикл выступлений. И это не случайно. Урал стал землей скорби для династии Романовых. Пермь – одно из таких мест. С Пермским краем связана трагическая смерть дяди первого царя из династии Романовых, Михаила Никитича (1601). В Перми летом 1918 года был убит великий князь Михаил Александрович. Кроме того, Пермская земля была связана с другими Романовыми. Так, Пермь посетил в свое время Александр I. Об этом событии пермякам напоминает летняя ротонда, построенная в городском парке по проекту архитектора И.И.Свиязева в честь приезда его Императорского Высочества.

В 1837 году здесь побывал цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II и герцог Максимилиан Лейхтенбергский, позднее – супруг великой княгини Марии Николаевны Романовой, старшей дочери Николая I.

Еще позднее эти места посетила Елизавета Федоровна, сестра императрицы Александры Федоровны (жены Николая II). Тема "Романовы и Прикамье" нашла отражение в ряде докладов. Среди них выступление Л.А.Брутской (Институт повышения квалификации работников образования, Пермь). Она проанализировала историографию и источники о Михаиле Никитиче Романове и его ныробской ссылке. Г.Н.Чагин (Пермский государственный университет) сделал два доклада: "М.Н.Романов и ныробские древности в духовной жизни крестьян Прикамья XVII–XX вв." и "Игумен Серафим и Великая княгиня Елизавета Федоровна".

Завершило конференцию выступление М.Н.Соколова (НИИ Российской АХ, Москва) – "Несбывшийся Ренессанс Романовской России", которое подвело своеобразную итоговую черту.

Работу конференции "Рюриковичи и Романовы в русской культуре" обобщил "круглый стол" "Монарх – общество – культура".

Что касается одноименной выставки, то эта попытка осмыслить изобразительный материал в новом контексте. На ней представлены русские князья, цари, императоры и члены их фамилии в произведениях культового и светского искусства XVII – начало XX вв., преимущественно из фондов Пермской галереи и частично из музеев области.

Эта разноплановая и достаточно многочисленная коллекция иконы, золотого шитья, живописи, лубка, фарфора, стекла, нумизматики, насчитывающая до 500 произведений, в большинстве своем скомплектованная уже в 1920–1930-е гг., впервые так широко представлена зрителю. Эти портреты и пейзажи, скульптура и фарфор стали не только символами мастерства и таланта известных и совсем не известных нам художников, но и немymi свидетелями ушедших эпох России. Они величественны и роскошны, как церковные и царские интерьеры, для которых они чаще всего предназначались, и иконографически связаны с русской историей, культурой.

Помимо художественного, на выставке был представлен документальный материал из архивов Перми. Он отражает события, связанные с пребыванием и траги-

ческой гибелью на пермской земле двух Романовых – Михаила Никитича и Михаила Александровича. Кроме архивных материалов, экспонировались книги, предоставленные областной научной библиотекой им. А.М.Горького и библиотекой педагогического института. Это редкие издания конца XVIII – начала XX вв., дающие довольно полное представление о императорах и членах их семей.

А.И.Пестова.

"V ПОЛЗУНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ"

19–20 апреля 1994 г. в Екатеринбурге состоялись V Ползуновские чтения, посвященные 265-летию со дня рождения И.И.Ползунова (1729–1766), выдающегося русского теплотехника XVIII в. Научные чтения были организованы Свердловским государственным историко-краеведческим музеем совместно со Свердловским горно-металлургическим техникумом им. И.И.Ползунова. Все предшествующие Ползуновские чтения проводились на Алтае (Барнаул, Змеиногорск, Павловск) по инициативе Алтайской краеведческой ассоциации и Алтайского отделения Российского Фонда культуры.

В V Ползуновских чтениях принимали участие исследователи и краеведы из Екатеринбурга, Иркутска, Барнаула, Нижнего Тагила, Верх-Нейвинска, Соликамска. На конференции были представлены музеи, высшие заведения, архивы, библиотеки, институты Уральского отделения Российской Академии наук, краеведческие организации. Почетным участником конференции был академик РАН В.П.Скрипов, директор Института теплофизики УрО РАН, лауреат премии АН СССР им. И.И.Ползунова 1981 г.

Ряд докладов, прозвучавших на конференции, был посвящен родине выдающегося изобретателя – Екатеринбургу: об учителях и современниках И.И. Ползунова рассказали А.М.Сафронова, А.В.Черноухов, С.И.Умнякова (УрГУ), Ю.Э.Соркин (Музей истории медицины); о Екатеринбургском гарнизоне, в котором служил отец И.И.Ползунова, – В.Н.Земцов (УКЦ), В.А.Ляпин (УрГУ), А.В.Кутишев (ЕВАУ); о внутрикрепостном устройстве Екатеринбурга – Н.С.Корепанов (ИИиА УрО РАН) и С.А.Корепанова (СГОИКМ).

Принципам действия созданной И.И.Ползуновым паровой машины и тем знаниям, которыми располагал изобретатель, было посвящено сообщение В.П.Скрипова (Институт теплофизики УрО РАН).

На историю создания и внедрения паровой техники последователями И.И.Ползунова, а также на градостроительный резонанс этого явления было обращено внимание в докладах Б.Г.Рябова (УАХИ), Д.В.Гаврилова (ИИиА УрО РАН) и Р.М.Лотаревой (УАХИ).

Проблемы взаимовлияния и взаимопроникновения индустриальных культур России и Западной Европы были затронуты в выступлениях А.С.Черкасовой (Демидовский институт) и С.В.Устьянцева (ИИиА УрО РАН).

Уральским изобретателям и новаторам производства посвятили свои сообщения О.А.Бухаркина (ГАСО), Л.А.Дашкевич, Л.И.Зорина (СГОИКМ), А.А.Зыков (Институт технического творчества ВОИР), А.Г.Мосин (ЦНБ УрО РАН), Е.Ю.Рукосуев (ИИиА УрО РАН), В.М.Слукин (Общество уральских краеведов).

Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала и Алтая проанализировали в своих выступлениях Е.А.Курлаев (УрГУ) и А.В.Контев (Барнаульский пед. университет).

О первых научно-технических изданиях России рассказали А.Г.Нестеров (СГОИКМ) и В.В.Филатов (УГГА).

Тезисы докладов V Ползуновских чтений опубликованы в сборнике, в который вошли также сообщения аналогичной тематики, не прочитанные на конференции. Среди них особый интерес представляет доклад руководителя программы "Ползуновские чтения" из Барнаула А.Д.Сергеева об участии И.И.Ползунова в исчислении руд Змеевского рудника.

В Свердловском историко-краеведческом музее была открыта выставка "Облегчить труд по нас грядущим: Из истории изобретательства на Урале", на которой были представлены материалы из фондов музея и Государственного архива Свердловской области, в том числе и подлинные документы о жизни и деятельности И.И.Ползунова. Участники конференции посетили также кабинет истории горно-металлургического техникума им. Ползунова и Музей золотоплатиновой промышленности в г. Березовском.

По итогам научных чтений были приняты рекомендации, в том числе о паспортизации и инвентаризации памятников промышленности XVII–XIX вв. и о подготовке к изданию сборника документов о жизни и деятельности И.И.Ползунова на Урале.

С.А.Корепанова.

"НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛЯБИНСК"

Под таким названием 13–14 сентября 1994 года прошла в г.Челябинске научная конференция, организованная Центром историко-культурного наследия города. В конференции приняли участие преподаватели челябинских вузов, музейные работники, краеведы, посвятившие свои доклады и сообщения малоизвестным страницам истории одного из крупнейших городов Урала.

Рабочая программа конференции была открыта сообщением В.С.Боже "Челябинская крепость в зеркале краеведческих публикаций", в котором выступавший остановился на проблеме датировки основания Челябинска. Важными документами для этого вопроса являются обнаруженная В.П.Бирюковым жалоба монахов Далматовского монастыря митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию о привлечении в августе-сентябре 1736 года для строительства Челябинской крепости монастырских крестьян и известное донесение А.И.Тевкелева В.Н.Татищеву, выявленное в РГАДА научным сотрудником архива Н.Ф.Демидовой и впервые опубликованное М.И.Альбротом. Небольшая заметка последнего под названием "День рождения Челябинска", увидевшая свет 6 апреля 1956 года в газете "Челябинский рабочий", донесла до челябинцев строчки архивного документа, которые позволяют говорить о том, что Челябинск основан 2(13) сентября 1736 года.

В.В.Поздеев в своем сообщении "Исетские казаки" попытался опровергнуть высказанное дореволюционным историком Ф.М.Стариковым мнение о существовании на месте Челябинска крепости в 1696–1700 гг. т.н. Александровской слободы.

Бурную полемику вызвало сообщение Ю.Г.Бошнякова "Этимология топонима Челябинск", в котором автором было высказано два варианта происхождения топонима – от древнетюркского, кыпчакского "Селебе – боевой нож", и от антро-

понима Селеби (имя знатного казахского бия). С большим интересом собравшиеся заслушали сообщение Н.Н.Алеврас "Челябинское купечество в 1-й половине XIX века: формирование династий", в котором была прослежена судьба челябинских фамилий Ахматовых, Мотовиловых, Плотниковых, Смолиных, Шиховых и других.

Эпохе строительства знаменитой Транссибирской магистрали были посвящены выступления Э.Б.Ивановой ("Челябинский переселенческий пункт и его место в переселенческой политике правительства России XIX – начало XX вв.") и Н.Я.Шуклиной ("Поляки – строители Транссиба К.Я.Михайловский и В.И.Роецкий"). Для Челябинска это было время бурного роста и обретения общероссийской значимости. Сообщения позволили более точно представить происходившие здесь процессы и участвовавших в них людей.

Сенсационную окраску носило сообщение "Подземный Челябинск", подготовленное проф. О.Ю.Лушниковой (г.Екатеринбург), посвященное подземным ходам Челябинска. При обсуждении сообщения были высказаны самые разнообразные предположения о их функциональном использовании. Более реальной представляется версия, согласно которой обнаруженные ходы являются остатками первого челябинского водопровода (1910–1912 гг.)

Программа конференции была достаточно разнообразной по тематике. Многие из звучавших на ней тем новы для челябинского краеведения. К таковым следует отнести и прозвучавшие на конференции сообщения В.С.Кобзова ("Лидеры политических движений Челябинска в годы революции и гражданской войны"), П.Ф.Назырова ("Челябинск в 1918–1919 гг. К исторической топографии города периода гражданской войны"), С.С.Загребина ("Шпиономания в школах Челябинска").

На конференции "Неизвестный Челябинск" прозвучал целый блок сообщений, посвященных эпохе репрессий 30–40-х гг.

Тяжелой судьбе немцев Поволжья, оказавшихся в трудовой армии, было посвящено сообщение Н.М.Боже "Трудармейцы на строительстве ЧМЗ: трудовой распорядок и быт". По данным Н.М.Боже, из 18 тысяч трудармейцев, работавших в 1942–1946 гг. в 16 отрядах Metallургстроя, 6 тысяч человек умерло от болезней, истощения или было расстреляно. В сообщении "Из истории Уральского ГУЛАГа" проф.П.Я.Шмакова показала не менее безысходное положение спецпоселенцев из раскулаченных. Г.Я.Маламуд в сообщении "Челяблаг – неизвестный остров ГУЛАГа" подчеркнул предопределенность появления трудармий в СССР в годы войны. По его мнению, трудармии были адекватной реакцией тоталитарного государства на военные условия. Судьбе писателя и художника М.В.Зотова, оказавшегося в годы войны в трудармии, посвятила свое сообщение Л.М.Иванова.

Звучали на конференции и сообщения, посвященные челябинской культуре. Свежо и интересно выступили Л.П.Гальцева ("Челябинск – город Ручьева") и Г.С.Трифонова ("О творческом наследии В.П.Челинцовой").

С вниманием были выслушаны сообщения В.Я.Рушанина ("Молодежное движение в Челябинске XIX в. – 1917 г."), В.Г.Борисова ("Озеро Смолино – природный курорт") и прочих докладчиков.

В.С.Боже.

РЕЦЕНЗИИ

ДЛЯ ГОСТЕЙ И ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА *

(Новая книга об Екатеринбурге)

Это одновременно альбом и путеводитель. Он подготовлен Управлением культуры администрации г. Екатеринбурга, Институтом истории и археологии УрО РАН, Уральским архитектурно-художественным институтом, Советом Свердловского областного отделения ВООПИК.

Приехавший в столицу Среднего Урала с благодарностью возьмет книгу в спутники для путешествия по достопримечательностям Екатеринбурга, патриот города приобретет себе на память и для подарков знакомым.

Немало вышло книг об Екатеринбурге-Свердловске: справочники, юбилейные издания, исторические очерки, путеводители, наконец, памятный всем труд В.П.Букина и В.А.Пискунова "Свердловск" (1982 г.), книга капитальная, дорогая и теперь уже редкая. Но вот подобного, небольшого, красивого, емкого, интеллигентного издания, смею сказать, не было. В чем оригинальность книги, в чем ее новизна? В подаче материала, в описании преданных забвению замечательных памятников зодчества, в показе органического единства седой старины и современности – в этом книга весьма деликатна, благородна: она как бы охранная грамота всему прекрасному, что делает Екатеринбург запоминающимся, милым сердцу городом.

Удивительно емко текст. При сравнительно небольшом объеме книги авторы сумели донести до читателя все (или почти все) главное, что необходимо при первом знакомстве с городом на Исети: памятники архитектуры, храмы, купеческие особняки, наиболее значительные постройки эпохи конструктивизма, сведения о современных объектах культуры, досуга, отдыха. Здесь и деловой Екатеринбург: адреса органов власти, банков, коммерческих фирм и т.п.

Дизайн книги (В.А.Курочкин, И.В.Курочкина, Е.П.Постникова) на уровне хороших современных образцов, без ненужного в данном случае авангардизма, с чутким чувством масштаба и размещения текстового и иллюстративного материала. Привлечение ведущих фотомастеров позволило собрать качественные, художественно насыщенные слайды. Удачно вошли в книгу и акварели архитектора А.Долгова как воспоминание о канувших в лету прекрасных храмах Екатеринбурга. Жаль, что их только три, увеличение до 4–5 (может быть, даже с рисунком будущего Храма На Крови) создало бы убедительный рефрен, завершенный ритм подобных цветных графических вставок.

Если речь уж зашла о пожеланиях, то необходимо отметить и досадные промахи и ошибки, вкравшиеся в столь уважаемое издание.

Так, в разделе "Достопримечательности" здание окружного суда (бывший дом Севастьянова) ошибочно приписывается зодчему М.П.Малахову; среди авторов гостиницы "Исеть" не указан архитектор И.П.Антонов. Дошло до курьеза: автором дома Железнова, этого чудесного кирпичного особняка, где как раз и размещается Институт истории и археологии и многие из уважаемых членов редкол-

* Екатеринбург. Достопримечательности, памятные места. М., 1994, 120 с. Авторы: Е.Т.Артемов, А.В.Долгов, В.Е.Звагельская и др. Отв. редактор С.П.Постников.

легии рецензируемого альбома, назван А.Б.Турчевич, а не истинный его создатель архитектор Ю.О.Дютель (ошибка эта повторена и на стр.58).

Любой исторический город славится не только архитектурой, но и монументальной скульптурой. Странно, что фотоиллюстрации "Екатеринбурга" дают нам всего один снимок памятника воинам Уральского танкового корпуса. Возможно, авторы "постеснялись" показывать фигуры политических деятелей советского периода, но чем провинились, скажем, наши писатели, изваянные известными мастерами, П.Бажов (скульптор М.Манизер), Д.Мамин-Сибиряк (скульптор А.Антонов), И.Ликстанов (скульптор Э.Неизвестный)?.. Может быть, не позволял сравнительно малый объем издания? Не соглашусь: без ущерба могли быть сняты две маловыразительные фотографии на стр. 50 и 51; стоило ли дважды повторять изображение языческого божка (стр.7 и 91). Но особенно "обижен" на авторов истинный вдохновитель строительства града на Исети, Петр I, бюст коего восстановлен в Историческом сквере (скульптор Г.Чехомов) и которому, увы, не нашлось места в этом, повторюсь, в целом добротном, презентабельном издании.

В.А.Блинов.

Е.Г.Водичев

**ПУТЬ НА ВОСТОК:
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ.
СЕРЕДИНА 50–60-х гг.**

Новосибирск, 1994.

Сегодня российская наука переживает трудные времена. Сокращение масштабов финансирования, массовый отток специалистов, развал многих авторитетных коллективов и научных школ подрывает сами основы ее существования. Такое положение – не только следствие поразившего страну кризиса. К сожалению, приходится констатировать резкое падение престижа научной деятельности, растущее непонимание, что в современном обществе она является главным источником экономического и социального прогресса.

Снижение общественного интереса к отечественной науке проявляется в заметном уменьшении исследований, посвященных проблемам ее развития. Очевидно, что в этих условиях выход в свет монографии Е.Г.Водичева – далеко не заурядное явление. Книга посвящена анализу развития научного потенциала Сибири в один из интереснейших периодов нашей истории – в т. н. "хрущевскую эпоху". Естественно, автор не мог с одинаковой глубиной исследовать все стороны столь многогранной проблемы. Поэтому концентрация внимания на одном, но, пожалуй, наиболее важном ее аспекте – организационно-управленческом – вполне оправдана.

Конечно, Е.Г.Водичев не первым обращается к истории науки в Сибири. Однако полного представления о рассматриваемом им периоде пока не было. Большинство имеющихся работ посвящено частным проблемам. Исследования же общего характера, как правило, страдают схематизмом, апологетикой побед и

достижений на "сибирском научном фронте". Тем не менее надо отдать должное автору, максимально использующему накопленный его предшественниками научный задел. Особенно следует отметить хорошее знание зарубежной историографии. Это серьезно обогащает работу в концептуальном, да и в фактологическом отношении. Также обращает внимание солидная источниковая база исследования. Широкое использование опубликованных документов, архивных и статистических материалов, периодической печати и мемуарной литературы дает возможность автору детально характеризовать рассматриваемые им процессы.

Рецензируемая книга состоит из четырех глав. Первая из них посвящена анализу общегосударственной научно-технической стратегии времен хрущевского десятилетия. Автор показывает, каким образом объективные потребности и изменения в социально-политическом климате обусловили смену ее приоритетов, выразившуюся в установке на территориальное рассредоточение научного потенциала и усиление внимания к фундаментальным исследованиям. Во второй, третьей и четвертой главах прослеживается, как утверждение новых подходов в региональной научной политике сказалось на управлении научным комплексом Сибири, развитии сети его учреждений и состоянии кадрового потенциала. Особое внимание автор уделяет анализу процесса принятия и механизма реализации соответствующих решений, сопоставлению декларируемых целей и реальных достижений. Это делается им применительно и к академической, и к отраслевой, и к вузовской науке.

Свое исследование Е.Г. Водичев проводит на широком общеисторическом фоне. Это позволяет ему предложить аргументированное объяснение глубинных причин неудач и достижений хрущевского руководства в реформировании организации научной деятельности в стране. И здесь, видимо, следует согласиться с главным выводом автора, что, несмотря на объективно верную направленность, большинство принимаемых решений либо не реализовывалось в полном объеме, либо подменялось паллиативами. Набравшая инерцию советская политико-экономическая система оказалась невосприимчивой к требованиям нового этапа научно-технического прогресса. Ситуацию могло изменить только кардинальное преобразование общественного устройства. А на эти меры тогдашнее руководство идти не желало, да и не могло.

Не вызывают возражений и другие выводы автора. Вместе с тем ряд поставленных им проблем нуждается, на мой взгляд, в дополнительном обсуждении. В частности, речь идет о так называемом "восточном сдвиге" в размещении научного потенциала страны. У читателя рецензируемой монографии может сложиться мнение, что в рассматриваемый период произошло принципиальное изменение в его территориальном распределении. Однако такое представление вряд ли соответствует действительности. На самом деле опережающее развитие науки в Сибири имело место только в отдельные годы (первая половина 30-х гг., сер. 60-х гг.). В другое время темпы наращивания научного потенциала на востоке страны или соответствовали, или были даже ниже общесоюзных и, конечно, не отвечали реальным потребностям.

Осознание этого обстоятельства позволяет сделать один очень важный в практическом отношении вывод. Выдвинутый более шести десятилетий назад тезис о необходимости "восточного сдвига" науки не утратил своей актуальности. Иначе источники экономического и социокультурного роста восточных районов в условиях активного включения российской экономики в мировое хозяйство могут вообще оказаться за пределами страны со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Такая установка отнюдь не предполагает механического расширения сети научных учреждений, увеличения численности научных сотрудников, запредельного роста объемов финансирования и т.п. Приоритет Урала, Сибири и Дальнего Востока должен выражаться в первоочередной поддержке качественного состоя-

ния их научного потенциала, в ориентации на формирование здесь самостоятельных научно-технических и образовательных комплексов, призванных стать катализаторами экономического и социокультурного прогресса названных территорий.

Свое отношение хочется высказать по поводу еще одной поставленной автором проблемы. По его наблюдению, чем активней к решению управленческих и организационных задач привлекалось научное сообщество, тем полнее учитывались его предложения, тем более обоснованной и эффективной оказывалась региональная научная политика. Наиболее наглядно, по его мнению, это проявилось при создании Сибирского отделения Академии наук.

Думается, однако, что в данном случае Е.Г.Водичев преувеличивает роль общественной инициативы. Организация Сибирского отделения, осуществленная в условиях перехода от отраслевого к территориальному принципу управления народным хозяйством, была по большому счету не столько научно-организационным, сколько политическим актом. Центральное партийно-правительственное руководство, прежде всего в лице Н.С.Хрущева, рассматривало создание СО АН СССР в качестве чуть ли не первого практического шага в борьбе с отраслевыми ведомствами за воплощение в жизнь основных положений этой реформы. Не случайно Академия наук, будучи одним из таких ведомств, вынашивала совсем другие планы. Сложившуюся на востоке структуру академической науки планировалось оставить в неизменном виде. Основные же усилия и, естественно, ресурсы намечалось направить на расширение исследований в Москве и Московской области, а также в Ленинграде.

Чтобы обеспечить поддержку своим замыслам, центр пошел на нестандартный шаг: идея создания Сибирского отделения была выдвинута как бы снизу, от лица широкой общественности. В действительности по согласованию с высшим руководством с такой инициативой выступила достаточно ограниченная группа видных ученых во главе с академиком В.А.Лаврентьевым. Они, с одной стороны, понимали необходимость "восточного сдвига" науки, а, с другой стороны, рассчитывали, что на новом месте смогут с гораздо большим успехом, чем в сложившихся научных центрах, реализовать свои творческие планы.

Сказанное отнюдь не отрицает вывода автора, что демократизация внутринаучных отношений, поощрение инициативы, реальное участие каждого сотрудника в процессе принятия решений являются залогом успешного реформирования в сфере организации научной деятельности. Видимо, нет необходимости объяснять важность этого вывода сегодня. Стоит только отметить, что выход на подобные обобщения определяет не только научное, но и практическое значение рецензируемой монографии.

Е.Т.Артемов.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВ Вениамин Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии

УрО РАН

АРТЕМОВ Евгений Тимофеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН

БАЙДИН Виктор Иванович – кандидат исторических наук, доцент, директор Института русской культуры при Уральском государственном университете им. А.М.Горького

БАКУНИН Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

БЕЛКИН Вадим Викторович – аспирант Института истории и археологии УрО РАН

ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ГОЛИКОВА Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ДАШКЕВИЧ Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Свердловского государственного объединенного историко-краеведческого музея

ЗУБКОВ Константин Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КАЗАНЦЕВА Марина Георгиевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

КОГАН Лев Наумович – доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета, академик Академии естественных наук

КОРЕПАНОВ Николай Семенович – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

МИНЕНКО Нина Адамовна – доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института истории и археологии УрО РАН

МЫЛЬНИКОВ Александр Сергеевич – доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), академик Академии гуманитарных наук

НЕЧАЕВА Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПЛОТНИКОВ Иван Егорович – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного педагогического института

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

САФРОНОВА Алевтина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М.Горького

ТАРАБАНОВА Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Челябинского государственного университета

ЧАГИН Георгий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета

OUR AUTHORS

Veniamin V. ALEXEYEV, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Yugene T. ARTEMOV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History of the XXth century (Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch).

Victor I. BAIDIN, Candidate of Historical Sciences, Director of the Institute of Russian Culture, Assistant professor of the Ural State University.

Alexander V. BAKUNIN, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch), Honoured Science Worker of the Russian Federation.

Vadim V. BELKIN, aspirant of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Georgy N. CHAGIN, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Perm State University.

Dmitry V. GAVRILOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Svetlana V. GOLIKOVA, Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Ludmila A. DASHKEVITCH, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Sverdlovsk state united historical museum.

Marina G. KAZANTSEVA, Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Lev N. KOGAN, Academician of the Academy of Natural Sciences, Honoured Scientist of Russia, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State University

Nikolai S. KOREPANOV, Junior Research Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Nina A. MINENKO, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

Alexander S. MYLNIKOV, Doctor of Historical Sciences, Academician of Academy of Humanities, Director of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Cabinet of Curiosities), Russian Academy of Sciences.

Marina Yu. NECHAYEVA, Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch.

Ivan Ye. PLOTNIKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kurgan Pedagogical Institute.

Igor V. POBEREZHNIKOV, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

Alevtina M. SAFRONOVA, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Ural State University.

Tatyana A. TARABANOVA, Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of the Chelyabinsk State University.

Konstantin I. ZUBKOV, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

СОДЕРЖАНИЕ

Представляю номер	3
Статьи и сообщения	
КОГАН Л.Н. Теория и история культуры	4
ЗУБКОВ К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль	15
МИНЕНКО Н.А. Традиционная русская культура в условиях горно- заводского Урала XVIII–XIX вв.	27
САФРОНОВА А.М. В.Н.Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е годы)	40
МЫЛЬНИКОВ А.С. Петр III: ропшинская трагедия в свете новых данных	52
ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Общественные настроения в уральской деревне XVIII–XIX вв.: опыт классификации слухов	58
ТАРАБАНОВА Т.А. Правовая культура пореформенного крестьянства (Волостное судопроизводство)	74
ГАВРИЛОВ Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885-1900 гг.)	81
АЛЕКСЕЕВ В.В. Новые документы для идентификации пред- полагаемых останков царской семьи Романовых	99
ЧАГИН Г.Н. С любовью к России	101
БАКУНИН А.В. Интеллигенция в системе советского тоталитаризма	105
Публикации	
КОРЕПАНОВ Н.С. Материалы по истории магических представлений горнозаводского населения Урала XVIII в. (Из фонда Уральского горного управления)	111
БАЙДИН В.И., ГОЛИКОВА С.В., ДАШКЕВИЧ Л.А., НЕЧАЕВА М.Ю Дневник священника	114
ПЛОТНИКОВ И.Е. О политических настроениях масс в конце 1920 – начале 1930-х гг. (По материалам устного народного творчества на Урале)	144
БЕЛКИН В.В. Новые документы об использовании спецпереселенцев- калмыков в хозяйстве Северного Зауралья (1944–1946)	147
В помощь преподавателю вуза и школы	
ГОЛИКОВА С.В., КАЗАНЦЕВА М.Г. Традиционная игра как элемент школьного образования	155
Научная жизнь	
<i>Конференции</i>	
ЛОГУНОВ Е.В., УСТЬЯНЦЕВ С.В. Международная научная конференция "Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы"	161

ЛОГУНОВ Е.В. Индустриальное наследие России в Северной Америке (К итогам участия уральских историков в международных научных конференциях в Канаде и США).....	166
УСТЬЯНЦЕВ С.В. Проблемы социальной организации железнорудной промышленности на Международном конгрессе экономической истории (Милан, 13–14 сентября 1994 г.).....	171
КАЗАРИНОВА Н.В. Научная конференция "Строгановы и Пермский край"	173
ПЕСТОВА А.И. Научная конференция "Рюриковичи и Романовы в русской культуре"	175
КОРЕПАНОВА С.А. V Ползуновские чтения	178
БОЖЕ В.С. Неизвестный Челябинск.....	179
<i>Рецензии</i>	
БЛИНОВ В.А. Для гостей и жителей города (Новая книга об Екатеринбурге)	181
АРТЕМОВ Е.Т. Водичев Е.Г. Путь на восток: формирование и разви- тие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-х гг. Новосибирск, 1994.	182
Наши авторы.....	185
Our Authors.....	186
Содержание.....	187

CONTENTS

To readers	3
Articles and Reports	
L.N.KOGAN. Theory and History of Culture.....	4
K.I.ZUBKOV. Modernization, Liberalism and the Russian Conservative Thought.....	15
N.A.MINENKO. Traditional Russian Culture in the Mining Urals (18-19th Centuries).	27
A.M.SAFRONOVA. V.N.Tatishchev and Mining Schools in the Urals in 1730s.....	40
A.S.MYLNIKOV. Peter III: The Tragedy in Ropsha in the Light of New Data.	52
I.V.POBEREZHNIKOV. Public Mood in Urals Villages of the 18th–19th Centuries: Trial of Rumours Classification.	58
T.A.TARABANOVA. Legal Culture of the Peasants in the Years after the Reform of 1861 (Legal Procedures in Volost).....	74
D.V.GAVRILOV. Literacy and Educational Level of the Urals Population in the Late 19th Century. (1885-1900).....	81
V.V.ALEXEYEV. New Documents for the Identification of the Supposed Remains of the Tsar Romanov Family	99

G.N.CHAGIN. With Love to Russia.....	101
A.V.BAKUNIN. The Intellectuals in the System of Soviet Totalitarianism.	105
Publicatons	
N.S.KOREPANOV. Materials for the History of Magic Views of Popula- tion of Mining Urals (from Archive of Urals Mining Department).....	111
V.I.BAIDIN, S.V.GOLIKOVA, L.A.DASHKEVICH, M.U.NECHAYEVA. Diary of a Priest.	114
I.E.PLOTNIKOV. Mass Political Mood in the End of 1920s – early 1930s	144
V.V.BELKIN. New Documents about Use of Exiled in North Trans-Urals (1944–1946)	147
For Teacher of High and Secondary Schools	
S.V.GOLIKOVA, M.G.KAZANTSEVA. Traditional Game as Element of School Education	155
Scientific Life	
<i>Conferences</i>	
Ye.V.LOGUNOV, S.V.USTIANTSEV. International Scientific Confe- rence "Conservation of the Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems	161
Ye.V.LOGUNOV. Industrial Heritage of Russia in North America (Parti- cipation of Urals Historians in International Scientific Conferences in Canada and USA)	166
S.V.USTIANTSEV. Problems of Social Organization of Ironmaking in International Congress of Economical History (Milan, 13 - 14 septem- ber 1994).....	171
N.V.KAZARINOVA. Scientific Conference "Stroganov's and Perm's region"	173
A.I.PESTOVA. Scientific Conference "Rurikovichs and Romanovs in Russian Culture"	175
S.A.KOREPANOVA. 5th Polzunov's Readings	178
V.S.BOZHE. Unknown Tchelybinsk	179
<i>Reviews</i>	
V.A.BLINOV. For Guests and Inhabitants of the City (New Book about Ekaterinburg).....	181
Ye.T.ARTEMOV. Vodichev E.G. The Way to the East: Formation and Development of Siberian Scientific Potential. Middle of the 1950s – the 1960s. Novosibirsk, 1994	182
Our Authors.....	185-186
Contents	187

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2

Культура провинциальной России

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории
и археологии и НИСО УрО РАН

Ответственный за выпуск И.В.Побережников
Компьютерная верстка — М. А. Рассохин
Корректор Н. А. Зайцева

Банк культурной информации
ЛРН040127 от 16 октября 1991 г.

НИСО УрО РАН № 91 (95)
ЛРН020764